

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РИСУНКА

**АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА.
СОХРАНЕНИЕ И КУЛЬТУРНО-ТУРИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Под общей редакцией доктора архитектуры, профессора В.Ф. Морозова

Брест 2012

ББК 85.11
УДК 725.945(476.6)(476.7):796.5

*Рецензенты: В.Н. Аладов, доктор архитектуры, профессор
Н.С. Будыко, кандидат архитектуры, доцент*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Кожар Нина Владимировна, доктор архитектуры, профессор, профессор кафедры «Архитектура» Ченстоховской политехники, г. Ченстохов, Республика Польша.

Морозова Елена Борисовна, доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции» БНТУ, г. Минск.

Морозов Валерий Францевич, доктор архитектуры, профессор Белостокской политехники, г. Белосток, Республика Польша.

Райчик Марлена Генриховна, доктор технических наук, заведующая кафедрой «Архитектура» Ченстоховской политехники, г. Ченстохов, Республика Польша.

Сергачев Сергей Алексеевич, доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой «Архитектура жилых и общественных зданий» БНТУ, г. Минск.

Устинович Ежи Романович, доктор наук, профессор, заведующий кафедрой «Архитектура локальных культур» Белостокской политехники, г. Белосток, Республика Польша.

В сборнике научных трудов III Международной научно-практической конференции содержатся материалы, рассматривающие вопросы сохранения и культурно-туристического использования архитектурного наследия Прибужского региона.

Сборник предназначен для специалистов в области архитектуры и смежных областей знаний, преподавателей, научных и инженерно-технических работников, аспирантов, студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

Кожар Н.В., Райчик М.Г. ПОЛЬСКИЕ ТРАКТАТЫ XVII – НАЧАЛА XIX ВВ. КАК РЕГИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕОРИИ	5
Малков И. Г., Пузеев А. А. ПРОЦЕСС МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ	7
Морозов В.Ф. АРХИТЕКТУРА ПОГРАНИЧЬЯ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ: ГРОДНЕНСКИЕ КОРОЛЕВСКИЕ МАНУФАКТУРЫ	10
Морозова Е.Б. ОБЪЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	14
Морозов Е.В. НЕОКЛАССИЦИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ БЕЛАРУСИ 1920-30-Х ГГ.	17
Сергачев С.А. НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ: ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА	19
Чередица И.С. ДЕТАЛЬ И СИМВОЛИКА В АРХИТЕКТУРЕ МОСКВЫ 1930-40-Х ГОДОВ.	22
Uścińowicz J. BIZANTYJSKI GOTYK POGRANICZA POLSKI, BIAŁORUSI, LITWY I UKRAINY. WPROWADZENIE DO BADAŃ CERKWI MONASTYRYCZNEJ W SUPRAŚLU	24
Trojnieł P. BIAŁOSTOCKIE SYNAGOGI KOŃCA XIX WIEKU	32
Musiuk Adam REKONSTRUKCJA I REWALORYZACJA ZESPOŁU OBIEKTÓW KLASZTORU MĘSKIEGO W SUPRAŚLU, JAKO PRZYKŁAD PRAC KONSERWATORSKO-BUDOWLANÝCH BUDOWLI SAKRALNYCH Z XVI WIEKU	39
Босак В.Н. ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩИ	45
Басов С.В., Гладыщук А.А. ПИВОВАРЕНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ БЕРЕСТЬЕ: СОЛОДУВНИ И БРОВАРЫ НА РЕКЕ ЗАПАДНЫЙ БУГ	47
Власюк Н.Н. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ (БЕЛАРУСЬ – РОССИЯ)	50
Воробей В.А. ЦЕРКОВЬ СВЯТОЙ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ, БРЕСТСКИЙ РАЙОН, Д. ЗБИРОГИ	57
Залеская Г.Л. ОБЪЕКТЫ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ГОРОДЕ	59
Залеская Г.Л., Колесников А.В. ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ СЕТИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ	61
Клицунова В.А. СОЗДАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОДУКТА НА ОСНОВЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ПРИБУЖСКОМ РЕГИОНЕ: ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПОДХОД	63
Ковальчук В. Е. БРЕСТСКАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА XXI ВЕКА	66
Колосовская А.Н. ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ КАТОЛИЧЕСКИХ МОНАСТЫРСКИХ КОМПЛЕКСОВ БЕЛАРУСИ XVII-XVIII ВВ.	69
Лазовская Н.А. ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОДЪЕМНОГО ОБОРУДОВАНИЯ ПРИ АДАПТАЦИИ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	72
Мазаник А.В. ДОРОГАМИ КРЕСТОНОСЦЕВ: ТОРУНЬ, МАЛЬБОРК, ГДАНЬСК	75
Нитиевская Е.Е. УСАДЕБНО-ПАРКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК ОБЪЕКТЫ ТУРИЗМА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ	80
Коняев Н.В., Коняев П.Н. ТРАНСПОРТНЫЙ ТЕРМИНАЛ - КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАбельНОСТИ НАЦИЙ	83
Лаврецкий Г.А. ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ БЕЛАРУСИ XIV – XVI ВВ. В ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИКЕ XIX В.	88
Мощук А.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАГИСТРАТА Г. БРЕСТА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГГ. XX В.	91
Протасова Ю.А., Рачкевич Т.Е. ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫСТАВОЧНЫХ КОМПЛЕКСОВ	93

<i>Рачкевич Т.Е.</i> ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН ГОРОДА МИНСКА КАК УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ	94
<i>Сысоева О.И., Ивкина Е.В.</i> ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ КАК СПОСОБ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЗАСТРОЙКИ	96
<i>ОЖЕШКОВСКАЯ И.Н.</i> ВОССОЗДАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ В БРЕСТЕ ДО 1837 Г. (ПО ДАННЫМ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)	99
<i>Тур Э.А., Басов С.В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ МИНЕРАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРИ ПОСТРОЙКЕ ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА САПЕГ В РУЖАНАХ	101
<i>Ширяева Л.А.</i> ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА БРЕСТСКОЙ ЭКЛЕКТИКИ	105
<i>Фоменкова С.Ф.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БЛАГОУСТРОЙСТВА АГРОГОРОДКОВ	109
<i>Белова О.В.</i> К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ДУХА МЕСТА	113
<i>Мисиюк В.С.</i> КОНЦЕПЦИЯ ПАМЯТНИКА ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ БРЕСТА И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ	115
<i>Ондра Т.В.</i> КУЛЬТУРНО-ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НА ТЕРРИТОРИИ ИМЕНИЯ КРАШЕВСКИХ В Д. ДОЛГОЕ ПРУЖАНСКОГО РАЙОНА	118
<i>Пацкевич А.В., Пацкевич Ю.И.</i> РОЛЬ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА	122
<i>Панченко Т.А.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА	124
<i>Давидюк Э. А.</i> АНАЛИЗ ВОССОЗДАНИЯ ГОРОДСКОГО ДОМА СУВОРОВА В КОБРИНЕ	127
<i>Желудко А.И.</i> УСАДЕБНО-ПАРКОВЫЙ КОМПЛЕКС В ДЕРЕВНЕ СИГНЕВИЧИ (БЕРЕЗОВСКИЙ РАЙОН)	129
<i>Асташенок Л.С.</i> КАПИТАЛЬНАЯ ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА ПИНСКА РУБЕЖА XIX - XX ВВ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	131
<i>Кароза А.И.</i> ОЦЕНКА ТУРИСТСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ	134
<i>Киселева М.С.</i> ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСАДЕБ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)	136
<i>Коняев П.Н.</i> ПРОГРЕССИВНЫЙ МЕТОД СОХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИ ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРЫ	140
<i>Купрейчик Л. В.</i> ШВЕЙНАЯ ФАБРИКА «НАДЗЕЯ» В БРЕСТЕ – ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	143
<i>Лаврецкий Н. Г.</i> ПРОТЕСТАНТСКАЯ АРХИТЕКТУРА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ	146
<i>Лукьяненко А.В.</i> СВЯТО-ПАРАСКЕВО-ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ В Д. БОЛОТА. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	147
<i>Пацкевич Ю.И., Пацкевич А.В.</i> ВОЗМОЖНОСТИ КВАНТОВОЙ СИСТЕМЫ В РАЗВИТИИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ (НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)	151
<i>Савельев Д.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ БЕЛАРУСИ	153
<i>Никитчик А.Д., Никитчик Т.А.</i> БЕРЕСТЕЙСКИЙ СВЯТО-СИМЕОНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.	159
<i>Шидловская Л.А.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ СОГЛАСОВАННОГО РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ПРИБУЖСКОМ ПОЛЕСЬЕ	165
<i>Муха Е.С.</i> АЗБУКА АРХИТЕКТУРЫ	166
<i>Макаревич Л.В.</i> АРХИТЕКТУРА ХРАМА	169
<i>Трацевский В.В., Радзевич И.Р.</i> ДОМИНИКАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ И КОСТЕЛ СВЯТОГО НИКОЛАЯ В ДЕРЕВНЕ КНЯЖИЦЫ МОГИЛЕВСКОГО РАЙОНА	169
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	173

ПОЛЬСКИЕ ТРАКТАТЫ XVII– НАЧАЛА XIX ВВ. КАК РЕГИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ТЕОРИИ

Целью проводимых с 2006 г. совместных белорусско-польских исследований является выявление основных этапов и особенностей формирования региональной теории зодчества.

В данной работе анализируется архитектурная мысль XVII – нач. XIX вв.

В ходе выполнения темы потребовалось уточнение понятийного аппарата. Применяемый нами термин «архитектурная теория» включает в себя определенный комплекс мировоззренческих представлений, сформулированных не только в профессиональных архитектурных трактатах, но и в трудах философов, мыслителей, общественных деятелей. В такой интерпретации архитектурная мысль являет собой специальную сферу социальной и интеллектуально-творческой жизни своего времени и позволяет полнее выявить специфические особенности формальной и образной структуры сооружений конкретной исторической эпохи – регионального архитектурного наследия.

Понятие «регион» относится к универсальным категориям. Интеграционные возможности данного термина позволяют не только отнести его к ряду наук, но и связывать эти науки, трансформируя их компоненты в единую систему исследований. Для изучения истории региональной архитектурной мысли важным является определение Эндрю Харрела: «Регион – это естественный, органический принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ» [1]. Для этих сообществ характерны: совместное проживание этнических и языковых групп, единое экономическое пространство, наличие общих культурных, религиозных ценностей и исторических традиций. В нашем случае важную роль играет общность исторических судеб польского и белорусского народов, наличие свойственных им особенностей культуры (материальной и духовной), многовекового географического единства территории.

При анализе истории архитектурных воззрений «регионализм» приобретает дополнительный смысл как «обращение к историческим основам». Мы солидаризируемся с теорией современных польских историков, например, Е. Матерницкого, который показал, что «содержание исторического сознания складывается из определенного комплекса представлений о прошлом и системы ценностей, соответствующей этим представлениям» [2]. Т.е. является не только знанием, но и его оценкой, связанной с конкретным отношением к событиям прошлого. К данному определению Й. Поморски добавляет «коллективную память, передаваемую из поколения в поколение» [3], а К. Баркевич выделяет три типа исторического сознания: первый опирается на научное знание, второй на идеологию, третий (самый значимый) на традиции [4]. Таким образом, историческое мышление является неотъемлемым компонентом культуры.

Формирование региональной профессиональной архитектурной мысли как определенной системы началось в трактатах, написанных на латинском и польском языках в XVII – нач. XIX вв., анализируемых ниже. В XVII в. в Речи Посполитой впервые появились публикации, предназначенные не только для решения практических задач строительной практики, но и отражавших художественную позицию авторов. Издавались различные «Энциклопедии» с разделом, касающимся вопросов архитектуры. Они продолжали традицию, заложенную Анджеем Тшицеским – одним из ведущих гуманистов XVI в. Тшицкий выполнил перевод с итальянского языка книги Петра Крещентина «Об экономике...» (1549), дополнив его примерами планировочных решений участка, жилых и хозяйственных построек, разработанных на основе теории А. Палладио.

В 1675 г. Якуб Казимир Хаур издал трактат «Общая земледельческая экономика», где содержался раздел «О строительстве зданий». Автор одним из первых в регионе рассмотрел архитектуру как вид искусства. Однако в целом работы 1-й половины XVII в. содержали лишь фрагментарные сведения об архитектуре, что не позволяет выявить в них определенной теоретической концепции.

Первым изданием, в котором достаточно ясно была обозначена позиция автора в отношении «строительного искусства», можно считать трактат Бартоломея Натаниэла Вонсовского (1617-1687) «Calitektionicorum или красота церковной и светской архитектуры, собранные в одну книгу для краткости» (1678). В нем дан глубокий авторский анализ работ итальянских теоретиков Скамоцци, Серлио и Палладио. Главная работа ученого и педагога иезуита Войцеха Тыльковского (Адальберта) (1624-1695) «Pars septima physikale curiosale de sensu et sensili», изданная в 1682 г., содержала небольшую главу по архитектуре, где автор уделил много внимания теории ордеров в интерпретации Витрувия. Обе работы явились примером осмысленного подбора материала для подтверждения собственных взглядов автора.

Появление ряда новых теоретических трудов было связано с активизацией строительства с целью ликвидации разрушительных последствий войн рубежа XVI-XVII вв. (А. Гостомский) или с проблемами обучения (Б. Вонсовский). Несмотря на различия в постановке основных задач, все работы имели единый источник – итальянскую витрувианскую теорию архитектуры XVI-XVII вв., в основном трактаты самого М.П. Витрувия, а также С. Серлио, А. Палладио, В. Скамоцци. Материалы по военной и гражданской архитектуре содержал трактат Станислава Сольского (1622-1701) «Польский архитектор» (1690). В работе рассматривалась теория ордеров, были представлены основные принципы строительства церквей и конструкции отдельных элементов зданий.

В первой половине XVIII в. стали издаваться новые учебники, отличавшиеся широкой проблематикой. Они отражали реформы иезуитской школьной системы, начатой в 1740 г. Важное место в них занимали сведения по теории и практике архитектуры. Их авторы стремились хоть и к поверхностному, но всестороннему охвату темы. Теолог и философ Войцех Быстшоновский (1693-1773) издал в 1743 г. «Информацию по математике», имеющую раз-

дел «Сведения по архитектуре». Обзор теоретических и практических проблем культовой и жилой архитектуры включал анализ категорий «прочности» (материал и принципы планировки), «удобства» (компоновка плана), «красоты» (ордер, декор). Автор использовал не только известные классические работы итальянских и немецких теоретиков, но также материалы Б.Н. Вонсовского, дополнив их собственными оригинальными замечаниями. Эта работа сыграла значительную роль в развитии региональной теории архитектуры.

В форме энциклопедии была написана завоевавшая широкую популярность работа Бенедикта Хмеловского (1700 -1763) «Новые Афины или полная Академия различных наук» (1745). Автор стремился определить место архитектуры среди этих «различных наук» и относил зодчество то к наукам математическим (1 и 2 том), то к наукам экономическим (том 3). В целом Хмеловский представил богатый, но хаотичный набор фактов различного характера, анализ которых не имел единого критерия. В 1749 г. Каэтан Зданьский опубликовал трактат «Элементы жилой архитектуры», являвшийся дополненным иллюстрациями переводом латинского издания Фаустина Гродзицкого – основателя и директора львовского художественного училища. Трактат Гродзицкого-Зданьского был посвящен анализу составляющих триады Витрувия. В работе была также использована система немецкого философа Христиана Вольфа и приводились ссылки на 20 наиболее известных теоретических работ итальянских, французских и немецких авторов.

В 1764 г. иезуит Иосиф Феликс Роголиньский (1728-1802) опубликовал небольшую книжечку с двумя таблицами, изложив в ней теорию ордеров. Во введении, рассуждая о сути и генезисе архитектуры, автор впервые представил польскоязычному читателю новаторскую концепцию французского теоретика М.А. Ложье, переведя фрагменты его «Эссе об архитектуре». По мнению Роголиньского, дорический ордер достигает «наибольшей прочности без ущерба для привлекательности и красоты», а коринфский имеет «самую большую привлекательность, и без ущерба прочности и крепости а между этими двумя среднее место занимает ионический, который не имеет ни прочности дорического, ни всей красоты коринфского, но берет нечто и от одного и от другого» [5, с. 36]. Для автора «декор на существенных частях» являлся вторичным и был обусловлен соображениями целесообразности. В 1791 г. был издан первый перевод на польский язык трактата Виньола «Правила пяти ордеров». Анонимный автор показал в комментариях хорошее знание архитектурно-теоретических проблем, особенно французской теории XVIII в. Фронтиспис книги, выполненный Якубом Хемплом, представлял аллегория расцвета архитектуры, скульптуры и живописи времен Станислава Августа.

В конце XVIII в. интерес к теории архитектуры усилился. Появление публикации утилитарно-технического характера было обусловлено экономическими реформами. Работы, посвященные проблемам эстетики и истории архитектуры, отразили новое явление в духовной жизни – историзм. Теоретики стали также уделять особое внимание сельской архитектуре. Например, в книге Петра Светковского (1744-1793) «Сельское строительство» (1782) исследовались вопросы архитектурной эстетики, даны примеры проектов (от загородного дворца до жилища безземельного крестьянина). Брошюра Христиана Петра Айгнера (1746-1841) «Сельское строительство...» (1791) пропагандировала использование в усадебном строительстве кирпича (по примеру немецкого теоретика Давида Жилли). Айгнер явился и первым исследователем региональной архитектуры. Ее анализу он посвятил работу «Трактат о древних и славянских святынях» (1808).

В 1796-97 гг. появился первый учебник по архитектуре, не связанный с обучением в школе иезуитов. Книга «Гражданская архитектура» Вацлава Сераковского (1740-1806) давала краткие знания по теории и практике архитектуры. Новаторством явилась попытка определить понятие «вкуса» и довольно обширный раздел по истории региональной архитектуры («народному стилю»). Особая группа публикаций связана с преподаванием архитектуры в Виленской Академии (с 1803 г. университета). Это – программы, записи студентов, письма профессоров М. Кнакфуса и М. Кисилевского. В 1797 г. программу трехлетнего курса обучения архитектуре разработал Л. Стуока-Гуцевич. В ней содержались общие принципы архитектуры, включавшие «учение о пропорциях» (теорию ордеров Виньола).

В 1815 г. был опубликован «Польский Винкельман» (1815) Станислава Костки Потоцкого (1757-1821). Автор уже в названии показал, что ставил целью познакомить соотечественников с теорией «просветительского классицизма» немецкого ученого И.И. Винкельмана. Работа Потоцкого представляла собой первую польскоязычную историю искусств, включающую историю и теорию архитектуры. Архитектура для Потоцкого – это единство прочности, пользы («необходимости») и красоты. «Красота – предмет архитектуры, – писал он, – но не ее поиски положили начало искусствам. В них, как во всякой своей деятельности, люди начали с того, что было обусловлено потребностями, потом искали красоту, и, наконец, скатились к злоупотреблениям и излишествам.

В этом суть постепенного изменения и упадка искусства» [6, с. 24]. Прообразом зодчества для теоретика являлась первобытная «естественная хижина» (по Витрувию и Ложье), от которой произошли все архитектурные формы, в том числе и ордерные. Но главной целью зодчества он считал удовлетворение повседневных потребностей человека, а уж потом выполнение эстетических условий. Поэтому Потоцкий отметил, что архитектура – это «мать удобства общественной и частной жизни, которая защищает людей от животных и от себе подобных», и у каждого народа «строительное искусство» имеет ярко выраженные национальные черты [6, с. 26]. Трактат Потоцкого наглядно показал, что в начале XIX в. региональные труды по проблемам зодчества следовали (с некоторым отставанием) в русле европейской архитектурной теории.

В 1812 г. вышла в свет «Архитектура» Себастьяна Сераковского (1742-1824), предназначенная для студентов-архитекторов и «простых строителей». В работе также были проанализированы составляющие триады Витрувия: «польза» (местоположение, условия проектирования), «прочность» (материалы и строительная техника) и «красота» (ордера, основы композиции). Программно-компилятивный труд опирался на обширную литературу, в основном на работы итальянских и французских теоретиков XVI - XVIII вв.

«Трактат о вкусе» (1812) Х.П. Айгнера открыл новый этап публикаций о зодчестве, в которых архитектура, рассматриваемая как вид искусства, была полностью отделена от строительства как ремесла. Одновременно в начале XIX в. приобрела своих сторонников и концепция французского теоретика-рационалиста Ж.Н.Л. Дюрана, которая широко использовалась при подготовке архитекторов в университете Вильно (курс архитектуры К. Подчашинского) [5]. В этот период региональные архитекторы получили в свое распоряжение также многочисленные русскоязычные теоретические работы. Их анализ является темой отдельной публикации.

Как показало проведенное нами исследование, концепции региональных теоретиков XVII – нач. XIX вв. в основном отражали общие тенденции развития европейской архитектурной мысли. Сопоставление дат появления наиболее важных работ позволяет выделить три периода их развития. На первом этапе (2-я пол. XVII в.) появление теоретических трактатов было связано с активизацией строительства с целью ликвидации разрушительных последствий войн рубежа XVI-VII вв. (А. Гостомский) или с проблемами обучения (Б. Вонсовский). Несмотря на различия в постановке основных задач, все работы имели единый источник – итальянскую витрувианскую теорию архитектуры XVI-XVII вв., в основном трактаты самого М.П. Витрувия, С. Серлио, А. Палладио, В. Скамоцци.

На втором этапе (сер. XVIII в.) публикации по архитектуре отражали один из элементов реформы иезуитской школьной системы, начатой в 1740 г. Новые учебники отличались широкой проблематикой и имели энциклопедический характер. В них значительное место занимали сведения по теории архитектуры. Их авторы стремились хоть и к поверхностному, но всестороннему охвату темы, обычно изложенной логично и ясно (В. Бытшоновский, Гродзицкий-Зданийский). Теория периода находилась под влиянием немецкой и французской архитектурной мысли второй половины XVII - XVIII вв.

Существенное изменение взглядов отмечено в третьем периоде (рубеж XVIII-XIX вв.), что явилось результатом перемен в духовной жизни. Позиции авторов (П. Светковский, Х.П. Айгнер, братья Сераковские) формировались под влиянием французских теоретиков эпохи Просвещения. Решающую роль сыграли труды М.А. Ложье, Ч.Э. Бризе, Ф. Блонделя и его учеников. Из немецкой теории заимствованы концепции И.И. Винкельмана и представителей «Берлинской школы». Одновременно в региональную теорию проникли рационалистические идеи Ж.Н.Л. Дюрана, в которых подчеркивалась техническая сторона архитектуры.

В работах рубежа XVIII-XIX вв. в результате перестановки акцентов во взглядах на суть архитектуры были оспорены некоторые позиции витрувианства, а в начале XIX в. наметился и отход от него. Этот процесс происходил в русле перемен в западноевропейской архитектурной мысли, проявившихся и в теории, и на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hurrell, A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics / Review of International Studies, 1995. October. - Vol.21. – P. 333.
2. Maternicki, J. Świadomość historyczna / J. Maternicki / Dydaktyka historii. – Warszawa, 1993. – S. 92.
3. Pomorski, J. O obiegowym i teoretycznym pojmowaniu kategorii „świadomość historyczna” / J. Pomorski / Świadomość historyczna jako przedmiot badań historycznych, socjologicznych i historyczno-dydaktycznych. – Warszawa, 1985. – S. 141.
4. Bartkiewicz, K. Obraz dziejów ojczystych w świadomości Polaków doby Oświecenia / K. Bartkiewicz / Świadomość historyczna Polaków. Problemy i metody badawcze; red. J. Topolski. – Łódź, 1987. – S. 309.
5. Кожар, Н.В. Рационалистические тенденции в архитектурной теории Беларуси эпохи романтизма / Н.В. Кожар, Е.В. Нисс // Архитектура: сб. научн. тр. / Белорусский национ. технич. унив. / Редкол.: А.С. Сардаров [и др.]. – Мн.: БНТУ, 2010. – Выпуск 3. – С. 33-40.
6. Кожар, Н.В. «Польский Винкельман» Станислава Костки Потоцкого и его прототип / Н.В. Кожар // Архитектурные тетради. Выпуск 2. Современные проблемы архитектуры и стратегия архитектурного образования. – Мн.: БНТУ, 2006. – С.22-27.

УДК 693.22.004.18

Малков И.Г., Пузеев А.А.

ПРОЦЕСС МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ

В процессе изучения определенной вещи или явления выстраивается конкретная теоретическая модель исследуемого объекта. Эта модель служит идеальным умозрительным прообразом реальности, помогая в ее (реальности) изучении. Такой метод исследования характерен и для области градостроительных знаний.

При анализе объемно-планировочных и композиционных решений населенных мест на различных уровнях детализации выстраивается своеобразная структура этого города. Многие ученые, при анализе городской ткани выстраивали свои модели, основываясь на различных критериях, которые, как они полагали, качественным и количественным образом влияют на формирование любого городского каркаса. И в каждом случае получались различные подсистемы со своими связями и функциональными особенностями. Свои модели предлагали К.А. Лаврик, Ю.Н. Евреинов, Г.И. Лаврик и др. Общей тенденцией в данной методике исследования является движение мысли ученого по принципу от общего к частному. Когда речь идет о городе, то за основу берутся «крупные» понятия, включающие множество составляющих, при работе с частью населенного пункта внимание уделяется отдельным градоформирующим факторам (которые являются элементами «крупных» понятий).

В своей работе мы постараемся на основе опыта, наработанного в данной методологии, разработать общую модель для изучения малых и средних городов Восточного Полесья Беларуси и проверить ее на одном из населенных пунктов.

Для создания своей модели города выберем структуру, предложенную профессором К. Магритцем, только с другим наполнением составляющих единиц. В центр модели поместим конкретный город, как объект нашего исследования.

Базовым элементом, влияющим на создание и развитие города, является человек, как существо, как организм, со своими биологическими потребностями, так и элемент некоего социума. Напрямую воздействовать на город человек (как общее понятие) может, но практически всегда воздействие идет через его окружение (группа лиц, общество, государство и т.д.). При помощи своих инструментов (необходимость в чем-то, т. е. нужда, вера, законы, наука и др.) общество формирует конкретный тип и облик города, наполняет каркас улиц определенной функцией. В современной классификации белорусских городов это выливается в обозначение ниши, которую будет занимать населенный пункт в системе расселения.

Вторым блоком является природа. Блок «Природа» в данной схеме включает в себя всю биосферу, рассматривая человека как биологическое существо. У природы свои инструменты влияния на город – естественные законы, создающие окружающие условия (рельеф, климат и проч.).

Третий блок, являющийся изначально производным от первого и второго блоков, но с течением времени становящийся полноценной единицей модели – «Промышленность». Он включает всю производственную базу региона (кроме полезных ископаемых и человеческих ресурсов), транспортную инфраструктуру. Производство может стать полноправным блоком лишь с течением времени, когда оно сможет оказывать реальное воздействие на объект исследования и другие блоки. Схема модели показана на рисунке 1.

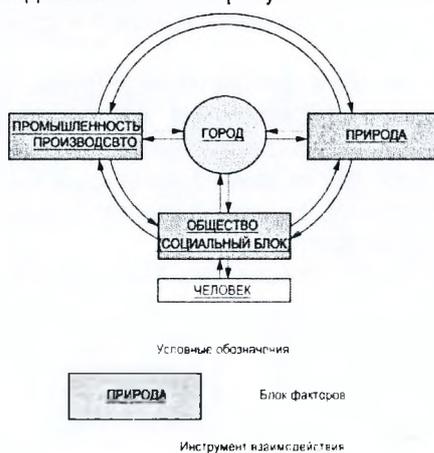

Рисунок 1 – Модель города для исследования малых и средних городов Беларуси

Рассмотрим работу данной модели на примере города Калинковичи Гомельской области.

Обзор начнем с фактора «Природа». Этот блок дал городу толчок к развитию не только своей ткани, но и определил важнейшие составляющие другого блока – «Промышленность».

Город расположен в условиях спокойного рельефа, что привносит определенные нюансы в организацию композиционно-планировочного решения. Особое внимание архитекторами уделено формированию запоминающегося силуэта населенного пункта, который наиболее активно воспринимается со стороны въезда в город из Мозыря и при движении по объездной дороге. При построении композиционной картины были использованы несколько приемов. В частности, использование разновысокой застройки, ритм, метр и масштаб членений архитектурных форм, а также активная работа с цветом.

Для создания неповторимого образа городского силуэта в условиях спокойного рельефа применение зданий одной высоты недостаточно, необходима игра объемов. В Калинковичах это достигнуто путем организации основной массы застройки 3-5-этажными секциями (в зоне среднеэтажной селитьбы) и возведением акцентных точек высотой до 9 этажей. Разность в 4-5 этажей между фоновой застройкой и отдельными точечными строениями формирует более четкую картину, воспринимать которую возможно с отдаленного расстояния. Плановости в общую композицию добавляет усадебная одно-двухэтажная застройка, которая занимает «нижний» ярус картины города. Со своим масштабом, соразмеримым человеку, усадебная селитьба добавляет мелкие детали, фактурную и материальную проработку переднему плану. На заднем плане располагаются крупные плоскости фона (застройка средней этажности).

Динамизм силуэта определяет метр и ритм, заложенные в композицию города. Активность панорамы поддержана применением жизнерадостных тонов в расцветке многоэтажных жилых домов. Общая гамма, решенная в теплых тонах, гармонирует с естественными природными цветовыми массами – небо (от бледно-серого до яркого ультрамарина), хвойного леса (от темного до ярко – зеленого), засеянного поля (от темно-коричневого до светло-зеленого и бежевого оттенков). На рисунке 2 изображен вид на застройку жилого микрорайона «Мелиоратор» при въезде в город со стороны Петрикова.

Природный фактор является ограничителем развития города за внешние границы. С восточной, северной и западной сторон населенный пункт окружают обширные лесные массивы. На юге расположена Припять, низкий берег которой заливадается на сотни метров во время разлива, что припятствует сближению городов Калинковичи и Мозырь.

Отсутствие крупного водоема в границах города компенсируется созданием искусственных каналов и озера в пределах рекреационной территории населенного пункта.

Смена сезонов года влияет на архитектуру отдельных зданий, инженерной инфраструктуры населенного пункта, коммуникационные сооружения (дороги, трубопроводы и т.д.). Простой пример: дождь или снегопад вызывают необходимость отвода воды с кровли дома (устройство водосточных систем), от дома (сооружение отмостки), с улиц (сеть ливневой канализации, уклоны дорог и тротуаров) и т.д.

Рисунок 2 – Застройка жилого микрорайона «Мелиоратор»

Характерной чертой Калинковичей является наличие «воздуха» в городской застройке, что отражается в присутствии широких панорамных видов. Наличие таких видовых точек позволяет воспринимать фрагменты застройки и отдельные здания с наилучших общих ракурсов. В ясную погоду возможна визуальная связь с соседним городом Мозырем (особенно четко она прослеживается в районе автовокзала).

Второй блок – «Социальный (общественный)». Как видно из схемы, эта группа позволяет учитывать мнение (желание, мировоззрение и т. п.) отдельно взятого человека, которое путем воздействия на общество влияет на градостроительную структуру.

Каждому человеку необходимо создавать условия для его счастливой и плодотворной жизни. Таковым условием является удобная, безопасная городская среда. Посредством таких инструментов, как наука, искусство, а также идеология, устои (моральные и правовые), законы, строительные нормы и проч. общественный блок наполняет городское пространство необходимыми объектами (как зданиями и сооружениями, так и элементами средового дизайна – скамейки, малые архитектурные формы, памятные знаки и др.).

Четко влияние блока отражается на определении значимости места в системе расселения страны, региона. Отсюда вытекает и наполнение определенными общественными структурами и объектами городской ткани. Калинковичи – город районного подчинения, районный центр. Здесь создано все для удовлетворения потребностей жителей района и города – райисполком, районный дом культуры, местные отделения республиканских организаций, предприятий и проч. Но в городе нет объектов республиканского или областного уровней и значимости (за исключением железнодорожного узла, который имеет стратегическое значение для страны в целом). Таковые ближайшие размещаются в Мозыре (например, горнолыжный комплекс – объект областного значения) или Гомеле (областные структуры всех ветвей власти и др.).

Общественный блок позволяет каждый раз выделять определенные особенности для развития города, анализируя состояние двух других блоков, что выливается в программу развития населенного места, закладываемую генеральным планом.

При рассмотрении методов воздействия блока на городскую ткань хочется выделить такой инструмент, как историческая память. Отражением его работы является и преемственность в сохранении и развитии градостроительных каркасов городов, применении отдельных, характерных для данного места, приемов эстетической выразительности зданий. Сюда же можно отнести и насыщение городской среды памятниками и мемориальными комплексами. Характерной чертой для Калинковичей (и для многих других городов) на современном этапе развития является создание небольших памятных знаков в виде валунов, камней или гранитных плит с мемориальной доской.

Природный и социальный блоки сообща дали толчок к развитию последней составляющей – промышленности. Инструментом взаимодействия между блоками выступило геополитическое положение населенного пункта.

Город является крупнейшим железнодорожным узлом региона, располагается на пересечении основных транспортных магистралей, соединяющих восточную и западную части страны, а также центральные регионы Республики с Украиной.

В модели города ярко выделяется взаимная работа группы «Промышленность», которая активно формирует городскую структуру.

Населенный пункт имеет четкую планировочную сетку с разбивкой на кварталы, вытянутые вдоль железной дороги и автомагистралей. Магистрали выступили своеобразными ограничительными элементами и одновременно задали тон функциональной организации города.

Залинейный район города представлен небольшим жилым массивом, а также вспомогательными учреждениями железной дороги. Отсутствие прямых транспортных связей отдаляет эту часть города от его основы. Если пеше-

ходная связь налажена довольно четко (через пешеходный мост около станции, который приводит жителей к при вокзальной площади, рынку, остановкам общественного транспорта), то транспортное сообщение затруднено (железнодорожный переезд располагается на удалении).

С другой стороны, в основной части города можно наблюдать довольно четкую функциональную организацию городского каркаса. Вдоль железной дороги (линия Гомель-Брест) расположена коммунально-складская и промышленная зоны города, где сосредоточены гаражные кооперативы, производственные базы и некоторые предприятия. Далее идет зона жилой застройки, в срединной части которой размещается городской центр, представленный площадью с периметральной застройкой административно-общественными (исполком, отделение РУП «Белтелеком», универмаг, дом культуры, школа и прочее) и жилыми зданиями. К улицам Мира и им. 50 лет Октября (участки магистрали Гомель-Кобрин в границах города) примыкает зона жилой смешанной застройки (от многоэтажной многоквартирной до усадебной среднеплотной).

Город обладает возможностью взаимной реакции на воздействие со стороны каждого блока, видоизменяя и корректируя под себя последние.

В заключение хочется отметить, что данная модель может быть применена к исследованиям любого города, только в каждом отдельном случае она будет скорректирована под конкретные условия. Изучая каждый блок в отдельности и в совокупности, ослабляя действие тех или иных инструментов блоков, можно прогнозировать векторы и степень развития населенных мест. Но делать это необходимо на глубоком анализе исторических предпосылок, местных условий, внешних (на уровне геополитики) факторов. Местные условия и особенности городов можно проследить, если ввести в данную модель понятия времени, т. е. изучать город в срезе его исторического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демин, Н.М. Системные методы исследования в архитектуре и градостроительстве: (Проблемы моделирования). Обзор. / Н.М. Демин. – М.: Центр науч.-техн. информации по гражд. стр-ву и архитектуре, 1970. – 40 с.
2. Зельтен, Н.А. Архитектура и планировка малых городов Белоруссии / Н.А. Зельтен; под ред. В.А. Чантурия; Ин-т стр-ва и арх. Госстроя БССР. – Мн.: Наука и техника, 1968. – 121 с.
3. Малые города Беларуси: пособие проектировщику / Министерство архитектуры и строительства РБ, науч.-проектн. республик. унитарное предприятие "БелНИИПградостроительства"; [Э.Н. Клевко и др.]. – Мн.: Минск – типпроект, 2006. – 192 с., [1] л. табл.

УДК 725.182(476)

Морозов В.Ф.

АРХИТЕКТУРА ПОГРАНИЧЬЯ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ: ГРОДНЕНСКИЕ КОРОЛЕВСКИЕ МАНУФАКТУРЫ

В последнее время в европейских странах интенсивно развиваются интеграционные процессы. В основе этого лежит твердое убеждение европейцев в том, что народы Европы едины благодаря наличию в их культуре, искусстве, науке, экономике и политике общих черт. Целью данной статьи является выявление характерных черт и особенностей в архитектуре Гродненских королевских мануфактур – крупнейшего явления в белорусском и польском зодчестве. Здесь, в окрестностях Гродно, в конце XVIII века не только впервые в архитектуре и градостроительстве Речи Посполитой по единому плану был построен достаточно обширный комплекс, включавший жилые, общественные, а также производственные здания, которые уже трактовались как объекты архитектурного проектирования, но и, кроме того, был запроектирован и осуществлен замысел идеального города эпохи Просвещения, в котором были использованы достижения архитектуры итальянского Возрождения и новейшей европейской архитектуры.

Замысел строительства мануфактур исходил из столицы Речи Посполитой – из Варшавы, от короля и его окружения. Создание собственного производства было вызвано желанием руководства страны улучшить ее экономику, вывести страну из кризиса, связанного с оттоком валюты за ее пределы. Было решено наладить в Речи Посполитой производство товаров с тем, чтобы магнаты и шляхта не тратили деньги за границей. Мануфактуры были созданы в имениях короля Станислава Августа Понятовского в Бресте, Гродно, Шавлях и Крынках [1, с. 56]. Их центром был избран Гродно, где в его пригороде, Городнице, был создан крупный комплекс мануфактур и размещалось руководство всеми предприятиями.

Для руководства этими обширными работами необходим был опытный и надежный исполнитель, просвещенный магнат из королевского окружения. И такой человек был найден. Это был граф А. Тызенгауз, с 1763 года – великий писарь Великого княжества Литовского, а с 1765 года – подскарбий Великого княжества Литовского, близкий друг короля и соратник по его реформаторской деятельности.

Начало строительства королевских мануфактур относится к 1765 году, сразу же после вступления короля на трон [2, с. 21]. Именно тогда активно началось возведение на Городнице грандиозного комплекса мануфактур, который был к 1780 году, году финансового краха всех мануфактурных начинаний, практически полностью возведен и о котором мы сегодня имеем наиболее полные сведения.

Комплекс на Городнице был создан на основе единого проектного замысла и включал в себя жилые, общественные и производственные постройки, которые также были устроены «по законам красоты» (рис. 1). Он занимал участок трапециевидной формы, примыкающий к дороге, ведущей из Вертелишек в Гродно, которая стала основной улицей комплекса на Городнице (улица Роскошь), и состоял из отдельных ансамблей зданий.

Центральным ансамблем Городницы являлась главная площадь, организованная дворцом графа А. Тызенгауза и его флигелями (музыкальным, театральным, для администрации и караульни).

От этой площади, трапециевидной в плане и созданной в стиле барокко, была устроена трехлучевая перспектива улиц. Средняя улица, пересекающая овраг, вела к дому администратора. Боковые же лучи исходили от ризалитов здания караульни и театрального флигеля. Правый луч выходил на расположенную над поймой реки Городничанки видовую площадку. По левому лучу осуществлялась связь пространства площади с городом.

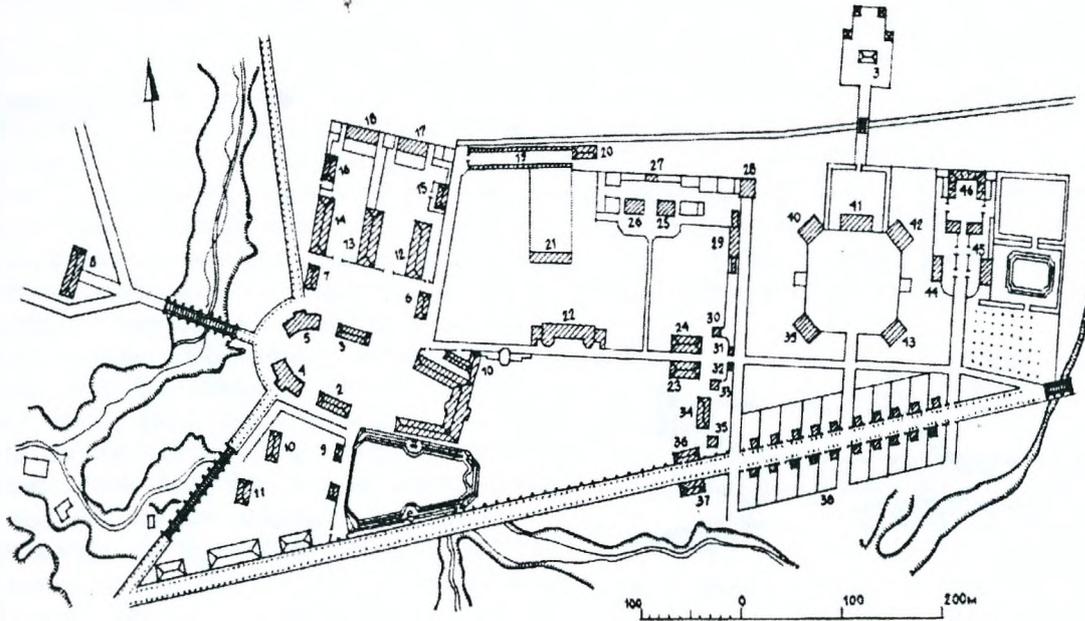

Рисунок 1 – Комплекс мануфактур в Гродно на Городнице (1765 – 1780 гг., арх. И. Мозер). План

По правую сторону от главной площади за музыкальным флигелем была организована меньших размеров площадь, ограниченная зданиями гостиницы, лесной администрации и комплексом зданий конюшен администрации, за которым размещалась школа верховой езды. От этого небольшого пространства была проложена улица, ставшая основной композиционной осью организации остальной части комплекса мануфактур. Сразу же за дворцом графа А. Тызенгауза на ней располагались здания обсерватории и медицинской школы. За этими зданиями влево от главной улицы отходила улица, направленная на комплекс гончарной и литейной мануфактур. Далее, примерно посредине главной улицы, была устроена небольшая площадь, окруженная зданиями кузниц и жилыми домами для рабочих. Еще далее слева от главной улицы была устроена обширных размеров квадратная в плане площадь, окруженная солдатскими и рабочими казармами. Ведущая же направо улица выходила на улицу Роскошь, где в месте ее пересечения по обеим сторонам улицы Роскошь располагались жилые домики иностранных рабочих. На самой удаленной от дворцовой площади поперечной улице находился фольварк с каретной мастерской, садом, прудом и птичником.

Характерной чертой устройства комплекса на Городнице являлось полное отсутствие культовых зданий, что свидетельствует о просветительской ориентации его строителей. Вероятно, владельцы мануфактур рассчитывали здесь на использование культовых построек в старой части Гродно, связь с которой комплекса мануфактур была хорошо устроена.

Все постройки комплекса на Городнице решены в стилистике спокойного, строгого барокко. Стены зданий мерно расчленены пилястрами и иногда украшены рустом. В качестве главных акцентов наиболее значительных зданий устроены граненые выступы-ризалиты. На меньших же постройках, таких, как домики иностранных рабочих, здание корчмы «Роскошь» устроены барочные фронтоны с валютами обобщенной формы (рис. 2).

Рисунок 2 – Жилой дом иностранных рабочих в Гродно на Городнице (1765 – 1775 гг., арх. И. Мозер). Общий вид

Архитектурный комплекс на Городнице имеет высокие художественные качества и выполнен рукой крупного мастера, каким, как теперь представляется, был немецкий архитектор И.Г. Мозер [3, с. 71, 72]. Это становится очевидным после рассмотрения архитектуры комплексов в Поставах и на Городнице [4, с. 206 - 210]. Однако это не было оценено в предшествующих исследованиях, в которых не рассматривалась совместно архитектура двух этих комплексов, да и план Городницы изучался исследователями на основании анализа натурного обследования и фиксационного плана 1780 г., когда постройки были сохранены не полностью и не читался проектный замысел И.Г. Мозера с оригинально выполненными лучевыми построениями, что стало известно благодаря обнаруженному В. Калниным проектному плану Городницы [5].

Однако в целом стилистика основных построек была выполнена в русле позднего немецкого барокко, которое в эпоху Станислава Августа Понятовского уже было не модным. В эпоху Станислава Августа благодаря меценатским усилиям короля, творчеству королевского архитектора Я. Фонтаны, приглашенному из Франции архитектору В. Луи получает распространение особый стиль барочного классицизма, ориентированный на французскую архитектуру [6, с. 43 - 88]. И этот стиль, безусловно, должен был проявиться в архитектуре Гродненских королевских мануфактур – любимого детища короля и графа А. Тызенгауза.

Здесь он проявился благодаря творчеству итальянского архитектора Дж. Сакко, работавшего в 1767-1768 гг. в Варшаве совместно с Я. Фонтаной и впервые появившегося на белорусской земле в 1771 г. [6, с. 83]. В 1774 г. о Дж. Сакко уже было известно, что он рисует десюдепорты для дворца графа А. Тызенгауза в Гродно на Городнице и занят «перерисовыванием с лососенских планов» [7, с. 155]. С этого времени Дж. Сакко уже именуется королевским архитектором всех имений в Великом княжестве Литовском и указывается, что впредь ни одно строение без его согласования не может быть возведено [7, с. 155]. Таким образом, здесь Дж. Сакко полностью заменяет И.Г. Мозера. И этот факт демонстрирует смену архитектурной стилистики в архитектуре Гродненских королевских мануфактур.

Так как к 1774 г. на Городнице было уже многое запроектировано и построено Мозером, то здесь вклад Дж. Сакко ощутим лишь в декорировке центрального ризалита дворца графа А. Тызенгауза (рис. 3). Новое же направление французского классицизма проявилось очень ощутимо в создании следующего за Городницей комплекса мануфактур в Лососне под Гродно и в проекте нового города Крынки, также входящего в Гродненскую королевскую экономию.

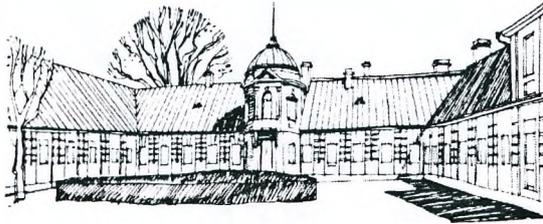

Рисунок 3 – Дворец графа А. Тызенгауза в Гродно на Городнице (1765 – 1775 гг., арх. И. Мозер, Дж. Сакко). Общий вид

Август первоначально задумал сделать своей загородной резиденцией. Архитектурно-планировочное решение комплекса Уяздовского дворца было выполнено достаточно помпезно, с лучевыми постройками подводящих к нему дорог [8, с. 10 - 27].

Но после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. реализация такого архитектурного замысла монаршей резиденции короля, государство которого терпит неудачи, представлялось уже не актуальным. Вскоре после этого Станислав Август изменил свое решение. Он стал развивать строительство своей загородной резиденции на основе Лазенок князя Любомирского в более камерном виде, над водой, как это мог бы сделать французский король Людовик XV, который в это же время, в 1760-х годах сооружает Малый Трианон – миниатюрных размеров резиденцию в грандиозном ансамбле Версальского дворца. В архитектурно-строительных работах, предпринимаемых польским королем, очевидна ориентация на подобную деятельность короля Франции Людовика XV, откуда и были позаимствованы изменения в стилистике не только всей архитектуры станиславовского периода, но и характера развития планировки Гродненских королевских мануфактур. Поэтому, если мы внимательно рассмотрим в событиях архитектурно-строительной деятельности Франции 1760-1770-х годов, то наше внимание, безусловно, привлечет очень яркое событие, вошедшее во все книги по истории европейской архитектуры – возведение мануфактур в провинции Арк-Сенан и создание идеального города Шо архитектором К. Н. Леду (рис. 4). Заказ на проектирование солеварен во Франш-Конте, в 400 километрах от Парижа, между деревнями Арк и Сенан, был получен архитектором

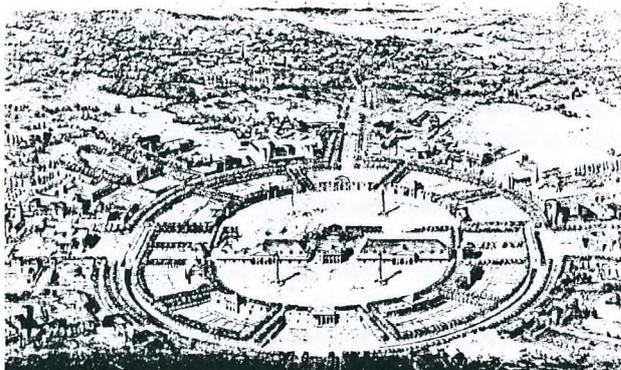

Рисунок 4 – Идеальный город Шо во Франции (проект 1770-х гг., арх. К. Н. Леду). Гравюра

в 1771 г. и создание первого варианта проекта относится к 1774 г. Однако этот проект принят не был, и в том же году был создан новый проект, который был утвержден, и к 1779 г., комплекс королевских солеварен был построен [9, с. 71].

Строительство К.Н. Леду мануфактур в Арк-Сенан, а также создание проекта идеального города Шо стало не только крупным явлением в развитии архитектуры и экономики Франции того времени, но и ознаменовало собой своеобразный рубеж в развитии мирового зодчества. Именно в этих проектах с особой наглядностью отражен новый этап в развитии зодчества, связанный с уходом архитектурно-строительного проектирования от традиций, идущих от Витрувия, к созданию архитектурных замыслов как орнаментальных схем, посредством которых архитектура

стала в ряд педагогических систем и была призвана формировать нового человека. Именно с этими проектами К.Н. Леду связано возникновение такого понятия, как говорящая архитектура.

Безусловно, и король Станислав Август, и граф А. Тызенгауз были хорошо знакомы с планами французского руководства по строительству соляных мануфактур и замыслом города Шо, были впечатлены этими замыслами и

под этими впечатлениями инициировали создание проекта новых мануфактур в Лососне и перепланировку Крынок, где, как во Франции, были осуществлены планировочные замыслы на основе лучевых построений. Причем и здесь и там возникли планы строительства и комплекса мануфактур, и нового города.

Создание комплекса мануфактур в Лососне, начатое с 1774 г. – со времени «перерисовывания» архитектором Дж. Сакко лососенских чертежей, велось достаточно активно. Известно, что в 1777 г. король Станислав Август и граф А. Тызенгауз посетили мануфактуры, и там уже многое было построено [4, с. 153]. Однако в 1780 г. последовал финансовый крах всех мануфактурных начинаний графа А. Тызенгауза, мануфактуры были ликвидированы и описаны. Именно к этому времени (к 1780 г.) относятся имеющиеся в нашем распоряжении планы Лососни и Крынок.

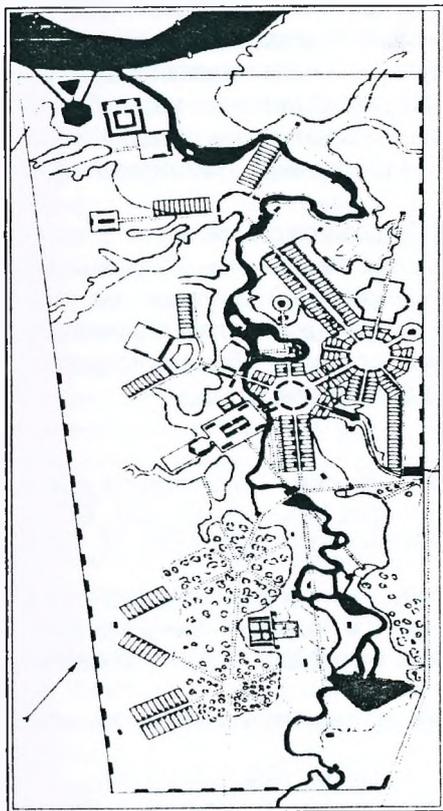

Рисунок 5 – Комплекс мануфактур в Лососне близ Гродно (1770-е гг., арх. Дж. Сакко). План

историческом архиве во Львове. Лист имеет заглавие – „Planta miasta JKMsici oraz dworu Krynek sporządzona Roku 1780” [11] (рис. 6). Существует и аннотация всех обозначенных на плане объектов.

Регулярно распланированный ансамбль города состоит из трех самостоятельных комплексов – шестиугольной площади Рынок с расходящимися в разные стороны улицами, прямоугольного очертания площади конского рынка и усадьбы губернатора. парков в духе классицистической архитектуры замыкается объемами зданий.

Наиболее развитым комплексом, составляющим центр города, является площадь Рынок. И это не случайно, так как здесь располагаются главные сооружения – ратуша, торговые ряды, гостиница, трактир.

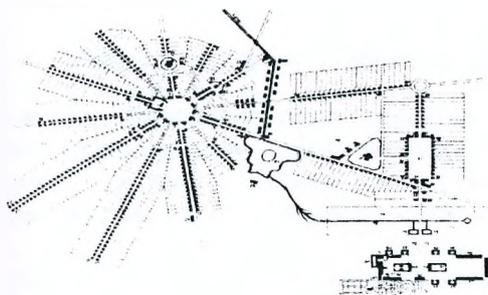

Рисунок 6 – Местечко Крынки (1780 г., арх. Дж. Сакко)

Два других комплекса – усадьба и конский рынок – связаны одной композиционной осью – улицей. Центральной постройкой комплекса усадьбы является дворец губернатора, окруженный многочисленными хозяйственными зданиями. Идущая от дворца улица пересекает канал и Индурскую улицу и выводит на прямоугольную площадь конского рынка, по сторонам которой находятся жилые дома с лавками, гостиница, амбар и лазарет.

Продолжающийся за площадью участок улицы застроен домами ремесленников и завершается круглой площадью, куда выходит идущая от площади Рынок улица Могильная. Улицы Индурская и Могильная связывают ком-

До сегодняшнего дня план мануфактур в Лососне сохранился в фондах кафедры польской архитектуры Политехники Варшавской в копии без аннотации, выполненной в 1930-х годах студентами архитектурного факультета с подлинного чертежа, относящегося к 1780 г. [4, с. 146] (рис. 5). Судя по краткому описанию, составленному известным архитектором, заведующим кафедрой польской архитектуры Политехники Варшавской Оскаром Сосновским, который был знаком с архивным планом, снабженным аннотацией, комплекс в Лососне включал в себя 14 мануфактур и кроме фабричных зданий здесь были жилые до ма рабочих и администрации, торговые площади, окруженные магазинами и складами, различных конфессий культовые постройки [10, с. 37].

План-комплекса в Лососне создан на основе сочетания изящно прорисованных лучевых направлений улиц и аллей, которые хорошо соотносятся с живописными очертаниями реки Лососенки и существующими зелеными насаждениями, образуют красивые перспективы, замкнутые удачно расположенными отдельностоящими зданиями, звездообразные площади как сосредоточие архитектурных объектов и прекрасные лесные поляны. Центром композиции комплекса являются две площади круглой и овальной формы, вокруг которых располагаются жилые дома. Промышленные предприятия, вероятно, вынесены в стороны от этих площадей и имеют разнообразную конфигурацию планов. Это и замкнутые симметричные комплексы, расположенные поближе к реке, и образующие обширные площади постройки, по краям которых запроектированы жилые дома. Значительное место в композиции комплекса мануфактур занимают парковые массивы, также созданные с использованием лучевых направлений аллей. Перспектива всех улиц и аллей парков в духе классицистической архитектуры замыкается объемами зданий.

План местечка Крынок сохранился в Украинском государственном

Пустая посредине, площадь окружена домами, расположенными по два с каждой стороны. От ее углов и от середины каждой из сторон радиально расходятся двенадцать улиц, обстроенных цепочками жилых домов. Улицы, направленные на середину сторон площади, более широкие, нежели выходящие из ее углов, и на них размещены наиболее значительные сооружения города – ратуша, церковь и еврейская школа. В окружающей площадь Рынок части города выделен центральный район.

План ограниченный обводной улицей. Его предполагалось застроить купеческими домами с каменными фасадами. За пределами этого района предусмотрено возведение в основном деревянных домов.

плекс усадьбы и конского рынка с центральной площадью Рынок и пересекают канал, по берегам которого расположены еврейские пивоварни. К улице Могильной примыкает участок, где размещены костел, плебания и кладбище.

В целом план пронизывает дух французского классицизма с характерными для него чертами рассудочности, ясности и четкости построений, преобладанием планиметрического подхода над объемным. Городской ансамбль Крынок понимается как регулярное градостроительное целое и представляет собой типичный образец умозрительной картезианской геометрии. В построении плана доминируют светские здания – ратуша, дворец, гостиница, трактир, что характерно для эпохи Просвещения. Культовые же постройки помещены на второстепенные места – в стороне от главных площадей, а подчас, как это случилось со зданием костела, они оказывались как бы выключенными из регулярного построения плана. Основным монументальным зданиям города присуще островное расположение, рассчитанное на обход и обозрение со всех сторон, что также характерно для архитектуры классицизма.

В планировке Крынок ощутимо в некоторой степени использование традиционных для региона приемов. К ним относится обстройка площадей и улиц цепочками одноэтажных домов, что придавало камерный масштаб застройке. Сами же деревянные дома с каменной передней стенкой, которая должна выполняться, как писалось в пояснении к плану, «из прусского мура» [11], были идентичны домам в Поставах и на Городнице. Это свидетельствует о том, что план составил зодчий, знающий архитектуру края.

Планы Крынок и Лососни занимают в истории градостроительства Речи Посполитой особое место. В них впервые использованы приемы регулярного французского градостроительства. Проект же Крынок – это первый в Речи Посполитой «идеальный» план города на радиальной основе и единственный известный нам проектный замысел целого города в архитектуре станиславовского периода. В стилистическом развитии архитектура королевских мануфактур повторила путь, прошедший польским зодчеством в XVIII столетии – от позднего барокко, создаваемого при активном участии зодчих Дрездена, к классицизму, ориентированному на французские образцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гибянский, И.Г. Граф Антоний Тызенгауз и гродненские королевские мануфактуры / И.Г. Гибянский // Труды студентов экономического отделения Петроградского Политехнич. института Императора Петра Великого – Петроград, 1916. – Вып. 19. – С. 1 – 64.
2. Квитницкая, Е.Д. Строительство Тызенгауза в Гродно / Е.Д. Квитницкая // Архитектурное наследие. – Вып. 11. – М.: Гос. изд-во лит-ры по строит., арх-ре и строит. материалам, 1959. – С. 21 – 42.
3. Hentschel, W. Die sächsische Baukunst des 18. Jahrhunderts in Polen / W. Hentschel. – Berlin: Kunst und Gesellschaft, 1967. – 546 s.
4. Морозов, В.Ф. Гражданская и монументальная архитектура Беларуси. Классицизм / В.Ф. Морозов // Архитектура Беларуси: нарсы звалюціі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: у 4 т. – Мінск: Беларус. навука, 2007. Т. 3, кн. 1. Другая палова XVIII – першая палова XIX ст. / А. І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А. І. Лакотка. – С. 170 – 451.
5. Калнин, В. В. Городница – городской ансамбль XVIII века / В. В. Калнин // Строительство и архитектура Белоруссии. – 1988. – № 4. – С. 34 – 36.
6. Jaroszewski, T.S. Architektura doby Oświecenia w Polsce: nyrtu i odmiany. – Wrocław: Wydawnictwo PAN, 1971. – 342 s.
7. Morozow, W. Cechi klasycyzmu w planach posiadłości królewskich ekonomii grodzieńskiej końca XVIII wieku / W. Morozow // Klasycyzm i klasycyzmy: Materiały Sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki. – Warszawa: PWN, 1994. – S. 145 – 158.
8. Tatariewicz, W. Łazienki Warszawskie / W. Tatariewicz. – Warszawa: Arkady, 1972. – 286 s.
9. Смолина, Н. Идеальный город Шо и античная риторическая традиция: «говорящая архитектура» Леду / Н. Смолина // Архитектура мира. – Вып. 3: Материалы конф. «Запад – Восток: античная традиция в архитектуре». – М.: Architectura, 1994. – С. 71 – 79.
10. Sosnowski, O. Powstanie, układ i cechy charakterystyczne sieci ulicznej na obszarze Wielkiej Warszawy / O. Sosnowski // Studja do dziejów sztuki w Polsce. – Warszawa: Wydawnictwo Zakładu architektury Polskiej Politechniki Warszawskiej, 1830. – Т. 2. – S. 1 – 75.
11. Planta miasta JKMscl oraz dworu Krynek sporządzona Roku 1780 (ИАУЛ). – Фонд 201. – Оп. 4. – Д. 1680.

УДК 725.4

Морозова Е.Б.

ОБЪЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В современном мире проблема охраны историко-культурного наследия уже достаточно разработана, в том числе и в Беларуси, хотя результатами проводимых в этом направлении исследований мы по-прежнему не удовлетворены. Это свидетельствует о нормальной реакции общества, поскольку деятельность человека по сохранению прошлого никогда не успеваает за стремящимся в будущее настоящим. Тем не менее, есть одна область зодчества, где вопросы охраны исторического прошлого решаются сегодня недостаточно.

Речь идет о промышленной архитектуре. И хотя среди всех сфер архитектурной деятельности она относится к самой молодой, трехсотлетняя история ее существования вполне обоснованно дает возможность рассматривать отдельные промышленные постройки как объекты наследия. Однако в Государственном списке историко-культурных ценностей Республики Беларусь среди 4578 объектов, официально признанных памятниками, только 46 являются производственными, а в советское время, когда такой Свод памятников был более емким и составлял 15769 единиц, среди них производственными были 39.

Если кратко проанализировать причины этого положения, то можно выделить объективные и субъективные причины. К объективным следует отнести такую особенность промышленных объектов, как территориальное и пространственное непостоянство. Изменяемость способов получения продукта и замена в связи с этим не только

оборудования, но и последовательности его расположения и прохождения технологических операций, вынуждают архитектурно-строительные объемы соответствовать изменениям. Это обуславливает постоянные перестройки зданий, что, конечно же, не способствует сохранению их первоначального облика, архитектурного замысла, композиционной логики. Кроме того, ярко выраженная утилитарная направленность промышленных объектов достаточно часто объективно препятствует их художественной выразительности.

К субъективным причинам следует отнести особенность восприятия промышленной области зодчества как материальной среды второго плана. Сложившиеся еще в XIX в. стереотипы такого восприятия сегодня действуют не столь однозначно, но их присутствие все же имеет место. К сожалению, понимание того, что «неофициальная архитектура», к которой относятся и промышленные постройки, отражает жизнь во времени и пространстве более показательно и полно, чем так называемая «официальная архитектура» государственных зданий, резиденций, значимых общественных построек, формируется пока только в профессиональной среде [1, с. 47].

Какие же объекты промышленной архитектуры могут быть идентифицированы в качестве историко-культурного наследия? Прежде всего следует отметить, что производственные постройки могут рассматриваться с двух позиций – как памятники архитектуры и как памятники индустриальной археологии, которая представляет собой науку, изучающую материальную среду индустриального периода развития общества [2]*. И если памятниками архитектуры промышленные постройки становятся достаточно редко в силу приведенных выше причин, то среди памятников индустриальной археологии их гораздо больше. Объясняется это тем, что объект индустриальной археологии более широкий, сюда входят не только производственные здания и сооружения, но и механизмы, станки, технологические и технические системы, промышленные ландшафты и т.д. А поскольку более широким является сам объект, то и его идентификация с точки зрения принадлежности к наследию требует большего количества критериев. И хотя существует достаточно много точек зрения на эти критерии, их содержание и форму, тем не менее, уже сложились основные группы, охватившие архитектурно-художественные критерии, градостроительные и исторические. Каждая группа включает характеристики, обозначающие одно из качеств объекта с точки зрения его историко-культурной ценности.

Так, к архитектурным критериям можно отнести характерность для своего времени архитектурно-пространственной композиции, применяемых конструкций и материалов; выраженность стилевых признаков, сохранность декора и художественных элементов фасада; сохранность внутренней среды: интерьера и технического оборудования; принадлежность к творчеству известного автора (архитектора, инженера) и наличие характерных признаков его творческого почерка; оригинальность архитектуры и типологическая новизна; уникальность объекта с точки зрения архитектуры, технологического и технического оснащения. Градостроительные критерии могут включать наличие градостроительной функции для города, района, площади, улицы; определение топонимики места. Исторические критерии – это связь объекта с важными историческими событиями; связь с биографией известных личностей; вклад в развитие промышленных технологий; идентификация времени (эпохи) или пространства (местности).

Из приведенных выше критериев следует, что принадлежность объекта к индустриальному наследию может определяться как его уникальностью, что соответствует принятым подходам при установлении памятника архитектуры, так и, наоборот, ординарностью объекта, его представительством типового, характерного для данного времени, отрасли и т.д. Последнее качество потому и применимо к наследию индустриальной эпохи, так как она в своей сути зиждется именно на массовом способе промышленного производства, основанном на серийности, повторении, унификации. Это, конечно, значительно расширяет возможности оценки промышленных построек с позиций историко-культурного наследия. Так что же может туда входить?

Перечень объектов должен охватить два пространственных уровня – объемный и территориальный. К первому можно отнести производственные здания и сооружения, а также производственные интерьеры. Идентификация таких объектов, выполненная с использованием системы критериев, позволяет установить принадлежность к наследию, а также продумать возможности их современного использования. Примером может служить складской корпус в Гданьске (Польша), который сегодня используется как атрактивный объект исторического центра. Он привлекает внимание туристов, напоминает о прошлом города, демонстрирует работу разгрузочного крана – огромного деревянного механизма, восстановленного в первоначальном виде. Еще один пример – водонапорная башня в Киеве (Украина), приспособленная под музей воды.

Есть пример переоборудования водонапорной башни под общественные функции и у нас в Республике, в Бобруйске. Ценным в использовании объемных объектов индустриального наследия является то, что они более свободно, нежели памятники архитектуры, допускают пристройки и частичные реконструкции.

Второй пространственный уровень, территориальный, представляет большое разнообразие объектов промышленной архитектуры. Это могут быть промышленные предприятия и их части; промышленные поселения (как самостоятельные градостроительные единицы, так и составляющие городов – рабочие поселки, железнодорожные колонии, рабочие кварталы); городские территории с преимущественно промышленной застройкой (в том числе набережные, отдельные районы, комплексы предприятий); рукотворные ландшафты горнодобывающих районов и их отдельные элементы. Безусловно, предложенный перечень объектов является широким и достаточно условным и требует региональной конкретизации, которая в совокупности с остальными необходимыми факторами и определяет своеобразие местного наследия промышленного зодчества.

* Индустриальная археология получила свое развитие в США и странах Западной Европы с 1950-х гг., в странах Восточной Европы – с 1980-х гг.

В этом плане хотелось бы обратить внимание на такой объект промышленной архитектуры, как предзаводская площадь. Следуя вышеприведенной классификации, ее можно отнести к части предприятия или части городской территории с преимущественно промышленной застройкой. До сего времени в Беларуси ни одна предзаводская площадь, даже если она представляла собой настоящий ансамбль, практически не была признана объектом архитектурного наследия, а уж тем более памятником архитектуры. Хотя предзаводские площади белорусских городов достаточно часто являлись важными структурными элементами их планировки, отличались значительными размерами, часто превосходящими размеры привокзальных, рыночных, центральных и других городских площадей.

Наличие относительно большого числа предзаводских площадей, имеющих единую с точки зрения стиля и времени возведения застройку и находящихся в центральных районах городов, является отличительной особенностью белорусской практики. Это объясняется несколькими причинами. Промышленный комплекс республики был сформирован в основном за время социалистического строительства. Однако большое количество предприятий в силу сложностей экономического развития региона разместились на старых производственных площадках кустарных промыслов XIX в., которые всегда имели центральное положение в городской планировочной структуре. Сегодня отдельные предзаводские площади, такие как площади минского тракторного завода, гомельской трикотажной фабрики «Восьмое Марта» представляют собой уникальные образцы промышленного зодчества. И отсутствие подхода к ним, как к возможным объектам историко-культурного наследия, не может уберечь их от неминуемой трансформации, вызванной уже начавшимися градостроительными преобразованиями.

Еще одним объектом, имеющим все основания в Беларуси рассматриваться с точки зрения историко-культурного наследия, является рабочий поселок, как разновидность промышленного поселения, принявшая в наших условиях своеобразную форму. Как правило, типичное промышленное поселение в истории архитектуры формировалось как самостоятельная градостроительная единица, отличающаяся от обычного поселения целым рядом признаков. В основе отличий лежало то, что промышленное предприятие обуславливало практически все в пространственном и временном существовании поселения – наличие и тесную взаимосвязь двух функциональных зон (промышленной и жилой), определение состава проживающих (заводские рабочие и члены их семей), планировочную организацию и, наконец, сам факт появления поселения. Связь с промышленным предприятием и ее влияние на архитектурную организацию поселения менялись в разные исторические периоды. В белорусской практике промышленное поселение появилось в XIX в., но ввиду достаточно слабого развития промышленного производства не получило широкого распространения вплоть до советского периода. Из ранних примеров самым интересным могло бы стать поселение при Добрушской бумажной фабрике, которое сегодня практически утрачено, хотя корпуса самой фабрики пока еще сохранились и, кстати, требуют скорейшей культурной идентификации, чтобы и самим не кануть в лету.

Что же касается рабочих поселков советского периода, то их своеобразие в нашей практике заключается в том, что строившиеся как самостоятельные территориальные образования, они в то же время предусматривали включение и кооперацию с планировочными структурами приближающихся к ним городов, рядом с которыми они и возводились. Поэтому рабочий поселок часто выступал не как промышленное поселение, а как относительно обособленный район города.

Характерным примером является рабочий поселок Минского автомобильного завода, строительство которого началось одновременно с заводом в 1945 г. [3]. Особыми условиями формирования рабочего поселка стало его возведение не на пустом месте, как это было принято при строительстве таких объектов. Осваиваемая площадка завода граничила с участком расквартирования кавалерийского и артиллерийского полков, в связи с чем отдельные фрагменты планировочной структуры военного городка и некоторые из построек, в частности казармы, вошли в рабочий поселок. В архиве Минского автомобильного завода сохранились первые послевоенные фотографии трехэтажных зданий – бывших казарм, с водонапорной башней на втором плане.

К 1954 г. сложилась первая часть рабочего поселка, композиционной осью которого стала улица Центральная. Она формировалась строчной застройкой четырехэтажными жилыми зданиями и двухэтажными зданиями столовой и гостиницы. Предполагаемое последующее вхождение рабочего поселка в пространственно-планировочную структуру Минска было учтено строительством нескольких достаточно хорошо декорированных домов, фланкирующих выход улицы Центральной на Могилевское шоссе, которое являлось продолжением одного из важных транспортных диаметров города. Эти здания были выполнены в стилистике классицизма, разработаны масштабно, с крупной прорисовкой деталей, их градостроительная значимость акцентирована угловыми башнями. Именно этими зданиями и построенным в это же время сквером пространственно формировался композиционный центр, который оказался не в его середине, а на окраине.

Вторая часть рабочего поселка начала строиться в 1953 г. по другую сторону Могилевского шоссе и состояла преимущественно из двухэтажных жилых домов. Широкое применение получил 8-квартирный дом по проекту архитектора А. Великанова. Его объем имел сбалансированные пропорции, фасад украшался портиком, в торцах здания в обоих этажах были расположены достаточно просторные веранды, и портик и веранды украшались колоннами тосканского ордера. Дома были сомасштабны формируемым ими дворам, уютно размещались среди зелени. Однако здания, выходящие на Могилевское шоссе, были более представительными и более масштабными, и это так же отражало взгляд проектировщиков в будущее, на то время, когда рабочий поселок должен был органично войти в планировочную структуру Минска. В последующие годы, как и следовало ожидать, это и произошло.

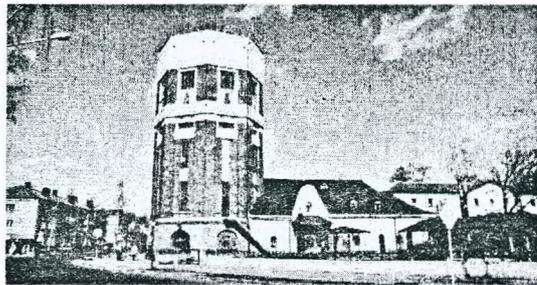
Уникальность рабочего поселка минского автозавода, как и других аналогичных районов города, например, тракторозаводского поселка, состоит в общей органичности. Эти объекты целостны, узнаваемы в любой своей точке

и, что очень важно, пока еще практически не тронуты временем, не разрушены. Именно двойные задачи при строительстве – обеспечение самостоятельности и одновременно последующее вхождение в город на правах его части, района – позволяли рабочим поселкам существовать как бы автономно и тем самым оставаться без изменений.

За прошедшие годы связь рабочих поселков с заводами, которым они обязаны своим появлением, практически перестала существовать. Хотя потомки заводских рабочих и сегодня продолжают жить в отдельных квартирах, но большей частью они не являются работниками заводов. Да и пространственно заводы давно уже отгородились от своих жилых районов, предзаводские площади потеряли функциональное назначение, превратившись в обычные городские площади, подлежащие реконструкции в связи с изменившимися социальными, функциональными и транспортными задачами.

Строительные работы начинают приближаться и к самим рабочим поселкам. Притягательными для инвесторов они становятся из-за близкого расположения к центральным районам городов, масштабной застройки, высокой степени озеленения и нетрадиционных для сегодняшнего дня планировок квартир. Если не принять мер по оценке и охране отдельных рабочих поселков с позиций культурного наследия, то коренная реконструкция может стать последним действием в истории их существования. Тем более что рабочие поселки утратили своих главных владельцев, хозяев и одновременно защитников – промышленные предприятия.

Итак, рассмотренные примеры демонстрируют возможность промышленных объектов разного пространственного уровня представлять историко-культурное наследие республики в его материальных формах. Работу по идентификации таких построек нужно начинать. Это необходимо нам, нашим потомкам, и, наконец, это необходимо промышленной архитектуре и ее истории.

Водонапорная башня в Бобруйске

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lisowski, B. The map of industrial architecture – a systematic approach / B. Lisowski // Aspects on industrial architecture and engineering / International Council for Building Research, Studies and Documentation; International Union of Architects. – Helsinki: The Building Book Ltd., 1989. – P. 29–49.
2. Industrial archeology / <http://www.iarecordings.org/index.html>
3. Морозова, Е. Б. «Рабочий поселок» в городе как памятник промышленного строительства / Е.Б. Морозова, Л.В. Купрейчик // Індустріальна спадщина в культурі і ландшафт: матеріали Всеукраїнської наукової конференції, Київ, 23–26 травня 2007 р. // Науковий вісник Інституту дизайну і ландшафтного мистецтва Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв / Відповідальний ред. Ю.Г. Тютюнник – Київ, 2007. – Випуск 4. – С.122–128.

УДК 72.036(476)(091)

Морозов Е.В.

НЕОКЛАССИЦИЗМ В АРХИТЕКТУРЕ БЕЛАРУСИ 1920-30-х гг.

Архитектурное наследие сегодня рассматривается как национальное культурное достояние, сохранение которого является одной из важных задач государственной политики нашей страны в области культуры. Однако архитектурное наследие 1920–1930-х гг. до сих пор не в полной мере воспринимается общественностью как историческая и культурная ценность. Постройки двадцатилетия между первой и второй мировыми войнами сегодня далеко не все тщательно изучены и, соответственно, взяты под охрану.

А между тем, архитектура такого, казалось бы, малого временного отрезка представляет необычайно большой искусствоведческий интерес. Вряд ли можно найти в истории еще один столь непродолжительный период, в рамках которого развернулось такое стилевое разнообразие: «современная архитектура» (Modern Architecture), Арт Деко, конструктивизм или, как его все чаще называют, «русский авангард», неоклассицизм и пр. Примечательно, что в середине 1920-х гг. предпринимались попытки определить и национальные архитектурные черты. Все существовавшие тогда стили и направления в архитектуре составили интересную стилевую мозаику, которая из-за вхождения белорусских земель в состав разных государств формировалась в условиях противоположных экономических и, можно даже сказать, враждебных политических систем (формаций). Это непростое время в истории Беларуси наглядно отразила архитектура, причем не столько архитектура крупных знаковых зданий, сколько рядовая, массовая застройка. Одним из составляющих стилевой мозаики являлось классическое направление, на нем хотелось бы остановиться подробнее.

В начале XX в. мощным движением в российской архитектуре стало возрождение традиций классицизма, определяемое сегодня как стиль неоклассицизм [1, с. 69-97]. Неоклассицизм нашел большое число сторонников в среде Петербургской академии искусств, где в течение долгих лет сохранялась приверженность традициям античной Греции и Рима. В основе этого стиля лежало не только копирование характерных классических форм, но также и сам метод проектирования, основанный на изучении классической архитектуры и точном следовании внутренней логике ее пространственной организации.

К образцам неоклассицизма в белорусской архитектуре 1920-х гг. можно отнести здание банка в Бресте (ул. Ленина, 9) (рисунок 1). Архитектор этого объекта С. Филасевич получил образование в Петербургской академии художеств, где воспринял традицию академического классицизма. В достаточно скромном по столичным меркам здании банка автору удалось создать исключительно целостную торжественную классицистическую композицию. Два корпуса, двух- и трехэтажный, расположены под прямым углом и объединены круглым объемом с куполом. Центральный объем окружен ионическими трехчетвертными колоннами, идущими на высоту двух этажей, боковые корпуса декорированы ионическими пилястрами. Здание завершает массивный парапет, украшенный балюстрадой. Однако при достаточно ярко выраженной классической направленности пространственного построения банка и его фасадного декора в интерьерах нет стилистического единства. Классицистические детали здесь переплетаются с растительными мотивами модерна, с геометрическим орнаментом и псевдокоринфскими капителями, близкими по своему рисунку к стилю Арт Деко.

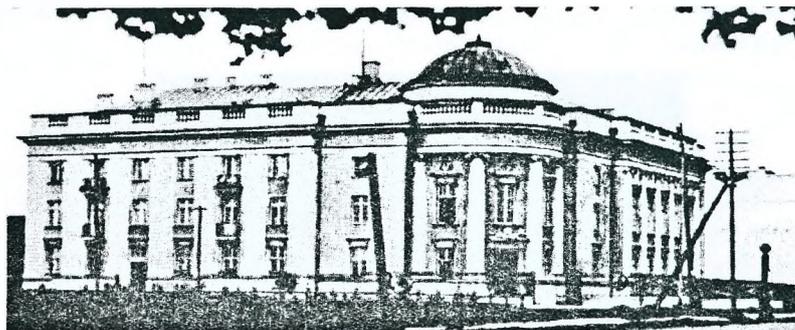

Рисунок 1 – Банк в Бресте (1925 – 1926 гг.)

Здание банка в Барановичах возведено в 1928 г. также по проекту С. Филасевича (ул. Советская, 27) (рис. 2). И хотя наличие достаточно высокой скатной черепичной крыши, незакрытой парапетами, свидетельствует о некотором отходе от традиций неоклассицизма, тем не менее в декоре здания применены пилястры ионического ордера, которые украшают центральную часть с высоким вторым этажом, окна обрамлены традиционным для классицизма профилем.

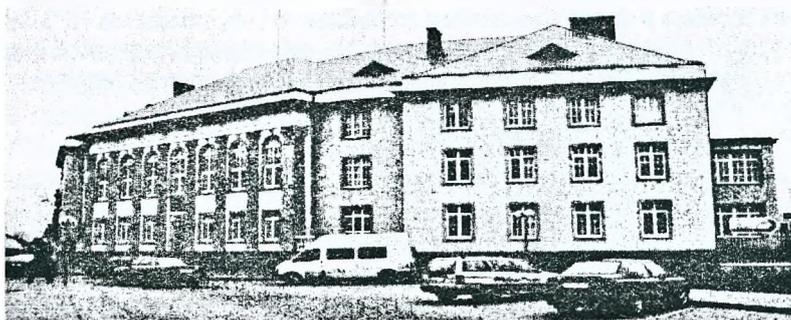

Рисунок 2 – Банк в Барановичах (1928 г.)

С. Филасевич в 1920-е гг. был главой архитектурного отдела при Польском Банке. Отдел занимался разработкой проектов и строительством представительств этого банка по всей стране. Поэтому академический классицизм и характерная творческая манера мастера в определенной степени распространились на проекты других архитекторов, работавших в отделе. Кроме того, официальный классический стиль как нельзя больше подходил для архитектуры банков, так как в глазах клиентов воспринимался воплощением надежности и стабильности.

Рисунок 3 – Банк в Пинске (1925 г.)

Еще одним примером может служить здание банка в Пинске (ул. Заслонова 17), построенное в 1925 г. архитектором С. Шесняком (рисунок 3). Первый этаж трехэтажной постройки был обработан рустом, два верхних этажа центральной части декорированы пилястрами с дорическими капителями и завершены массивным парапетом. Изящество фасаду придавали тщательно проработанные оконные обрамления с крупными овальными медальонами. Боковые части здания ступенчато отступали назад относительно богато декорированного центра, что сообщало постройке динамизм и выразительность.

К неоклассицизму следует отнести и административное здание, построенное на главной площади Браслава в 1928–1929 гг. вилениским инженером Гироном [2, с. 138]. Центральный корпус в нём, как и в здании банка в Барановичах, соединялся переходами с боковыми корпусами, поставленными под некоторым углом к центральной части. Все три корпуса были накрыты отдельными четырехскатными крышами, опирающимися на массивный карниз. Вход в центре главного корпуса оформлен портиком с четырьмя колоннами ионического ордера и завершен невысоким ступенчатым фронтоном.

В виде такого же портика решен вход в бывшее казино, построенное в 1924–1925 гг. в Бресте (ул. Леваневского) по проекту архитектора Ю. Лисецкого (рисунок 4). Фронтон здания завершен декоративной вазой и украшен лепным медальоном с надписью года строительства римскими цифрами и двумя орлами.

Виде четырехколонного классического портика оформлен вход в здание школы № 1 в Глубоком (1931–1932 гг.) (рисунок 5). Но здесь этот классический элемент служил, скорее, только знаком, отмечающим вход в гимназию и подчеркивающим определенную смысловую связь с традициями классического образования. Так же как некий знак следует рассматривать и портик, приставленный к жилому дому в Гродно (ул. Реймонта, 18). Из-за небольшого масштаба здания колонны в центре портика пришлось раздвинуть, чтобы обеспечить проход. В своих пропорциях портик довольно точно следует классицистическим образцам.

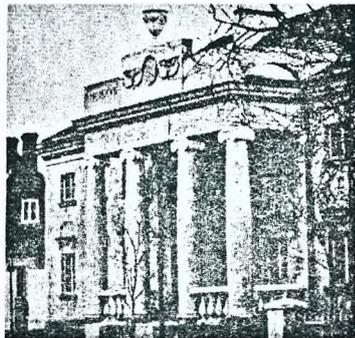

Рисунок 4 – Бывшее казино в Бресте (1924 – 1925 гг.)

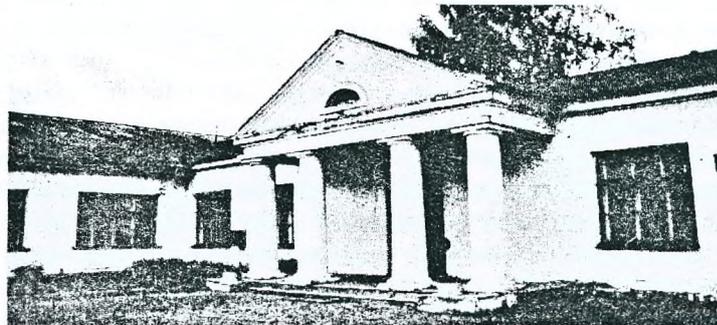

Рисунок 5 – Школа № 1 в Глубоком (1931 – 1932 гг.)

Однако не во всех постройках 1920-х гг. формы неоклассицизма следует трактовать лишь как определенный знак. В административном здании в Пинске (ул. Ленина, 25) не использованы ни колонны, ни пилястры (рисунок 6). Из всех декоративных элементов неоклассицизма оставлены только треугольный фронтон, фриз, отмечающий цокольную часть, и карниз под свесом кровли. Структура здания, лаконичный внешний вид и гармоничные пропорции позволяют отнести постройку к течению «модернизированного классицизма», имеющего свои безусловные аналоги не только в польской, но и в европейской архитектуре. В рамках этого течения классицистические принципы построения композиции здан сочетались с отказом от нефункциональных декоративных элементов.

Особые исторические условия – вхождения белорусских земель в состав двух государств с противоположными политическими системами – не могли не отразиться на развитии архитектурной стилистики. Рассматривая распространение неоклассицизма на белорусских территориях в 1920-х гг., можно заключить, что его наиболее характерные проявления нашли место в западных регионах, где он использовался в проектах представительских государственных зданий. Определенное распространение здесь получила также тенденция к упрощению классических форм, что позволяет выделить в качестве самостоятельного направления «модернизированный классицизм», имеющий свои безусловные аналоги не только в польской, но и в западноевропейской архитектуре.

Рисунок 6 – Административное здание в Пинске (1920 – 1930-е гг.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ревзин, Г.И. Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX в. / Г.И. Ревзин. – М.: Общ. ист. арх. при СА России, 1992. – 168 с.
2. Шыдлоўскі, І.А. Архітэктурная спадчына Браслаўшчыны: Гіст. – архіт. нарыс. / І.А. Шыдлоўскі. – Мінск: Палымя, 1996. – 158 с.

УДК 72.031(476.7)

Сергачев С.А.

НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ: ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА

Исследователями не раз и вполне справедливо обращалось внимание на разнообразие декоративного убранства жилых домов на Западном Полесье /1, с. 43; 2, с. 10–11/. Резьбой украшали наличники окон, причелины, карнизы, обшивку углов и фронтонов, ворота и калитку, позднее крыльца и веранды. При этом реалии природного ок-

ружения в полной мере находили отражение в сюжетах архитектурного декора. Образы-символы, включавшиеся в декор крестьянских построек, с одной стороны, были частью духовного наследия. Закономерность этого заключается в типологии традиционных базисных символов национальной художественной картины мира белорусов /3, с. 51/, которая среди основных понятий содержала символы, которые имели охраняющие функции (петух) или обращались к символам, связывавших жизнь крестьянина с тем, что его окружало и от чего зависела его жизнь, жизнь его семьи и всего сообщества (земля, небо, лес, река), с основным видом деятельности – с сельским хозяйством (конь, уж) и т.д. Но с другой стороны, эти же образы-символы, вошедшие в декоративное убранство хаты, становились средством свободного самоизъявления, ориентированного на демонстрацию своей принадлежности к определенным слоям общества, они были заявлением о своем вероисповедании и т.д.

Поэтому, разработав общую идею декорирования, каждый конкретный узор орнамента, мастер должен был наделять сюжеты смыслом, сделав их понятными для прочтения. Только это могло приблизить к успеху, который, в его представлении, будет заключаться не просто в удачном декоративном убранстве здания и в качественном техническом-исполнении строительных работ, а, самое важное, в естественном вхождении сооружения в мир духовности. С одной стороны, глубокие прорези и отверстия резьбы содействовали решению чисто технической проблемы – обеспечивали как можно более быстрое удаление атмосферных осадков и быстрое высыхание древесины после намокания, а, значит, и более долгий срок службы этого элемента, например карнизной доски. Но с другой, элементы архитектурной резьбы в художественной форме стали развитием известных с языческих времен оберегов, которые обязательно наносили люди на сооружения.

В архитектурном декоре Западного Полесья, как и по всей Беларуси, использовались самые разнообразные геометрические мотивы с простейшими фигурами (полукруг, треугольник, зубчики, круглые отверстия, ступеньки и др.) и сформированные на их основе более сложные композиционные построения, орнаментального характера. Но самым важным, независимо от сюжетной тематики декорации, всегда была четкая ритмичная структурированность орнамента – это, прежде всего, расстановка акцентов, – тут мастер должен был проявить особое художественное чутье. В связи с этим обращает на себя внимание характерная черта западнopolесского народного зодчества – трактовка фронтона хаты при двускатной крыше в виде двухслойной обшивки в верхней части его, у самого конька (Грушевка и Кривляны Каменецкого, Девятки Кобринского районов и др.), с приданием второму слою самых разнообразных фигурных форм (Рис. 1). Среди использовавшихся сюжетов растительной тематики в архитектурном декоре: сердечко, лилия, цветочный бутон, стреловидные побеги, травка и др. Из зооморфных образов чаще встречаются изображения коня и птиц (Рис. 2), известно изображение ужа. Последние годы обращение к зооморфным сюжетам выводит на фасады изображения таких животных, которые в качестве образов-символов ранее не встречались – белочка, заяц (Рис. 3). Подобное расширение тематики свидетельствует о переменах в восприятии сельскими жителями окружающей среды, о совершенствовании арсенала творческих приемов на основании использования новой информации, о готовности развивать потенциал традиций народной архитектуры в целом. В этом просматривается также стремление сельских жителей по-прежнему жить в согласии с природой и понимание ими леса как гармонически существующей среды. Растительные и зооморфные сюжеты очень часто соседствуют с солярными знаками – солнце (полный солнечный диск, его половина или четверть диска с исходящими лучами) и луна (лунные серпики), что в целом поддерживает жизнеутверждающие образы, свойственные народной культуре белорусов и, в частности, фольклору. Но на Западном Полесье тема солнца в архитектурном декоре занимала главенствующее положение.

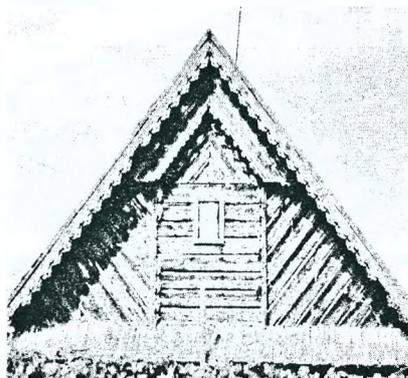

Рисунок 1

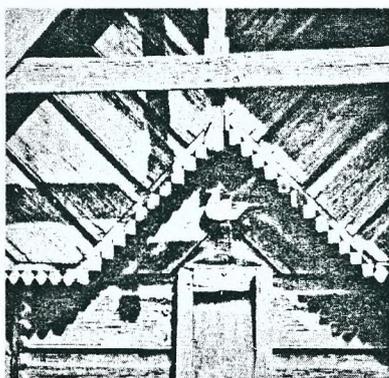

Рисунок 2

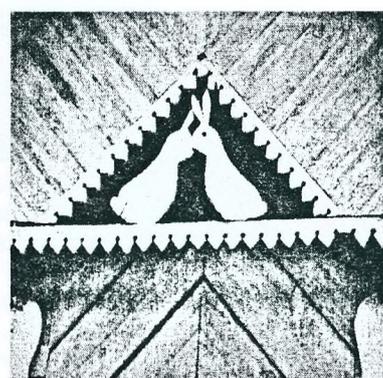

Рисунок 3

Известно, что исторические события на Западном Полесье всегда были динамичны, характеризовались достаточно частой сменяемостью коллизий, появлением на исторической арене новых личностей. Поэтому строительство новых сооружений всегда было чем-то знаменательным, входящим в исторический ход явлений, становилось своеобразной новой точкой отсчета временного периода в жизни усадебных комплексов, приходов и т.д. Поэтому саму дату появления нового здания порой отмечали ее обозначением на фасаде, причем на самом видном месте, в хорошо обозримой зоне. Так, в общем-то, поступали по всей Беларуси в усадебных комплексах, в том числе и на территории современной Брестской области: над входом в амбар на фронтоне – дата "1911" (Копылы Каменецкого р-на), на фронтоне винокуренного завода – дата "R 1911" и инициалы нового владельца – "Т" и "N" (Совейки Ляховичского р-на), на фронтоне конюшни – дата "1909" и также инициалы – "I" и "R" (Грушевка Ляховичского р-на) /4, с. 216, 266. 429/ и др.

Известен пример датировки, вырезанной на стене деревянного здания с внешней стороны, – “Roku 1799 msa iulia dnia 21” (колокольня в Шерешево Пружанского р-на). Надпись вырезана на ровной поверхности бруса и в связи с тем, что это притолока входной двери колокольни, стоявшей перед входом в церковь, она всем была доступна для обозрения и прочтения.

На стенах различных крестьянских построек в Беларуси дата на фасаде здания также известна: дверь клетки в Ясневичах Ивьевского района – “1945”, фронтоны хаты в Семеренках Мостовского района – “1925”, наличник окна хаты в Заостровечье Клецкого района – дата “1929” и инициалы “Д” и “М”, наличник окна хаты в Слободе Богушовской Бобруйского района – дата “1924” и др., но такие факты очень редки. А на Западном Полесье дата на главном фасаде жилого дома не редкость.

В определенной мере в крестьянской среде ощущалось стремление продемонстрировать новизну строительства или перестройки здания, особенно если это жилой дом. При всей патриархальности быта и общественных отношений сельские жители были заинтересованы в познании лучших образцов, лучших методов и приемов выполнения работ. В этом проявлялась мировоззренческая позиция белорусов, однозначно ориентированная на потребность улучшения качества среды и предметов, которые окружали человека. Всегда общественное мнение отмечало новую одежду, повозку, любые другие вещи или же постройки. В фольклоре хорошие качества сооружений или мебели обычно и обозначались словом “новая” или “новый” – хата, клеть, стол, колодец и т.д. /5, с. 59/. Поэтому появление даты на фасаде жилого дома – это всегда информация об улучшении положения семьи, экономическом и социальном. А вынесенные на важные в композиционном плане части фасада, такие надписи, обладая огромным информационным потенциалом, всегда органично включались в общую систему декорации строения.

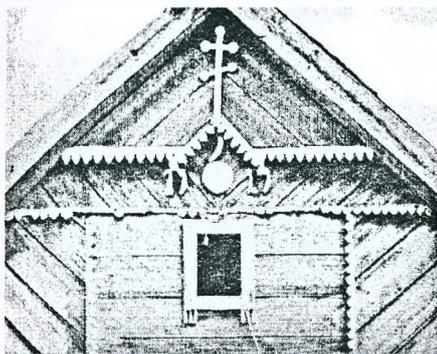

Рисунок 4

При этом, размещение даты в интерьере, безусловно, имело место – Рожковка Каменецкого района /6, с. 213/, но использовалось редко, так как становилось чем-то вроде внутрисемейного пользования. Но так как было желание информацию донести всему сообществу, то это стремление старались реализовать в виде выразительной, с точки зрения мастера, художественной формы. Застойливо вырезанным цифрам подбирали важное с точки зрения композиции место на фасаде (Рис. 4). Как правило, это был фронтоны, его визуальная доступность была как бы гарантированной. Обычно использовалась ось фронтона, размещение даже немного в стороне – редкость (Залесье Кобринского района). Цифровая информация нередко дополнялась буквой “R”, чтобы цифры однозначно воспринимались в качестве даты (Чемеры II Каменецкого района).

Прорисовка цифр и букв никогда не была академически строгой, хотя в деревянном материале это было сделать проще. Использовалась плавная изогнутость линий, при этом проявлялась каллиграфия руки человека, непривычного к письму. Но, тем не менее, изготовление цифр и вынос их на фасад, в определенной мере может восприниматься и как демонстрация культурного уровня семьи, в том числе и уровня образования, что в те далекие годы было не столь ровным, как теперь.

Начало строительства обычно связывалось с какой-либо конкретной датой, так как сам факт строительства следовало ввести в событийную цепь семьи и сельской общины в соответствии с представлениями о наиболее благоприятных моментах временного цикла. 1920–1930-е гг. были именно таким периодом, ознаменовавшим завершение военного противостояния, восстановление хозяйства, создание новых семей. Это же относится и к периоду второй половины 1940 – началу 1950-х гг. (Чемеры II Каменецкого, Залесье Кобринского районов). Именно это обстоятельство – активное включение дат строительства жилых домов в архитектурный декор – стало и, надо полагать, было обычной частью декоративного внешнего убранства жилища на Западном Полесье.

Весьма важным представлялось также хозяину в условиях Западной Беларуси заявить о своей профессиональной принадлежности /7, с. 11/. Это было своеобразным обозначением своих приоритетов в духовной сфере (Рис. 4) и даже в политике. В условиях достаточно острой политической борьбы, характеризовавшей восточные воеводства Речи Посполитой в 1920–1930-е гг., включение в декоративное убранство жилого дома символов религии отражало отношение сельских жителей к тем процессам, которые охватили общество. Да и в последующем, когда религиозные убеждения людей не были уважаемы, на фасадах домов сохранялись выполненные в прежние годы элементы декорации, воспроизводившие религиозные символы (Мотоль Ивановского, Подомша Каменецкого районов и др.) и свидетельствовывавшие, безусловно, о высокой духовности и стремлении к красоте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якімовіч, Ю.А. Драўлянае дойддства Беларускага Палесся XVII–XIX стст. / Ю.А. Якімовіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1978. – 146 с.
2. Сахута, Е.М. Народное искусство и художественные промыслы Белоруссии / Е.М. Сахута. – Минск: Польша, 1982. – 96 с.
3. Кажухоўская, Л.С. Базісныя сімвалы нацыянальнай мастацкай карціны свету беларусаў / Л.С. Кажухоўская. – Мінск: РІВШ БДУ, 2002. – 117 с.
4. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т. Федорук; ред. Т.Г. Мартыненко. – Минск: БелЭН, 2004. – 576 с.
5. Сергачоў, С.А. Вобразы дойддства ў беларускім фальклоры / С.А. Сергачоў // Архитектурные тетради. – Вып. 2. Современные проблемы архитектуры и стратегия архитектурного образования: сб. науч. тр. / Белорус. нац. технич. университет; редкол.: Е.С. Агранович-Пономарева [и др.]. – Минск: БНТУ, 2006. – С. 57–62.

6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, БелСЭ ; рэдкал.: С.В. Марцалеў (гал. рэд.) [і інш.]. Брэсцкая вобласць. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1984. – 368 с.
7. Власюк, Н.Н. Деревянное зодчество приграничных регионов Западного Полесья / Н.Н. Власюк // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно-туристское использование. Материалы II междунар. науч.-практ. конф., 29–30 апреля 2010 г., Брест. – Брест: БрГТУ. 2010. – С. 6–16.

УДК 72.036

Чердина И.С.

ДЕТАЛЬ И СИМВОЛИКА В АРХИТЕКТУРЕ МОСКВЫ 1930-40-х ГОДОВ

Проблема сохранения своеобразия исторического города стала особенно актуальной, начиная с конца XIX века. Именно в это время начался бурный рост российских городов, ставший следствием развития капиталистических отношений. Но так как исторический город не статичное образование, а живой организм, живущий по своим законам, очень важно определить, что для каждого конкретного города является наиболее ценным, какой период его развития был более продуктивным и полнее всего отразил характерные черты этого исторического города. Естественно, что, определяя приоритеты, каждая эпоха выдвигала свои ценности, которые выявлялись в истории и подлежали особому сохранению. В этом плане в Москве, очевидно, сложилась очень непростая ситуация. Бурное послевоенное строительство буквально сметало с лица города его историю. Почти исчезла «историческая среда» (основу которой составляла застройка конца XIX начала XX веков). Настала очередь советского периода.

Конец XX и начало XXI века для истории советской архитектуры – очередной период бурного развития. И новый капитализм безжалостно разрушает то, что ему предшествовало. Поэтому созданное-советскими зодчими в течение 70 лет исчезает также стремительно, как и сооружения XIX века.

Столица – город наиболее привлекательный для нового строительства, поэтому проблемы Москвы и сохранения ее исторической архитектуры стоят крайне остро. Приходится констатировать, что сегодня в Москве стираются последние материальные следы нашей истории, восполнить которые будет уже невозможно. Исчезают следы целого периода развития отечественного зодчества, уникальные сооружения, памятники эпохи, на смену которым часто приходят муляжи и копии (такие как новая гостиница «Москва», созданная по образу и подобию здания 1930-х гг.).

Если обратиться к истории архитектуры, то можно обнаружить, что последние значительные изменения облика Москвы, как столичного города, произошли в довоенный период, когда складывалась концепция создания ансамбля столицы первого в мире пролетарского государства. Формировались принципы подхода к проектированию и строительству в первую очередь крупных общественных зданий, которые должны были полностью преобразить облик Москвы, отразить величие и мощь достижений социализма.

Грандиозные работы по реконструкции города начались в 1930-е годы в связи с принятием Генерального плана реконструкции столицы. Именно в эти годы в историческом городе происходили перемены, определившие своеобразие облика Москвы на весь XX век. Одним из определяющих факторов, сформировавших ее «архитектурное лицо», была идеологическая составляющая, которая ставила перед зодчими задачу создать столицу, архитектура которой отражала бы силу и могущество завоеваний социализма. В начале 1930-х годов произошла смена творческой направленности, ушел в небытие архитектурный авангард, в двадцатые годы определявший основное направление поисков советских архитекторов. Представление о прекрасной, сытой, легкой и радостной жизни должны были теперь создавать дворцы социализма, архитектура которых восходила к вечным законам классического искусства. В это время советские архитекторы начали создавать сооружения, в которых грандиозность масштаба сочеталась с богатством отделки, изобилием декоративных деталей и символических изображений. Эти приемы стали доминирующими и позволили создать своеобразие архитектуры 1930-1940-х годов. Естественно, что более всего новые черты были заметны именно в архитектуре общественных сооружений, значимость которых для облика города 1930-40-х годов трудно переоценить.

Использование советской символики при строительстве общественных сооружений было неотъемлемой частью образа отечественной архитектуры. Особое распространение прием украшения зданий декоративными элементами, в которые вводилась советская символика (серп и молот – герб СССР, пятиконечная звезда и др.), получил с начала 1930-х годов, когда перед советской архитектурой была поставлена задача отражения завоеваний и достижений социализма. Традиционным способом соотнесения сооружения со своей эпохой было включение символики в архитектурное оформление здания, в элементы его лепнины, скульптуры, мозаики, монументальной живописи. Эти приемы активно использовались зодчими в декоре строившихся в то время зданий и сооружений. Достаточно вспомнить декоративное решение станций метрополитена, Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, сооружений канала Москва – Волга, Северного Речного вокзала и других крупных объектов, включая проектируемый Дворец Советов, где советская символика стала естественной составляющей архитектурного убранства.

Наиболее полно время 1930-1940-х годов отразилось и, что самое главное, сохранилось в архитектуре станций московского метрополитена. Сегодня их можно назвать музеем материальной культуры своего времени. Обилие и любованье деталью в архитектурном оформлении довоенных станций и станций 1950-х годов поражает воображение. Задуманные и осуществленные как подземные дворцы, станции московского метро претворяли в жизнь и овеществляли мечту о светлом будущем, о красивой и изобильной жизни. Изобильным был и используемый декор.

Однако, понимая это сегодня, мы не можем не оценить высокого качества исполнения деталей в архитектуре станций метро и наземных «дворцов социализма». Над их изготовлением в те годы работали созданные (в метро, на ВСХВ и т.д.) мастерские, где трудились специально обученные ремеслу профессионалы. Именно их труд, их стремление к высокому качеству исполнения деталей позволяют говорить об уникальности созданных объектов. Интересно и то, что при проектировании крупных объектов (включая станции метро), архитекторы не ограничивались функционально необходимыми помещениями. В каждом таком сооружении обязательно присутствовали помещения как будто специально созданные для богатого декора. Это центральные залы подземных станций, переходы и различные коридоры в метро (хорошо известны западные образцы метро, где нет никаких центральных залов и все созданные подземные пространства сугубо утилитарны), огромные фойе, кулуары, рекреации в театрах и других общественных зданиях.

В московском метро создано огромное количество дополнительного пространства для работы архитекторов, художников и скульпторов, которые выработали язык оформления, характерный для своего времени. Использование символических изображений в деталях станций метро – яркий пример, характеризующий архитектуру 1930-1940-х годов. Кроме традиционно используемой советской символики (пятиконечная звезда, серп и молот), на станциях метро очень часто встречаются изображения полных колосьев, снопов и плодов. Колосющаяся нива – символ достатка, изобилия и плодородия – украшает архитектурные детали, помещается на капители колонн, вплетается в декоративные фризы. Эти мотивы, перемежающиеся изображениями серпа, молота и пятиконечных звезд, мы можем видеть почти на всех довоенных станциях.

Однако в 1930-40-е годы были попытки не просто украсить здание элементами символики, но и превратить само здание, его объемно-пространственное решение и все архитектурные составляющие в символ советской эпохи, придав этому зданию особую форму. Речь идет о Центральном театре Армии (Театр Красной Армии), построенном в Москве в 1934-1940 гг. История его создания наглядно демонстрирует путь поиска образа, от создания традиционного для того времени грандиозного сооружения с мощным портиком, изобилием скульптуры, в которую была включена советская символика, до решения здания в виде пятиконечной звезды. В конечном варианте проекта символика была доведена до своего возможного предела. Но анализ предложенного решения показывает, что здание-звезда (в понимании времени) отражало достижения периода «триумфального шествия социализма», а его внутреннее содержание (прежде всего организация сценического пространства) было тесно связано с периодом всенародных демонстраций и грандиозных действий двадцатых годов. Несмотря на отказ от идеи массового шествия через Дворец Советов – главное здание всей страны (решение было принято в 1932 г.), театр, в своей основе, сохранил возможности массовых (до 1000 актеров) действий, вывода на сцену танков или кавалерии. Для этой цели были предусмотрены размеры сцены (37,5 x 29,6 м) и ее трансформации, сооружены специальные пандусы.

История проектирования театра Красной Армии была достаточно долгой. Работа над проектом была начата в конце двадцатых годов архитекторами Д. Фридманом и Г. Глуценко. Проектирование шло на фоне обсуждений и конкурсных публикаций театральных проектов Весниных, Бархиных, М. Гинзбурга и других конструктивистских работ, что естественно повлияло на решение театрального здания, выполненного Д. Фридманом и Г. Глуценко. Но после подведения итогов Всероссийского конкурса на Дворец Советов в 1932 году стало ясно, что советская архитектура взяла курс на освоение классического наследия, и работа Д. Фридмана и Г. Глуценко была раскритикована. Известно, что архитектурному сооружению в тоталитарном обществе отводится роль воспитания и формирования культурного сознания, соответствующего времени, поэтому проект театра, выполненный Д. Фридманом и Г. Глуценко, оценили как сооружение, фасад которого «носил индустриальные черты, ни в коей мере не выражавшие дух и характер здания, предназначенного для обслуживания вооруженных бойцов эпохи строительства социализма». После критики проектирование театра шло долго и мучительно. Авторам проекта было предложено сделать несколько новых вариантов, а для стимулирования творческой мысли устроили закрытый конкурс, для участия в котором пригласили академика архитектуры И. Фомина, архитекторов Л. Руднева и В. Мунца. В 1933 году журнал «Строительство Москвы» опубликовал части проекта И. Фомина, которые демонстрировали новое понимание образного решения сооружений эпохи: огромный масштаб, портики, колоннады, мощные скульптурные фризy, в которые вплеталась советская символика. Театр должен был стать монументальным и помпезным сооружением. Все говорило о величии задач и грандиозности свершений. В этой истории интересно то, что независимо от решения внешнего облика театра, продиктованного эстетическими идеалами, созданными временем, его сценическая часть продолжала разрабатываться в соответствии с прежними идеалами, где главной идеей были грандиозные шествия, массовые действия с участием огромного количества актеров, лошадей и техники. С 1931 года над этими проблемами работал архитектор Т. Бардт, считавшийся специалистом по театральной архитектуре. Свидетельства о его участии в работе над проектом сцены театра Красной армии были найдены в архиве мастера.

Во второй половине тридцатых годов, якобы по идее Ворошилова, который предложил архитекторам К. Алабяну и В. Симбирцеву сделать театр в виде пятиконечной звезды – символа Красной армии, работа над созданием образа театра подошла к своему окончательному решению. Благодаря необычному плану, здание должно было стать образцом использования символики в советской архитектуре. Сложный план повлек за собой массу трудностей по вписыванию необходимых театральных помещений в крайне неудобную форму. Но это не остановило К. Алабяна и В. Симбирцева. Идея была доведена архитекторами до полного предела: тема звезды звучит везде, начиная с внешнего контура здания и его надстройки, где располагался релетиционный зал, и заканчивая пятиконечной в плане формой колонн, обрамляющих все сооружение. По первоначальному замыслу архитекторов на вершине театра

должна была стоять фигура воина, держащего пятиконечную звезду в высоко поднятой руке. В реализованном варианте статуя не была поставлена, но тема звезды в символическом решении была использована максимально.

Однако сложное по форме здание театра с уровня земли невозможно воспринять как пятиконечную звезду, прочтение образа было как будто рассчитано либо на гигантств, либо на взгляд с небес, или по утверждению В. Паперного, было ориентировано не на человека, а на некую «универсалию человека», что было характерно для многих объектов этого времени, начиная с грандиозного здания-пьедестала – Дворца Советов.

Театр трактовался как «архитектурный памятник Красной Армии». Многочисленные скульптуры, барельефы и живописные панно на темы, «отображающие историю и быт Красной Армии», должны были дополнить архитектуру здания. Над основным объемом театра была устроена плоская кровля, на которой планировали устроить летний променад, чтобы в перерывах во время спектаклей зрители могли прогуливаться на свежем воздухе. А для улаживания глаз и слуха трудящихся в острых углах звезды должны были быть фонтаны, расположенные на нижнем уровне здания. Наверх вода попадала сквозь специальные круглые отверстия, предусмотренные в проекте. Круглые отверстия были сделаны, однако фонтаны, «отображающие жизнь СССР – труд, быт, науку, искусства и технику», так же как и скульптуры на фасадах театра, так и не были установлены. Не появилась и фигура «красноармейца со звездой в руке, сделанной из самоцветов» (еще одно повторение символа). Однако все эти незавершенности не помешали зданию театра Красной Армии стать одним из мощных архитектурных символов своего времени, который до сих пор потрясает зрителей своей неординарностью.

В архитектуре Москвы 1930-х годов форма звезды для плана здания была использована не один раз. Правда, масштаб этого сооружения был гораздо более скромным. Речь идет о наземном вестибюле станции метро Арбатская, который в плане тоже представляет собой пятиконечную звезду. Легенда гласит, что идею такого образного решения выносил и вложил в окончательное решение Л. Каганович. Причудливый силуэт и сложный объем сооружения, так же как и в истории с театром, можно увидеть только с высоты птичьего полета. Московские старожилы рассказывали, что именно эта причина сделала в военные годы павильон-звезду наиболее привлекательным местом для вражеских бомбардировщиков. Он несколько раз становился мишенью для фашистских летчиков. Но повторяемость образа говорит о том, что в период 1930-40-х годов сложилась некая номенклатура часто используемых символов, смысл которых был ясен даже ребенку. Этой символике и советским символам придавалось огромное значение, они стали неотъемлемой чертой архитектуры 1930-1940-х годов.

У памятников советской архитектуры 1930-1940-х годов, несмотря на их различное функциональное назначение, была еще одна общая черта – почти литературная повествовательность, опирающаяся на приподнятость героического образа и романтизация в подходе к созданию архитектурного решения. Этот эффект достигался с помощью тонко проработанных деталей и декора, имеющего идеологически проработанный символический смысл.

Зодчие особое внимание уделяли деталям, часто размещаемым в дополнительных (исходя из функциональной необходимости) архитектурных пространствах, совокупность которых вместе с грандиозностью форм и объемов должна была создавать монументальный и незабываемый облик памятников архитектуры своей эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проектирование театра Красной армии // Строительство Москвы. – 1933. – № 6.
2. Паперный, В. Кухлята два / В. Паперный – М.; 1996.

УДК 693.22.004.18

*Uściłowicz J.*¹

BIZANTYJSKI GOTYK POGRANICZA POLSKI, BIAŁORUSI, LITWY I UKRAINY. WPROWADZENIE DO BADAŃ CERKWI MONASTYRYCZNEJ W SUPRAŚLU

1. Wstęp

Zachodnie rubieże Litwy, Białorusi i Ukrainy oraz wschodnie rubieże Polski, zarówno dawniej jak i obecnie, leżą w tej strefie Europy, która częściowo należy do kultury greko-słowiańskiej, dawnej bizantyjskiej, a dziś wschodnio-ortodoksyjnej, a częściowo również do kultury łacińskiej, zachodnio-katolickiej. Prawosławie wraz z rzymskim katolicyzmem, z wyodrębnionymi z nich później: grekokatolicyzmem i protestantyzmem, współtworzą duchowość chrześcijańską tych terenów. Kształtowały świadomość, kulturę i tożsamość wielu narodów tych ziem.

Istnienie religijnego i kulturowego pogranicza to zjawisko bardzo interesujące, intrygujące i twórcze. Rozejście² się obu Kościołów – Zachodniego i Wschodniego – od gwałtownego aktu w 1054 r. po XIII w., stało się bolesną i dość trwałą cezurą w historii chrześcijaństwa. Przez cały okres, z różną intensywnością i konsekwencjami dla sztuki obu Kościołów,

¹ Jerzy Uściłowicz, prof. nzw. dr hab. inż. arch., Zakład Architektury Kultur Lokalnych, Wydział Architektury Politechniki Białostockiej; Dyrektor International Union of Architects UIA Work Programme „Spiritual Places”

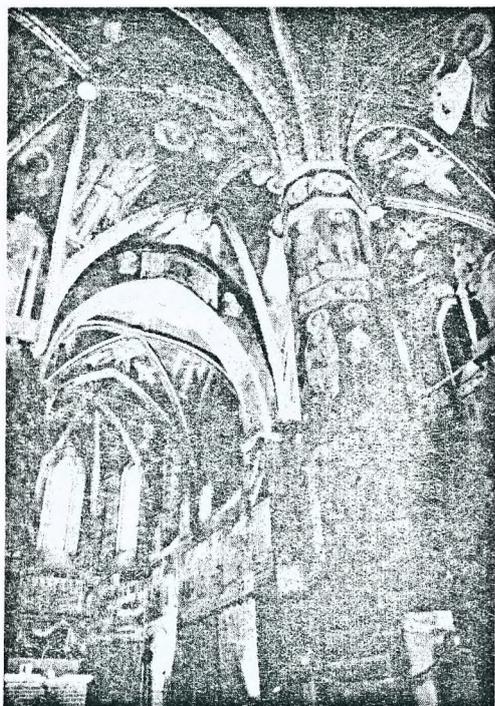
² Jak słusznie stwierdził Włodzimierz Łoski: „Problem pochodzenia Świętego Ducha był jedyną dogmatyczną przyczyną podziału pomiędzy Wschodem i Zachodem. Wszystkie różnice, które historycznie następowały po lub towarzyszyły pierwszemu sporowi o Filioque, gdy miały znaczenie teologiczne, bardziej lub mniej były związane bezpośrednio z tym decydującym określeniem”. W. Łoski, La procession du Saint-Esprit dans la doctrine trinitaire orthodoxe, (w:) W.A l’image et à la ressemblance de Dieu, Paris 1967, s. 67. Por. W. Łoski, Theologie mystique de L’Eglise d’Orient, (wyd. polskie) tenże, Teologia mistyczna Kościoła wschodniego, (przeł. M. Sczaniecka), Inst. Wyd. PAX, Warszawa 1989.

ujawniało się jednak ich ciągle wzajemne zainteresowanie. Pomimo narastającej, zewnętrznej alienacji i nie raz wyrażanej wrogości, dostrzegaliśmy jednak pewne akty współpracy i wymiany idei oraz różnych form kultu. Szczególnie na poziomie sztuki, zwłaszcza na terenach wspomnianego pogranicza. Działo się tak ze sztuką, zwłaszcza ze sztuką ikony, jak i w obrębie samej architektury. Spektakularnym przykładem są choćby malowidła rusko-bizantyjskie w gotyckich kościołach w epoce pierwszych Jagiellonów, gotyckie wpływy w architekturze cerkwi litewskich, białoruskich i ukraińskich XV-XVI w., czy też późniejsze przenikanie renesansowych i barokowych elementów do architektury i sztuki cerkiewnej.

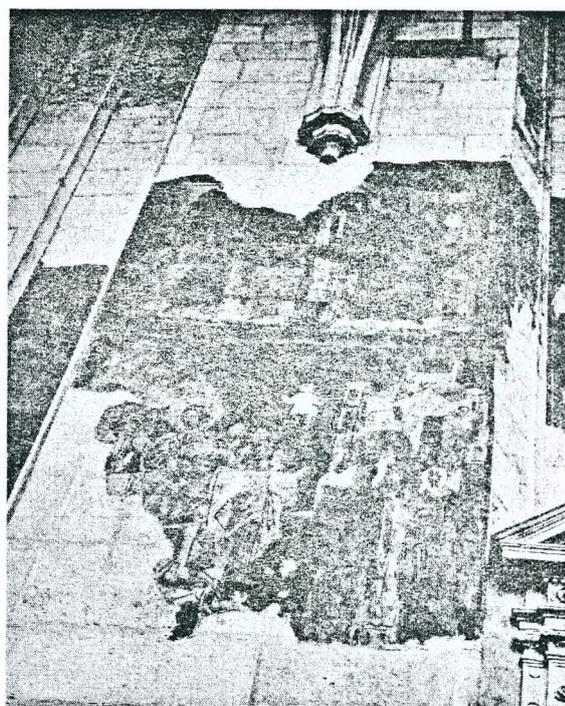
Przypomnijmy sobie parę najbardziej spektakularnych przykładów tej dawnej, ponadkonfesyjnej transpozycji w sztuce świątynnej, ograniczając ją najpierw do interesującego nas tematu zastosowania w niej monumentalnej ikonografii.

Pierwszym jest lubelski kościół Świętej Trójcy zwany również Kaplicą Zamkową (fot.1). Pełnił on funkcję kaplicy królewskiej. Pochodzi z 1326 r. To tutaj ściany wewnętrzne tej gotyckiej, zachodniej w konwencji stylistycznej świątyni fundacji króla Władysława Jagielly, malarze ruscy pokryli wspaniałymi XV-wiecznymi malowidłami wykonanymi według kanonu bizantyjskiego. Jest to niewątpliwie jeden z najpiękniejszych na ziemiach polskich, zachowanych prawie w całości, przykładów tego typu malowideł. Jego niepowtarzalność i uroda polega właśnie na syntezie, na harmonijnym związku gotyckiej architektury i ikony.

Drugim przykładem jest kolegiata w Wiślicy (fot.2). Zbudowana w 1350 r. z fundacji króla Kazimierza Wielkiego jest dwunawowym kościołem zaliczanym do ekspicyjnych. Na ścianach jej prezbiterium zachowały się również przepiękne fragmenty rusko-bizantyjskich fresków z ok. 1400 r., tak jak w Lublinie, fundacji Władysława Jagielly. Przedstawiają one różne sceny z życia Matki Bożej i Chrystusa.

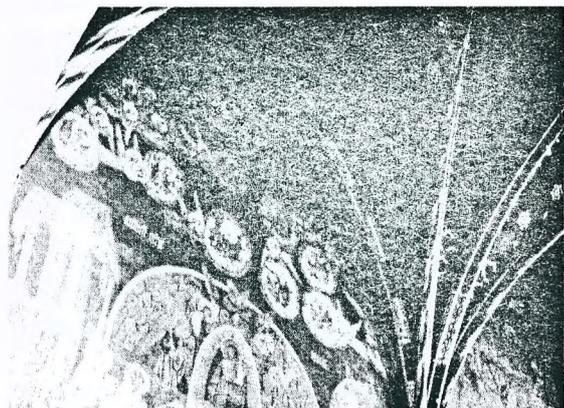

Fot. 1 – Kaplica Świętej Trójcy na Zamku w Lublinie, wnętrze z widokiem na absydę prezbiterialną, fot. J.Uściniowicz, 2011

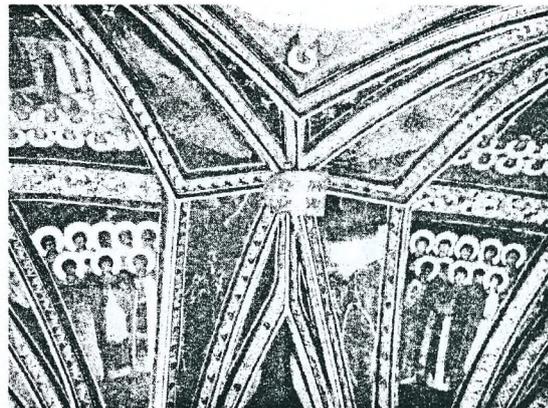

Fot. 2 – Bazylika kolegiacka Narodzenia NMP w Wiślicy, freski na ścianie północnej prezbiterium, fot. J.Uściniowicz, 2008

Trzecim jest kolegiata sandomierska, dziś będąca bazyliką katedralną Narodzenia Najświętszej Maryi Panny (fot. 3). Wielokrotnie gościł tu król Władysław Jagiello. To również z jego fundacji około 1423 r. powstały w prezbiterium wspaniałe freski namalowane w kanonie sztuki bizantyjskiej. Za głównego ich twórcę uznano osiadłego po 1426 r. w Przemyślu o. Hayala. Są to jedne z najcenniejszych przykładów średniowiecznego malarstwa monumentalnego w Polsce.

Fot. 3 – Bazylika katedralna Narodzenia NMP w Sandomierzu freski na ścianie północnej prezbiterium, fot. J.Uściniowicz, 2008

Fot. 4 – Kaplica Świętego Krzyża i Ducha Świętego, w Katedrze na Wawelu freski na sklepieniu, fot. J.Uściniowicz, 2008

Czwartym przykładem jest kaplica Świętokrzyska na Wawelu zwana także *Jagiellońską*, jedna z dziewiętnastu kaplic wawelskiej katedry (fot.4). Powstała w latach 1467–1477, z fundacji króla Kazimierza IV Jagiellończyka. Zalicza się do najcenniejszych wnętrz katedry za sprawą rusko-bizantyjskich polichromii. Stanowią jeden z niewielu przykładów pskowskiej szkoły w Polsce. To kolejny przykład dialogu pomiędzy kulturą Zachodu a Wschodu.

Takich dawniej powstałych przykładów może nie mamy zbyt wiele. Świadczą one jednak o tym, że pomimo zamkniętych struktur jurysdykcyjnych obu Kościołów po ich rozejściu się w 1054 r., pomimo nakładania sobie wielu ograniczeń w kontaktach i skłonności do utrzymania trwałej izolacji, sztuka wykazywała jakby na przekór temu swą niezależność. Żyła bez specjalnych ograniczeń i zakazów.

2. Inkastelacje i tzw. białoruski gotyk

Najbardziej chyba intrygujące wydają się być dla nas architektów wzajemne wymiany wartości w samej architekturze sakralnej. Temat niniejszego zbioru odnoszący się do dziedzictwa kulturowego architektury zbudowanej w obszarze ziemi nadbużańskiej można by tutaj potraktować ogólnie jako strefę pogranicza polsko-białorusko-ukraińskiego. Trudno ją bowiem precyzyjnie ograniczać geograficznie, do terenów przebiegu samej rzeki i okolic do nich przyległych. Byłoby to metodycznie nieuzasadnione.

Frapującym zjawiskiem jest istnienie na tym pograniczu świątyń późnogotyckich lub gotycko-renesansowych o cechach obronnych, inkastelowanych. Obiekty te ujmowane są w białoruskiej literaturze przedmiotu jako „białoruski gotyk XV-XVI w.”.

Można na wstępie zapytać, co to takiego jest „białoruski gotyk”? Mikołaj Szczakacichin w swojej fundamentalnej pracy „*Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва*”³ konstatuje, w odróżnieniu do swoich tak polskich, jak i rosyjskich poprzedników, że jest ona wynikiem oryginalnej twórczości artystycznej narodu białoruskiego, a nie tylko wynikiem materialnej podstawy spolaryzowanych – jak to bez ogródek nazywa – „kterykalno-szowinistycznych” pozycji. Akcentuje przy tym uwagę na narodowych korzeniach tego kulturowego zjawiska. Dotyczy to szczególności „białoruskiego gotyku sakralnego a zwłaszcza cerkiewnego”, który w odróżnieniu do gotyku świeckiego (zamki) jest swoistym fenomenem na skalę światową.⁴ Wywiódł swoją koncepcję, jak słusznie zauważa Tamara Gabruś, z teorii stopniowego rozwoju form architektury na podstawie zapożyczenia pierwowzoru, lokując go w gotyku niemieckim szczególnie w architekturze budownictwa obronnego czyli zamków krzyżackich⁵.

Autor ten za najbardziej wyrazisty wzór gotyku w Wielkim Księstwie Litewskim, przejętym z Niemiec uznał kościół Św. Anny w Wilnie, który wpłynął na pobudowany później kościół bernardynów z flankowaną wieżami fasadą. Ten zaś – jak twierdzi – stał się typologicznym wzorem dla uformowania tzw. białoruskiego gotyku w typie czterowieżowych obronnych cerkwi. Choć oczywiście pogląd ten lokujący pierwowzór w kościele św. Anny został już powszechnie skorygowany, bo był to bowiem najpóźniejszy obiekt, zbudowany w gotyku w Wielkim Księstwie Litewskim, a nie najwcześniejszy (co potwierdziły kwerendy w archiwum I.L. Chreptowicza w Szczorsach i prace badawcze J.Jegorowa, M.Kacera, M.Tkaczowa czy A. Kusznerowicza), ale słuszną wydaje się być lokacja źródeł powstania tego pierwowzoru typologicznego cerkwi obronnych w tymże ośrodku. Wilno niewątpliwie dało swoje pierwotypy rozwiązań stylistycznych.

Trzeba stwierdzić ogólnie, że obiekty cerkiewne powstałe na ww. terenie pogranicza tworzą zwartą grupę świątyń tzw. bizantyjsko-gotyckich, o podobnym typie architektury i konstrukcji budynku obronnego, bazylikowego, oflankowanego czterema wieżami. Obiektów architektury tej grupy było w dawnej Polsce i Wielkim Księstwie Litewskim parę. Są to cerkwie w Nowogródku, Brześciu, Kodniu, Synkowiczach, Supraślu, Małomożejkowie (Murowance) i w Wilnie. Wraz z innymi obiektami obronnymi dawnej Rzeczypospolitej, ziemi przemyskiej, Pińszczyzny, Podola i Wołynia, takimi jak cerkwie w Posadzie Rybotyckiej, Szczebreszynie, Sutkowcach, Zimnem, Rahatyniu, Ostrogu, Międzyrzeczu, a także świątyniami innych konfesji chrześcijańskich – rzymskokatolickimi kościołami w Kamajach, Gnieźnie, Grodnie i Iszholdzi a także kalwińskimi zborami w Zasławiu, Smorgoniach i Ostaszynie – stanowią część dającej się wyodrębnić stylistycznie grupy świątyń obronnych o cechach gotyckich.

Nie jest to bowiem gotyk w czystej postaci, a to co w badanych cerkwiach jest najbardziej pociągające, to właśnie ta inna twarz gotyku, jakby nałożona na twarz prawdziwą jej gotycka maska, wskazująca na skumulowanie na jej zewnętrznej obudowie przestrzeni liturgicznej, a częściowo tkwiąca także wewnętrznej jej strukturze, porządku i elementy zespalające w całość różne wartości, reprezentujące różne kultury lokalne i konfesje chrześcijańskie, wyrosłe z odmiennych tradycji budowania i ozdabiania świątyń. Cerkwie te mają przecież, tak jak wiele łacińskich kościołów zachodnich, przejęte od nich wzory późnogotyckich sklepień krzyżowych, kryształowych i gwiaździstych, dwuspadowe dachy korpusów nawowych, ostrołuki portali i otworów okiennych, wątki murów, charakterystyczne dekoracje rombów, czy użyte do ich budowy gotyckie cegły. Ale sposób realizowania w nich porządków przestrzenno-liturgicznych, form i elementów wystroju czy ikonografii charakterystycznych dla Kościoła wschodniego, prawosławnego oraz sposób powiązania wszystkiego w syntetyczną całość, daje niespotykane gdzieindziej efekty. Warto zinterpretować i ocenić je na nowo, zwłaszcza, że niektóre z nich poddawane są dziś procesom rekonstrukcji i sanacji.

Niewątpliwie, tak jak liczne cerkwie Wołoszczyzny, Mołdawii czy Serbii, Bułgarii, ale także Armenii i Gruzji, cerkwie Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony, zaliczyć należy do grupy świątyń tzw. peryferii bizantyjskiej – architektury kulturowego pogranicza chrześcijańskiego Wschodu i Zachodu. Właśnie tutaj powstawały jedne z najciekawszych i nietypowych

³ М. Шчакаціхін, Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва, Крывіцкае (Вялікалітоўскае) Навуковае Таварыства Пранціша Скарыны, Нью Їрк 1970.

⁴ Jak stwierdzają badacze Mikołaj Szczakacichin nie mógł bezpośrednio badać tych obiektów in situ lecz uczynił to poprzez prace W. Franciewiczza, J.Jodkowskiego, M.Sokołowskiego, A. Bohusza-Szyski, P.Pokryszkina i in.

⁵ Т.В. Габрусь. Мураванья харалы. Сакральна архітэктура беларускага барока. Мінск „Ураджай”, 2001.

zarazem dzieł sztuki wschodnio-chrześcijańskiej, o niesłychanej różnorodności i o wyrafinowanych formach sakralnej ekspresji. Daleko wykraczały one poza ugruntowane od dawna schematy sztuki architektonicznej kręgu bizantyjskiego. Komponent bizantyjski, głównie zakodowany w układzie strukturalnym budowli, łączył się i przyswajał tutaj różne konwencje stylistyczne, dając w efekcie nową, bardzo oryginalną jakość. Dość by wspomnieć tutaj takie perły architektury pogranicza jak: Curtea de Arges, Targoviste, Studenica, Sucevita, Neamt, Voronet...etc. Wszędzie tutaj krzyżowały się wpływy Wschodu i Zachodu chrześcijańskiego, dawały swoje dowody syntez i estetycznej symbiozy.

3. Grupa cerkwi bizantyjsko-gotyckich⁶

Pominiemy tutaj w analizach pierwsze przykłady XV w. gotyku na terenie Białorusi tj. kościoły Podniesienia Krzyża Świętego w Sielubi (jednostupowego) i Świętej Trójcy w I szkoldzi (9-polowego), obu przebudowanych na zbory kalwińskie w XVI w. i rekonwertowanych na rzymskokatolickie w latach 1641-1642 r. Choć zastosowane w nich rozwiązania miały oczywiście wpływ na kształtowanie się i zakorzenienie stylu gotyckiego w architekturze cerkiewnej, ale dokonało się to raczej w postaci transpozycji pośredniej, poprzez przebudowę cerkwi Św. Św. Borysa i Gleba w Nowogródku (1517-1519) i cerkwi Świętego Ducha w Kodniu (fot. 5). Wpływ ten szczególnie jest widoczny w uformowaniu struktury przestrzennej i bryły zewnętrznej, zastosowaniu gotyckich sklepień i przypór. Szczególne jest tutaj również podobne, jednoabsydialne rozwiązanie strefy prezbiterialnej.

Cerkiew w Nowogródku fundacji hetmana WKL Konstantego Ostrońskiego zbudowana była na fundamentach wcześniejszej XII w. cerkwi prawosławnej i w dzisiejszej postaci ma charakter jawnie gotycki (fot. 6). Ma podobny do kościoła w I szkoldzi 9-polowy plan (tutaj lekko trapezowy po obrysie) i wyodrębnioną znacznie bardziej absydę prezbiterialną. Paradoksalnie ma też bardziej linearną, a nie dośrodkową dyspozycję korpusu. Wewnątrz jednak zauważa się zróżnicowanie rozwiązań sklepień. Podobny jest system łuków podpierających sklepienia i sama konstrukcja sklepień. Pola między przęsłowe są jednak w ujęciu podłużnym różnej wielkości a środek jest wyróżniony sklepieniem krzyżowym. W ujęciu poprzecznym, w odróżnieniu od I szkoldzi (fot. 7), cerkiew ma jednakowej szerokości pola nawowe, co daje w odbiorze przestrzennym wrażenie quasi transeptu. Tworzy to charakterystyczny układ sklepień skomponowany w formę greckiego krzyża. Jest to interesujące zastosowanie konwencji centrycznej do układu linearnego. Strefa inicjacji eucharystycznej została tutaj również wzmocniona poprzez sklepienie gwiaździste. Ściana wschodnia korpusu naosu została tutaj ujęta jednorodnie w postaci zespołu łuków tęczyowych. W ten sposób powstaje wrażenie kanonicznego dla prawosławia, niezbędnego dla odprawiania liturgii, układu trójabsydialnego.

Fot. 5 – Kościół Ducha Świętego w Kodniu, dawna cerkiew Świętego Ducha, fasada, fot. J.Uścińowicz, 2005

Fot. 6 – Cerkiew Św. Św. Borysa i Gleba w Nowogródku, widok od strony południowo-zachodniej, fot. J.Uścińowicz, 2001

Na zewnątrz charakterystyczne dla gotyku przypory różnią się zasadniczo. W Nowogródku nie są one ustopniowane i prostokątne w planie, lecz poligonalne o jednakowym wykoju. Również zaznacza się charakterystyczny dla ruskiej architektury cerkiewnej dwupodział stref z górną (z fryzem arkadkowym) i dolną. Cerkiew była przebudowana, najpierw przez unitów w 1624-32 r. otrzymując za fundacji Aleksandra Chreoptowicza fasadę barokową. Później po powrocie do prawosławia w XIX w. uzyskuje formę do dziś ostateczną lecz zmienioną, zmienioną do pierwotnego poprzez zastosowanie historyzujących elementów wież tzw. pseudoruskiego stylu.

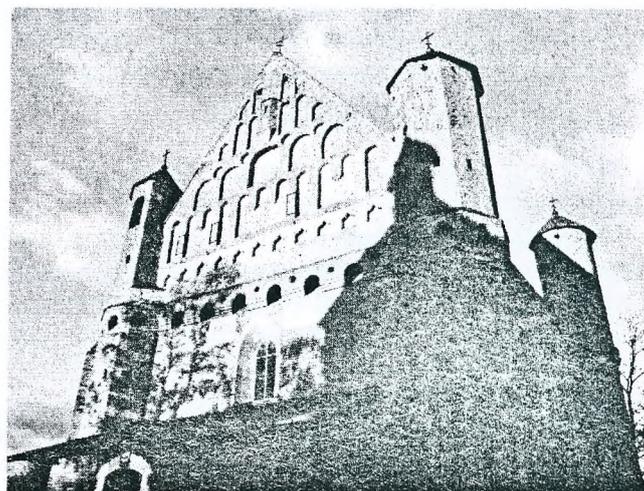
Natomiast znajdująca się po zachodniej stronie Bugu cerkiew w Kodniu zbudowana w latach 1520-1530 z fundacji Pawła Sapiehy wojewody nowogrodzkiego, prawie dokładnie powtarza w swojej architekturze kościół w I szkoldzi. Pierwotnie prawosławna, później katolicka, służyła jako kaplica dworska rodu Sapiehów do XIX w.⁶ Jest to cerkiew świątynia orientowana. Jest jedną z dwóch murowanych gotyckich cerkwi, obok cerkwi Św. Onufrego w Posadzie Rybotyckiej w Prze-

⁶ Przez wiele lat był tutaj przechowywana ikona Matki Boskiej Kodeńskiej wykradzony w 1630 z Rzymu przez Mikołaja Sapiehę. Nad wejściem umieszczona jest płyta nagrobna Jana Sapiehy (o przeniesieniu ciała ojca do zamkowej cerkwi zdecydował Paweł). Informują o tym napisy w języku staroruskim. Witraże znajdujące się w budynku są współczesne. Cerkiew pełni obecnie funkcję kościoła filialnego pod wezwaniem Św. Ducha.

myskiem, jakie ostały się w Polsce w formie autentycznej. Cerkiew kodeńska zbudowana jest podobnie na planie 9-polowym. Reprezentuje cechy gotyku, ale szczyt i portal ma już wczesnorenansowy. Wewnątrz warto zwrócić uwagę na sklepienie żebrowo-gwiazdyste i ikonę Chrystusa Pantokratora z XVII w.

Fot. 7 – Kościół Świętej Trójcy w Iszkoldzi, fasada, fot. J.Uściłowicz, 2008

Fot. 8 – Cerkiew Świętego Michała Archanioła w Synkowiczach, fasada, fot. J.Uściłowicz, 2008

Przywołane świątynie – w Iszkoldzi i Kodniu – różnicują formy absyd. W Kodniu jest ona hemicyklowa (zgodnie z renesansowym nawiązaniem) zamiast graniastej (gotyckiej) oraz lokacje wież. Plan jest nieco skoszony, zgodnie z kanonem ruskiej architektury cerkwi – co pewnie wpłynęło na niejednorodność rysunku graficznego sklepień, a szczególnie żeber sklepiennych, zwłaszcza części środkowej. Innowacją wydają się być tutaj słupy o wykroju krzyżowym, stanowiące w zasadzie krzyż filarów podporowych, mających swoje bezpośrednie (w ścianie południowej) i pośrednie przeniesienie na układ zewnętrznych przypór. W analogii do kościoła w Iszkoldzi w cerkwi kodeńskiej mamy wykorzystanie w ścianie frontowej całej struktury zamkniętych lukowo blend okiennych w postaci ślepych nisz (w Iszkoldzi dodatkowo wyciętych w przyporach fasady) oraz zastosowanie pasa dekoracyjnego (obecnie zatynkowanego) i dekoracyjnych wstawek z przepalanej cegły. Istnienie struktury blendowej jest tutaj bardzo podobne do kościoła pobernardyńskiego w Wilnie i obu cerkwi: w Synkowiczach i Małomożejkwie.

W sferze hipotez pozostaje zastosowanie tego typu ustrukturywania ściany frontowej i jej genetycznego związku z formą ikonostasu. Niewątpliwie jednak zespolenie gotyckich form wyrażania i konstrukcji z semantyką form architektury prawosławnej świątyni, mogło mieć swoje konsekwencje na zasadzie wtórnej transpozycji. Powstało na zasadzie dostosowania i poszukiwania większych wartości ideowych w architekturze niż tylko wartość dekoracyjna. Od zawsze bowiem, na każdym stopniu ewolucji budowania architektury świątyni, ortodoksja poszukiwała przesłanej ideowych dla stosowanych form, nadając im status teologicznego wyrazu, w logicznym ustąpieniu hierarchii – od estetyki do religii. To istotne rozwinięcie, tj. traktowanie fasady jako drugiego, zewnętrznego ikonostasu, wspaniale rozwinięte w cerkwi Św. Mikołaja w Mohylewie, jest najlepszym potwierdzeniem takich działań.

Ale ewolucyjny postęp w oswojeniu gotyku i nadaniu mu służebnej roli wobec struktur przestrzenno-funkcjonalnych i liturgiczno-sakramentalnych, potwierdzonych w architekturze i sztuce nastąpił jeszcze wcześniej. A ma swój najpełniejszy wyraz w cerkwiach warownych w Synkowiczach, Murowance (Małomożejkwie) i najdoskonalszy chyba ze wszystkich – w Supraśli.

Dla celów metodologicznych, by zobrazować lepiej istotę prowadzonego tutaj wywodu porzucimy w tej chwili chronologię.

Cerkiew Św. Michała w Synkowiczach (fot. 8) zbudowana została w 1 poł. XVI w., prawdopodobnie w pierwszej dekadzie. Przebudowana w latach 1880-1881, początkowo była prawosławna, później unicka⁷, i od 1839 r. ponownie prawosławna. Raczej absurdalną jest teza, że cerkiew powstała w 1407 r., chyba, że miała soje genetyczne pochodzenie od budowli zamkowej, później przysposobionej do swojej funkcji kultowej. Ale to już wymaga bezpośrednich badań *in situ*.

Jak twierdzi Kusznierewicz prawdopodobnie wzniesiono ją bezpośrednio po lub przed cerkwią Świętej Trójcy w Wilnie, z fundacji Księcia Konstantego Ostrońskiego i przez tych samych majstrów. Zbudowano ją na planie lekko pochylonego czworoboku, z trzema hemicyklowo zamkniętymi od wschodu apsydami, kryjąc wysokim dachem dwuspadowym. Naroża cerkwi oflankowano czterema wieżyczkami z otworami strzelniczymi. Wieże przy fasadzie są u dołu czworoboczne i podparte szkarpami, u góry zaś – ośmioboczne. Wieże tylnie są okrągłe. Każdą ze ścian bocznych podpierają dwie szkarpy. Ozdobą cerkwi jest wspomniany wysoki trójkątny szczyt fasady, z kilkoma pasami wnęk różnej wielkości. Wejście prowadzi przez dobudowany później niebył fortunnie narthex. Trzynawowe halowe wnętrza nakrywają sklepienia krzyżowe z żebrami, wsparte na czterech ośmiobocznych filarach.

Sylweta cerkwi odznacza się pięknymi proporcjami. Wokół świątyni, w górnej części ścian, ciągnie się pas machikuł. Drugi, niższy pas machikuł biegnie przez apsydy i dolne kondygnacje tylnych baszt. Ewentualnym są tutaj hemicyklowe

⁷ W okresie międzywojennym w latach 1926-1934 działała tu parafia obrządku bizantyjsko-słowiańskiego (neounicka), prowadzona przez jezuitów z misji w Albertynie pod Stonimierzem. Po 1934 r. świątynia stała się ośrodkiem parafii rzymskokatolickiej. Po II wojnie światowej cerkiew była zamknięta i służyła jako magazyn, a w 1990 r. powrócili tu prawosławni i przywrócili ją do kultu.

absydy – trzy w poziomie przyziemia i jedna w poziomie gzymsowania. Ta oczywista innowacja, podyktowana koniecznością zachowania zewnętrznego gotyckiego charakteru i praktycznego przekrycia jednorodnym dachem stożkowym, a nie osobnymi stożkami wieńczącymi każdą z absyd, tak w cerkwi wileńskiej jak i synkowskiej, dało bardzo interesujące efekty przestrzenne. Uzyskano je konstrukcyjnie przy pomocy schodkowych tramp, znanych jeszcze z Bizancjum we wnętrzu i mających swoje powszechne tam zastosowanie. W ten sposób zachowano przestrzeń prezbiterialną dostosowaną do liturgii wschodniej, na zewnątrz okrywając formę praktycznym, prostym w wykonaniu i w użytkowaniu dachem. W późniejszej cerkwi w Małomożejkowie tego zabiegu już nie wykonano, co poświadcza, że cerkwie te stanowią oczywisty etap ewolucji form absyd z układu 3 do 1- cyrkularnego, co miało swoje już późniejsze konsekwencje w dobie baroku.

W obu świątyniach uderzające jest podobieństwo zastosowania pasa arkaturowego wokół wschodnich wież i absyd ołtarzowych. Nie jest to przypadkiem i ma swoje symboliczne znaczenie. Pas arkaturowy w architekturze ortodoksji, a szczególnie w architekturze staroruskiej cerkwi włodzimierskich, był łącznikiem pomiędzy sferą ziemską i boską. Tak jak ikonostas poświadczał o dialektycznym związku obu tych sfer. Były opowieścią o życiu świętych w ogrodzie rajskim. Były trzonami i koronami drzew rajskiego ogrodu Eden, który był formą pierwotną oraz przejściową dla stanu przebóstwienia stworzeń – *paradosis*. Podobnie interpretować możemy również system arkadkowy strzelnic oraz zastosowaną w wieżach zasadę „kwadratury koła” czy też inaczej mówiąc wykołowania kwadratu – przejścia od geometrii poligonalnych do cyrkularnych.

W cerkwi mamy na szczycie 6 rzędów i aż 11 typów nisz blendowych, od okrągłych do łukowych, od półkolistych, ostrołukowych do bi- i triforialnych i innych. Dolny pas jest pasem strzelnic (machikuł). Tej doskonałej, rytmicznie, hierarchicznie i symetrycznie skomponowanej struktury nie da się również nie skojarzyć z ikonostasem.

Innym, równie interesującym przykładem jest cerkiew Narodzenia Bogurodzicy w Małomożejkowie (fot. 9). Zbudowana została z cegły i kamienia w 1 poł. XVI w. (do 1542 r.). Była to świątynia pierwotnie prawosławna, później unicka. Została zamknięta po 1839 r. z polecenia władz carskich, a po 1863 r. przywrócona do kultu jako świątynia prawosławna. Podczas przebudów w latach 1817 oraz 1871-1872 do fasady przybudowano niewielką kruchtę, podwyższono zachodnie wieże i obniżono dach. Ponownie zamknięta po I wojnie światowej, została w 1928 r. zamieniona w kościół rzymskokatolicki w 1928 r. Po raz kolejny zamknięta po II wojnie światowej przez pewien czas funkcjonowała jako muzeum. W 1991 r. świątynia została przekazana katolikom, a później prawosławnym. Obecnie, po remoncie, funkcjonuje jako cerkiew prawosławna.

Fot. 9 – Cerkiew Narodzenia Bogurodzicy w Małomożejkowie, widok od strony północno-zachodniej, ot. J. Uścińowicz, 2001

Fot. 10 – Cerkiew Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu, widok od strony południowo-wschodniej, fot. J. Uścińowicz, 2010

Cerkiew, otoczona starymi drzewami i stojąca na niewielkim wzniesieniu ma piękną, harmonijną sylwetkę. Jest to budowla trójnawowa, wzniesiona na planie prostokąta, z czterema cylindrycznymi narożnymi wieżami, kryta dwuspadowym łachem. Elewacje są częściowo otynkowane. Biel tynków pięknie kontrastuje z surową czerwień gotyckiej cegły zachowanej w elewacjach wież i ścian bocznych. Ściany zewnętrzne są ozdobione płytkami otynkowanymi wnękami zwieńczonymi podwójnymi łukami. Fasadę wieńczy wysoki trójkątny szczyt ozdobiony dwoma rzędami blend. Nawy nakryte są gotyckimi sklepieniami kryształowymi. Pod świątynią znajdują się sklepione piwnice.

Cerkiew wieńczy proces ewolucyjny tzw. bizantyjskiego gotyku na Białorusi.

4. Cerkiew monastyczna Zwiastowania Matki Bożej w Supraślu – historia dawna i współczesna

Katolikon Supraskiej Ławry wzniesiony w latach 1503-1511 (fot. 10), tak jak i poprzednie cerkwie, ma wiele cech architektury zachodniej. Do nich niewątpliwie zaliczyć należy: późnogotyckie typy sklepień krzyżowych, kryształowych (fot. 11) i jwiądzistych (żebrowych), ostrołuki portali i otworów okiennych, wątki murów, charakterystyczne dekoracje rombów, czy choćby użytą do ich budowy cegłę (tzw. palcówkę – o wymiarach 8x15x30cm). Elementem charakterystycznym jest również dwuspadowy dach przekrywający korpus główny oraz podobne do mazowieckich kościołów, choć spotykane również bardzo często w cerkwiach staroruskich, ale odmiennie interpretowane niż w kościołach tacińskich, odchylenie osi rezbiterium od osi głównej świątyni (znane na terenach Podlasia np. z katedry łomżyńskiej czy kościoła w Wiźnie).

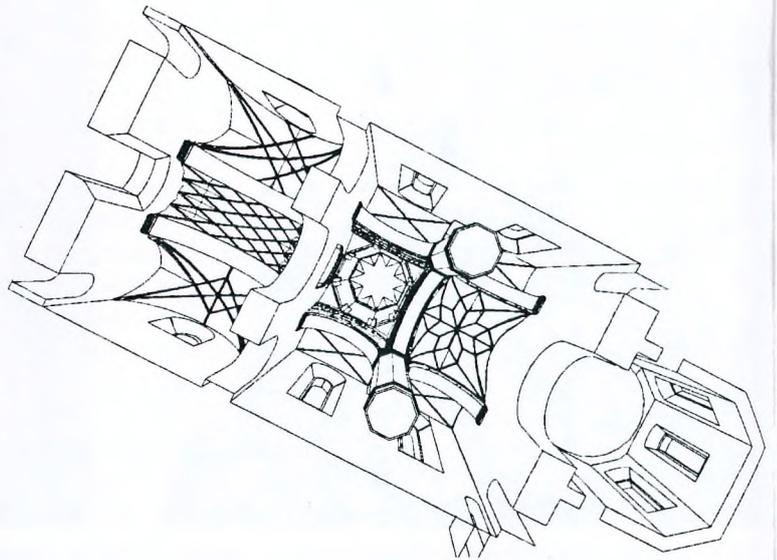
Wszystkie trzy wspomniane cerkwie warowne – w Supraślu, Synkowiczach i Małomożejkwie – są do siebie podobne w swych zewnętrznych rysach stylistycznych i wydawać by się mogło, że tylko w niektórych elementach architektonicznych, detalach czy wątkach dekoracyjnych różnią się pomiędzy sobą. Wskazywałoby to na dokonujący się w tej architekturze naturalny postęp ewolucyjny. Teza ta, po głębszych analizach, nie uzyskuje jednak swojego potwierdzenia.

Co prawda cerkiew supraska jest bardzo zbliżona w geometrii planu do obu wcześniej omawianych obiektów. Występuje w niej też podobny podział na trzy nawy i flankowanie prostokątnego rzutu czterema wieżami. Na tym jednak ich podobieństwo się kończy. Zasadnicze różnice, występujące w układzie przestrzennym świątyń, zarysowują się już w ich rozplanowaniu. Plan cerkwi w Supraślu jest bardziej wydłużony na osi wschód – zachód. Znacznemu zmniejszeniu uległa szerokość naw bocznych, na rzecz poszerzenia nawy środkowej i zrównania jej szerokości do podłużnych rozpiętości międzysłupowych. W konsekwencji utworzyło to pseudotransept, którego w poprzednich cerkwiach nie znajdujemy. Miejsce trzynawowej bazyliki zajęła tutaj bazylika o układzie krzyżowo-kopułowym, a więc budowla centralna, stojąca w sprzeczności z gotycką konstrukcją przestrzenną zachodnich katedr. Nasuwa się tutaj naturalnie skojarzenie z klasycznym już dziewięciopopelowym, sześciopopelowym układem świątyni bizantyjskiej, oczywiście w swej staroruskiej XII-wiecznej transpozycji. Prototypem białoruskim może być tutaj chociażby cerkiew Zwiastowania Matki Bożej w Witebsku z XII w., o niezwykle zbliżonym do cerkwi supraskiej rozplanowaniu.

Dominujący, centralnie położony, oktagonalny bęben z kopułą, przy znacznie obniżonym poziomie pozostałych sklepień, daje wyraźnie centralny układ wnętrza, w którym kierunek z zachodu na wschód, od wejścia ku absydzie prezbiterialnej nie jest już tak wyraźnie nakreślony jak w katedrach o układzie bazylikalnym. Panuje tutaj, charakterystyczny dla Wschodu, ruch okrężny, wokół jednego wyraźnie zaznaczonego centrum – przestrzeni pod kopułą. Dyspozycja koncentryczna przestrzeni bierze tutaj górę nad jej układem linearnym, który ma miejsce w katedrach romańskich i gotyckich chrześcijańskiego Zachodu. Zwraca również uwagę charakterystyczny podział przestrzeni wewnętrznej cerkwi na część prezbiterialną z trójboczną absydą, naos oraz narteks (z położonym nad nim chórem). Część ołtarzowa ma tutaj bizantyjski, trójdzielny układ – wyraźnie dominujące sanktuarium z bema oraz dwa pastoforia: prothesis i diakonikon – pozostające w ścisłym związku z rytmem liturgicznym Kościoła wschodniego (fot. 12).

Fot. 11 – Cerkiew Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu, sklepienie narthexu, fot. J.Uściniowicz, 2011

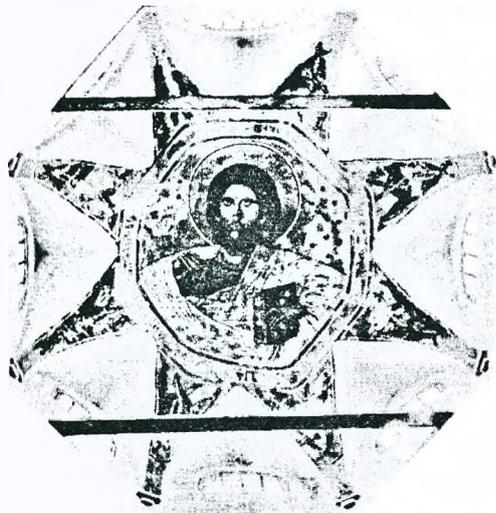

Fot. 12 – Cerkiew Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu, aksonometria, rys. J.Uściniowicz

Krzyżowo-kopułowy układ wnętrza ujawnia się również w formie zewnętrznej świątyni supraskiej, co znacznie odróżnia ją od pozostałych, podłużnych, czterowieżowych cerkwi. Dotyczy to zwłaszcza układu dachu, którego główny korpus został przecięty poprzecznie przebiegającym przekryciem oraz centralnie położoną 5-tą wieżą, doświetlającą klasycznie podniebienie kopuły świątyni z ulokowaną tam ikoną Chrystusa Pantokratora (fot. 13). Pojawienie się tej kopuły jest wśród obiektów obronnych istotną osobliwością. Źródeł genetycznych formy i konstrukcji wieży środkowej świątyni oraz form jej "beczkowego" przekrycia, można poszukiwać zapewne w drewnianej architekturze typu namiotowego (słupowego), choć najbliższą analogią wydaje się być tutaj grupa murowanych cerkwi mołdawskich XV-XVII w., z ich charakterystycznymi, wysokimi wieżami bębnowo-podkopułowych.

Cerkiew Błagowieszceńska w Supraślu, z jej niecodzienną architekturą i wspaniałą ikonografią wywiedzioną z bizantyjskiego kręgu kultury bałkańskiej II połowy XVI w. wpisuje się jednak w tragiczną historię Bizancjum. Jej dzieje – od momentu powstania aż do definitywnego zburzenia, są świadectwem postępującej świadomej neutralizacji i eliminacji wartości sztuki prawosławnej, sztuki, która od misji Apostołów Słowian Św. Św. Cyryla i Metodego, miała dawniej w Polsce swoje trwałe miejsce. Współtworzyła autochtoniczny rdzeń jej wielonarodowej i wieloreligijnej kultury. Po siłowym przejściu mo-

nastyru przez unitów w XVII w. cerkiew traci stopniowo swój pierwotny charakter świątyni prawosławnej. Eliminowane są jej największe wartości. Traci wówczas pierwotny ikonostas, zamieniony w 1664 r. na późnorenesansowy, będący bardziej wytworem snycerskiego rzemiosła i pozłotnictwa niż dziełem sztuki ikonograficznej, obiektem kultu i teologicznym traktatem. Część unikalnych fresków zostaje zasłonięta, część zamalowana, a część zniszczona, przy zakładaniu nowej dekoracji stiukowej ścian. Zmienia się całkowicie wystrój świątyni, upodabniając do wystroju wnętrz kościołów łacińskich. Powstają boczne ołtarze, nowa ambona, balkon chóru. Po powrocie monasteru do prawosławia w 1839 r. (1824?) następuje próba częściowego odbudowania tego pierwotnego wystroju. Proces ten został jednak przerwany po wymuszonym na mnichach ich opuszczeniu klasztoru w 1918 r. (tzw. „bieżeństwie”) i po przejściu cerkwi w okresie międzywojennym przez zakon salezjanów. Niszczona w okresie II wojny światowej – najpierw przez armię sowiecką, a po 1941 r. niemiecką – została wysadzona w powietrze 23 lipca 1944 r. Dotrwała do lat 80. XX w. w postaci trwałej ruiny.

Fot. 13 – Chrystus Pantokrator – fresk w kopule cerkwi Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu, fot. Pietrowa z 1864 r.

Fot. 14 – Święty Nikita – fragment ocalałych fresków z cerkwi Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu, Muzeum Ikon w Supraślu, fot. J. Uścińowicz, 2011

Po tych okrutnych dla tej świątyni aktach antyreligijnego i antykulturowego wandalizmu przetrwało do naszych czasów jedynie 30 fragmentów dawnej ikonografii, które są eksponowane w supraskim Muzeum Ikon (fot. 14). Stanowią one żywą pamięć o wyjątkowym zespole bizantyjskich malowideł ściennych wykonanych, według Kroniki Ławy Supraskiej, przez artele kierowany przez serbskiego mnicha „Serbina Naktarija Malera”.

Dziś świątynia ta – dzięki wielkiej ofiarności i wysiłkowi Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego – już została podniesiona z ruin. W swojej zewnętrznej formie architektury stanowi obiekt ukończony. Obecnie dokonuje się rekonstrukcja architektury jej wnętrza, wystroju i ikonografii. Freski mają swoje udokumentowane przedstawienie w rosyjskich i polskich zbiorach fotografii oraz opisach poinwentaryzacyjnych sporządzonych w 1911 r., przez Pokryszkina. Wyjątkowe znaczenie ma także rekonstrukcja pierwotnego XVI w. ikonostasu, organicznie związanego z dawną ikonografią i architekturą świątyni. Stanowił on na tych ziemiach – najdalej na zachód, w pasie wspólnego pogranicza wpływów Kościołów Zachodniego i Wschodniego – świadectwo końcowego, ewolucyjnie postępującego procesu rozwoju przegrody ikonowej w prawosławiu – czterorzędowego ikonostasu typu tablicowego – *tableau*. Takich ikonostasów na tych ziemiach nie było. A był to ikonostas – dziś już można z dużą dozą prawdopodobieństwa, po przeprowadzonych kwerendach archiwalnych i analizach porównawczych – napisanego przez wymienionego już powyżej, słynnego „Serbina Nektarija Malera”, autora nie mniej słynnej hermenei, czyli podręcznika malarskiego z połowy XVI w.

5. Résumé

Przywołana grupa cerkwi obronnych bizantyjsko-gotyckich powstałych w XV-XVI w. na całym pograniczu polski-litewsko-białorusko-ukraińskim, począwszy od cerkwi Błagowieszczańskiej w Supraślu i bezpośrednio z nią spowinowacanych cerkwi w Synkowiczach i Małomożejkwie, Kodniu i Wilnie, a także w ich transpozycjach pośrednich cerkwi w Posadzie Rybotyckiej, Szczebrzeszynie, Sutkowcach, Zimnem, Ostrogu i Międzyrzeczu – stanowią ewenement w architekturze europejskiej, trudny do jednoznacznego sklasyfikowania lecz nadzwyczaj oryginalny. Nie są to obiekty typowe w swej stylistycznej i przestrzennej kwalifikacji, zarówno dla chrześcijańskiego Wschodu, jak i Zachodu. Struktury przestrzenno-liturgiczne, właściwe dla świątyń prawosławnych „ubrano” w nich jakby w kostium gotyku. Ich zewnętrzne formy przypominają świątynie gotyckie, wnętrza zaś mają strukturę wyprowadzoną z bizantyjskiego prototypu cerkwi w Nea Moni, Myralejonu czy Hosios Lukas, zakodowanego w klasycznym, 9-polowym modelu krzyżowo-kopułowym, typu krzyża wpisanego. W niektórych z nich mamy do czynienia również z wyjątkowo cenną, dostosowaną do tych struktur ikonografią, zarówno freskową ścian jak i ikonostasów.

Wszystkie te cerkwie stanowią dość istotne ogniwo łańcucha ewolucji architektury i sztuki przedstawieniowej prawosławia. Są szczególnie, bo w nich naocznie ogniskuje się dorobek dziejowy pogranicza wielu narodów, ściera się wiele tradycji i wpływów lokalnych. W nich też dochodzi do niespotykanego na taką skalę spotkania liturgii i sztuki prawosławnej z zachodnią architekturą gotycką. To co miało swoje miejsce w epoce pierwszych Jagiellonów w gotyckich

kościółach zachodnich w: Lublinie, Wiślicy, Sandomierzu czy Krakowie, a miało swą postać oryginalnej dodanej jednak *ex post* aplikacji ikonograficznej, uzyskało swoje naturalne, syntetyczne rozwinięcie we wschodnich cerkwiach pogranicza w: Wilnie, Kodniu, Synkowiczach, Małomożekowie oraz – najpełniejsze chyba i szczytowe – w cerkwi Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu.

I jeden krąg historii w ten sposób się jakby zamknął*.

УДК 693.22.004.18

Trojnieł P. WAPB, Białystok

BIAŁOSTOCKIE SYNAGOGI KOŃCA XIX WIEKU

Przedwojenny, wielokulturowy krajobraz Białegostoku współtworzyła społeczność żydowska licząca kilkadziesiąt tysięcy osób. Społeczność ta została wymordowana podczas II wojny światowej, a Żydzi którzy przetrwali holocaust po wojnie w większości wyemigrowali z Polski. Pierwszy dokument wzmiankujący o Żydach w Białymstoku, pinkas kahału z Tykocina, pochodzi w 1658 r.⁸ Wiadomo również, że gdy Stefan Czarniecki otrzymał własność prywatną Tykocin z białostockimi dobrami, w Białymstoku i okolicznych wsiach (Białystok też był wtedy wsią) mieszkało 75 Żydów⁹. Pierwsza bożnica powstała w Białymstoku na początku XVIII w, kiedy dobrami białostockimi władał już Jan Klemens Branicki. Data powstania tej pierwszej białostockiej bożnicy jest sporna. Według Piechołków bożnica powstała w 1711 r.¹⁰ Natomiast znany badacz Białegostoku Jan Glinka wskazuje na datę 1718 którą to odkrył na stropie *bimy* tejże synagogi w 1938 r.¹¹ Naprzeciwko tej pierwszej bożnicy, w centrum dzielnicy żydowskiej *Szulhof*¹², zbudowano w 1764 r.¹³ tzw. Synagogę Wielką. Hetman Branicki, który przyczynił się do rozwoju miasta w XVIII w. sprzyjał Żydom białostockim widząc w tym szansę na rozwój miasta.¹⁴ W 1799 r. w czasach zaboru pruskiego, Żydzi stanowili już – wg różnych danych od 45 do 53% społeczności miasta, zaś w 1807 r., po przejęciu miasta przez Rosjan 51%¹⁵. I połowa XIX w. to dynamiczny rozwój przemysłu włókienniczego w Białymstoku, a co za tym idzie przyrost ludności, także żydowskiej. W 1864 r. Żydzi stanowili 61,8% społeczności miasta i posiadali 17 synagog i bożnic.¹⁶ Kolejnym impulsem do dalszego rozwoju miasta było uruchomienie linii kolejowej łączącej Warszawę z Petersburgiem. W tym czasie żydowska gmina białostocka stała jedną z najliczniejszych na terenach dawnej Polski osiągając pod koniec wieku liczbę 47 tys. członków¹⁷. Wg Z. Romaniuka w 1897 roku liczba żydowskich mieszkańców Białegostoku wynosiła 41903 osoby co stanowiło 63,5%¹⁸. Lata 80-te XIX w. oraz przełom wieków to początek emigracji, na tle ekonomicznym, a także spowodowanej pogromami. Mimo to przed wybuchem I Wojny Światowej liczba ludności żydowskiej wzrosła do 64235 osób, co stanowiło w 1914 roku 66% mieszkańców miasta. Żydzi korzystali w tym okresie z 47 synagog i domów modlitwy w tym 26 murowanych.¹⁹ Wojna i emigracja zmniejszyły liczbę Żydów w Białymstoku do ok. 40 tys. w 1921 r. co stanowiło ok. 52% mieszkańców.²⁰ W dwudziestolecie miasto zwiększyło znacznie swój administracyjny obszar co także spowodowało spadek procentowy ludności żydowskiej, potęgowany dodatkowo przez wspomniane już nasilające się emigracje. W roku 1931 Polacy stanowili już 47% społeczności Białegostoku, natomiast Żydzi tylko 43%.²¹ Tuż przed wojną istniało w Białymstoku około stu synagog, bożnic i domów studiów religijnych, a w całym województwie mieszkało 96 rabinów.²² Spis bożnic zamieszczony w Księdze Pamięci Żydów białostockich z 1949 r. wymienia z nazwy 46 domów modlitwy oraz nieokreśloną liczbę pozostałych, mniejszych bądź nieczynnych bożnic²³.

* Pracę niniejszą wykonano w ramach badań naukowych W/WA/3/2011 realizowanych w Zakładzie Architektury Kultur Lokalnych Wydziału Architektury Politechniki Białostockiej w roku 2012.

⁸ Romaniuk, Zbigniew, Żydzi Białostoccy do 1915 r [w] Studia i materiały do dziejów miasta Białegostoku, Tom V, Białystok 2001, str. 147 Gmina żydowska w Białymstoku była początkowo zależna od Gminy w Tykocinie. Uniezależniła się w 1745 r.

⁹ Wiśniewski, Tomasz, Ważniejsze białostockie synagogi, [w:] Białostoczczyzna 1986 nr 4, str.8 por. T. Wiśniewski, Wielkie Synagogi w Białymstoku, [w:] Mówią Wieki 86/4.

¹⁰ Piechołkowie, Maria i Kazimierz, Oppidum Judaeorum Żydzi w przestrzeni miejskiej dawnej Rzeczypospolitej, Wydawnictwo Krupski i S-ka, Warszawa 2004, str. 245.

¹¹ Teki Glinki, t. 206 str. 13 (Wojewódzkie Archiwum Państwowe w Białymstoku), I Smulewitz jako datę zbudowania pierwszej bożnicy (the old Bet Hamidrash) również podaje rok 1718 (Białystok - a historical survey, [w:] The Bialystoker Memorial Book, str. 4) M. Gołowski podawał datę 1715 (za T. Wiśniewskim, [w] Ważniejsze białostockie synagogi... str. 8).

¹² Dzielnica Szulhof powstała na ziemiach wydzierżawionych wieczysto w 1700 r. od białostockiego Kościoła – na podst. Romaniuk, Zbigniew, Żydzi Białostoccy do 1915 r. str. 149.

¹³ Teki Glinki, t. 206 str. 14, na podstawie zapisu kahału białostockiego wywiezionego w 1928 roku do Wilna.

¹⁴ Więcej, Romaniuk, Zbigniew,... str. 150-151.

¹⁵ APB, Teki Glinki 182, k.3, porównaj Romaniuk, Zbigniew, Żydzi Białostoccy do 1915 r. str. 153., W 1799 roku liczba mieszkańców wyznania mojżeszowego stanowiła 1788 os.; w 1807 roku 2116 na 4145 mieszkańców miasta.

¹⁶ Romaniuk, op.cit. str. 164.

¹⁷ Piechołkowie, Maria i Kazimierz, Oppidum Judaeorum op.cit., str. 247, w 1878 gmina liczyła 20 tys. os. (59% mieszań.), w 1795 47 tys. os. (76% mieszań.).

¹⁸ Romaniuk, op.cit. str. 185, (63,5 % uwzględniając garnizon wojskowy, 67,4% - bez wojska).

¹⁹ Romaniuk, op.cit. str. 198.

²⁰ Piechołkowie, op.cit. Oppidum Judaeorum, str. 247.

²¹ Wiśniewski, Tomasz, Bożnice Białostoczczyzny, str. 135, wg Jewish Encyclopedia w 1929 roku Żydzi stanowili 47,8% mieszkańców (43150), w 1932 r. 60,5% (39155), w 1938 – 43% (42880 os.), Str. 811.

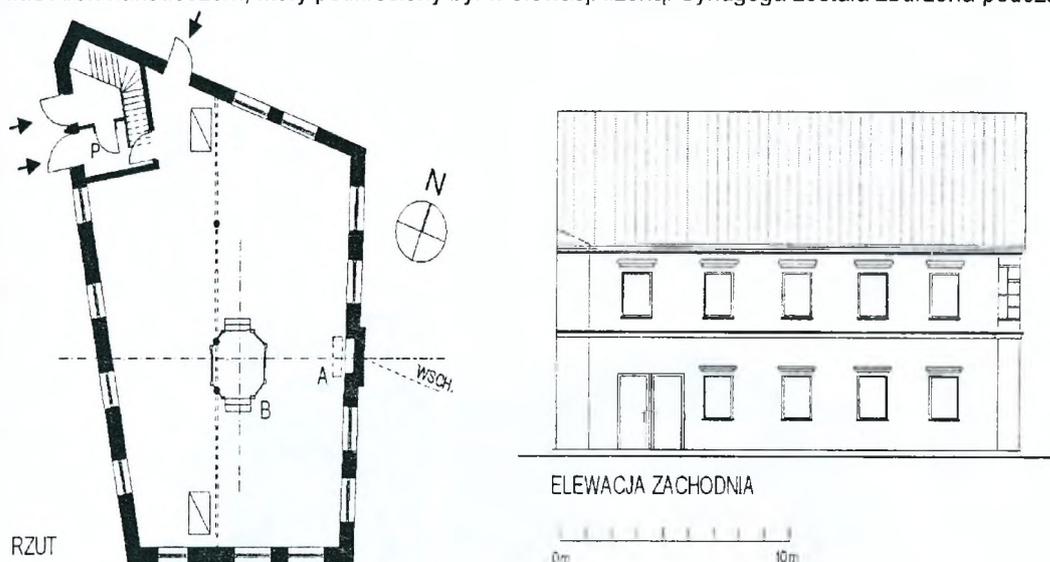
²² Dobroński, Adam, Białystok historia miasta, Zarząd Miasta Białegostoku, Białystok, 1998, str. 142, porównaj I. Smulewitz, Białystok - a historical survey, [w:] The Bialystoker Memorial Book, The Bialystoker Center New York, New York, 1982, str. 4, tłum. autor.

²³ Pinkos Białystok, 1949 (tłumaczenie na jęz. angielski, <http://www.jewishgen.org>), Białystok Jewish Historical Association, Inc, New York, 1949, 1950, w spisie brak Synagogi Cytrona, Podana liczba nie obejmuje drewnianej synagogi Piaskowej na której miejscu po rozbiórce zbudowano w 1893 r. nową murowaną bożnicę; wg T. Wiśniewskiego autor spisu - Abraham Samuel Herszberg w pol. lat 30-tych XX w. opisuje w Białymstoku ponad 60 synagog i domów modlitwy (za T. Wiśniewskim, Ważniejsze białostockie synagogi, [w:] Białostoczczyzna 1986 nr 4, str. 9).

Podstawowym celem niniejszej pracy jest poddanie analizie i ocenie wybranych przykładów białostockich synagog zbudowanych w ostatnim dziesięcioleciu XIX wieku (lata 1890-1900). W tym okresie liczba ludności żydowskiej stanowiła większą część społeczności miasta (ponad 60%) co spowodowało potrzebę wybudowania wielu nowych bożnic.

Synagoga na ul. Sobornej (1890)

Bożnica na ul. Sobornej w Białymstoku (ob. okolice ul. Św. Mikołaja), zbudowana na podstawie projektu z 1890 r.²⁴ jest kolejnym przykładem architektury synagogalnej z oryginalnym, charakterystycznym układem sali głównej modlitw ustawionej poprzecznie, dłuższym bokiem do osi synagogi. Fundatorem był *Szołem Giertowicz Derektor* na którego działce obiekt zrealizowano. Program budynku ograniczony był do głównej sali modlitw przeznaczonej dla mężczyzn, niewielkiego przedśionka oraz klatki schodowej prowadzącej do babińca na piętrze, otwartego na salę główną. Budynek synagogi powstał na planie wydłużonego czworoboku (zbliżonego do trapezu), dopasowanego do kształtu działki (il.1), był orientowany, z posadzką nie obniżoną w stosunku do otoczenia, z aronem umieszczonym symetrycznie na ścianie wschodniej oraz ośmiokątną bimą zlokalizowaną w centralnej części wysokiej sali głównej. Przekryty był prostym dwuspadowym dachem z kalenicą równoległą do dłuższego boku. Od strony zachodniej na poziomie drugiej kondygnacji zaprojektowany był babiniec w formie galerii opartej na stalowych bądź żeliwnych słupach. Dwa ze słupów wkomponowane były narożniki bimy. Elewacja zachodnia, dwukondygnacyjna dekorowana była skromnym detalem architektonicznym w postaci obramowań prostokątnych okien, prostego gzymsu między-kondygnacyjnego oraz gzymsu wieńczącego. Wejścia zlokalizowano w północno-zachodnim narożniku w elewacji frontowej (od strony ulicy, wejście dla kobiet oraz mężczyzn z przedśionkiem) oraz w elewacji szczytowej, północnej bezpośrednio do sali modlitw, dostępne z podwórza. Sala główna posiadała osiem wysokich prostokątnych okien z małymi okulusami nad nimi, oraz dziewięciątym okulesem umieszczonym na osi elewacji wschodniej, nad Aron hakodeszem, który podkreślony był w elewacji lizeną. Synagoga została zburzona podczas wojny.

Il. 1. Synagoga przy ul. Sobornej, 1890 r., Rzut i elewacja frontowa, oprac. autor

Synagoga Piaskowa (Piaskower Bet Midrasz) (1893)

Istniejący na ul. Pięknej 3 w Białymstoku budynek to dawna synagoga Piaskowa (Piaskower Bet Midrasz) zbudowana w latach 1890-93 w miejscu wcześniejszej, drewnianej bożnicy²⁵. Fundatorami nowej, murowanej synagogi byli *Ischak i Alme Jaczmienik, Kaltun, Małka Nawiaska, Daniel Ostryński, Jerusze Rozenthal, Oliezer Sobocki, Cwi Wilsztyk, Mojsze Wilmer oraz Cwi Zew Majewicz*, a działka na której postawiono budynek bożnicy należała do Mojżesza Nowika²⁶. Budynek bożnicy był podłączony do kanalizacji oraz posiadał oświetlenie elektryczne (73 lampy). Budynek przetrwał wojnę (il.3) służył jako olejarnia (w 1948 r.), potem użytkowany był przez Żydów białostockich którzy przetrwali holocaust, jako siedziba Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego Żydów, następnie jako biura Papierów Akcydensowych (od 1968 r.), Dom Kultury²⁷. Po pożarze w 1989 roku i niezrealizowanych planach adaptacji na Centrum Esperanto budynek został adaptowany i przebudowany (zmieniając wygląd) na potrzeby siedziby firmy deweloperskiej. Na podstawie zachowanych zdjęć i planów stanu po wojnie, oraz projektów adaptacji (min. na Siedzibę Towarzystwa Przyjaciół Grodna, 1987 r.) zrekonstruowano układ bożnicy w jej pierwotnym stanie (il.2). Budynek został zbudowany na planie prostokąta, był orientowany, z wysoką salą modlitw zlokalizowaną w części wschodniej. W części zachodniej sala była zwężona przez dwa flankujące pomieszczenia: od południa klatkę schodową prowadzącą na babiniec umieszczony nad częścią zachodnią, na poziomie drugiej kondygnacji, od północy przez pomieszczenie pomocnicze o nieznanym celu. Konstrukcja stropu babińca opierała się na ścianach oraz dwóch żeliwnych (zachowanych) słupach, które wspierały szynę wspierającą belki stropu. Sala główna w swojej głównej części miała kształt prostokąta (o wym. 15,0 x 8,15 m) ustawionego dłuższym bokiem poprzecznie do osi

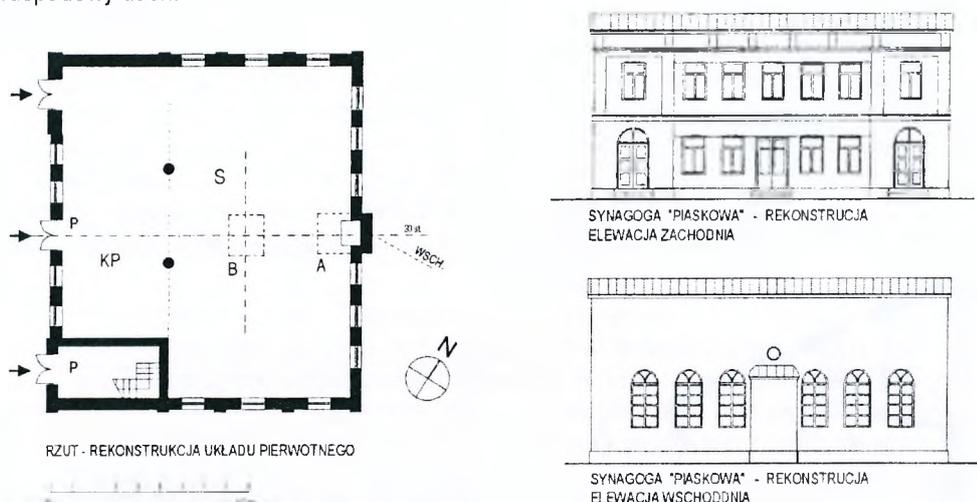
²⁴ Projekt budowy domu modlitwy przy ul. Sobornej w 41 kwartale Białegostoku, 1890 r, NAHBwG f.8, o.2, d. 691.

²⁵ Wg T. Wiśniewskiego wcześniejsza drewniana bożnica powstała w tym miejscu w 1820 r.

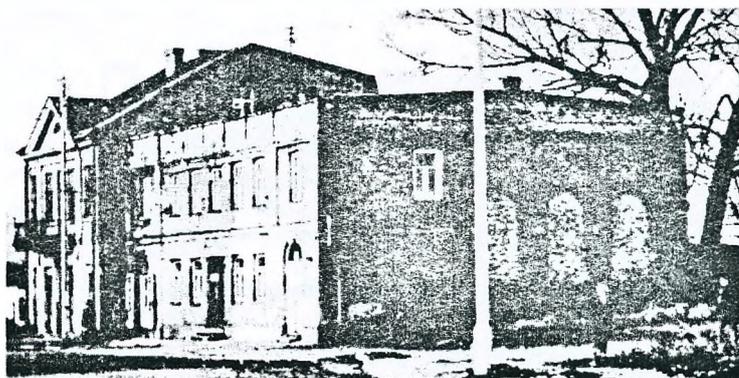
²⁶ Uzupełnienie do karty ewidencyjnej, autor T. Wiśniewski, 1990, WUOZwB, karta nr 0771, D. żydowski do modlitwy- synagoga, ul. Piękna 3.

²⁷ Cybulko, Zofia, Bożnica Piaskower Bet Midrasz, Dokumentacja powykonawcza z przebiegu prac remontowo-konserwatorskich przeprowadzonych w okresie 11. wrzesień 1993 - 18 marzec 1995, Pracownia Dokumentacji i Konserwacji Zabytków, Białystok 1995, archiwum WUOZwB.

synagogi i doświetlona była dwunastoma wysokimi, zakończonymi łukiem pełnym oknami. Aron umieszczony był w niszy mieszczącej się w niewielkiej wybudówce, na elewacji wschodniej, przypominającej spłaszczoną absydę. Nie znamy potwierzonego miejsca usytuowania bimy. Prawdopodobnie była zlokalizowana centralnie (hipotetycznie), na osi głównej bożnicy. Elewacje wschodnia i zachodnia (siedmioosiowe), podobnie jak układ bożnicy, były symetryczne. Boczne, szczytowe były asymetryczne, podzielone szkarpami, z dwukondygnacyjną częścią zachodnią oraz wysoką salą główną której szerokość w elewacji wyznaczały trzy wysokie okna. W elewacji frontowej zlokalizowanej w pierzei ulicy ulokowano trzy wejścia: główne, dla mężczyzn, prowadzące do sali modlitw, na osi synagogi oraz dwa na krańcach elewacji w bocznych ryzalitach (min. dla kobiet prowadzące na babiniec). Nieliczne, zachowane materiały ikonograficzne uniemożliwiają rekonstrukcję wyglądu elewacji, podobnie jak nie została ustalona dotychczas pierwotna forma dachu bożnicy. Prawdopodobnie dekoracja architektoniczna ograniczała się do gzymsów (międzykondygnacyjnej elewacji frontowej) ryzalitów oraz pilastrów i została uproszczona podczas powojennej adaptacji na olejarnię, z czasów której pochodzi widoczny na fotografiach płaski, dwuspadowy dach.

Il. 2. Synagoga Piaskowa w Białymstoku, 1893 r., Rzut i elewacje – rekonstrukcja, oprac. Autor

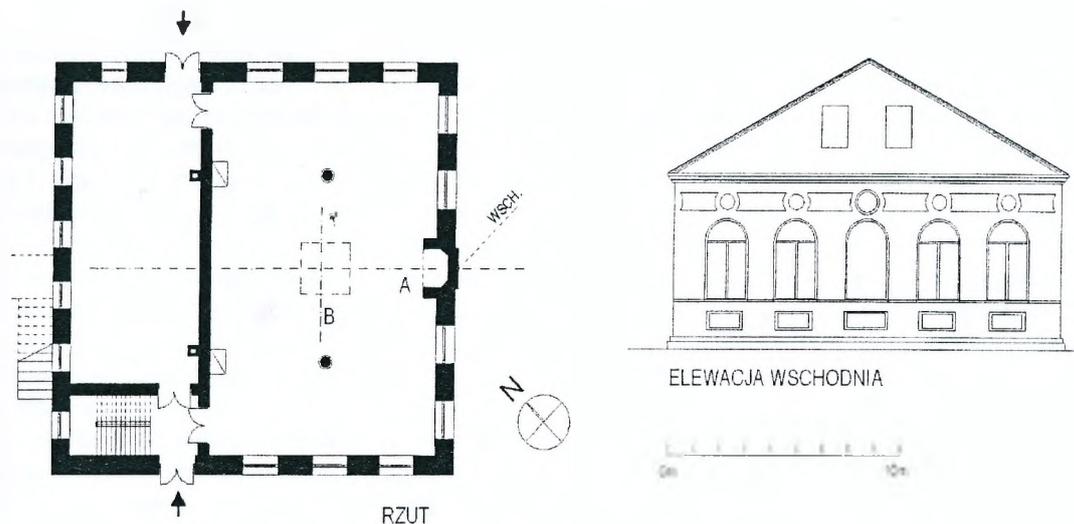
Il. 3. Synagoga Piaskowa w Białymstoku, fot. T. Wiśniewski

Bożnica przy ul. Mikołajewskiej (ob. Sienkiewicza) w 78 kwartale Białegostoku (1895)

Bożnica w zaułku przy ul. Mikołajewskiej (ob. Sienkiewicza, w rejonie pomiędzy Placem Wyzwolenia i ul. Jagienki) powstała w miejscu wcześniejszej, drewnianej, na podstawie projektu z 1895 r., z inicjatywy Salomona Gutkowskiego, Szmula Garkowskiego i Sendera Niewodowskiego²⁸. Synagogę zbudowano na planie zbliżonym do kwadratu (il.4) (szer. 15,0 m dł. 15,6 m) i przekryto prostym, dwuspadowym dachem z kalenicą zgodną z osią główną synagogi. Wnętrze podzielono typowo dla tego typu obiektów na dwa trakty: wschodni, szerszy mieścił wysoką salę modlitw dla mężczyzn ustawioną dłuższym bokiem prostopadle do osi, zachodni, dwukondygnacyjny mieścił klatkę schodową oraz pomieszczenie o nieznanym przeznaczeniu na parterze oraz babiniec nad nim, otwarty na salę główną. W sali modlitw (o wym. 13,6 m x 8,80 m), na osi poprzecznej, umieszczono dwie żeliwne kolumny wspierające konstrukcję przekrycia. W sali modlitw podobnie jak w innych bożnicach z tego okresu nie zagłębiono posadzki, a Aron Hakodesz umieszczono centralnie na ścianie wschodniej, w murowanej wnęcie. W projekcie nie określono miejsca bimy – można jedynie domniemywać, że prawdopodobnie zlokalizowano ją centralnie, pomiędzy wspomnianymi, żeliwnymi kolumnami. Przedstawione w projekcie rozwiązanie elewacji wschodniej prezentuje skromną, bezstylową architekturę w której dekorację stanowią gzymsy (podokienny, wieńczący), obramienia okien, belki nadokienne oraz charakterystyczny detal fryzu nad wysokimi, półkolistymi zakończonymi oknami sali głównej. Bożnica została zburzona podczas wojny, przed wrześniem 1944 roku²⁹.

²⁸ Projekt murowanego domu modlitwy w 78 kwartale Białegostoku, przy ul. Mikołajewskiej na placu Salomona Gutkowskiego, Szmula Garkowskiego i Sendera Niewodowskiego, 1895 r., NAHBwG, f.8, o.2, d. 1030.

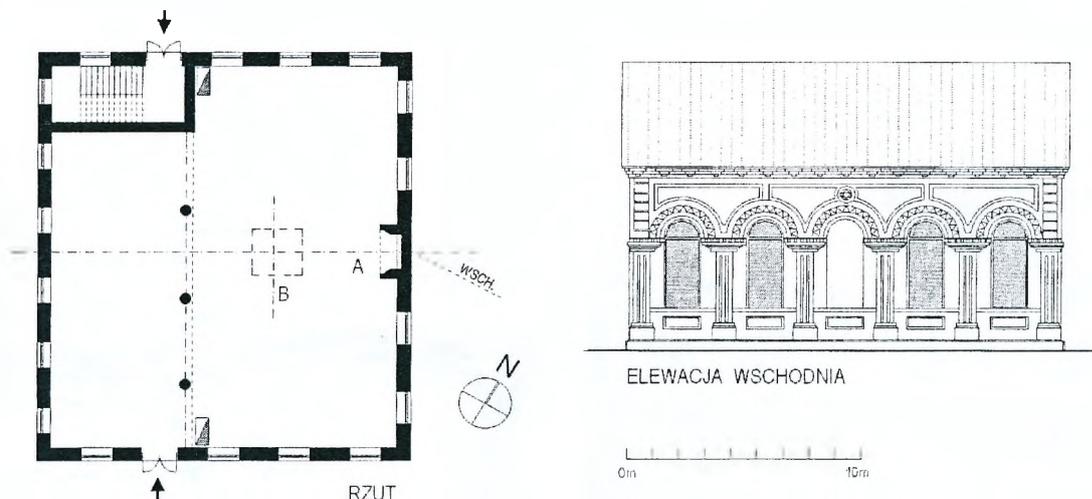
²⁹ Na zdjęciu lotniczym, wykonanym przez Luftwaffe 17 lub 18 września 1944 roku, w miejscu Bożnicy widoczny jest jedynie zarys fundamentów (?) zniszczonego obiektu.

Il. 4. Synagoga przy ul. Mikołajewskiej w Białymstoku, 1895 r., Rzut i elewacja wschodnia, oprac. autor

Synagoga Argentyńska (Bet Midrasz Argentyński) (1896)

Nazwa Synagogi Argentyńskiej pochodzi od nowej dzielnicy Białegostoku zwanej „Argentyna”, rozwijającej się na południe od Piasków i jest aluzją do argentyńskich kolonii rolniczych barona de Hirschla³⁰. Nowy Bet Midrasz Argentyński zbudowano na podstawie projektu z 1896 r. na działce Chaima Sosona, Nowsze-Morthela Grochowskiego, Abrama-Abela Blumentala, Mordki Rabinowicza i Tewela Fuksa w zaułku ulicy Bazarnej³¹ (ob. Legionowej, a w okresie międzywojennym u zbiegu ulic Argentyńskiej, Śledziowej i Szpitalnej). Fundatorem nowej synagogi była bogata wdowa Frume Sore³² (lub Shroes) stąd jeszcze inna nazwa: Bet Midrasz Frume Sore. Synagogę zbudowano na planie zbliżonym do prostokąta (il. 5) (szer. 16,5 m dł. 14,5 m) i przekryto prostym, dwuspadowym dachem z kalenicą równoległą do dłuższego boku bożnicy. Wnętrze podzielono typowo dla tego typu obiektów na dwa trakty: wschodni, szerszy mieścił wysoką salę modlitw (o wym. 15,35 m x 7,40 m) dla mężczyzn ustawioną dłuższym bokiem prostopadle do osi, zachodni, dwukondygnacyjny mieścił klatkę schodową część niskiej sali głównej o charakterze przedsionka na parterze oraz babiniec na poziomie drugiej kondygnacji, oparty na żeliwnych kolumnach, otwarty na salę główną. W sali modlitw podobnie jak w innych bożnicach z tego okresu nie zagłębiono posadzki, a Aron Hakodesz umieszczono centralnie na ścianie wschodniej, w murowanej wnęcie, a jej wnętrze doświetlało osiem wysokich, zakończonych łukiem pełnym okien. W projekcie nie określono miejsca bimy – można jedynie domniemywać, że prawdopodobnie zlokalizowano ją centralnie. Przedstawione w projekcie rozwiązanie elewacji wschodniej, pięcioosiowej, prezentuje ciekawą, eklektyczną architekturę³³ w której dekorację stanowią rytmicznie rozmieszczone doryckie pilastry podpierające gzymsy na wysokości oparcia łuków okien, gzymsy (podokienny, wieńczący), obramienia okien, bonie nad skrajnymi pilastrami oraz charakterystyczny okulus umieszczony symetrycznie nad aronem. Bożnica została zburzona podczas wojny, przed wrześniem 1944 roku³⁴.

Il. 5. Synagoga Argentyńska w Białymstoku, 1896 r., Rzut i elewacja wschodnia, oprac. autor

³⁰ Pinkos Białystok, Jewish Historical Association, Inc, New York, 1949, ... str. 302 (tłumaczenie z Jidysz), Baron Maurycy de Hirsch – żydowski filantrop pochodzący z Niemiec, organizator kolonii żydowskich, głównie w Argentynie.

³¹ Projekt murowanego domu modlitwy w 96 kwartale Białegostoku, na prywatnym zaułku przy ul. Bazarnej na placu Chaima Sosona, Nowsze-Morthela Grochowskiego, Abrama-Abela Blumentala, Mordki Rabinowicza i Tewela Fuksa, 1896 r., NAHBwG, f.8, o.2, d. 1180.

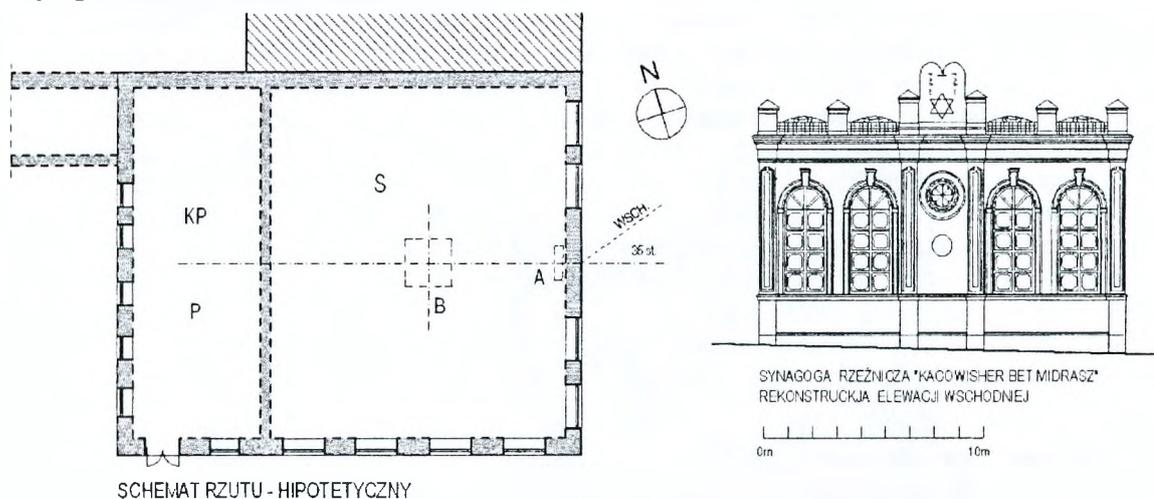
³² Pinkos Białystok, op.cit. str. 303, Fruma Sore podarowała na budowę bożnicy 3000 rubli, pozostałą brakującą część pożyczono z banku.

³³ W Pinkosie w opisie tej bożnicy znalazło się określenie „Jest to całkiem ładny dom nauki” Pinkos Białystok, op.cit. str. 303

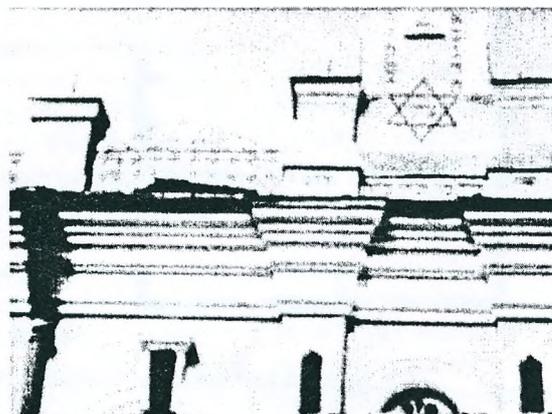
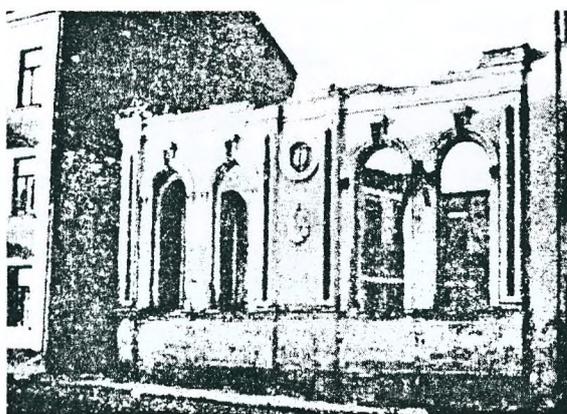
³⁴ Na zdjęciu lotniczym, wykonanym przez Luftwaffe 17 lub 18 września 1944 roku, w miejscu Bożnicy widoczny jest jedynie zarys fundamentów (?) zniszczonego obiektu.

Synagoga Rzeźników (Ziwchej Cedek³⁵ Beth Midrasz, Kacowisher Beth Midrash), (1899)

Murowana synagoga stowarzyszenia rzeźników powstała w 1899 roku i zastąpiła wcześniejszy, drewniany budynek, zaadoptowany na dom modlitwy w 1887 r.³⁶ Zachowane materiały ikonograficzne dotyczące tego obiektu są dość skąpe³⁷. Jednak ze względu na ciekawe rozwiązania architektoniczne, (wg T. Wiśniewskiego Synagoga Rzeźników była jedną z najpiękniejszych w Białymstoku), eksponowaną lokalizację w pierzei jednej z głównych ulic centrum miasta, postanowiono włączyć ją do opracowania. Hipotetyczna rekonstrukcja układu wnętrza (il. 6), opiera się na dostępnych zdjęciach, oraz przedwojennym planie miasta³⁸, na podstawie którego określono przybliżone wymiary bożnicy. Budynek domu modlitwy zbudowany w pierzei ul. Zamenhofs, tuż przy istniejącej kamienicy, powstał na planie prostokąta (o wymiarach ok. 14,0 m x 15,3 m) i przekryty był dachem wielospadowym. Od strony zachodniej budynek był dwukondygnacyjny, zapewne ze względu na umieszczenie na drugiej kondygnacji babiniec, natomiast od strony wschodniej dekoracyjna elewacja (tej samej wysokości) była jednokondygnacyjna, ponieważ ta część mieściła wysoką, główną część sali modlitw. Synagoga należała do grupy bożnic orientowanych, podobnie jak wszystkie znane bożnice Białegostoku. Synagogę zbudowano na schemacie układu podłużnego, typowego dla XIX wieku, prawdopodobnie z salą modlitw ustawioną poprzecznie dłuższym bokiem, do głównej osi, co wynika z układu otworów i podziałów elewacji. Szczególnie starannie opracowano rozwiązanie elewacji wschodniej, wyeksponowanej od strony ulicy Zamenhofs (il. 7, 8). Miała ona historyzujący charakter o kompozycji neorenesansowej, z manierystycznym i barokowym detalem. Elewacja była pięcioosiowa, podzielona pilastrami na trzy części: w bocznych, szerszych umieszczono po dwa wysokie, półkoliście zwieńczone okna, z obramieniem w formie małych pilastrów i archiwolty wraz z dekoracyjnymi zwornikami, oparte na cokołowym gzymsem podokiennym. W środkowej, węższej części, znajdowała się dekoracja w formie sześciokąta oraz wyżej okulus z dekoracyjnym obramieniem, zapewne nad Aron Hakodeszem. Elewacja zwieńczona była rozbudowanym, gierowanym w miejscu połączenia z pilastrami, gzymsem. Pilastry posiadały płyciny o manierystycznym, trójlistnym wykroju. Nad gzymsem, na osi pilastrów znajdowały się proste sterczyny, zakończone kopertowymi daszkami. Pomiędzy sterczynami w częściach bocznych znajdowała się dekoracyjna krata (prawdopodobnie żeliwna, metalowa), natomiast pomiędzy środkową parą sterczyn umieszczono tablice z dekalogiem i gwiazdą Dawida, które identyfikowały budynek jako synagogę. Synagoga Rzeźników została zniszczona podczas wojny. W miejscu synagogi zbudowano nowy budynek.

Il. 6. Synagoga Rzeźników w Białymstoku, 1899 r., Rzut i elewacja wschodnia, oprac. autor

Il. 7-8. Synagoga Rzeźników w Białymstoku, fot. (Pinkas Białystok, kadr filmu Jewish Life In Białystok)

³⁵ „Sprawiedliwe Ofiary” – słowo „ziwchej” (ofiary) ma też inne znaczenie: „ubój”.

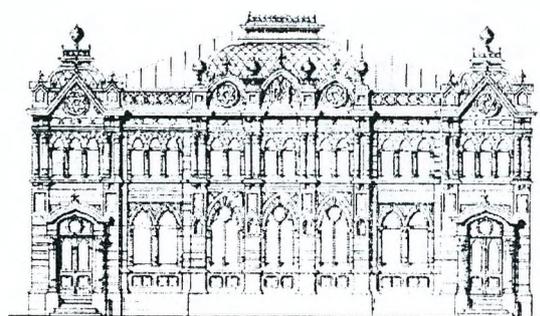
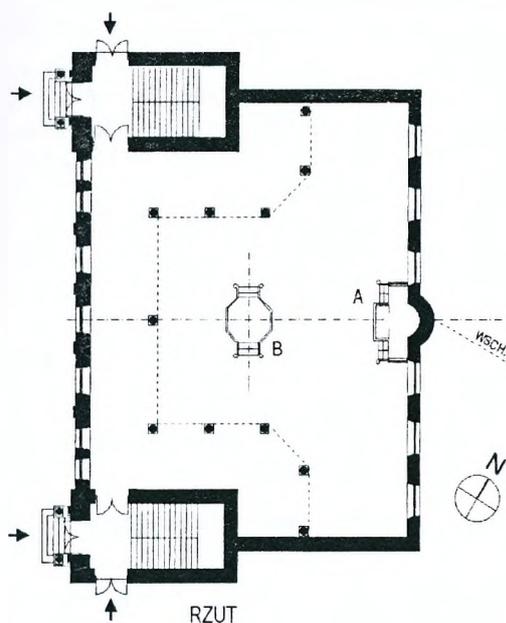
³⁶ Pinkos Białystok, op.cit. str. 308.

³⁷ Obiekt znany ze zdjęć zniszczonej synagogi umieszczonych w Księdze Pamięci (K. Pamięci Białystok, wyd. 1950, str. 156), kilku kadrów przedwojennego filmu (Jewish Life In Białystok - dodatek do książki „Białystok między wojnami”, ze zbiorów The S. Spielberg Jewish Film Archives of the Hebrew University of Jerusalem and the World Zionist Organization), oraz zdjęcia ulicy Zamenhofs z archiwum Narodowego Archiwum Cyfrowego sygn. 1-U-118-1.

³⁸ Plan miasta Białegostoku, skala 1: 5000, 1937, Archiwum Muzeum Historycznego Miasta Białegostoku.

Synagoga im. rabina Samuela Mohilewera (Bet Midrasz „Bejt Szmuel”) 1897-1901³⁹

Synagoga *Bejt Szmuel* była jedną z najciekawszych bożnic Białegostoku. Zbudowana w latach 1899-1901 powstała w eksponowanej lokalizacji, w pierzei danej ulicy Bulwarowej (ob. Branickiego), naprzeciwko parku oraz Instytutu Panien Szlacheckich mieszczącego się w Pałacu Branickich. Projekt architektoniczny synagogi złożono w Wydziale Budowlanym Grodzieńskiego Rządu Gubernialnego w roku 1897, jednak eksponowana lokalizacja i bliskość pałacu spowodowały wydłużenie się procedury pozwolenia na budowę⁴⁰. Bożnica *Bejt Szmuel* była synagogą żydów postępowych, stąd zapewne rzadko spotykany w architekturze synagogalnej neogotycki repertuar form i detalu architektonicznego połączone zostały tu z barokową kompozycją fasady frontowej, w której M. Dolistowska doszukuje się analogii w kompozycji fasady pałacu Branickich⁴¹. Projekt bogato zdobionej⁴², dwukondygnacyjnej fasady, został zrealizowany z pewnymi uproszczeniami w stosunku do projektu. Zrezygnowano z neobarokowych dachów krążynowych typu francuskiego nad ryzalitami środkowym i bocznymi, a elewację otynkowano w jasnym monochromatycznym kolorze⁴³. Fasadowość architektury *Bejt Szmuel*, charakterystyczną dla architektury mieszczańskiej końca XIX w., podkreślają również kontrastujące ze starannie zaprojektowaną fasadą, nieotynkowane elewacje boczna i tylna, widoczne na fotografii z przed wojny (il. 10). Synagogę zbudowano na rzucie prostokąta zbliżonego do kwadratu, z dwiema, symetrycznymi klatkami schodowymi, zaprojektowanymi od strony fasady, które częściowo poszerzały elewację, a w połowie swojej szerokości wnikały do wnętrza sali modlitw. Budynek po uproszczeniach w realizacji przekrywał dach kopertowy, kryty blachą. Synagoga była orientowana, z posadzką sali głównej nie obniżoną w stosunku do otoczenia, jak we wszystkich udokumentowanych przykładach synagog białostockich końca XIX wieku. Sala modlitw, (wym. sali: szer. 18,7 m x dł. 14,4 m) posiadała kształt zbliżony do litery „T”, zwężona od strony zachodniej, była otoczona z trzech stron galerią dla kobiet opartą na żeliwnych kolumnach (il. 9). Przy czym galeria kończyła się w ok. 2/3 długości elewacji bocznych, nie dotykając ściany wschodniej. Salę główną doświetlały wysokie, zakończone pełnym łukiem okna, w odróżnieniu od okien w dwukondygnacyjnej części elewacji sąsiadujących z galerią – babińcem, gdzie okna zakończono łukiem ostrym, neogotyckim. Układ bożnicy był ściśle symetryczny. W centralnym punkcie ściany wschodniej, w niszy małej absydy, na osi głównej synagogi zlokalizowano Aron Hakodesz. W środkowej części sali modlitw ulokowano ośmiokątną bimbę.

SYNAGOGA SZMUELA MOHILEWERA
ELEWACJA FRONTOWA - PROJEKT 1897

0m 10m

Il. 9. Synagoga Samuela Mohilewera, 1897-1902, Rzut i elewacja zachodnia,

Wyjątkowość synagogi Mohilewera w Białymstoku zauważali sami Żydzi. W spisie białostockich synagog zamieszczonym w Księdze Pamięci znalazł się taki opis: „*Ten bejt-midrasz jest wyjątkowy: jest to jedyny bejt-midrasz stojący z całą swoją piękną, dumną fasadą w najpiękniejszym zakątku dzisiejszego Białegostoku. Synagoga przetrwała wojnę, jednak adaptowana i rozbudowana nie przypomina o swojej pierwotnej funkcji i formie, jest obecnie użytkowana przez klub sportowy.*”

Podsumowanie

Opisane wyżej białostockie synagogi powstały z inicjatywy stowarzyszeń (zawodowych), bractw, bądź prywatnych osób i służyły lokalnym społecznościom. Typowe dla architektury synagogalnej poszanowanie tradycji czytelne jest także w wymienionych obiektach. Wszystkie opisane bożnice były orientowane, a ściana wschodnia zgodnie z tradycją pozostawała niezabudowana. Zachowane projekty części obiektów dokumentują rezygnację z obniżenia posadzki w stosunku do przed-

³⁹ Wg spisu w Pinkosie Białystok synagogę zbudowano /otwarto?/ w 1902, Pinkos Białystok, op.cit. str. 309

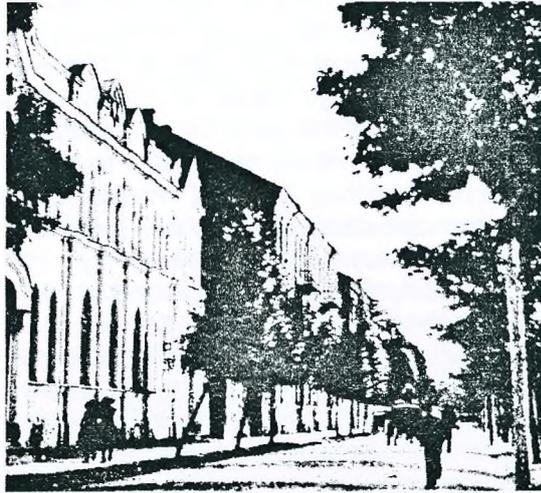
⁴⁰ Więcej o historii uzyskania pozwolenia na budowę: Dolistowska, Małgorzata, Synagoga im. Rabina Samuela Mohilewera w Białymstoku. Uwarunkowania formy architektonicznej. [w] Architektura Kultur Pogranicza, Pogranicze Polski, Litwy, Białorusi i Ukrainy, wyd. Zakład Architektury Użyteczności Publicznej WAPB, Białystok, 2006, str.52-53

⁴¹ Ibidem. str.56

⁴² Więcej na temat fasady: Ibidem. 53-55

⁴³ Projekt elewacji sugeruje poziome podziały wykończenia elewacji, być może w postaci boniowania lub okładziny o zmiennej fakturze lub kolorze. Projekt synagogi NAHBWG sygn. f.8.o.2, d.1240.

sionka lub otoczenia co było typowe we wcześniejszych XVII i XVIII-wiecznych synagogach polskich. Uproszczenie to widoczne jest w wielu innych wcześniejszych synagogach podlaskich XIX wieku. Wszystkie prezentowane przykłady białostockich synagog powstały w oparciu o tradycyjny w XIX wieku układ podłużny (z wysoką, jednoprzestrzenną salą główną od strony wschodniej oraz dwukondygnacyjną częścią wejściową z babińcem na piętrze/antresoli). Interesująca jest natomiast forma sali głównej modlitw – prostokątna w obrysie i ustawiona poprzecznie w stosunku do osi bożnicy (analogicznie jak we wcześniejszych obiektach: Nowym Bet Midraszu (1853), Bożnicy Nowo-Zielonej (1872)), która jak się wydaje, stała się modelowym rozwiązaniem dla bożnic Białegostoku końca XIX wieku.

Il. 10. Synagoga Samuela Mohilewera, fotografia przedwojenna (archiwum T. Wiśniewskiego)

Lokalizacja prezentowanych synagog obrazuje dwa różne rozwiązania. Pierwsze, wywodzące się z wcześniejszej tradycji lokowania bożnicy wewnątrz kwartału zamieszkiwanego przez Żydów, charakterystyczne jest dla bożnic przy ul. Sobornej, Mikołajewskiej oraz synagogi Piaskowej oraz Argentyńskiej. Drugie, charakterystyczne dla wyemancypowanych środowisk żydowskich polega na lokowaniu synagogi w eksponowanej lokalizacji i pierzei (synagogi Rzeźników i S. Mohilewera). Architektura prezentowanych bożnic jest częściowo wynikiem lokacji danego budynku. Te lokowane wewnątrz kwartałów bądź przy ulicy wewnątrz dzielnicy żydowskiej prezentują typ skromnej bezstylowej architektury (bożnice przy ul. Sobornej, Mikołajewskiej, Argentyńska, również Piaskowa w świetle znanych, niepełnych dokumentów). Natomiast, pozostałe dwie synagogi (Rzeźników, S. Mohilewera) są przykładami dojrzałej i świadomej XIX-wiecznej architektury synagogalnej, w których lokalizację i kostium architektoniczny wykorzystano jako znak emancypacji środowiska żydowskiego, a zarazem, jak zauważa M. Dolistowska, w przypadku synagogi Mohilewera, jako manifestację równości, niezależności gospodarczej i nowego statusu społecznego⁴⁴.

LITERATURA

1. Dolistowska, Małgorzata. Synagoga im. Rabina Samuela Mohilewera w Białymstoku. Uwarunkowania formy architektonicznej. [w] Architektura Kultur Pogranicza, Pogranicze Polski, Litwy, Białorusi i Ukrainy, wyd. Zakład Architektury Użyteczności Publicznej WAPB. – Białystok, 2006. – S. 52-53.
2. Piechotkowie, Maria i Kazimierz Oppidum Judaeorum Żydzi w przestrzeni miejskiej dawnej Rzeczypospolitej – Warszawa: Wydawnictwo Krupski i S-ka, 2004.
3. Pinkos Białystok, Jewish Historical Association, Inc – New York, 1949.
4. Romaniuk, Zbigniew. Żydzi Białostoccy do 1915 r [w] Studia i materiały do dziejów miasta Białegostoku – Białystok 2001: Tom V.
5. Wiśniewski, Tomasz. Ważniejsze białostockie synagogi // Białostoczczyzna – 1986. – N. 4.
6. Wiśniewski, Tomasz. Bożnice Białostoczczyzny, wyd. Dawid. – Białystok, 1992.

Archiwalia

1. Cybulko, Zofia, Bożnica Piaskower Bet Midrasz, Dokumentacja powykonawcza z przebiegu prac remontowo-konserwatorskich przeprowadzonych w okresie 11. wrzesień 1993 - 18 marzec 1995, Pracownia Dokumentacji i Konserwacji Zabytków, Białystok 1995, archiwum WUOZwB.
2. Plan miasta Białegostoku, skala 1: 5000, 1937, Archiwum Muzeum Historycznego Miasta Białegostoku.
3. Projekt murowanego domu modlitwy w 96 kwartale Białegostoku, na prywatnym zaułku przy ul. Bazarnej na placu Chaima Sosona, Nowsze-Morthela Grochowskiego, Abrama-Abela Blumentala, Mordki Rabinowicza i Tewela Fuksa, 1896 r, NAHBwG, f.8, o.2, d. 1180.
4. Projekt budowy domu modlitwy przy ul. Sobornej w 41 kwartale Białegostoku, 1890 r, NAHBwG f.8, o.2, d. 691.
5. Projekt synagogi NAHBwG sygn. f.8.o.2, d.1240.
6. Projekt murowanego domu modlitwy w 78 kwartale Białegostoku, przy ul. Mikołajewskiej na placu Salomona Gutkowskiego, Szmula Garkowskiego i Sendera Niewodowskiego, 1895 r, NAHBwG, f.8, o.2, d. 1030.
7. Teki Glinki, t. 206, 182, APB.
8. Wiśniewski, Tomasz, Uzupełnienie do karty ewidencyjnej, D. żydowski do modlitwy- synagoga, ul. Piękna 3, 1990, archiwum WUOZwB.

NAHBwG – Narodowe Archiwum Historyczne Białorusi w Grodnie
 APB – Archiwum Państwowe Białystok
 WUOZwB – Wojewódzki Urząd Ochrony Zabytków w Białymstoku

⁴⁴ Dolistowska, Małgorzata, op.cit. str. 55

REKONSTRUKCJA I REWALORYZACJA ZESPOŁU OBIEKTÓW KLASZTORU MĘSKIEGO W SUPRAŚLU, JAKO PRZYKŁAD PRAC KONSERWATORSKO-BUDOWLANYCH BUDOWLI SAKRALNYCH Z XVI WIEKU

Wstęp

Wody rzeki Bug, z jednej strony stanowią granicę między Polską i Białorusią oraz między Polską a Ukrainą, z drugiej strony jednak łączą wyznaczając wokół siebie teren z budowlami o podobnych cechach architektoniczno-budowlanym. Szczególną grupę obiektów tego terenu stanowią gotyckie świątynie obronne wzniesione w XVI wieku: cerkiew Zwiastowania NMP w Supraślu (1503-1511 r.⁴⁵), cerkiew Narodzenie NMP w Murowance (Małomożejkwowie, 1514-1542 r.⁴⁶), cerkiew św. Archanioła Michała w Synkowiczach (pierwsza połowa XVI w.⁴⁷), dawna cerkiew, a obecnie kościół Świętego Ducha w Kodniu (1530-1550 r.⁴⁸). Łączy je zarówno podobny styl, czas wybudowania jak i położenie.

Temat XVI-wiecznych świątyń styku pogranicza Polski, Białorusi i Ukrainy jest szeroko opisany i często podejmowany przede wszystkim przez historyków i architektów. Brakuje jednak spójnego zestawienia wiedzy w takich dziedzinach jak budownictwo, konserwacja zabytków, teologia, a nawet zestawienia w takich dziedzinach jak architektura i historia bywają często niepełne. Wypływa to zapewne z faktu, iż wszelkie badania są prowadzone odrębnie w poszczególnych dziedzinach naukowych, a dodatkowe problemy wymiany wiedzy wynikają z obecnego położenia tych spójnych architektonicznie świątyń w różnych państwach.

Wydaje się, że najokazalszym i najważniejszym z wymienionych obiektów jest cerkwi Zwiastowania NMP w Supraślu, gdzie przenikanie się stylistycznych motywów zachodnioeuropejskiego gotyku w architekturze bizantyjskiej oraz lokalizacja na terenie pogranicza – styku kultury wschodu i zachodu czyni z niej obiekt w sensie historycznym, jak i architektonicznym zupełnie wyjątkowy. Gdy dodatkowo zauważymy, że jest ona ulokowana w centrum rozległego kompleksu monasterskiego, który był największym w XVI wieku prawosławnym ośrodkiem zakonnym na tych ziemiach^{49 50,51,52,53}, to wydaje się, że wszelkie zestawienia i porównania, dotyczące wymienionych na początku budowli, powinny zaczynać się właśnie od tego zespołu obiektów.

Intencją autora pracy jest skrótowne przedstawienie tła historycznego oraz omówienie prac rekonstrukcji cerkwi Zwiastowania NMP i rewitalizacji zespołu obiektów klasztoru w Supraślu. W sposób bardziej szczegółowy zostanie potraktowany współczesny okres, ze szczególnym naciskiem na lata 1998-2012, w których to latach autor publikacji kierował pracami konserwatorsko-budowlanymi cerkwi i obiektów klasztoru. Jednocześnie należy zaznaczyć, że opracowanie niniejsze, ze względu na ograniczoną względami redakcyjnymi objętość, nie stanowi dogłębnej analizy przedmiotowego tematu, a jedynie nakreśla najważniejsze aspekty, co jednak może być pierwszym krokiem do szerszej, kompleksowej analizy, zarówno samego zespołu klasztorowego, jak i w szerszej perspektywie, całej grupy szesnastowiecznych świątyń, tego terenu.

Historia monasteru

Początki monasteru supraskiego odnajdujemy już w XV wieku w leżącym na zachodnich krańcach Wielkiego Księstwa Litewskiego, tuż obok granicy z Koroną, Gródku, gdzie marszałek Wielkiego Księstwa Litewskiego Aleksander Chodkiewicz, wraz z arcybiskupem smoleńskim Józefem Sołtanem założyli prawosławny monaster^{54,55}. W 1498 roku zostali tam sprowadzeni mnisi z Kijowsko-Pieczerskiej Ławry⁵⁶. W miarę jednak jak Chodkiewicz awansował w służbie u króla, spokojny do tej pory Gródek przeobrażał się w zgiełkliwy ośrodek życia dworskiego. Niezadowoleni z lokalizacji klasztoru przy zamku możnowładcy mnisi, w 1500 roku uzyskują zgodę, na przeniesienie monasteru do znajdującego się kilkanaście kilometrów dalej uroczyska Suchy Hrud^{57,58}. Właśnie to miejsce stało się początkiem monasteru, potem zaś miejscowości Supraśl.

Pierwszą świątynią wybudowaną na nowym miejscu, była konsekrowana 25 maja 1501 roku⁵⁹ drewniana cerkiew św. Jana Teologa, lokowana najprawdopodobniej nad skarpią w północno-wschodniej części obecnego założenia⁶⁰. Zapewne

⁴⁵ Dalmatow N., Suprasl'skij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 43.

⁴⁶ Tkaczkoj M., Inkasteljabanyja chramy na Belarusi, [w:] Rabarancyja zbudawanni zachodnich zjamel Belarusi XIII-XVIII st., Mińsk 1978, s. 121.

⁴⁷ Ibidem, s. 120.

⁴⁸ Narodowy Instytut Dziedzictwa: Rejestr zabytków nieruchomości - województwo lubelskie, Warszawa 2011, s. 4

⁴⁹ Dalmatow N., Suprasl'skij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892.

⁵⁰ Modest N., Suprasl'skij Błagowieszczenskij monastyr, Wiestnik Zapadnoj Rossii, t. I, kn. 2, Wilno 1867, s. 70-81.

⁵¹ Rogow A., Suprasl kak odin iz centrow kulturnych sbjazej Belorussii z drugimi clabjanskimi stranami, [w:] Sławbajane w epochu feodalizmu, Moskwa 1978, s. 321-334.

⁵² Rogow A., Freski Supraslja, [w:] Drewnierusskoje iskusstwo. Monumentalnaja żywopiś XI-XVII w.w., Moskwa 1980, s. 345-371.

⁵³ Mironowicz A., Życie Monastyczne Na Podlasiu, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 5.

⁵⁴ Kronika Ławry Supraslskiej. Archieograficzeskij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnieniu Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 1-2.

⁵⁵ Dalmatow N., Suprasl'skij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 5-7.

⁵⁶ Jodkovskij J., Cerkow pricposoblennaja k oborone w Litwie i Litovskoj Rusi, [w:] Drewnosti. Trudy komisii po sochraneniju drewnich pamjatnikow sostojaszcziej pri Imperatorskom Moskowskom Archeologiczeskom Obszczestwie, t. VI, Moskwa 1915, s. 254.

⁵⁷ Kronika Ławry Supraslskiej. Archieograficzeskij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawnieniu Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 1-2.

⁵⁸ Dalmatow N.: Suprasl'skij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 7.

⁵⁹ Ibidem, s. 40.

⁶⁰ Ibidem, s. 46.

drewniane budynki klasztorne z refektarzem i celami mnichów musiały znajdować się w bliskim sąsiedztwie, jednak źródła nie podają ani jego rozmiarów, ani materiału z którego zostały wybudowane^{61,62}.

W 1503 roku rozpoczęto budowę, najważniejszego obiektu kompleksu monasterskiego, murowanej świątyni pod wezwaniem Zwiastowania NMP⁶³, prace budowlane zakończono zaś najprawdopodobniej w roku 1511^{64,65}.

W dziejach monasteru supraskiego XVI stulecie, to czas prężnego życia zakonnego wraz z szerokim rozwojem kulturalnym^{66,67,68,69}. Monaster supraski zyskał wówczas miano ośrodka kulturalnego o ogólnosłowiańskim znaczeniu. Ławra supraska stała się centrum myśli teologicznej Cerkwi prawosławnej. Mnisi, zmuszeni ówczesnymi realiami teologiczno-historycznymi, bronili dogmatów „wiary greckiej” jednocześnie pozostając otwarci na nowe nurty myśli filozoficznej. Znalazło to potwierdzenie między innymi w sztuce sakralnej⁷⁰, czego przykładem są freski cerkwi Zwiastowania NMP – często jednak rozpatrywane w oderwaniu od świątyni, zapewne z powodu obecnej lokalizacji w Muzeum Ikon. Za archimandrii Sergiusza Kimbara, grupa malarzy pod kierunkiem „Serbina Nektarego malara” ozdobiła wewnętrzne świątyni freskami. Łakoniczna wzmianka o wypłaceniu w 1557 roku należnej malarzowi sumy za pracę przy ikonostasie nie pozwala jednoznacznie określić autorstwa fresków⁷¹. Część badaczy^{72,73} utożsamia Nektariusza malującego w Supraślu z autorem znanego Typika-Ermini, czyli instrukcji jak wykonywać freski. Jeśli przyjąć takie założenie to autor fresków supraskich był nie tylko malarzem, ale i teoretykiem sztuki, którego zalecenia szeroko stosowano na Bałkanach.

Jak już wspomniano, monaster supraski spełniał szczególną rolę w życiu Kościoła prawosławnego w Rzeczypospolitej. Bronił on ortodoksji nie poprzez izolację od nowych trendów religijnych i filozoficznych, lecz poprzez adopcję treści zgodnych z kanonami prawosławnymi i ostrą polemiką z dogmatami im przeciwnymi⁷⁴. Temu celowi podporządkowana została ikonograficzna wymowa wystroju cerkwi. Kompozycja fresków: sceny z życia Chrystusa, Marii, przedstawienia aniołów, apostołów, ewangelistów, proroków, męczenników i świętych ojców stanowiła uporządkowany cykl. Na przykład postać Chrystusa (Pankratora) umieszczona na sklepieniu centralnej kopuły nawiązuje do okresu przedmongolskiego i stanowi wierną kopię fresków cerkwi św. Zofii w Nowgorodzie z 1109 r.⁷⁵, umiejscowienie zaś symbolicznego wizerunku Ducha Świętego naprzeciwko Boga-Ojca ukazywało na naukę Cerkwi prawosławnej o pochodzeniu św. Ducha.

Cerkiew, w trakcie ponad czterystuletniego użytkowania, wielokrotnie zmieniała swój wizerunek. Archimandryta Mikołaj Dalmatow podaje, że jedna z ikon w ikonostasie przedstawiała widok świątyni z połowy XVII wieku. Opisując go podaje, że nie było jeszcze przedsionka, a hełmy wież posiadały kształty bardziej łukowate (*łukowidnyje*)⁷⁶. Na podstawie źródeł historycznych⁷⁷, a także rysunków inwentaryzacji P. Pokryszkina z początku XX w.⁷⁸ analizując układ elementów konstrukcyjnych wieży głównej, można wyciągnąć wniosek, że została ona dobudowana w okresie późniejszym. Cerkiew pierwotnie nie posiadała przedsionka oraz tylnej dobudówki⁷⁹. W 1859 r. kształt kopuł został zmieniony z *cebulkowatych na spiczaste*⁸⁰. Wewnątrz cerkwi w 1664 r. umieszczono okazały, nowy, barokowy ikonostas, którego autorem był gdański snycerz i złotnik Andrzeja Modzelewski⁸¹. Niestety w XVIII w., zgodnie z duchem epoki, część supraskich fresków, do wysokości okien została zakryta rzeźbioną tabulatą⁸². W wieku XVIII w wieży północno-zachodniego narożnika cerkwi został zainstalowany duży, bijący zegar. W 1853 r. przez rozbudowę szatni przylegającej do prezbiterium cerkwi Zwiastowania NMP, uzyskano tzw. ciepłą

⁶¹ Kronika Ławry Supraskiej. Archieograficzeskij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 2.

⁶² Kochanowski W., Zespół architektoniczny w Supraślu, [w:] Rocznik Białostocki, t. IV, Białystok 1963, s. 358.

⁶³ Kronika Ławry Supraskiej. Archieograficzeskij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 3.

⁶⁴ Ibidem, s. 3-4.

⁶⁵ Dalmatow N., Suprasl'skij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 43.

⁶⁶ Ibidem, s. 47-87.

⁶⁷ Mironowicz A., Życie monastyczne na Podlasiu, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 6.

⁶⁸ Labyncew J. Ob odnom ważnom momentie w sud'bach bieloruskoj prawosławnoj kultury XVI stoletija w swjazi s istoriej supraskogo Błagowieszczenskogo Monastyrja, w: ELPIS r.II, z.2, Uniwersytet w Białymstoku, Katedra Teologii Prawosławnej, Białystok 2000, s. 160

⁶⁹ Rogow A., Suprasl' kak odin iz centrow kulturnych sbjazej Belorussii z drugimi clabjanskimi stranami, [w:] Sławbjane w epochu feodalizma, Moskwa 1978, s. 321-334.

⁷⁰ Mironowicz A., Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII wieku, Białystok 1991, s. 93-94.

⁷¹ Archieograficzeskij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 52.

⁷² Stawicki S., Czy Nektarij, autor Tipika był twórcą malowideł supraskich? [w:] Biuletyn Historii Sztuki, 1972, nr 1, s. 30-35; Stawicki S., Malowidła ściennie z dawnej cerkwi Zwiastowania NMP w Supraślu – problemy techniczne i technologiczne, Biuletyn Konserwatorski Województwa Podlaskiego, Białystok 2004, s. 7-45.

⁷³ Petkovič S., Nektarije Srbin, slikar XVI v, [w:] Zbornik za likovne umetnosti, 1972, nr 8, s. 211-226 (tłumaczenie polskie: [w:] Rocznik Białostocki, 1991, nr 16, s. 293-319).

⁷⁴ Mironowicz A., Życie Monastyczne Na Podlasiu, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 9-10.

⁷⁵ Rogow A., Freski Supraslja, [w:] Drewnierusskoje iskusstwo. Monumentalnaja žiwopis XI-XVII w.w., Moskwa 1980, s. 348-349.

⁷⁶ Dalmatow N., Suprasl'skij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 141.

⁷⁷ Szyszko – Bohusz A.: Warowne Zabytki Architektury Kościelnej w Polsce i na Litwie, [w:] Sprawozdania Komisji Do Badania Historii Sztuki w Polsce, t.IX, Akademia Umiejętności, Kraków 1915, s.365.

⁷⁸ Pokryszkin P., Błagowieszczenskaja cerkow w Suprasl'skom Monastyre, [w:] Sbornik archieograficzeskich statiej podniesiennych grafu A. A. Bobrinskomu, Sankt Petersburg 1911.

⁷⁹ Mitrobedzki A., Uzgodnienie konsultacyjne, [w:] Kuźmienko J.: Zabytkowa cerkiew w Supraślu. Plan realizacyjny zagospodarowania terenu dla II-ego etapu budowy oraz projekt techniczny rekonstrukcji, Warszawa 1985; Kochanowski W.: Ruiny kościoła bazylikańskiego w Supraślu, P.P. Pracownice Konserwacji Zabytków, Dział Dokumentacji Naukowej, Warszawa 1958, s. 9.

⁸⁰ Makal W., Przed odrodzeniem Supraskiego Monasteru, Klasztor Męski Zwiastowania NMP, Supraśl 2003, s. 16.

⁸¹ Ścieżkami Prawosławia, Białostoczyzna, pod redakcją A. Radziukiewicz, POSRP, Białystok 1997, s. 153.

⁸² Dalmatow N., Suprasl'skij Błahowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 471.

cerkiew⁸³. W połowie XIX w. wyższe partie fresków pobielono wapnem⁸⁴. W 1887 r. ówczesny archimandryta Mikołaj Dałmatow przystąpił do odsłonięcia fresków. Dalsza część prac polegająca na zdjęciu boazerii i konserwacji fresków miała miejsce w 1910 r.⁸⁵

W drugiej połowie XIX i w pierwszych latach XX wieku przeprowadzono szereg prac remontowych, ponieważ stan techniczny świątyni był zły⁸⁶ i wymagał jak najszybszej interwencji konserwatorskiej. W 1919 roku władze lokalne zamknęły i opieczętowały cerkiew Zwiastowania NMP, a cały monaster przejęto na skarb państwa. W 1922 roku zakonnicy zostali usunięci z terenu monasteru⁸⁷, stan techniczny świątyni ulegał degradacji. Dopiero przed drugą wojną światową wykonano powierzchowne remonty dachu⁸⁸. W 1939 roku miała miejsce gruntowna konserwacja ikonostasu⁸⁹. Po zajęciu przez Armię Czerwoną terenów Białostoczczyzny w cerkwi sowieci urządzili warsztaty mechaniczne niszcząc ikonostas. W znacznym stopniu zostaje uszkodzona więźba dachowa nad prezbiterium i zdjęte zostają krzyże.⁹⁰ Po wojnie radziecko-niemieckiej okupacyjne władze udostępniły prawosławnym klasztor, co pozwoliło na powrót do Supraśla mnichów. Odradzające się życie monastyczne zostało przerwane 21 lipca 1944 roku, kiedy to wycofujący się hitlerowcy wysadzili w powietrze budynek cerkwi Zwiastowania NMP⁹¹. Ze świątyni pozostały jedynie fundamenty i fragmenty przyziemia.

Wokół cerkwi Zwiastowania NMP od momentu jej wybudowania, cały czas funkcjonował zespół budynków, będący siedzibą monasteru. Literatura dotycząca dziejów monasteru, mimo wielkiej ilości pozycji, pozostawia jednak sporo niejasności w sprawie ustalenia chronologii poszczególnych etapów powstania założenia architektonicznego. Skupia się ona na wnikliwej analizie architektury obronnej cerkwi Zwiastowania NMP oraz przedstawia działalność i aspekty monasteru jako ośrodka religijnego, prawie zupełnie pomija informacje dotyczące pozostałych budowli w zespole klasztornym⁹². Najwięcej informacji znajdujemy na temat pierwszej, wybudowanej w 1501 roku, cerkwi, dalej informacje na temat budynków i innych świątyń monasteru są lakoniczne lub znajdujemy je w sposób pośredni^{93,94,95,96}.

Pierwszą wzmiankę o innych obiektach, niż cerkwie św. Jana Teologa i Zwiastowania NMP, znajdujemy w kontrakcie z 1545 roku na wymurowanie min. refektarza, cerkwi i kuchni⁹⁷. Zapewne wcześniej na terenie monasteru istniały obiekty drewniane, które jednak uległy zniszczeniu, bądź zostały zastąpione przez budowle murowane. W źródłach historycznych znajdujemy też, informacje o wybudowaniu w latach 1532-1557 katakumb składających się z 132 nisz, wraz z znajdującą się nad nimi cerkwią Zmartwychwstania Chrystusa^{98,99}. Świątynia ta, wykonana z pruskiego muru, ze względu na zły stan techniczny została rozebrana w latach 70-tych XIX stulecia¹⁰⁰.

Kolejną informację o stanie zabudowań monasterskich przekazuje archimandryta Dałmatow, na podstawie wykonanej w latach 1636-1643 ikony św. Jana Teologa umieszczonej w ikonostasie cerkwi Zwiastowania NMP: *Korpusow bratskich widno dwa*.¹⁰¹ Wiadomo też, że w końcu pierwszej połowy XVII wieku spłonęła drewniana cerkiew św. Jana Teologa¹⁰² o której wiadomo, że istniała jeszcze w 1557 roku, a nie ma już jej na przedmiotowej ikonie.

W latach 1695-1697 w zachodniej części kompleksu monasterskiego wybudowano murowaną dzwonnice, która spłonęła w 1702 r.¹⁰³. Podjęta wkrótce odbudowa trwała do połowy XVIII w., jednak brak jest ścisłej daty jej ukończenia¹⁰⁴.

Źródła historyczne za początek prac budowlanych nowego, dużego murowanego korpusu po południowej stronie zespołu, podają rok 1755¹⁰⁵. Należy jednak poddać tę datę pod wątpliwość, ponieważ prace konserwatorskie prowadzone pod nadzorem autora artykułu w roku 2004, odsłoniły na poziomie parteru kamień z wrytą datą: 1753 rok.

Zamieszczony przez archimandrytę Dałmatowa inwentarz klasztoru z roku 1764, wymienia wszystkie obiekty składające się obecnie na zespół klasztorny¹⁰⁶ (wyjątkiem jest murowana cerkiew p.w. św. Jana Teologa, która wzniesiona została w roku 1889¹⁰⁷). Na tej podstawie wnioskować można, że wszystkie obiekty mieszkalne wchodzące w skład obecnego

⁸³ op. cit. s. 324.

⁸⁴ Hościłowicz J., Freski z Supraśla, Muzeum Okręgowe W Białymstoku, Krajowa Agencja Wydawnicza, Warszawa 1977.

⁸⁵ Pokryszkin P., Błagowieszczenskaja cerkew w Suprasl'skom Monastyre. [w:] Sbornik archieograficznych statiej podniesiennych grafu A.A. Bobrinskomu, Sankt Petersburg 1911, s. 222-237.

⁸⁶ Dałmatow N., Suprasl'skij Błagowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 389,424,426.

⁸⁷ Mironowicz A., Życie Monastyczne Na Podlasiu, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 29.

⁸⁸ Kochanowski W., Ruiny kościoła bazylińskiego w Supraślu, P.P. Pracowni Konserwacji Zabytków, Dział Dokumentacji Naukowej, Warszawa 1958, s. 10.

⁸⁹ Ibidem, s. 24.

⁹⁰ Ibidem, s. 10-11, 24.

⁹¹ Mironowicz A., Życie Monastyczne Na Podlasiu, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 29.

⁹² Piłaszewicz Z., Zespół poklasztorny o.o. bazyliźnów. Dokumentacja historyczno – architektoniczna (pałac archimandrytów, budynki klasztorne), P.P. Pracowni Konserwacji Zabytków Oddział w Warszawie, Pracownia Dokumentacji Naukowo – Historycznej, Białystok 1974, s. 5.

⁹³ Dałmatow N., Suprasl'skij Błagowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 46

⁹⁴ Ibidem, s. 40.

⁹⁵ Kronika Ławry Supraslskiej. Archieograficzeskij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 2.

⁹⁶ Kochanowski W., Zespół architektoniczny w Supraślu, [w:] Rocznik Białostocki, t. IV, Białystok 1963, s. 358.

⁹⁷ Kronika Ławry Supraslskiej. Archieograficzeskij sbornik dokumentow, odnosiaszczichsia k istorii Siewier-Zapadnoj Rusi, izdawajemyj pri uprawlenii Wilenskogo Uczebnogo Okruga, t. IX, Wilno 1870, s. 47-48.

⁹⁸ Ibidem, s. 53.

⁹⁹ Dałmatow N., Suprasl'skij Błagowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 46.

¹⁰⁰ Ibidem, s. 63.

¹⁰¹ Ibidem, s. 141.

¹⁰² Ibidem, s. 46.

¹⁰³ Ibidem, s. 310-311.

¹⁰⁴ Piłaszewicz Z., Zespół poklasztorny o.o. bazyliźnów (brama, kaplica, refektarz). Dokumentacja konserwatorska z prac budowlano-konserwatorskich w latach 1969-1972, P.P. Pracowni Konserwacji Zabytków Oddział w Warszawie, Pracownia Dokumentacji Naukowo – Historycznej, Białystok 1972, s. 4.

¹⁰⁵ Dałmatow N., Suprasl'skij Błagowieszczenskij Monastyr, Sinodalnaja Tipografija, Sankt Petersburg 1892, s. 264.

¹⁰⁶ Ibidem, s. 563-570.

¹⁰⁷ Ibidem, s. 437.

zespołu klasztornego, powstały prawdopodobnie w XVIII wieku, w latach 1708-1764¹⁰⁸. Późniejsze zaś prace budowlane, polegały jedynie na ich remontach i adaptacji do doraźnych potrzeb.

W latach po powojennych w jednej z cerkwi supraskiego kompleksu zabudowań funkcjonowała parafia prawosławna¹⁰⁹. Mnisi ponownie do Supraśla powrócili w 1984 r., po czym nastąpiło powolne odrodzenie monasteru. Wyraznym znakiem tego odrodzenia było przybycie do Supraśla w 1987 r., po upływie bez mała 400 lat, patriarchy konstantynopolińskiego Dymitra I¹¹⁰ (w 1589 r. monaster gościł patriarchę konstantynopolińskiego Jeremiasza II¹¹¹). W następnych latach klasztor odwiedzali kolejni patriarchowie: patriarcha konstantynopoliński Bartłomiej, aleksandryjski Piotr VII, serbski Paweł, rumuński Teoktyst, oraz zwierzchnicy Kościołów prawosławnych: Greckiego – Chrystodoulos, Albańskiego – Anastazy, Amerykańskiego – Herman, Fińskiego – Paweł i Leo, oraz wielu metropolitów, arcybiskupów i biskupów¹¹². Ranga monasteru jako ośrodka religijnego i kulturalnego rośnie, wraz z tym wzrostem szczególnego tempa nabierają prace konserwatorsko-budowlane.

Prace konserwatorsko-budowlane zespołu monasterskiego

Działania wojenne doprowadziły niemal do całkowitego zniszczenia cerkwi Zwiastowania NMP, z której w wyniku wysadzenia pozostały fundamenty i jedynie niewielkie fragmenty części przyziemia. W mniejszym stopniu zniszczeniu uległy budynki otaczające cerkiew – detonacja ładunku wybuchowego w cerkwi i powstała w jej wyniku fala uderzeniowa, uszkodziła większość dachów i część murów wyższych kondygnacji, pozostawiając dużą część murów przyziemia w dobrym stanie. Ze względu więc na różny charakter odbudowy ze zniszczeń wojennych kompleksu monasterskiego: rekonstrukcji cerkwi i rewaloryzacji budynków – objekty te w dalszej części pracy zostaną opisane oddzielnie.

Prace i problemy rekonstrukcji cerkwi Zwiastowania NMP

Pierwsze powojenne prace konserwatorskie rozpoczęto jeszcze w 1945 r. Z ruin murów cerkwi odcięto zachowane resztki fresków, zabezpieczając w ten sposób 33 fragmenty. W latach 1956-60 zabezpieczono mury świątyni w formie *trwałej ruiny*¹¹³. Za początek powojennej rekonstrukcji cerkwi należy jednak uznać rok 1984¹¹⁴, gdy wmurowano kamień węgielny.

Przed przystąpieniem do prac rekonstrukcji przeprowadzono dogłębne studium nad odbudowywaną świątynią. Szereg zmian obrazu cerkwi na przestrzeni ponad czterystuletniej historii, wymagał dogłębnej analizy wizerunku, na którym należało oprzeć rekonstrukcję. Szczególnym aspektem tej analizy było zapewnienie takiej formy cerkwi, przy zachowaniu jej historycznego obrazu, aby mogła stanowić *duchowe serce* odradzającego się wówczas w tym miejscu prawosławnego monasteru. Najlepiej udokumentowanym jest jej widok z XX w. Jednak liczne zmiany, przede wszystkim wnętrza, poczynione w okresie przyłączenia klasztoru do Kościoła unickiego (1635-1839)¹¹⁵, odsunęły funkcję świątyni od funkcji cerkwi prawosławnego monasteru. Jednocześnie zaplanowano przywrócenie pierwotnego umieszczenia w świątyni słynnych już fresków. Mając na względzie przedstawione argumenty, oparcie rekonstrukcji na dwudziestowiecznym obrazie wydawało się niepraktyczne. Ze względu na powyższe, postanowiono odtworzyć świątynię w pierwotnej jej formie, a więc z początku XVI w.¹¹⁶ Jednak brak, jak już wspomnieliśmy, wystarczających materiałów źródłowych nie pozwalał na to w pełni. W rezultacie projekt rekonstrukcji, został oparty na bogatej bazie materiałów historyczno-ikonograficznych z XIX i XX wieku, z podkreśleniem ściśle obronnego charakteru budowli. Zrezygnowano z późniejszego przedsionka i tylnej dobudówki oraz zachowano pierwotne ukształtowanie elewacji z wprowadzeniem niezbędnych modyfikacji w zakresie konstrukcji i fizyki budowli¹¹⁷.

W pierwszym etapie prac w rekonstruowanej cerkwi przystąpiono do wykonania, na istniejących fundamentach, ław żelbetowych. Następnie wzniesiono na nich żelbetowo-betonowe ściany piwnic, licowane cyklopami granitowymi z zewnątrz, przywracającymi wygląd, charakter i lico pierwotnej ściany fundamentowej obiektu. Ściany piwnic przykryto stropami żelbetowymi związanymi wieńcem¹¹⁸. Wokół obiektu wykonano drenaż¹¹⁹. Przed przystąpieniem do wzniesienia części nadziemnej przeprowadzone zostały studia zabytkowych detali budowlanych (m.in. układu cegieł, kształtek, ich zestawów w obramieniach, gzymsach, wspornikach itp.)¹²⁰. Ściany zewnętrzne cerkwi wykonane zostały z cegły klinkierowej formatu gotyckiego, obramowanie okien i drzwi zaś z cegły fasonowej z betonu. Niewidoczne części muru wzniesione zostały z dostępnej cegły, odpowiadającej wymaganej klasie nośności¹²¹.

Unikalnymi elementami konstrukcyjnymi rekonstruowanej cerkwi są jej sklepienia: kryształowe i kolebkowe w zachodniej części świątyni, klasztorne nad ołtarzem oraz kolebkowe z lunetami nad chórem. Szczególnie trudnym elementem była

¹⁰⁸ Piłaszewicz Z., Zespół poklasztorny o.o. bazyliżnów. Dokumentacja historyczno – architektoniczna (Pałac Archimandrytów, budynki klasztorne), P.P. Pracownia Konserwacji Zabytków Oddział w Warszawie, Pracownia Dokumentacji Naukowo – Historycznej, Białystok 1974, s. 31.

¹⁰⁹ Makal W., Przed Odrodzeniem Supraskiego Monasteru, Klasztor Męski Zwiastowania NMP, Supraśl 2003.

¹¹⁰ Metropolita Sawa (Hrycuniak), Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach Prawosławia: tytułem wprowadzenia, [w:] Z dziejów supraskiego monasteru..., dz. cyt., s. 14.

¹¹¹ Kronika Ławry Supraskiej. Archeograficzno-ikonograficzny zbornik dokumentów, odnoszących się do historii Siewier-Zapadnoj Rusi, wydawany przez Wilenskiego Uczelnianego Okręgu, t. IX, Wilno 1870, s. 88.

¹¹² Metropolita Sawa (Hrycuniak), Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach Prawosławia: tytułem wprowadzenia, [w:] Z dziejów supraskiego monasteru..., dz. cyt., s. 14.

¹¹³ Piłaszewicz Z., Zespół poklasztorny o.o. bazyliżnów. Dokumentacja historyczno – architektoniczna (Pałac Archimandrytów, budynki klasztorne), P.P. Pracownia Konserwacji Zabytków Oddział w Warszawie, Pracownia Dokumentacji Naukowo – Historycznej, Białystok 1974, s. 20.

¹¹⁴ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu.

¹¹⁵ Mironowicz A., Życie monastyczne na Podlasiu, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 26-28.

¹¹⁶ komunikat prywatny ówczesnego przeora klasztoru archimandryty Mirona (późniejszy abp gen. Miron arcybiskup hajnowski i Prawosławny Ordynariusz Wojska Polskiego) przekazany autorowi artykułu w 1996 roku.

¹¹⁷ Mitrobedzki A., Uzgodnienie konsultacyjne, [w:] Kuźmienko J., Zabytkowa cerkiew w Supraślu. Plan realizacyjny zagospodarowania terenu dla II-ego etapu budowy oraz projekt techniczny rekonstrukcji, Warszawa 1985.

¹¹⁸ Balasz M., Plan realizacyjny zagospodarowania terenu i projekt techniczny rekonstrukcji obiektu, Białystok 1993, s. 1.

¹¹⁹ Steckiewicz R., Sawicki M., Ekspertyza techniczna dotycząca części podziemnej odbudowywanej cerkwi w Supraślu, Białystok 1985, s. 5.

¹²⁰ Mitrobedzki A., Uzgodnienie konsultacyjne, [w:] Kuźmienko J., Zabytkowa cerkiew w Supraślu. Plan realizacyjny zagospodarowania terenu dla II-ego etapu budowy oraz projekt techniczny rekonstrukcji, Warszawa 1985.

¹²¹ Balasz M., Plan realizacyjny zagospodarowania terenu i projekt techniczny rekonstrukcji obiektu, Białystok 1993, s. 2.

realizacja oraz analiza przestrzennej konstrukcji gotyckiego – najbardziej efektownego – sklepienia gwiazdowego¹²². Pierwsze ze sklepień – nad częścią ołtarzową – wykonano w 1989 roku, ostatnie zaś wymurowano w roku 1995¹²³.

Kolejnymi istotnymi elementami cerkwi są jej narożne baszty, centralna wieża i kopuły. Baszty wykonano całkowicie przy użyciu cegły klinkierowej, wieżę główną stanowi zaś wypełniony cegłą szkielet żelbetowy oparty na żelbetowych filarach nawy głównej (z zewnątrz obmurowanych cegłą). Kopuły wykonano jako żelbetowe nieznacznie zmieniając ich profil w celu przywrócenia „cebulkowatego” kształtu. Podjęto także decyzję o umieszczeniu na kopułach ośmioramiennych – prawosławnych – krzyży, chociaż źródła historyczne wskazywały na występowanie w tych miejscach krzyży czteroramiennych, tak zwanych „greckich”. Decyzja ta została podjęta na prośbę mnichów, a podyktowana była obecnym położeniem cerkwi w miejscu występowania świątyń dwu obrządków – prawosławnego oraz rzymskokatolickiego – i potrzebie wizualnego zaznaczenia przynależności świątyni¹²⁴. W 2003 roku zakończono zasadnicze prace rekonstrukcji bryły cerkwi.

W roku 2007 przystąpiono do badań źródeł historycznych, prac przygotowawczych i projektowych przed przystąpieniem do rekonstrukcji wnętrza cerkwi. Postanowiono całkowicie odtworzyć freski oraz wykonać prosty – w stylu bałkańskim – ikonostas, rezygnując z późniejszego, barkowego. Zapewne ta druga decyzja spotka się dużą polemiką, ponieważ pochodzący z 1664 roku ikonostas jest dobrze udokumentowany fotograficznie i jego odtworzenie nie sprawiłoby większych trudności, jednak charakter tego ikonostasu nie komponował się z freskami, zasłaniał ich część i najprawdopodobniej dalece odbiegał od umieszczonego w cerkwi pierwotnie w XVI wieku. Dodatkowo wykonany on został już w okresie przynależności klasztoru do Kościoła unickiego i zawierał elementy, które definiują tamten kościół, a nie Kościół prawosławny. Widać więc, że zaprojektowanie nowego ikonostasu stanowi duże wyzwanie, gdyż z jednej strony znamy program ikon – ten dokładnie określają kanony Cerkwi prawosławnej – z drugiej jednak strony obecny stan wiedzy historycznej jest ubogi i dalsze badania wymagają dokonania kolejny kwerend i analiz.

Równie trudnym, chociaż o wiele lepiej udokumentowanym, elementem rekonstrukcji wnętrza cerkwi będzie odtworzenie fresków. Ten temat jednak jest szeroko opisany w licznych pracach badawczych i tak tematykę supraskich szali J. Uścińowicz¹²⁵, A. Siemaszko^{126, 127}, S. Stawicki¹²⁸, S. Petković¹²⁹, A. Mironowicz^{130, 131, 132}, J. Kotańska¹³³, A. Rogow¹³⁴, J. Hościłowicz¹³⁵, oraz, w kontekście rekonstrukcji cerkwi Zwiastowania NMP i rewaloryzacji pozostałych budynków zespołu monasterskiego, A. Musiuk^{136, 137}.

Prace i problemy rewaloryzacji budynków monasterskich

Poczynając od drugiej połowy XIX wieku zakon był systematycznie rugowany z budynków klasztornych, najpierw utracił Pałac Archimandrytów, następnie część budynków skrzydła południowego, aż do całkowitego opuszczenia przez mnichów klasztornych murów w 1915 roku. Następowo powolne oddalanie funkcji monasterskich zabudowań od ich pierwotnego przeznaczenia. Dodatkowo liczne prace adaptacyjne pozbawiły obiekty oryginalnych detali architektonicznych.¹³⁸ II wojna światowa dopełniła dzieła zniszczenia pozostawiając budynki w ruinie.

Pierwsze powojenne prace związane z kompleksem monasterskim rozpoczęto w 1945 roku odgruzowując teren, po czym rozpoczęto odbudowę i adaptację budynków dla potrzeb ulokowanej w nich szkoły¹³⁹. W okresie powojennym wykonano konserwację z częściową rekonstrukcją wystroju malarskiego i sztukatorskiego kaplicy oraz refektarza Pałacu Archi-

¹²² Rogala T., Malesza M., Syczewski M., Rekonstrukcja sklepień gwiazdowych w cerkwi Zwiastowania w Supraślu, [w:] Budownictwo sakralne '96, Politechnika Białostocka, Białystok 1996; Rogala T., Malesza M., Miedziałowski Cz., Bielawiec S., Malesza J., Analiza statyczna gotyckiego sklepienia typu gwiazdowego, [w:] Budownictwo sakralne i monumentalne '2000, Politechnika Białostocka, Białystok 2000, s. 239-248.

¹²³ Kronika Parafii Zakonnej Zwiastowania NMP i św. Jana Teologa w Supraślu, t. I.

¹²⁴ komunikat prywatny ówczesnego przeora klasztoru archimandryty Mirona (późniejszy abp gen. Miron arcybiskup hajnowski i Prawosławny Ordynariusz Wojska Polskiego) przekazany autorowi artykułu w 1996 roku

¹²⁵ Uścińowicz J., O przenikaniu wartości w architekturze sakralnej pogranicza, [w:] Architektura kultur lokalnych pogranicza. Pogranicze Polski, Litwy, Białorusi i Ukrainy, Politechniki Białostockiej, Białystok 2006, s. 250.

¹²⁶ Siemaszko A., Malowidła ściennie cerkwi Zwiastowania w Supraślu. Rekonstrukcja programu ikonograficznego, [w:] Prace z Historii Sztuki, 1995, nr 21, s. 14-63.

¹²⁷ Siemaszko A., Rekonstrukcja programu ikonograficznego cerkwi Zwiastowania Monasteru Supraskiego, [w:] Z dziejów supraskiego monasteru. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej „Supraski Monaster Zwiastowania Przenajświętszej Bogarodzicy i jego historyczna rola w rozwoju społeczności lokalnej i dziejach państwa, Supraśl-Białystok 2005, s. 165-176.

¹²⁸ Stawicki S., Malowidła ściennie z dawnej cerkwi Zwiastowania NMP w Supraślu – problemy techniczne i technologiczne, [w:] Biuletyn Konserwatorski Województwa Podlaskiego. Białystok 2004, s. 7-43.

¹²⁹ Petković S., Srpska umetnost u XVI i XVII veku, Beograd 1995, s. 255-282.

¹³⁰ Mironowicz A., Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII wieku, Białystok 1991, s. 92.

¹³¹ Mironowicz A., Życie monastyczne na Podlasiu, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 1998, s. 11-14.

¹³² Mironowicz A. Prawosłajnaja Belarus, Białoruskie Towarzystwo Historyczne, Białystok 2009.

¹³³ Kotańska J., Bizantyjskie freski z cerkwi Zwiastowania w Supraślu, [w:] Roczniki Humanistyczne, Lublin 1986, t. XXXIV, z. 4, s. 33-46.

¹³⁴ Rogow A., Freski Supraslja, [w:] Drewnianuskoje iskusstwo. Monumentalnaja ziwopis' XI-XVII w.w., Moskwa 1980, s. 345-371

¹³⁵ Hościłowicz J., Freski z Supraśla, Muzeum Okręgowe W Białymstoku, Krajowa Agencja Wydawnicza, Warszawa 1977.

¹³⁶ Musiuk A., Zagadnienia rekonstrukcji i rewaloryzacji zabytkowych obiektów monasteru supraskiego w czasach współczesnych, [w:] Z dziejów supraskiego monasteru..., dz. cyt., s. 177-187.

¹³⁷ Musiuk A., Problemy rekonstrukcji cerkwi monastycznej w Supraślu, [w:] Architektura kultur lokalnych pogranicza. Pogranicze Polski, Litwy, Białorusi i Ukrainy. Politechniki Białostockiej, Białystok 2006, s. 145-149.

¹³⁸ Kaczyński J., Rewaloryzacja zespołu monasteru prawosławnego w Supraślu i adaptacja na potrzeby Klasztoru Męskiego Zwiastowania NMP oraz funkcji towarzyszących. Koncepcja Architektury i Układu Funkcjonalnego, Pracownia Projektowa „Kaczyński i Spółka”, Białystok 1999, s.6.

¹³⁹ Kochanowski W., Zespół architektoniczny w Supraślu, [w:] Rocznik Białostocki, t. IV, Białystok 1963, s. 389.

mandrytów. W ramach adaptacji na potrzeby stacji harcerskiej w latach 1957-59 oraz 1969-72 prowadzono prace konserwatorskie dzwonnicy¹⁴⁰. Zaznaczyć tu jednak należy, że wiele z tych prac, co prawda przywróciło właściwy stan techniczny budynków, jednak nie miało nic wspólnego z pracami konserwatorskimi i doprowadziło do bezpowrotnej utraty wielu detali i elementów pierwotnego stanu.

Przywrócenie w obiektach klasztoru, prawosławnego życia zakonnego w połowie lat 80-tych minionego stulecia, wymogło zmianę funkcji obiektów i pozwoliło na rozpoczęcie przywracania budynkom pierwotnej ich formy, zarówno funkcjonalnej jak i architektonicznej. Ten stan trwa do dzisiaj. Jego długi, już ponad dwudziestoletni, okres wynika z szeregu przyczyn. Pierwszą przyczyną był skomplikowany stan prawny obiektów związany z prawami właścicielskimi. Kolejną przyczyną są potrzebne do przeprowadzenia prac konserwatorsko-budowlanych olbrzymie nakłady finansowe, które są trudne do udźwignięcia przez odradzającą się wspólnotę monastyczną. Szczególny problem dotyczy też obiektów monasteru z niewystarczającymi lub sprzecznymi materiałami źródłowymi. Dodatkowo liczne zmiany funkcji i wyglądu na przestrzeni czasu, utrudniały przyjęcie programu prac konserwatorskich.

W trakcie prac rewaloryzacji pojawiły się też problemy czysto techniczne, i tak największym z nich okazał się brak izolacji poziomych fundamentów, powodujący podciąganie kapilarnie wody w murach, w wyniku którego dochodziło do powstawania wysoleń na murach przyziemia, dochodzących nawet do wysokości 3 metrów. Dodatkowo stwierdzono brak drenaży wokół fundamentów, co w połączeniu z gliniastym podłożem, powodował w okresie jesiennych deszczy i wiosennych roztopów wysoki wzrost wilgotności murów. Innym problemem, z którym spotkano się w trakcie prac konserwatorsko-budowlanych była niejednorodność materiałów, z których wykonano obiekt – wynikała ona przede wszystkim z powojennych napraw, gdzie oryginalne materiały historyczne uzupełniano współczesną dla ówczesnego czasu substancją budowlaną. Inną przyczyną takiego stanu były liczne przebudowy obiektów na przestrzeni wieków, a także, nie zawsze prawidłowy, sposób naprawy substancji budowlanej. Kolejnym problemem okazał się sam materiał budowlany pochodzący z przed wieków. Cegły wykorzystane do budowy budynków były wypalane w licznych cegielniach znajdujących się wokół monasteru – świadczą o tym informacje mieszkańców Supraśla oraz terenów przyległych o odnajdywaniu, najczęściej podczas kopaniu studni, pozostałości palenisk takich niewielkich cegielni. Efektem tego jest dość duża różnorodność i jakość cegły. Dodatkowym problemem jest oparta na wapnie spoina murów, która obecnie charakteryzuje się niskimi parametrami technicznymi: jej nośność jest niewielka, a w wielu miejscach po odsłonięciu tynków spoina ta się wysypuje. Problemem, są też przemieszania elementów konstrukcyjnych budynków, gdzie w wielu miejscach pierwotne łuki i sklepienia zastąpiono, odpowiednio belkami i stropami. Jest to szczególnie uciążliwe w projektowanych fragmentach obiektu dla których zwiększa się ciężar użytkowy – np. magazyny biblioteczne – gdzie analiza konstrukcyjna wymaga zastosowania zaawansowanych technik obliczeniowych. Kolejnym problemem są liczne pęknięcia substancji budowlanej. Powstają one najczęściej z przyczyn konstrukcyjnych w miejscach łączenia pierwotnych i późniejszych elementów konstrukcyjnych oraz w wyniku osiadania fundamentów na skutek zmieniających się warunków wodnych i zmiany wielkości obciążeń. Inną przyczyną pęknięć są różne charakterystyki fizyczne sąsiadujących ze sobą substancji budowlanych, co nie jest już groźne od strony konstrukcyjnej, jednak sprawia duży problem w trakcie prac konserwatorskich.

Poczynając przede wszystkim od 1996 roku, a więc od momentu ostatecznego przekazania budynków monasterskich klasztorowi, prace konserwatorsko-budowlane doprowadziły do odrestaurowania wszystkich dachów i elewacji budynku.

Większość dachów jest przykryta dachówką ceramiczną (tylko niewielka część dachów otrzymała pokrycie z blachy dachówkowej, jednak jest to stan doraźny i za kilka lat ten fragment pokrycia zostanie zamieniony na pokrycie dachówką ceramiczną). W przypadku ścian zewnętrznych odkopano i wzmocniono wszystkie fundamenty – większość z tych fundamentów okazała się kamienna. Osuszono mury i wykonano blokadę przeciwwilgociową metodą iniekcji ciśnieniowej, a naprawę tynków oparto na systemie tynków renowacyjnych WTA oraz na tynkach wapiennych wykonanych na bazie wapna trasowanego. W przypadku stolarki okiennej i drzwiowej zachowano jej historyczny rysunek, dostosowując ją jedynie do współczesnych wymagań cieplnych. Wnętrze budynków klasztornych jest obecnie odrestaurowane jedynie w niewielkim stopniu, jednak trwające prace projektowe oraz uzyskana przez monaster dotacja zapowiadając szybkie przystąpienie do kompleksowych prac.

Wnioski

Tematyka XVI-wiecznych świątyń styku pogranicza Polski, Białorusi i Ukrainy obecnie jest często podejmowana w pracach naukowych, brakuje jednak spójnego zestawienia wiedzy i przenoszenia doświadczeń oraz wniosków pomiędzy poszczególnymi obiektami. Z punktu widzenia prac konserwatorskich przedmiotowych obiektów, takie wspólne korzystanie z wiedzy wydaje się zjawiskiem pożądanym, a zakres wiedzy uzyskany z analizy zespołu monasteru w Supraślu może stanowić punkt wyjściowy do przeprowadzenia analizy w szerokim zakresie obejmującym wszystkie obiekty tego typu.

Trwające obecnie prace rekonstrukcji oraz rewaloryzacji zabytkowych obiektów Klasztoru Męskiego NMP w Supraślu połączone są z szerokimi badaniami historycznymi, architektonicznymi, budowlanymi i teologicznymi. Szczególnie są zaawansowane badania związane z cerkwią Zwiastowania NMP, która, z jednej strony, jest obiektem wyjątkowo cennym w aspekcie historycznymi i architektonicznym, z drugiej jednak wchodzącym w zespół kilku innych świątyń podobnego typu. Już podczas studiowania pierwotnego obrazu cerkwi Zwiastowania NMP oparto się na analizie porównawczej z innymi obiektami tej grupy, które uległy znacznie mniejszej przebudowie niż obiekt w Supraślu – są to obronne cerkwie w Synkowic-

¹⁴⁰ Piłaszewicz Z., Zespół poklasztorny o.o. bazyliżnów. Dokumentacja historyczno – architektoniczna (Pałac Archimandrytów, budynki klasztorne), P.P. Pracownia Konserwacji Zabytków Oddział w Warszawie, Pracownia Dokumentacji Naukowo – Historycznej, Białystok 1974, s. 20.

zach oraz w Murawancy¹⁴¹. Jest to więc świetny przykład wskazujący na potrzebę wspólnych badań świątyń o charakterze obronnym wzniesionych w XVI wieku, a znajdujących się na szeroko zakrojonym terenie wokół rzeki Bug**.

Podsumowanie:

Cerkiew Zwiastowania NMP w Supraślu, cerkiew Narodzenia NMP w Murowance, cerkiew św. Archanioła Michała w Synkowiczach oraz kościół Świętego Ducha w Kodniu stanowią grupę najważniejszych świątyń wybudowanych w XVI wieku na styku Polski, Białorusi i Ukrainy. Kościoły te posiadają liczne podobieństwa. W pracy zaproponowano dokonanie wspólnej analizy tych obiektów pod względem architektonicznym, historycznym, budowlanym, teologicznym. W pracy zaproponowano klasztor w Supraślu z cerkwią Zwiastowania NMP, jako obiekt wiodący w tej analizie. W pracy opisano prace konserwatorskie trwające w tym klasztorze.

УДК 94(476.7)

Босак В.Н.

ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩИ

На западе Республики Беларусь расположен уникальный уголок природы – Беловежская пуца, в настоящее время имеющая статус национального парка. История этого древнего леса, тесно связанная с богатейшими охотничьими угодьями, с обитающим в его чащах реликтовым видом – зубром, уходит в глубину веков, обросла многими легендами.

1000 лет назад Беловежскую пуцу населяли:

- северную (наибольшую ее часть) – ятвяги;
- юго-западную – наревляне;
- юго-восточную – дреговичи.

Климат в те времена отличался большей влажностью, чем нынешний, ландшафты представляли собой сплошные массивы леса от Балтики до Буга, с обилием болот. Территория Пуци, в отличие от окружающей местности, не затоплялась половодьями, занимая возвышенность, составляющую водораздел Немана, Буга и Припяти.

Первые летописные упоминания о Пуце можно отнести ко временам правления киевского князя Владимира, который положил начало непрерывным войнам, закончившимся в конце XIII века полным истреблением ятвягов. На местах вырубленных лесов князь селил своих людей – так появились первые поселения Бельск и Мельник. Обороняясь от ятвягов и литовцев, русские князья стали строить города вокруг Пуци: Берест, Слоним, Дрогичин, Гродно. Новые города, как тогда было принято, укреплялись сторожевыми башнями – вежами [1, 2].

В XIII веке – наиболее драматичном для коренного населения Пуци – постоянные войны славян с поляками и мазовшанами, тевтонским орденом. Пользуясь смутой военного времени, среди мелких литовских племен выделился и объединил их под свое начало Миндовг. Впоследствии он, Даниил Романович (князь Владимир-Волынский) и поляки вкупе истребили ятвягов.

На рубеже XIII-XIV вв. князь Владимир Василькович Волынский основал в лесистой местности при слиянии рек Лесны и Белой город Каменец (по одной из легенд, вежа у него была якобы белой). До XVII в. Пуца называлась Беловежско-Каменецкой, и только затем – Беловежской [1, 3].

В течение двух веков – XIII и XIV – в Пуце господствовали литовские князья. На то время Пуца занимала пространство почти в 20 кв. верст, что значительно больше нынешней ее территории. До наших дней дошли упоминания о грандиозных охотах князя Ягайло, впоследствии взошедшего на польский престол. Традиционно, перед военными походами в лесах Пуци шла заготовка провианта для войска.

Пуца всегда являлась собственностью князя, и только князьям принадлежало право охоты на крупного зверя. От литовских князей право охоты последовательно перешло к польским королям и к русским императорам, затем – к коммунистическим вождям. Правители вводили и порядок в свои охоты. Так, при русских князьях возник служебный персонал ловчих (т.н. ловчий наряд).

При польских королях охота перестала быть первой необходимостью, превратилась в привилегированную забаву. Потомок Ягайло – Сигизмунд I Старый в местечке Наревк основал охотничий дом с флигелями. За охотничьими угодьями установили надзор. В Пуце поселили стражу из 277 семейств стрелков. Сигизмунд издал первый закон об охране лесов и охоты (27 февраля 1538 г.) – лесной устав, который был издан на славянском языке. 1-я статья данного закона утверждала должности лесничих, 2-я – воспрещала рубку в казенных лесах без разрешительного билета за подписью короля.

В XVI в. ввиду незаинтересованности королевской династии в охоте произошла массовая раздача Беловежских лесов польской и литовской шляхте, вследствие чего значительно сократилась площадь Пуци. Во времена правления Сигизмунда-Августа Григорий Волович осуществил инвентаризацию королевских угодий, в т.ч. и Беловежской пуци. Спустя 10 лет, по инициативе приближенного к королю Петра Фальчевского, в лесах Пуци поставили 4 железодепательных, огромный поташный и ряд смолокуренных заводов, нанеся Пуце колоссальный вред. Сле-

¹⁴¹ Gistorija Belaruskogo Mastactwa, t.1, "Nawuka I Technika", Mińsk 1987, s. 157-163.

**Niniejsza praca jest efektem badań realizowanych na Wydziale Architektury Politechniki Białostockiej w ramach badań własnych W/WA/2/2010.

ды этих производств сохранялись еще долгое время – вплоть до начала XX в. И только один из польских королей со времен Сигизмунда Старого – Стефан Баторий проявил интерес к охоте. Впервые при нем в Пуще выловили 2-х зубров, одного из которых отправили в Краков, другого – в Варшаву.

По смерти Стефана Батория (1586 г.) в пуще наступил период полного затишья, длившегося более 100 лет. Равнодушие к охоте Сигизмунда III Шведского и его сына Владислава IV привело к исчезновению в 1627 г. тура и к массовому истреблению зубра, лося, оленя и др. зверей по всей Литве и Польше. Тем не менее, при Владиславе IV была составлена «ординация» – порядок управления всеми коронными лесами. Тогдашние границы Пущи включали около 150 000 десятин. Высший надзор за Пущей был вверен Беловежско-Каменецкому лесничеству (резиденция – фольварк Ямны, по дороге между с. Королев Мост и м. Каменец-Литовск).

С избранием на польский престол в 1698 г. курфюрста саксонского Августа III, по натуре страстного охотника, Пуща снова ожила. Появились егеря-саксонцы. Современникам запомнились пышные, зрелищные королевские охоты с многочисленными гостями и челядью. Для короля был построен новый дворец (Новый Беловеж), судьба которого впоследствии оказалась весьма печальной. В 1812 г. австрийские войска разграбили замок, а полное разорение его закончилось во времена Польского восстания 1830 г.

В 1794 г., после раздела Речи Посполитой Пуща перешла во владение российских императоров. Это событие ознаменовалось щедрой раздачей Екатериной II беловежских угодий своим приближенным.

В первые годы российского правления в Пуще процветало браконьерство. За определенную плату истреблялись все звери, кроме зубра. Однако судьба последнего также не была завидной – к 1809 году, во времена правления Александра I, численность этого зверя упала до катастрофически низкого уровня в 350 голов.

Накануне 1-й Отечественной войны, в мае 1811 года в Пуще возник огромный лесной пожар. Причина, по которой загорелся лес, осталась невыясненной. Ввиду отсутствия на те времена квартальных просек, большой захламленности, пожар бушевал 4 месяца, уничтожив огромную площадь реликтового леса. Все людские попытки погасить пламя не увенчались успехом, лишь в октябре его погасили затяжные дожди.

Война 1812 г. принесла Пуще еще большее разорение. Усилилось браконьерство: зверя истребляли проходившие войска как с одной, так и с другой стороны. Но особенно большой урон фауне беловежских лесов причинили партизаны, базировавшиеся на их территории. По окончании военных действий в Пуще были разрешены и проводились сплошные рубки, что усугубило и без того ее плачевное состояние. Правда, вскоре спохватившиеся власти совершили очередную, не меньшую глупость – запретили всякие рубки и охоту. Из-за этого в окрестностях расплодилось много хищников, особенно волков. В конце 20-х гг. XIX в. волки стали настоящим бедствием для всего округа. Департамент государственных имуществ министерства финансов, в чьем ведении тогда находилась Пуща, разрешил отстрел волков 2 раза в год, в течение двух недель осенью и зимой, да и то только немногочисленной лесной страже. Понятно, такая мера положительных результатов в борьбе с волками не принесла.

30-е годы XIX в. – одни из самых тяжелых для Пущи. Весь служебный персонал и местные крестьяне присоединились к Польскому восстанию (1830-31 гг.). В пуцанских лесах укрывались многочисленные отряды повстанцев, которые отчаянно и беспощадно браконьерили. После подавления восстания случился новый пожар, полностью сжегший 2 урочища. В конце 30-х гг. на Пущу обратил внимание департамент корабельных лесов: по его инициативе было вырублено большое количество вековых дубов и сосен. Лучшие насаждения оказались сильно изреженными.

После столкновений интересов 2-х департаментов – государственных имуществ министерства финансов, с одной стороны, и корабельных лесов, с другой, – в 40-х гг. XIX в. Пуще дали, наконец, лесоустройство. По его проведению выяснилось, что главной, наиболее многочисленной лесообразующей породой являлась сосна; она занимала 2/3 общего лесного пространства, под елью находилась 1/5 его часть, под дубом – 1/30, все остальное было покрыто различными лиственными и, отчасти, хвойными породами. Пущу впервые разбили на кварталы: основной массив был поделен на 541 двухверстный квартал, а Свислочская дача – еще на 125 таких же кварталов. Помня о печальных последствиях недавних пожаров, кварталы разделили просеками. В отношении надзора за лесным хозяйством Пущу разбили на 5 лесничеств: Беловежское, Бровское, Гайновское, Столповисское, Окольникое.

Каждое лесничество, в свою очередь, делилось на 2 объезда и 12 обходов.

В следующем десятилетии Пущу разделили на 2 зоны, что объяснялось поведенческими особенностями зубра. Звери придерживались одного района площадью до 70 000 десятин и с неохотой покидали его территорию. Здесь хозяйственная деятельность была сильно ограничена. В другой части Пущи велось более интенсивное хозяйство. Между этими двумя зонами соорудили заборы, как впоследствии выяснилось, не принесшие никакой пользы: мелкая дичь проскакивала между пролетами, а крупная просто ломала их. Еще одно примечательное событие для пущи тех лет – массовая рубка сосны по инициативе берлинской фирмы «Бугенгаген» в лице предприимчивого купца Зигмунда. Из-за этого мероприятия Пуща сильно поредела крупным лесом.

Таким образом, со времени перехода Пущи в русское владение 70 лет подряд царских охот не проводилось. Богатейшее царское угодье вследствие этого пришло в состояние запустения. Захват нелесных угодий поселенцами, браконьерство и высокая численность хищников, прежде всего волков, обусловили невысокую численность в Пуще зубра, лося. К 60-м гг. XIX в. почти не стало и медведя, которого истребили под предлогом его хищничества в отношении зубра. С другой стороны, сравнительно хорошо жилось в Пуще пернатым. На то время было много глухара, тетерева, рябчика, вальдшнепа.

В таком состоянии застал Пущу император Александр II, прибывший в 1860 г. в Беловежье поохотиться на зубров; последних числилось в это время по учетным ведомостям до 1575 голов. К приезду царя в селе Беловежье

обратили в охотничий павильон старинный дом. Ко дню охоты лесничий Штральборн и унтер-егермейстер Иванов с 14 офицерами корпуса лесничих, 10 объездчиками, 90 стражниками из постоянной лесной стражи, 120 полесовщиками, со стрелками, осочниками и 2 000 крестьян загнали в заранее огороженное тыном обширное лесное пространство в 550 десятин (урочище Грибовец) 117 зубров, 3 лося, 14 данизлей (ланей), 23 кабана, 36 коз, 17 волков, 15 лисиц, 14 барсуков – всего 339 единиц, в т.ч. 100 зайцев. Много зверей пало при загоне к зверинцу. Охота началась 6 октября и велась 2 дня. Стрельба велась из 12 штандов (маленьких крытых галерей) на просеке в 300 саженей длиной. Всего в оба дня царской охоты было добыто: 28 зубров, 2 лося, 10 ланей, 11 кабанов, 16 волков, 16 коз, 7 лисиц, 4 барсука, 2 зайца.

Спустя 2 года, в память об этой грандиозной охоте, при въезде в бывший зверинец, с левой стороны от дороги из Гайновки в Беловежье, недалеко от царского штанда, воздвигли памятник в виде фигуры зубра, отлитого из чугуна на заводе Огарева в Петербурге.

После посещения Пущи императором были осуществлены серьезные меры по сохранению и размножению дичи. Неистребимых доселе волков быстро и эффективно вывели стрихнином, поскольку облавные охоты были неэффективны. В 1865 г. с разрешения императора выловили 4-х молодых (трехгодовалых) зубров для отправки князю Плессе в Прусской Силезии. В обмен на зубров князь прислал в Пущу 20 оленей, 6 самцов и 14 самок.

Новое Польское восстание 1863 г. принесло в Пущу новые беды. Многочисленные отряды повстанцев укрывались в беловежских лесах, истребляя не только всякую живность, но и мирное население, не присоединившееся к восстанию. В целом, лесных обитателей успешно истребляли как регулярные войска, так и повстанцы с мирными жителями. В течение только одного этого года недосчитались 377 зубров.

Ввиду особого статуса, со второй половины 60-х гг. XIX в. начали практиковать зимний прикорм зубров, который ведется и поныне.

С 1877 г. гродненский управляющий государственными имуществами ввел в Пуще хозяйственную рубку с 10-летним оборотом, ограничиваясь, главным образом, вырубкой сухостойных и перестойных деревьев. По окраинам Пущи, во внезубровых стоянках, повели почти такое же хозяйство, но уже на чисто коммерческих основаниях. Таким образом, уже с конца 70-х гг. XIX в. Пуща стала приносить доход.

В отношении системы надзора после 1860 года произошли самые значительные изменения. Сначала учредили должность заведующего Пущей и завели специальных зубровых сторожей; объездчикам стали платить по 50 рублей, давая от казны обмундирование и лошадь. С 1872 г. заведующего Пущей сменил лесной ревизор. Таким образом, в 80-х гг. XIX в. Пущей управлял ревизор, а каждым из пяти лесничеств – лесничий, имевший помощника. Низший служебный персонал состоял из 14 объездчиков и из 102 лесных и 10 зубровых сторожей.

На протяжении 70 – 80-х гг. в Пуще время от времени проводились охоты великих князей и приглашенных высокопоставленных чиновников и дипломатов, в т.ч. иностранных. Ввиду явных недостатков в ведении хозяйства в Пуще было принято решение о передаче этого угодья в состав удельных имений (1886 г.). 18 сентября 1888 г. император Александр III утвердил решение о передаче Беловежской пущи вместе со Свислочской дачей в Уделье. Управление ею перешло в руки Удельного ведомства, в обмен на земли царя в Орловской и Симбирской губерниях. Было проведено новое лесоустройство. Работу по его проведению организовал профессор Н.К. Генко. Согласно этому лесоустройству, вдвое уменьшился размер лесных кварталов (1×1 версту), они были пронумерованы. Площадь Пущи на то время, вплоть до Октябрьской революции, составляла 115 114 десятин (125 782 га). Лесоустроителями была запланирована рубка леса в количестве 186,5 тыс. м³. Позже размер рубки был увеличен до 269 тыс. м³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карцов, Г. Беловежская пуща / Г. Карцов. – С.-Пб, 1903. – 295 с.
2. Памятники природы Белоруссии / В.М. Белков [и др.]. – Мн., 1986. – 176 с.
3. Семаков, В. Природные и рукотворные памятники Беловежской пущи / В. Семаков // Интернет-сайт «Национальный парк «Беловежская пуща». – 18.04.2007.

УДК 663.43+556.36+628.1

Басов С.В., Гладыщук А.А.

ПИВОВАРЕНИЕ В СРЕДНЕВЕКОВОМ БЕРЕСТЬЕ: СОЛОДУВНИ И БРОВАРЫ НА РЕКЕ ЗАПАДНЫЙ БУГ

В месте впадения реки Мухавец в Западный Буг без малого тысячу лет (а может и больше) стоял город Берестье – город, полностью уничтоженный при строительстве военного объекта Российской империи – Брест-Литовской крепости. Долгое время воды рек Мухавец и Буг были одним из основных источников механической энергии, а также питьевой и хозяйственной воды для населения. Воздействие всех видов хозяйственной деятельности не оказывало существенного влияния на качество воды в реках.

А о качестве воды в реке Западный Буг можно косвенно судить по тому факту, что она использовалась для производства пива – напитка, ставшего частью европейской культурной традиции, производство которого и сегодня немыслимо без качественной, чистой воды определенного минерального состава.

Известно, что в средневековой Европе производство пива было в основном сосредоточено в монастырях многочисленных христианских орденов. Продажа пива, составлявшего существенную часть рациона монахов, прино-

сила немалый доход. Кроме того, им потчевали толпы паломников, приходивших в монастыри и нуждавшихся в еде и питье. Больше всего пива варили бенедиктинцы, хотя и другие ордены не отставали. Так, например, в средневековой Германии было 400-500 монастырских пивоварен – броваров [1].

Для изготовления пивного солода использовали ячмень, овес, рожь и пшеницу. Солод, применяемый для производства пива, представляет собой специфический продукт проращивания зёрен этих злаков. Качество получаемого солода непосредственным образом зависит от воды, используемой в этом процессе.

Бровары (польск. browar от ст.-нем. broawer) состояли из небольшого по площади, как правило, каменного отопляемого помещения, каморы и сеней. Часто одновременно с броваром под одной крышей строили баню, кухню, пекарню, солодуюню.

Практически все средневековые пивоварни строились неподалеку от рек – энергия бегущей воды использовалась для помола зерна, из реки бралась вода пивного налива для затора (смеси солода с водой) и та же вода смывала всяческие нежелательные примеси по окончании пивоваренного процесса. Когда зерно проросло, его переносили в примитивную сушильню, раскладывали на ворсистой ткани и прогревали над огнем. Чтобы убедиться, что оно достигло требуемой мягкой и ломкой кондиции, пивовар жевал несколько зернышек. После сушки солод механически или вручную перемалывали, а затем смешивали с водой в открытом медном чане, установленном над открытым пламенем. Монахи предпочитали использовать в качестве налива мягкую воду и даже добавляли к воде мыло в целях ее смягчения. Затор перемешивали с помощью деревянных вилок, и когда суспензия вокруг их рукоятки закипала, считалось, что осахаривание (процесс преобразования крахмала в сахар) закончилось. После этого суспензию давали остыть, а затем черпаками переливали его в деревянные бочки, называемые «кругами». В качестве одной из многих трав, добавляемых в пиво для компенсации солодовой сладости, монахи научились использовать хмель. Однако пивовары очень быстро сообразили, что они тем самым не только придают напитку приятную цитрусовую горечь, но и антисептические свойства, способность противостоять «порче» – охмеленное пиво лучше хранилось.

Уже в бочках к суспензии добавлялись дрожжи. По окончании брожения бочки запечатывались, чтобы молодое пиво созрело и добродило [1,6].

Впервые в письменных источниках бочка берестейского пива упомянута 1525-м годом, причем при достаточно грустных обстоятельствах. После страшного пожара 1525 года в Берестье «московские вязни» замковой тюрьмы оказались в бедственном положении, что зафиксировал ревизор [2]: *«А живности имь передъ тымъ давали: на тыждень по два бараны, а по два бохоны на человѣка хлѣба, а по 10 головажень соли, а по бочѣ пива; а теперь того имь, повеѣдаютъ, не дають, о страву стоскують велми: «не будетъ ли дей жалованья господарского? не можемъ дей стрывати съ голоду».*

Фраза из «Реестра замка Берестейского 1566 года» констатирует [3]:

– Там же над Мухавцом броваровъ зрубленихъ посполу 4, котории за всеми потребами комини и огнищами ново збудовавши жидомъ в аренду подани. Начине тежъ броварское всякое ведле потребе во всехъ броварахъ есть, которие за пенязи замковие арендовние черезъ жидов ново покуплено и по спущению аренды таковое жь отдати повинни. За тими бровари над Мухавцомъ ятка замковая для потреби битья бидла замкового. Солодувни две над Бугом от места подле перекопу, в нихъ озницъ мурованихъ 3 со всеми потребами, в одной солодувнии печь кафловая и коминь.

Этот же реестр разъясняет, когда и каким образом у Перекопа, соединявшего Угринку с Бугом, который теперь по милости графа Оппермана называем правым рукавом Мухавца, были воздвигнуты солодовни для приготовления основного компонента пива – солода [3]:

– Солодувнѣ и броварѣ оттоль уросли, гди за арендою е.к.м. Юнась, жидъ берестиский, держаль в Берести складъ солний, ижъ никому в месте не било волно продавати соли толко ему, а давалъ толпъ седмнадцать за пѣнязь; о што гди мещане докучали славной памяти его милости пану воеводи виленскому, поведаючи, ижъ то ачь било поживене и мало не всѣ солю торговали, его милость тимъ ихъ отбиваль, ижъ на своихъ привилеяхъ не толко солного, але жадного складу не мають наданого. Ветьже питаль их, если би хотѣли пустити на замок солодувнѣ, в которыхъ мели би бити робяны солоди и продавани, почому збоже на ринку будетъ платити. На што мещане позволили, и заразомъ соль имь пуцоно, а солодувнѣ и броварѣ коштомъ замковимъ збудовано.

Таким вот непростым способом бровары и солодовни отошли от города и были построены за счёт замка, т. е. стали «господарскими». Далее ревизор разъясняет, когда это произошло [2]:

– А такъ од того часу всѣ люди мешкаючи в Берестѣ, хотяж месцкіе, албо чужіе с тих солодовень солоди берутъ, а зинуль никому купити не волно. Такъ тежъ и в броварехъ тих меди ситеть и пѣво вареть, а индеи варити не волно. Около побраня пляцовъ на будоване солодовень, гди место згорило, мещане хотячи порядне место осадити, нижъ било передъ тимъ, виправили, аби панъ воевода е. м. плаци роздавалъ, а кому би шкодиль на месцу погорилкомъ, аби то держаль яко отчизну. А такъ пляцовъ у перекопа месцкокого, над Бугомъ, по погорене никому не дано и на нихъ солодувнѣ побудовано.

Тот великий пожар случился в Берестье в 1525 году. Значит, после пожара на берегу Буга у Перекопа в конце улицы Пески по левой стороне и были построены «солодувнѣ замковыя – 14 волных прутов» [3], занимавшие площади земли. На плане Э. Дальберга 1657 года [4] прямоугольный значок указывает на солодовни на берегу Буга у Перекопа, но уже на плане Фюрстенгоффа [5], который можно отнести к 1690 году, на этом месте значатся только руины. Т.е. оба плана показывают, что берестейские солодовни были каменными.

Всем этим хозяйством управлял «1 солодувникъ, на рокъ ему маеть бити плачоно гр. копь 6, жита бочокъ 6, сукна ческого локоть 6, або копу гр., кожухъ бараний, або гр. 30; а мает при себе мети товариша, кторому

особно маєт бити плачоно на рокь копь 3, жита бочокъ 3 и кожухъ бараний, або за кожухъ гр. 30» [3]. Были в Берестье и свои «2 пивовары, каждому по копь 4 и по 4 бочки жита» [3]. За «солодунником» и за одним из пивоваров реестр 1566 года земельных участков не обозначил, но всё же имя одного из первых берестейских пивоваров история нам сохранила [3]: «Мѣсто за парканомъ. Улица Угринка. Первая полать з места поправе. Люди шпитальные: ... Хаць пивоварь, 1/2 прута садиби, 3/4 прута огорода...». Похоже, что пивоварением в Берестье занимались приглашённые иностранцы, но один из них Хац, осел в Берестье основательно. Пивоварение в Берестье, кроме всего прочего, приносило немалый доход в государственную казну [3]: «3 солодовень замковыхъ, с которыхъ вси мешкаючіе у месте Берестейскому солоди берутъ, такъже и з броваровъ, которыхъ всѣ пиво варять и меди ситят, приходитъ аренди с того обуйга на годъ копь 400». Напомним, что побор с Берестья на войну в 1513 году составил только «100 копь грошей».

Каково же было берестейское пиво на вкус в те времена? Мы можем получить некоторое представление об этом, попробовав пивоваренную продукцию, производимую на крайнем севере Норвегии, где фермеры все еще варят пиво на средневековый манер. В качестве фильтра они кладут в заторный чан – а также в сусловарочный чан после кипячения – можжевельные ветки и хмель, обильно покрытые ягодами. По окончании брожения дрожжи собирают в бродильный чан со следующей порцией пива. Содержание алкоголя в готовом пиве составляет около 10%, у него богатый солодово-фруктовый букет и отчетливый можжевельный привкус.

На севере Финляндии несколько пивоваров все еще производят пиво средневекового типа под названием «сахти». Его засыпь состоит из ячменного солода и ржи, в качестве фильтра используют можжевельник, а при кипячении добавляется хмель. У пива травянисто-винный аромат, отчетливо фруктовый вкус и пряное послевкусие.

Крошечная пивоварня Sint Martinus в Гронингене, на самом севере Нидерландов, производит пиво Слуп по рецепту 1340-х гг. Это мутноватое, медного цвета, с фруктово-травянистым ароматом, вкусом кислых ягод, хмелевой горечью и богатым фруктовым послевкусием пиво пользуется огромным успехом у многочисленных туристов, специально приезжающим отведать пиво в Гронинген [1].

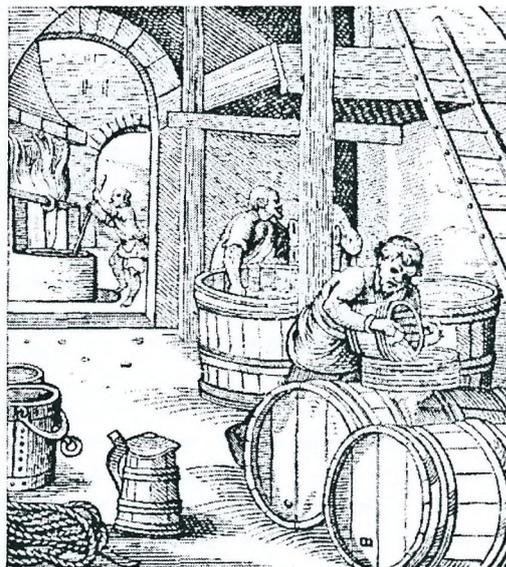
В заключение следует отметить, что настоящее исследование даёт основание считать пивоварение в Берестье пионерским среди городов, находящихся в границах современной Беларуси.

Места нахождения и солодовен, и пивных броваров над Бугом (когда качество воды в нем было пригодно для производства солода и пива) сегодня доступны и требуют элементарных знаков внимания к памяти о средневековых традициях пивоварения в Берестье.

Возрождение же оригинальных традиций берестейского пивоварения, которым без малого полтысячелетия, безусловно, не только повысило бы статус туристической привлекательности нашего города, но и явилось бы определенным стимулом для снижения антропогенного влияния на загрязнение воды в Западном Буге.

Пивовар

Пивовар. Йост Амман, резьба по дереву, отпечаток, с «Книги профессий и званий», 1568

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История пива. Средние века – новое время. [Электронный ресурс] / Биропедия – 2012 – Режим доступа: <http://beeropedia.ru/istoria-piva/srednie-veka-vozhrozhdenie-novoe-vremja>. – Дата доступа: 15.03.2012.
2. Акты, относящиеся къ истории Западной Россіи – С.-Петербургъ, 1848. – Т. 2: 1506-1544.
3. Описание староства Берестейскаго 1566 года. – Из кн.: Документы Московскаго архива Министерства юстиции / Под ред. М. Довнара-Запольскаго. – М., 1897. – Т. 1. – С. 205-448.
4. Puffendorf S. De rebus a Carlo Gustavo Sueciae Rege gestis commentariorum. – Norimbergae, 1696. – Libri septem. – Urbs et castellum Brestzie Litewski.
5. Plan von der Stadt BRZESC in Lithauen. G.M.v. Fürstenhoff. – 1740. – XX 160. (Предоставлен Брест. област. библ. им. А.М. Горького).
6. Российский хозяйственный винокур, пивовар, медовар, водочный мастер, квасник, уксусник и погребщик. – Санкт-Петербург, Имп. Типография иждив. И.Глазунова, 1792. – 278 с.
7. Археалогія Беларусі: у 4 т. – Мн.: Беларуская навука, 2001. – Т.4: Помнікі XIV–XVIII стст./ В.М.Ляуко, М.Ф.Гурын, Ю.А.Заяц [і інш.]. – 597 с.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ (БЕЛАРУСЬ – РОССИЯ)

Трансграничные регионы – это территории, выполняющие особую роль в политической, экономической и культурной жизни сопредельных государств. Поскольку границы исторически часто меняли свои очертания, страны с обеих сторон связывают общие корни: культурно-исторические события, этнос, язык, архитектурное наследие, родственные связи. Процесс интеграции приграничных районов экономически эффективен для всех сопредельных стран, поскольку дает им новые стимулы для социально-экономического развития, создаёт объективные предпосылки для совместного развития, которое должно базироваться на выявлении проблем и возможностей их взаимовыгодного сотрудничества на территории, объединяемой общей природной средой и культурно-историческими традициями, но разделенной государственной границей.

Беларусь граничит с пятью странами, объединенными в настоящее время в два блока – СНГ (Беларусь, Россия и Украина) и ЕС (Польша, Литва, Латвия). Общая протяжённость границ составляет 2926 км. Наибольшая протяжённость границ у Беларуси с Россией (990 км) и Украиной (975 км). Линия границы с Польшей составляет 339 км, с Литвой и Латвией соответственно 462 км и 143 км.

УП «БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА» является базовой организацией по научным исследованиям, проектированию, ведению кадастра в области градостроительства и территориальной планировки в Республике Беларусь. В 2011 году Президентом страны подписан очередной указ об утверждении градостроительной политики Республики Беларусь на 2011-2015 гг. В 2012 г. прошли экспертизу и находятся на согласовании Совета Министров Государственная схема комплексной территориальной организации Республики Беларусь и шесть схем областей страны, разработанные данным институтом.

Институт с 1993 г. участвует в разработке работ по территориальной организации трансграничных регионов в рамках белорусско-польского, белорусско-литовского и белорусско-латвийского сотрудничества. С 2004 г. достаточно плодотворно начало развиваться белорусско-украинское сотрудничество по территориальной организации трансграничных регионов, выполнен ряд проектов по приграничным территориям: «Оптимизация территориального развития в зоне трансъевропейского коридора Берлин-Варшава-Минск-Москва» (1996 г.); «Территориальное развитие приграничных регионов Беларусь-Польша и Беларусь – Литва» (2000 г.); «Программа работ по белорусско-украинскому сотрудничеству в области территориальной организации приграничных регионов Беларуси и Украины» (2004 г.); «Проект градостроительного развития трансграничного региона Беларуси и Украины» (2007-2009 гг.); «Исследование и разработка Прогноза развития приграничных регионов Беларуси и Польши до 2015 г.» (2010 г.) и другие.

На сегодняшний день на утверждении министерств России и Беларуси находится концепция программы «Межгосударственная схема комплексной территориальной организации России и Беларуси» (далее – Концепция). Разработка программы рассчитана на 2013-2015 гг., финансирование – из бюджета Союзного государства. Концепция была представлена на VI Форуме проектов программ Союзного государства в декабре 2011. Работа имеет большие перспективы развития и может стать практическим вкладом в приграничное сотрудничество (проект затрагивает целый ряд вопросов по градостроительной политике, территориальному планированию, градостроительной деятельности, правовому обеспечению).

В настоящее время в разрабатываемых проектах территориальной организации регионов России и Беларуси политические и экономические интеграционные процессы отражаются весьма слабо либо не учитываются вовсе. Это препятствует сбалансированному развитию территорий, на которых интеграционные процессы разворачиваются наиболее активно. К ним относятся: приграничные регионы и регионы, расположенные в зоне влияния трансконтинентального коридора Европа-Азия. Являясь связующим звеном единого экономического и социального пространства двух стран, тем не менее, указанные территории планируются и развиваются обособленно, не используя интеграционный потенциал в полной мере.

Объективная целесообразность разработки программы «Межгосударственная схема комплексной территориальной организации России и Беларуси» (далее – ПрограммаМСКТО) определяется необходимостью осуществления комплекса мероприятий в области согласованного взаимоувязанного устойчивого развития населенных пунктов и регионов, транспортной и инженерно-технической инфраструктуры, туристских зон и центров, сохранения природного и культурного наследия.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПРОБЛЕМЫ, АКТУАЛЬНОСТЬ. Формирование Союзного государства и развитие интеграционных связей Беларуси и России во многом опираются на межрегиональные связи двух стран, основанные на отраслевом (секторальном) сотрудничестве отдельных регионов.

Проблема состоит в том, что до настоящего времени не сформированы эффективные механизмы согласованного развития и территориальной организации России и Беларуси с учетом всего комплекса общих интересов конкретных территорий, недостаточно используется интеграционный потенциал сотрудничества отдельных регионов приграничных территорий, регионов, расположенных в зонах влияния транспортных коридоров на территории Союзного государства.

Территориальное планирование отстает и от современных темпов политической и экономической интеграции не только в рамках Союзного государства Беларуси и России, но и более масштабных интеграционных образований –

ТС, ЕЭП, ЕврАзЭС и др. Успешные действия ведомственных программ и проектов Союзного государства не подкрепляются комплексным эффектом развития территорий и повышением благосостояния проживающего там населения.

Разработка Программы МСКТО позволит устранить создавшийся дисбаланс и сделать следующий шаг на пути построения современного и эффективного Союзного государства. Ее реализация позволит, с одной стороны, определить стратегию согласованной территориальной организации путем разработки межотраслевых планировочных документов с выделением первоочередных градостроительных мероприятий, с другой – создаст единую систему нормативов стран-членов Союзного государства, регламентирующих осуществление территориального планирования и градостроительного проектирования в общих интересах. Первым шагом в осуществлении Программы является разработка проекта территориальной организации приграничных регионов России и Беларуси, вторым – схемы территориальной организации регионов, расположенных в зоне влияния трансконтинентального коридора Европа-Азия.

Решение данной проблемы будет способствовать повышению качества среды жизнедеятельности граждан Союзного государства, создаст предпосылки более эффективного экономического взаимодействия участников хозяйственной деятельности на его территории, будет содействовать улучшению трансграничного взаимодействия и интеграции России и Беларуси в систему глобальных и трансрегиональных связей, что является *актуальной задачей* при формировании Союзного государства. Актуальность разработки Программы МСКТО определяется необходимостью осуществления комплекса мероприятий взаимоувязанного устойчивого развития городских и сельских населенных пунктов, согласованного формирования транспортной и инженерно-технической инфраструктуры, создания объединенных туристских зон, маршрутов и центров, принятия комплексных решений по охране окружающей среды и природных экосистем, по сохранению культурного наследия.

Таким образом, разработку Программы МСКТО предлагается начать на двух наиболее актуальных направлениях: приграничные регионы и регионы в зоне влияния трансконтинентальных транспортных коридоров (рис. 1).

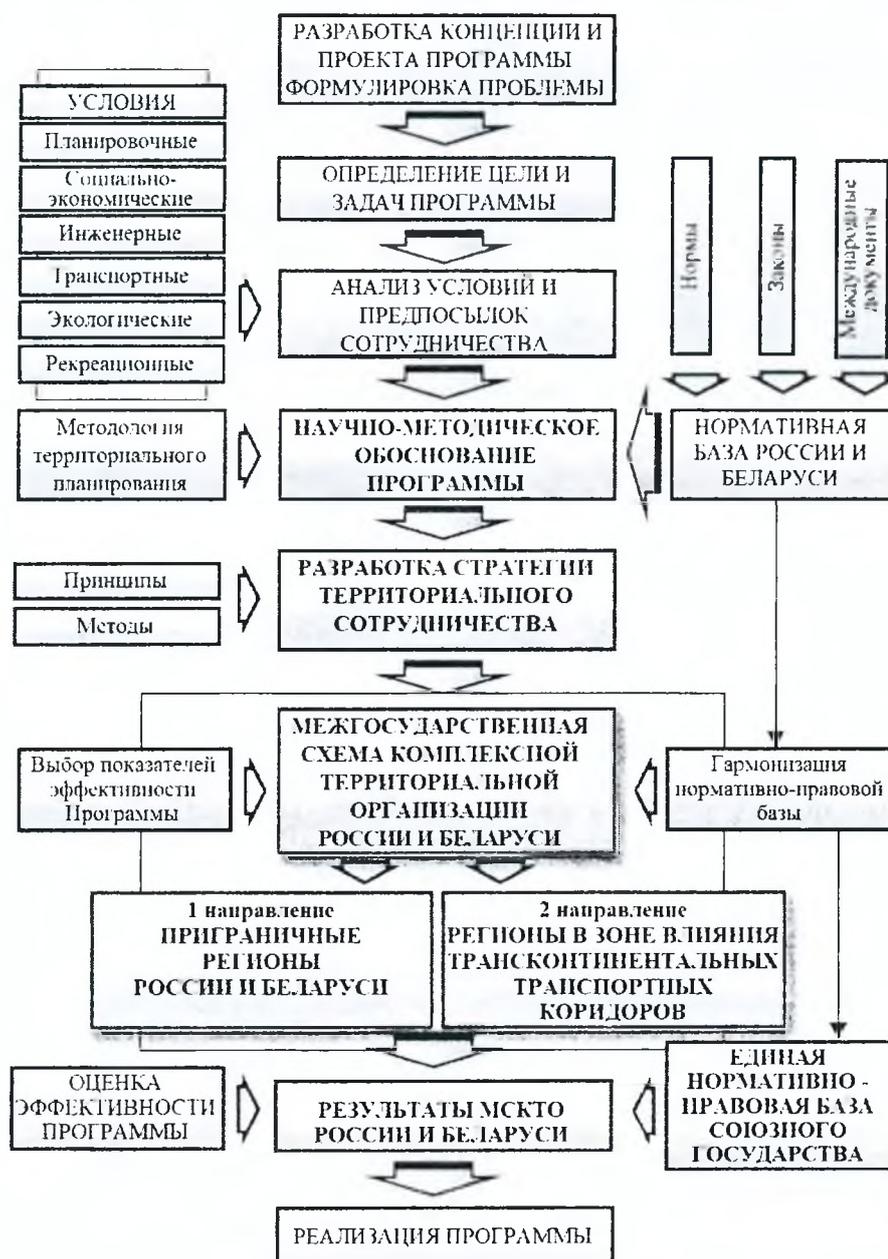

Рисунок 1 – Структурно-логическая модель разработки МСКТО Беларуси и России

Направление 1. ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ Российской Федерации и Республики Беларусь, включают 6 административных областей (Витебская; Могилевская; Гомельская; Псковская; Смоленская; Брянская) и 139 административных районов. Общая протяженность совместной границы более тысячи километров. Непосредственно к границе примыкают 34 административных района, по 17 районов с каждой стороны (рис. 2).

Численность населения приграничных территорий Республики Беларусь и Российской Федерации по состоянию на 01.01.2011 года (см. табл. 1).

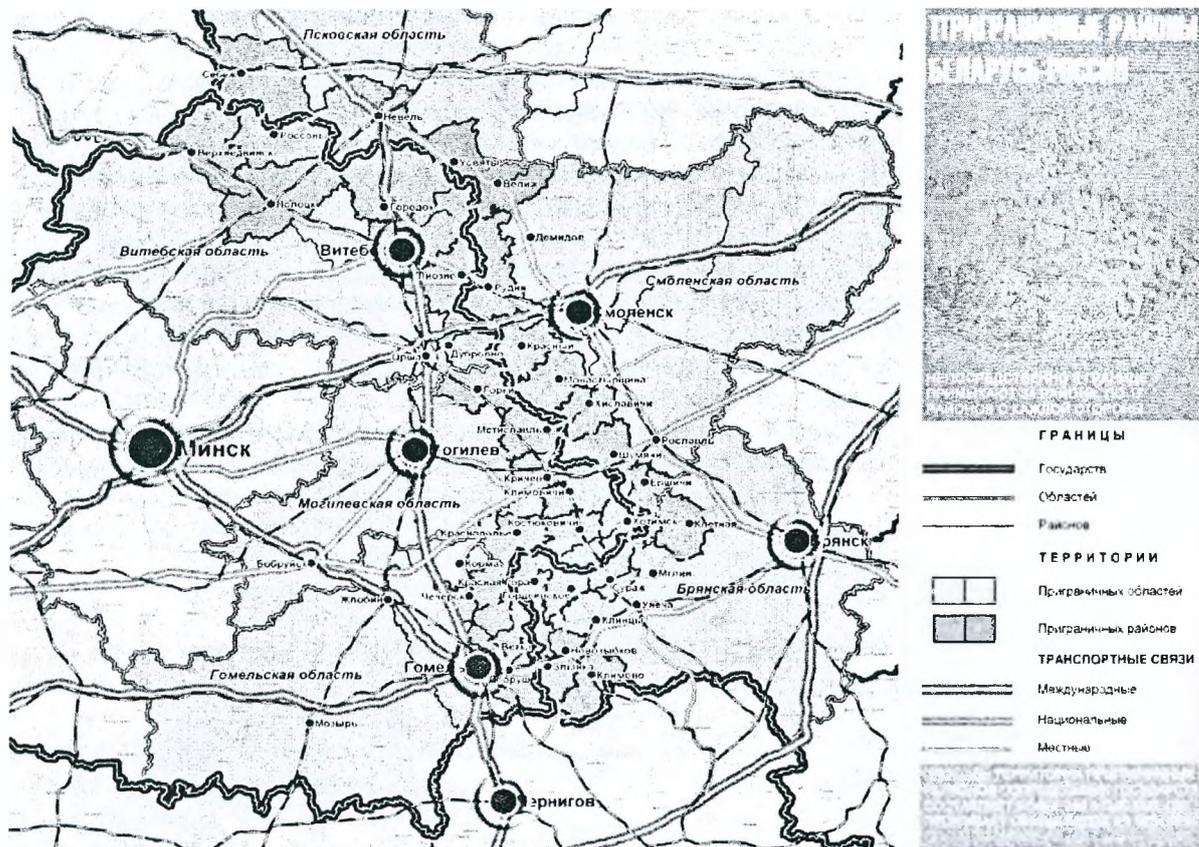

Рисунок 2 – Приграничные регионы «Беларусь-Россия»

Таблица 1 – Численность населения приграничных территорий Республики Беларусь и Российской Федерации

N п/п	Область	Численность населения, тыс. чел.	Центры областей	Численность населения, тыс. чел.
1.	Витебская область	1221,8	г. Витебск	354,6
2.	Могилевская область	1088,1	г. Могилев	360,9
3.	Гомельская область	1435,8	г. Гомель	491,8
4.	Псковская область	671,3	г. Псков	203,3
5.	Смоленская область	982,9	г. Смоленск	326,9
6.	Брянская область	1275,3	г. Брянск	435,2

В приграничных процессах задействовано более 249,5 тыс. кв. км территории сопредельных государств, где проживает свыше 8,8 млн. чел. (со стороны Беларуси – 4,9 млн. чел., со стороны России – 3,9 млн. чел.).

На сопредельных территориях должны взаимоувязанно рассматриваться вопросы охраны окружающей среды, развития сети поселений, транспортной и инженерно-технической инфраструктуры, промышленности и энергетики, лесного, водного и сельского хозяйства, решаться проблемы трудоустройства, приграничной торговли; обеспечиваться сотрудничество в области культуры и науки, туризма и рекреации.

Приграничные территории, находящиеся в настоящее время на периферии своих стран, имеют более низкие темпы социально-экономического развития по сравнению с центральными районами и городами. Это обусловлено объективными причинами обустройства наших стран в период обретения независимости. Однако отношение к приграничным территориям как к задворкам, обезлюднение и деградация этих регионов вступает в противоречие с образом Союзного государства.

Работы по согласованному развитию территорий выполнялись в ряде стран в рамках программ и проектов Европейского Союза. Приграничное сотрудничество рассматривается при этом как важное условие выхода стран на путь интеграции.

Комплексный подход к решению задач функционально-планировочной организации территории приграничных районов является инструментом ликвидации диспропорций социально-экономического развития административных образований, обеспечения условий их интеграции и кооперации в различных сферах. Сотрудничество на основе общей Программы должно строиться с учетом общих положений региональных (федеральных, республиканских и областных) концепций развития территорий и населенных мест, преломляемых на местные условия и возможности.

Соответственно, целесообразным является выделение двух основных уровней рассмотрения приграничных территорий: *региональный* и *местный*.

На *региональном уровне* рассматриваются территории вдоль всей границы сопредельных государств (шириной более 100 км по каждую сторону границы).

На *местном уровне* рассматриваются конкретные территории по обе стороны границы, имеющие предпосылки взаимоувязанного развития вследствие единства основных функций. Местные территории есть суть территориальных планировочных районов, требующих специфических градостроительных решений.

Существуют общие экологические проблемы, связанные с развитием радиоактивно загрязненных территорий в результате аварии на Чернобыльской АЭС, с трансграничным переносом загрязняющих веществ водным и воздушным путем, с совместной охраной территориально общих природных экосистем.

На сегодняшний день разработан ряд схем комплексной территориальной организации отдельных областей и районов обеих стран, но данные схемы не имеют общей увязки – целостной концепции развития приграничных территорий и регионов с учетом потребностей Союзного государства. Разработка МСКТО и гармонизация системы нормативно-правовых актов обоих государств позволят выполнить данную задачу.

Направление 2. РЕГИОНЫ В ЗОНЕ ВЛИЯНИЯ ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ №2 и №9 по направлениям запад-восток (страны ЕЭС-Беларусь-Россия-Казахстан-Китай) и юг-север (к Черному и Балтийскому морям) (рис. 3). Данные транспортные коридоры проходят через 27 областей Союзного государства, в которых проживают:

- вдоль коридора №2 – со стороны Беларуси – 5,9 млн. чел., со стороны России – 44,1 млн. чел.;
- вдоль коридора №9 и №9Б – со стороны Беларуси – 8,1 млн. чел., со стороны России – 8,9 млн. чел.
- вдоль магистрали Санкт-Петербург – Краснодар, со стороны России – 23,9млн. чел.

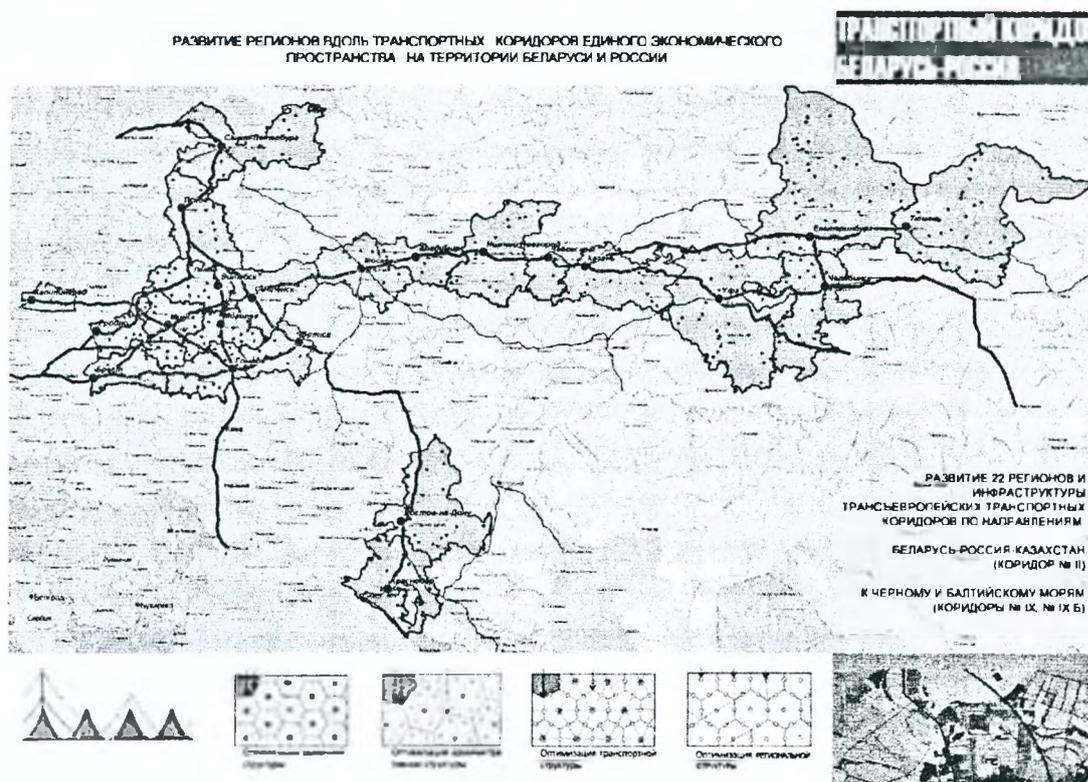

Рисунок 3 – Территория поддержки Программы по направлению – развитие регионов вдоль транспортных коридоров ЕЭП

В зоне влияния транспортных коридоров будут рассмотрены наиболее актуальные вопросы территориального планирования, затрагивающие интересы более 84 млн. чел. Пространственная организация регионов в зоне влияния коридоров станет планировочной осью МСКТО Союзного государства.

На сегодняшний день недостаточно эффективно используется потенциал развития данных территорий транспортных коридоров, где можно выделить три основных уровня: *международный*, *региональный* и *местный*.

На *международном уровне* рассматриваются территории вдоль транспортных коридоров в направлении Запад-Восток и Север-Юг, это должно оказать положительный эффект на территориальную организацию регионов Союзного государства, расположенных в зоне влияния указанных транспортных коридоров. Актуальным является решение следующих задач:

- адаптация транспортной сети к требованиям международных стандартов, развитие сферы транспортных услуг с использованием логистических технологий, что позволит связать рынки единого экономического пространства;
- совместная интеграция Европейской части России и Беларуси в общеевропейскую систему расселения вдоль трансконтинентальных транспортных коридоров как основы для последующей Евразийской интеграции (с учетом интересов развития регионов);

- формирование системы расселения и выявление регионов и населенных пунктов вдоль трансконтинентальных транспортных коридоров, представляющих общий интерес с точки зрения развития интеграционных процессов Союзного государства;

- развитию сферы транспортных услуг с использованием современных логистических технологий (мультимодальных), связывающих автодороги с другими путями сообщений (воздушными, железнодорожными, речными);

- высвобождению крупных городов от части транспортных функций, которые могут успешно выполнять иные транспортные узлы-дублиеры, расположенные в пределах русла расселения;

На региональном и местном уровнях рассматриваются конкретные территории (области, районы) вдоль коридоров с потенциалом для:

- формирования объединенных логистических систем и торгово-логистических центров с учетом транзитных и местных транспортных потоков;

- согласованное развитие функциональных зон на различных участках коридора;

- улучшение обслуживания и условий эксплуатации трансконтинентальных транспортных магистралей: повышение безопасности движения, улучшение качества дорог, развитие обслуживающей инфраструктуры и др.

- улучшение межобластной доступности;

- создание комплекса сервисных станций вдоль коридоров;

- развитие опорных центров (областных городов, центров кластеров);

- развитие туризма вдоль коридоров и опорных центров;

- высвобождению крупных городов от части транспортных функций, которые могут успешно выполнять иные транспортные узлы-дублиеры, расположенные в пределах русла расселения;

- организации взаимодействия городской инфраструктуры областных центров и транспортной инфраструктуры коридоров (устройство обходов, многоуровневых развязок, мостов, пересадочных узлов и других сооружений).

В целях достижения более сбалансированного развития на местах должны быть улучшены связи между малыми, средними городами, сельскими районами, а также между главными центрами и транспортными коммуникациями, такими как железные дороги, автострасы, порты, аэропорты; улучшено состояние окружающей среды, подверженное влиянию автомобильного и железнодорожного, водного транспорта.

Для пространственного планирования большое значение имеет организация транспортных узлов (развязки автострад, крупные станции, аэропорты, перегрузочные пункты или внутренние порты). Их воздействие простирается за пределы непосредственного окружения или одного конкретного региона. Необходимо рассмотрение вопросов взаимодействия транспорта и городской инфраструктуры с целью интеграции пространственного развития и транспортной политики.

Совместное решение общих проблем Союзного государства на принципах сотрудничества и кооперации даст более эффективный результат.

Разработанные меры территориального планирования должны способствовать развитию полицентрической системы расселения, повышая привлекательность территорий, расположенных в основном русле расселения, для жителей, туристов и инвесторов. В финансовой поддержке Союзного государства нуждаются меры по разработке и реализации инфраструктурных проектов с применением инновационных технологий строительства.

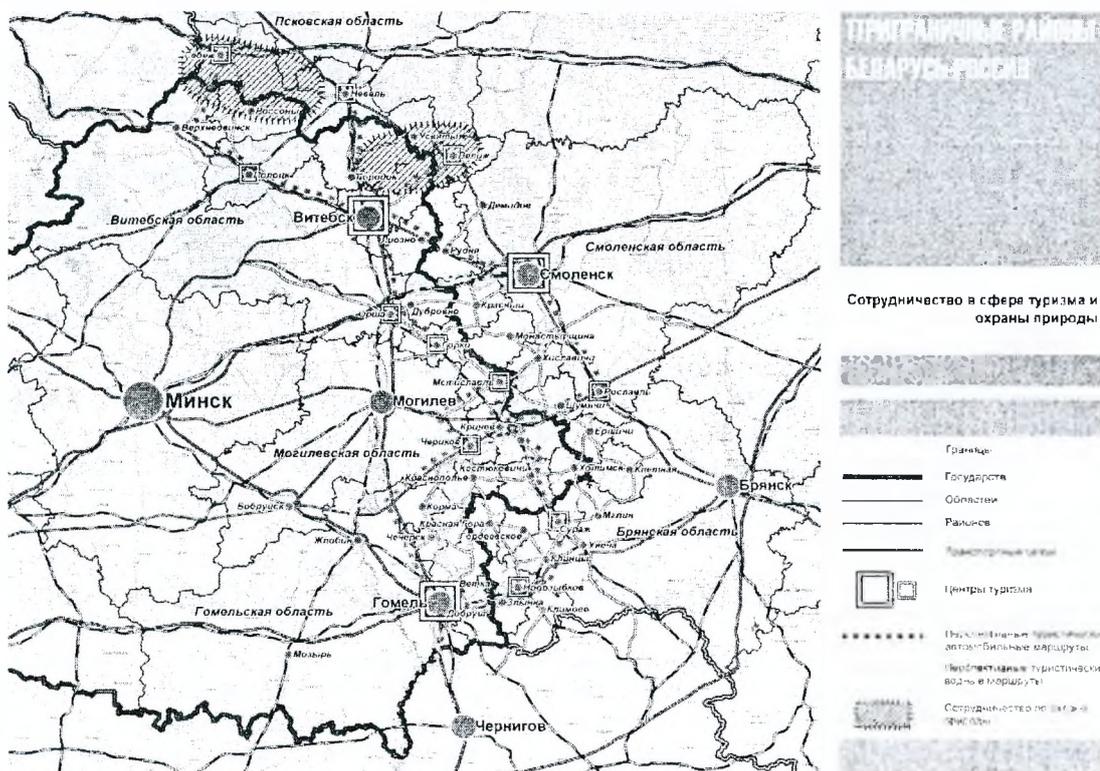

Рисунок 4 – Туризм и охрана природы в приграничном регионе

Целью программы является разработка взаимосогласованных мер, способствующих совершенствованию территориальной организации России и Беларуси как пространственной основы для дальнейшей экономической интеграции и повышения качества жизни граждан Союзного государства.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- подготовка правовой основы для выполнения градостроительного проекта Союзного государства МСКТО, включая вопросы о его составе, содержании, порядке разработки, согласования и утверждения, а также реализации и мониторинга достижения целевых показателей устойчивого развития регионов сотрудничества;

- анализ лучшей международной практики и выявление методических принципов и приемов территориального планирования в области приграничного сотрудничества и согласованного развития систем расселения в зоне влияния транспортных коридоров;

- сбор, обработка и анализ исходных данных, позволяющих выполнить оценку по использованию интеграционного потенциала для развития регионов сотрудничества;

- выполнение МСКТО с разработкой проектных решений по:

- совершенствованию сети населенных мест; развитию производственной, социальной, инженерно-транспортной и туристской инфраструктуры; улучшению состояния окружающей среды и сохранению природного и культурного наследия приграничных территорий;

- использованию потенциала транспортных коридоров для формирования полицентрических систем расселения в агломерациях крупных городов; созданию разветвленного каркаса (русла) расселения вдоль основных звеньев транспортного коридора; минимизации вредных воздействий транспортных коммуникаций и сооружений на окружающую среду; модернизации технических систем, составляющих транспортный коридор, обустройство его необходимой инфраструктурой;

- разработка плана реализации МСКТО и создание системы целевых показателей (ключевых индикаторов), отражающих степень интеграции приграничных территорий и характеризующих устойчивое развитие регионов в зоне влияния транспортных коридоров;

- создание геоинформационной системы единого виртуального пространства, охватывающие регионы сотрудничества России и Беларуси, в которой в открытом доступе для потенциальных инвесторов и граждан Союзного государства будут находиться исходные и регулярно обновляемые сведения, характеризующие:

- качество жизни в населенных пунктах;

- условия инвестирования в объекты гражданского и промышленного строительства, инженерно-транспортной и туристско-рекреационной инфраструктуры;

- культурные мероприятия и события, происходящие в регионах сотрудничества, и др.;

- подготовка совместных предложений по пилотным проектам, направленным на совершенствование территориальной организации регионов сотрудничества, и градостроительная паспортизация наиболее привлекательных для инвесторов участков размещения объектов строительства.

Основные ожидаемые результаты Программы:

- согласованное территориальное развитие приграничных регионов России и Беларуси, сети городских и сельских населенных пунктов различного типа, зон экономического роста, обеспечивающих повышение уровня занятости и качества жизни населения в них посредством улучшения жилой среды, развития инфраструктур и производства;

- формирование совместных производственных кластеров на приграничной территории за счет кооперации существующих и перспективных предприятий и использования общих природных, трудовых и интеллектуальных ресурсов, исключение дублирования экономической деятельности;

- создание и эффективное совместное использование производственной и социальной инфраструктуры на приграничной территории;

- улучшение и строительство инженерно-технической инфраструктуры, обеспечивающей электроснабжение, водоснабжение, газоснабжение опорных поселений Беларуси и России;

- развитие транспортной инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие населения, предприятий и организаций приграничных территорий;

- предложения по перспективным совместным инвестиционным проектам, стимулирование разработки и реализации инвестиционных проектов на выделенных при разработке программы территориях;

- повышение уровня технического оснащения транспортных коридоров, их модернизации с учетом международных стандартов;

- развитие придорожного сервиса;

- строительство обходов городов;

- создание транспортно-логистических центров, что будет содействовать увеличению потоков транзитного транспорта, развитию устойчивых связей между населенными пунктами и повышению доходности транспортной инфраструктуры;

- развитие систем межселенного общественного транспорта регионального и межгосударственного сообщения;

- совершенствование качества жилой среды в городах и населенных пунктах в соответствии с выработанными стратегиями и программами, руководствами и предложениями;

- повышение привлекательности населенных пунктов за счет создания жилой среды с учетом предпочтений различных социальных групп населения, а также развитие системы арендного жилья на территории Союзного государства;

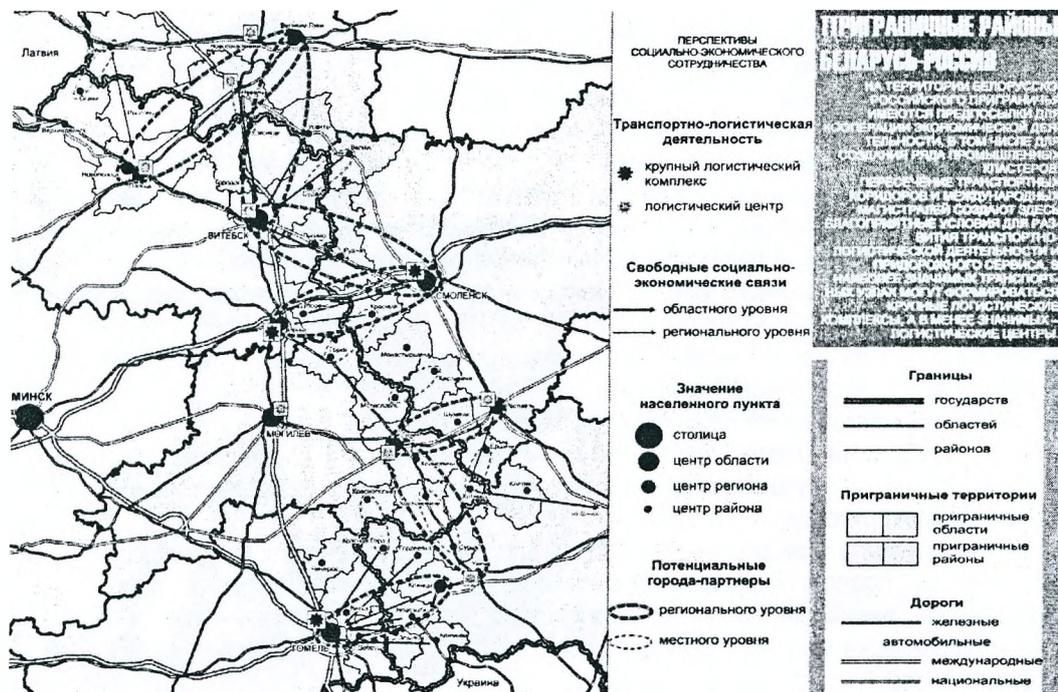

Рисунок 5 – Потенциал социально-экономического сотрудничества, центры потенциальных кластеров в приграничном регионе

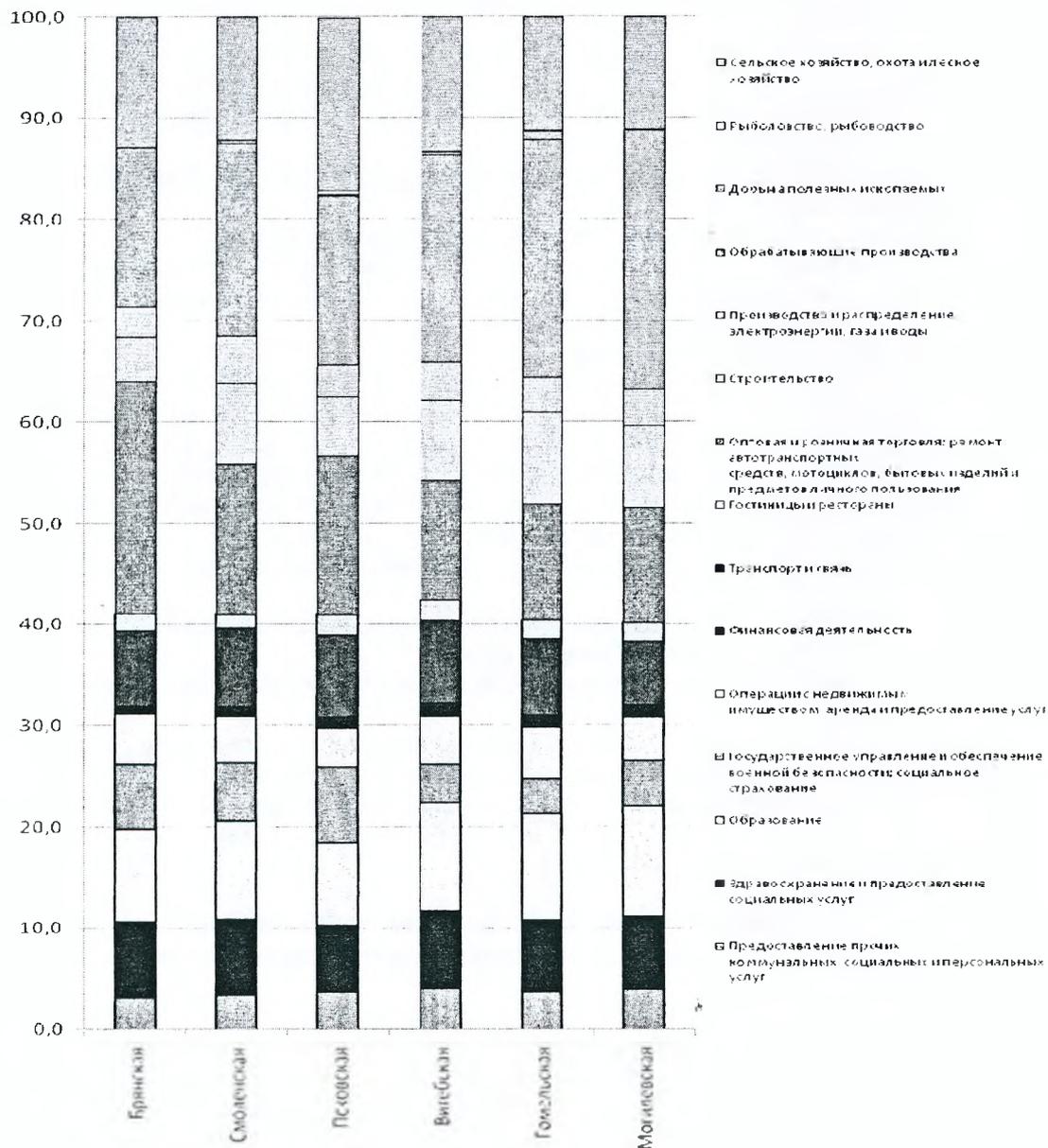

Рисунок 6 – Структура занятости населения регионов по видам экономической деятельности, %

- рациональное использование природных ресурсов;
- комплексные мероприятия по решению общих на приграничных территориях экологических вопросов загрязнения окружающей среды (загрязнение атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, почв, накопление и переработка отходов);
- предложения по совместной ликвидации последствий радиоактивного загрязнения территорий в результате аварии на Чернобыльской АЭС;
- формирование природно-экологического каркаса территории с целью поддержания экологического равновесия на приграничных территориях России и Беларуси;
- охрана единых для обеих стран природных экосистем и биоразнообразия на приграничных территориях;
- сохранение историко-культурного наследия;
- развитие разнообразных видов туризма на приграничных территориях с учетом региональных экологических и экономических интересов с целью поддержания добрососедских отношений, более широкого ознакомления с историко-культурным наследием, жизнью и культурой народов России и Беларуси;
- унификация нормативов стран Союзного государства, регламентирующих осуществление территориального и градостроительного планирования на союзном, государственном, региональном и местном уровнях;
- разработка градостроительной доктрины и градостроительного кодекса Союзного государства.

Исходя из совокупности геополитических, социально-экономических, экологических и иных факторов, необходимости повышения качества жилой среды, обеспечения развития инженерной, транспортной, социальной, туристской инфраструктур с целью учета интересов граждан стран Союзного государства, создается возможность разработки Межгосударственной схемы комплексной территориальной организации России и Беларуси.

УДК 711.581(476-25)

Воробей В.А.

ЦЕРКОВЬ СВЯТОЙ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ, БРЕСТСКИЙ РАЙОН, д. ЗБИРОГИ

Свято-Параскевинская церковь в д. Збируги является одним из старейших сооружений культового зодчества, сохранившихся на территории Брестского района.

Первое известное упоминание о церкви относится к 1502 г. Ее фундатором был Иван Гайка. Выразительная по силуэту церковь в ансамбле с отдельно стоящей колокольной составляют развитую объемно-пространственную композицию, органично вписывающуюся в окружающий ландшафт. Дошедшая до нас после многочисленных перестроек церковь была построена в начале XVII в. (1610 г.). Как и все древние церкви, она ориентирована входом на запад. Перед входом в церковь находится деревянная двухъярусная колокольня каркасной конструкции, возведенная, по всей вероятности, в середине XIX в. одновременно с притвором. Церковь расположена в южной части деревни на возвышенности среди живописных вековых деревьев.

Каменный забор, ранее опоясывавший по периметру земельный участок вокруг храма, не сохранился. Территория вокруг храма в XX веке была значительно уменьшена, и теперь длины сторон церковного участка по периметру составляют 48 м (по главному фасаду) x 56 м x 36 м x 64 м.

Композиционно церковь относится к бескупольным трехсрубным храмам продольно-осевой композиции. Это широко распространенный тип храмов в культовой архитектуре западного Полесья. Храм включает размещенные на продольной оси бабинец, неф и алтарь. Бабинец церкви с хорами представляет собой самостоятельный объем, имеющий общие продольные стены с нефом, и объединен с ним вальмовой кровлей, над которой возвышается главка. С восточной стороны к нефу примыкает накрытый отдельной вальмовой кровлей сруб апсиды с низкими ризницами (одна из которых выступает за продольную стену нефа и имеет собственный вход) под плоскими кровлями. Интересно, что визита XVIII века показывает церковь с тремя отдельными кровлями, так называемый каждый сруб завершался самостоятельным покрытием.

Храм возведен на каменном фундаменте, возвышающемся на 30 см над уровнем земли. Под углы сруба и сам сруб были уложены большие валуны, а промежутки между ними заполнялись более мелкими камнями, пересыпанными землей и глиной. В 1985 году для усиления фундамент был залит по периметру бетоном. Сруб церкви выполнен горизонтальными венцами из сосновых брусьев. Рубка бруса произведена в замок (известна с XVI века), такая рубка давала возможность более надежно предохранить углы строения от загнивания. Не менее важное значение рубки в замок имела художественная трактовка стены сруба как гладкой поверхности.

Художественная особенность архитектуры храма определена эстетическими концепциями всего деревянного зодчества. Их важнейшие черты – это достижение максимального художественного эффекта при помощи ограниченных архитектурных средств. Особенно широко применены такие приемы, как симметрия и ассиметрия, пропорции, ритм, контраст. Большое значение придано созданию выразительного силуэта, пластике завершения храма. Активную художественную роль играют декоративная шалевка, профилированные карнизы, наличники. Конструктивно-декоративный прием вертикальной шалевки досками с нащельниками создает рельефную поверхность фасадов, специфический ритм стены. В зависимости от времени суток солнечное освещение постоянно меняет глубину рельефа фасадов.

По всему периметру сруб церкви опоясывает профилированный карниз, прикрывающий выпуски балок и стропил смягчающий переход от стены к крыше. Карниз сложной формы с заломом и профилировкой. Его вынос составляет 37 см.

Дверные и оконные проемы занимают важное место в архитектуре сооружений. Дверям, как акцентирующему входному элементу, придавалось большое художественное значение. В церкви сохранились старинные двери, оформленные коваными завесами и рисунком из шляпок гвоздей. Двери в притвор обрамлены простым наличником шириной 12 см. Интерес представляют дверные полотна размером 1960х640 мм каждое. Они отличаются изящностью пропорций рисунка ромба, выполненного профилированными накладными дощечками. В центре каждого полотна расположена резная розетка. Шляпки кованых гвоздей образуют простой геометрический рисунок. Цветовое решение построено на сочетании голубого и желтого цветов. На голубом фоне выделяется желтым цветом профилировка дощечек и обвязка полотна. Следует обратить внимание на дверь в ризницу. Конструктивное решение обвязки дверного проема аналогично двери в притвор, но дверное полотно отличается более простым решением и своей массивностью. Дверь однопольная размером 1510х880 мм. Дощечки, выложенные ромбом, имеют большую ширину и простейший профиль. На дверном полотне эффектно смотрятся шляпки кованых гвоздей диаметром 2,5 см. После легких пропорциональных дверей притвора эта дверь выглядит массивной, тяжелой и напоминает крепостную.

Особый интерес представляют дверные ручки-клямки, замочные накладки, завесы (петли) отличающиеся оригинальностью решения, в котором в полной мере проявилась связь конструктивной целесообразности и художественной выразительности. Разнообразна отделка замочных металлических накладок, связанных с распространением внутренних замков. Они выполнены в форме капли и прямоугольника с краевой обработкой с переходом в сложную геометрическую фигуру с завитками. Дверные полотна в храме крепятся декоративно обработанными завесами. Концы полосовых завесов фигурно обработаны в виде ромба. Поверхность полосы декорирована дополнительными насечками. Крепятся завесы к полотну двери коваными гвоздями.

Высоко поднятые окна храма конструктивно имеют полноценную коробку и обрамлены наличниками, отличающимися сдержанностью. Ширина их колеблется в зависимости от величины оконного проема. В оконных проемах церкви установлены решетки кузнечной работы – металлические кованые полосы с засечками. Данный вид решеток был широко распространен на территории Белоруссии в конце XVIII – XIX веках.

Наиболее выразительным элементом церкви является крыша. Прямоугольные в плане бабинец и неф имеют трехскатную кровлю с вальмой на главном фасаде. Алтарная часть церкви также накрыта трехскатной вальмовой кровлей, а примыкающие к ней низкие ризницы – плоскими кровлями. Данная форма кровли создана на основе сложной стропильно-балочной системы. Стропильная пара над пространством нефа состоит из двух брусьев сечением 16х18 см, опирающихся на верхний венец сруба и соединенных между собой двумя горизонтальными пластинами. Эта стропильная пара соединена в своей нижней части подкосами с горизонтально расположенным брусом. Вышеописанную конструкцию можно назвать симбиозом стропильной пары и фермы, т.к. брус не опирается на верхние венцы сруба, а лежит на настиле из досок, устланном по балкам сечением 9х18 см, уложенным с шагом 65-67 см. Установлены эти стропильные конструкции с шагом, примерно равным 1,2 м. Стропильная кровля имеет напряженный по рисунку ломаный профиль, полученный с помощью коротких нарожников, которые создавали выгиб кровли в нижней части. Кровлю церкви в д. Збироги венчает сложная по конструктивному решению пропорциональная главка. Главка расположена на двух восьмериках. Восьмерик, расположенный у основания главки уже восьмерика, сопряженного с кровлей, и этим создает иллюзию утонченности. Сама главка так же восьмигранная, но выполнена скорее всего в XX в. во время одной из реконструкций храма и покрыта чешуйчатыми цинковыми листами.

Рядом с притвором на продольной оси храма расположена отдельно стоящая колокольня. Она создает самостоятельный двухярусный объем, архитектурно-подчиненный объему храма. Существующая колокольня построена, по всей вероятности, одновременно с притвором – примерно в 1860-е годы. Колокольня возведена на основе четверика и представляет собой каркасный тип колокольни. Строение характеризуется лаконичностью решения с минимальным использованием декоративных средств. Барочные формы колокольни прослеживаются в конструктивном решении голосниковой части, создается эффект аркатуры голосникового яруса. Фигурно обработаны выпуски балок, на которые опирается кровля.

Квадратная в плане она завершается шатровой кровлей, а помост для звонаря делит ее на два яруса. Нижняя часть колокольни ошалевана, а верхняя (голосниковая) ранее была открытой и обрамлялась арочными проемами. Шатровая кровля была накрыта гонтом. В 80-е годы прошлого столетия гонт был заменен на оцинкованную жесь, а голосниковая часть закрыта ставнями.

Свято-Параскевинская церковь – трехсрубный храм продольно-осевой композиции, включающий размещенные на продольной оси бабинец, неф и апсиду. Притвор был пристроен к церкви значительно позже – ориентировочно во второй половине XIX века. Интерьер храма зальный с плоскими потолками. Ступенчатая система раскрытия внутреннего пространства создается с помощью проемов, связывающих неф с апсидой, бабинцем и хорами. Проемы в вышеперечисленных помещениях имеют простой прямоугольный абрис. Хоры, устроенные на бабинце в виде овального балкона и выходящие в пространстве нефа, поддерживают две колонны, стилизованные под дорический ордер. Ограждены хоры балюстрадой с массивными поручнями сложной конфигурации, идущей по нижней обвязке балкона, декорированного резным карнизом. После иконостаса хоры являются вторым по значению архитектурным акцентом интерьера храма.

Солен вместе с клиросом приподняты на две ступени над полом нефа и составляют продолжение пола апсиды. Клирос огражден балюстрадой, аналогичной балюстраде хоров.

Двухъярусный иконостас – главный композиционный элемент храма, замыкающий пространство нефа. Иконостас представляет собой сложную архитектурную композицию, поднятую на высокий цоколь и оформленную сложными многопрофильными карнизными поясами, нижний из которых поддерживается цельновырезанными колоннами. В центральной части композиции располагаются царские врата, поддерживающие значимость вертикального регистра иконостаса. Все поле царских врат занимает резьба, главным мотивом которой стала вьющаяся виноградная лоза. Изящные резные виноградные кисти, упруго закрученный ствол и листья – все детали царских врат позолоченные и выделяются изяществом и утонченностью, присущими стилю рококо. Изысканность царских врат подчеркивается и фланкирующими их белыми колоннами, поддерживающими карниз.

Большую художественную роль в интерьере храма играют приставные киоты, выполненные в традициях барокко. Верхний ярус киотов выполнен в виде картуша, украшенного обрамлением из рельефной резьбы и опирающегося на волюты. Резьба в виде растительного орнамента обогащена изящными головками херувимов.

При общем значительном акценте на декоративность, архитектурная композиция иконостаса является определяющей. С тонким вкусом найдены пропорции позолоченных и белоокрашенных элементов, что придает конструкции иконостаса и приставных киотов особую торжественность и возвышенность.

Свято-Параскевинская церковь – бескупольный трехсрубный храм продольно-осевой композиции, художественная особенность архитектуры которого определена эстетическими концепциями всего деревянного зодчества. Их главная черта – достижение максимального художественного эффекта при помощи ограниченных средств выразительности – это симметрия и асимметрия, ритм, контраст, пропорции.

Выразительной чертой храма является тектоническое единство объемов, монументальность композиции кровель с композицией срубов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулагин, А.М. Православные храмы на Беларуси. – Минск, 2006.
2. Якимовіч, Ю.А Драўлянае дойлідства беларускага Палесся. – Мінск, 1974.

УДК 72+62

Залеская Г.Л.

ОБЪЕКТЫ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ГОРОДЕ

В современной архитектуре, равно как и в современном искусстве, ведется поиск не только новых форм, но и новых трактовок уже существующих элементов городской среды. Так, создатель Роттердамской архитектурной биеннале и куратор Художественного музея Цинциннати Аарон Бецки для XI Венецианской архитектурной биеннале предложил следующую тему выставки: «Не там. Архитектура вне зданий». По его мнению, самые интересные архитектурные объекты – те, на которые мы, как правило, не обращаем внимания: водопроводы, коммуникации, вентиляционные системы.

Искусство архитектуры своими средствами может не только формировать здания и ансамбли, оно способно создавать у человека ощущение связи с окружающим миром и часто с помощью тех элементов среды, которые традиционно существуют как будто вне фасадов здания. Инженерное обеспечение городов традиционно включает системы по крайней мере водоснабжения и канализации, оснащение зданий электро-, газо-, теплоснабжения.

Вместе с тем и сама система инженерного обеспечения нуждается в постоянном развитии и совершенствовании, причем подчас со скоростью, превышающей развитие архитектуры. Необходимость в реконструкции инженерных сетей и сооружений возникает в следующих принципиальных ситуациях:

- при проведении ремонтно-восстановительных работ на сетях или сооружениях в ряде случаев эффективнее оказывается реконструкция с применением новых материалов, технологий и оборудования и в результате получения нового качества в системах инженерного обеспечения;
- при изменении характера предоставляемых услуг населению или предприятиям, например, отказ от газа и переход на электричество;
- при изменении функционального состава застройки территорий и, как следствие, новых требований к инженерному обеспечению;
- при строительстве объектов или сооружений, а также реконструкции имеющихся с изменением объемов или требуемого качества инженерного обеспечения.

Основная сложность проведения реконструктивных мероприятий заключается в значительной изношенности сетей и сооружений инженерных систем в городах, а также отставании мощностей и пропускных способностей от потребностей.

Реконструкция застройки с изменением инженерных систем наиболее осложнена в исторических городах, где нежелательно изменение фасадов и введение новых технологических элементов. С другой стороны, сохранение традиционных исторических инженерных форм составляет канву исторической идентичности места.

Так, в одном из ценнейших для истории архитектуры городов – в Венеции – на фоне дворцов и соборов неожиданно явно прочитались яркие силуэтные линии дымовых труб и рельефных выступов каминов на фасадах практически каждого здания.

В Венеции каминные трубы «*canna fumaria*» традиционно имели весьма специфическую форму воронки «*fumaioli*» – расширяющегося кверху конуса. Эта форма строго утилитарна и предназначена для того, чтобы не рассыпались искры из дымохода: город, полный воды, из-за тесноты застройки всегда парадоксальным образом страдал от пожаров.

Значительные размеры самих каминов и высота труб в Венеции демонстрируют ещё одну функциональную задачу, кроме основного предназначения, – обогрева жилых помещений. Увеличенные параметры каминов здесь объясняются необходимостью вентиляции влажных помещений.

Рисунок 1 – *Canna fumaria*

В 1996 г. после грандиозного пожара, в котором сгорел старый Gran Teatro La Fenice, было принято решение построить водопровод, который предназначался бы исключительно для тушения пожаров. В случае Венеции реальную проблему при строительстве трубопроводов представляли многочисленные мосты, каналы и узкие улочки, заполненные туристами, и была очевидна невозможность прокладки пожарного водопровода традиционным открытым методом. Выходом стало использование метода горизонтально-направленного бурения, что позволило проложить два трубопровода, не разрушая тротуаров. Использование данной технологии позволило не только сократить сроки строительства, минимизировать неудобства для туристов и жителей города, но и главное – сохранить городские улицы для истории, что было бы абсолютно невозможно при траншейных методах. Новый ярко-красный трубопровод для тушения пожаров составляет более 22 км в длину, имеет размеры 125 x 225 x 11,4 мм и 20,5 мм, рядом с ним был проложен новый трубопровод для питьевой воды длиной 600 м и размерами 400 x 36,3 мм, чтобы заменить уже устаревшие трубопроводы.

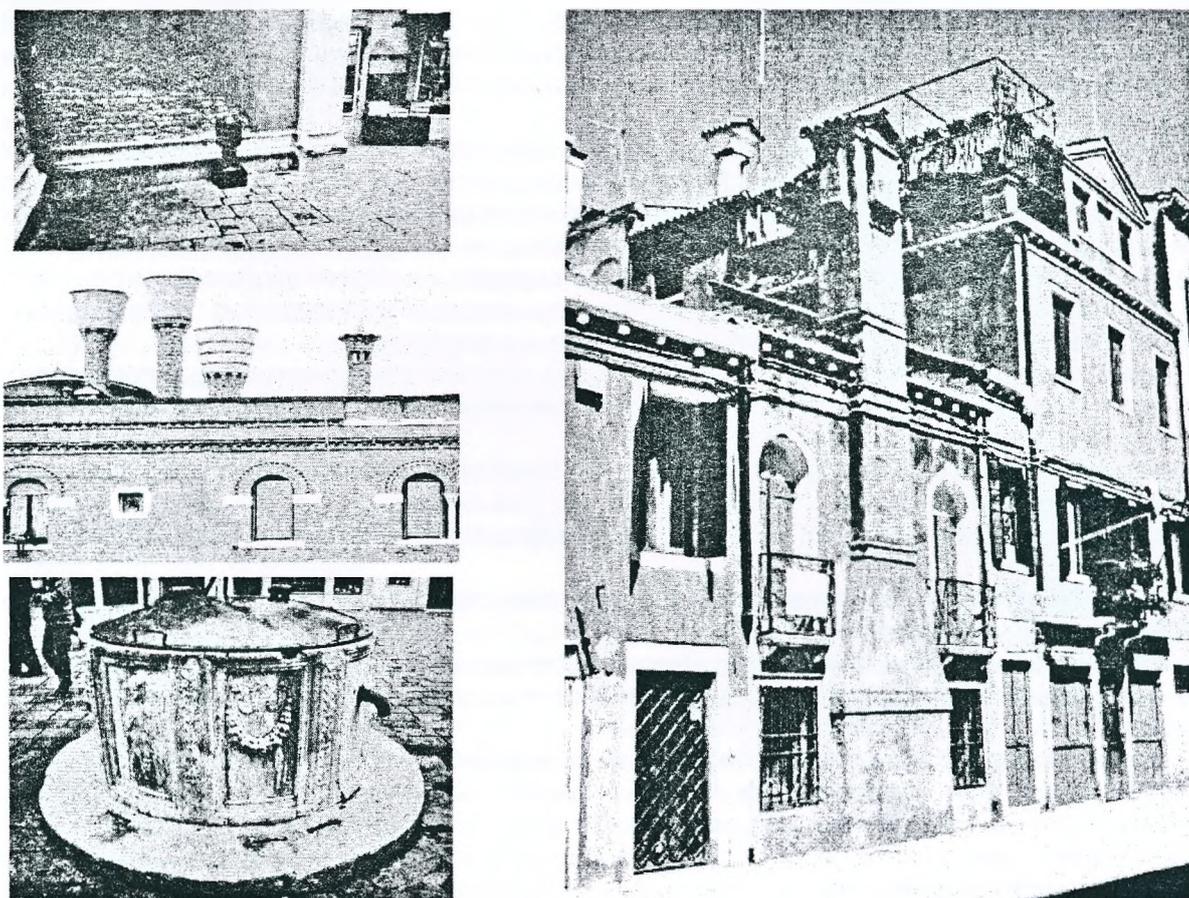

Рисунок 2 – Каминные трубы в Венеции. Новая система пожарного водопровода. Венчающая часть цистерны с водой «*vege da pozzo*»

Отдельно требуется отметить, что исторически водоснабжение в Венеции решалось совершенно специфически для европейских городов. Венецианцы устраивали на многочисленных площадях колодцы – коллекторы для сбора дождевой воды. Они представляли собой цистерны с замысловатой системой фильтров, куда собирали дождевую воду и воду из родников на отдаленных островах. Вода забиралась из канала около Brentы, в котором было запрещено судоходство, и на баржах особой конструкции вода доставлялась с материка в Венецию. Из почти 7 тысяч таких колодцев сохранились 2,5, и их разнообразные по форме, размерам, композиционному решению, детализировке и стилистике мраморные завершения являются неотъемлемой частью площадей города.

На примере Венеции очевидно, что оригинальные утилитарные формы инженерных устройств и сооружений могут служить интересным акцентом исторической среды, создающим неповторимый образ городской среды.

УДК 725.4

Залесская Г.Л., Колесников А.В.

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ СЕТИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Одним из важных факторов роста белорусской экономики можно считать потенциал развития логистических центров на территории страны. Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 26 августа 2008 г. №1249 предусматривается создание сети таких центров. Также разработана классификация логистических центров в зависимости от их отраслевой направленности:

- транспортно-логистические центры предназначаются для оптимизации внутренних и внешних материальных потоков, а также сопутствующих им информационных, финансовых и сервисных потоков с целью минимизации общих логистических затрат;
- оптово-логистические центры, основной функцией которых является поставка оптовых партий потребительских товаров и продукции производственно-технического назначения отечественного и импортного производства непосредственно потребителям или организациям розничной торговли;
- многофункциональные логистические комплексы, которые включают также торгово-деловой, административно-деловой и выставочный центры [1].

В данной статье поставлена задача провести анализ характеристик транспортных путей, населенных пунктов и основных грузопотоков на территории Брестского региона и на его основе дать предложения по размещению логистических центров с разной функционально-отраслевой направленностью.

Анализ территории Брестской области позволяет выявить следующие важные факторы, влияющие на размещение логистических центров:

1. Транспортные потоки: через Брестскую область проходит трансъевропейский транспортный коридор II Берлин-Варшава-Минск-Москва-Нижегород; транспортный коридор Балтийское море – Черное море; проходят 2 международные автомобильные дороги категории «Е» E30 и E85; проходят важные железнодорожные пути, в том числе E20 и E30; имеются 2 судоходных водных пути: Западный Буг и Днепро-Бугский канал; в г. Бресте и г. Барановичи находятся аэропорты.

2. Населенные пункты: Брест (население 309 764 на 2009 г.), Барановичи (население 169 210 на 2010 г.), Пинск (население 130 777 на 2012 г.), Кобрин (население 51 166 на 2009 г.) [2].

3. Крупные автомобильные и железнодорожные узлы: в городах Брест, Барановичи, Кобрин.

4. Особые зоны экономического развития: СЭЗ «Брест»; на территории Брестской области, Волынской области (Украина) и Люблинского воеводства (Польша) реализуется проект «Бизнес-долина Буг» [3], [4].

Рисунок 1 – Схемы транспортных связей Брестского региона

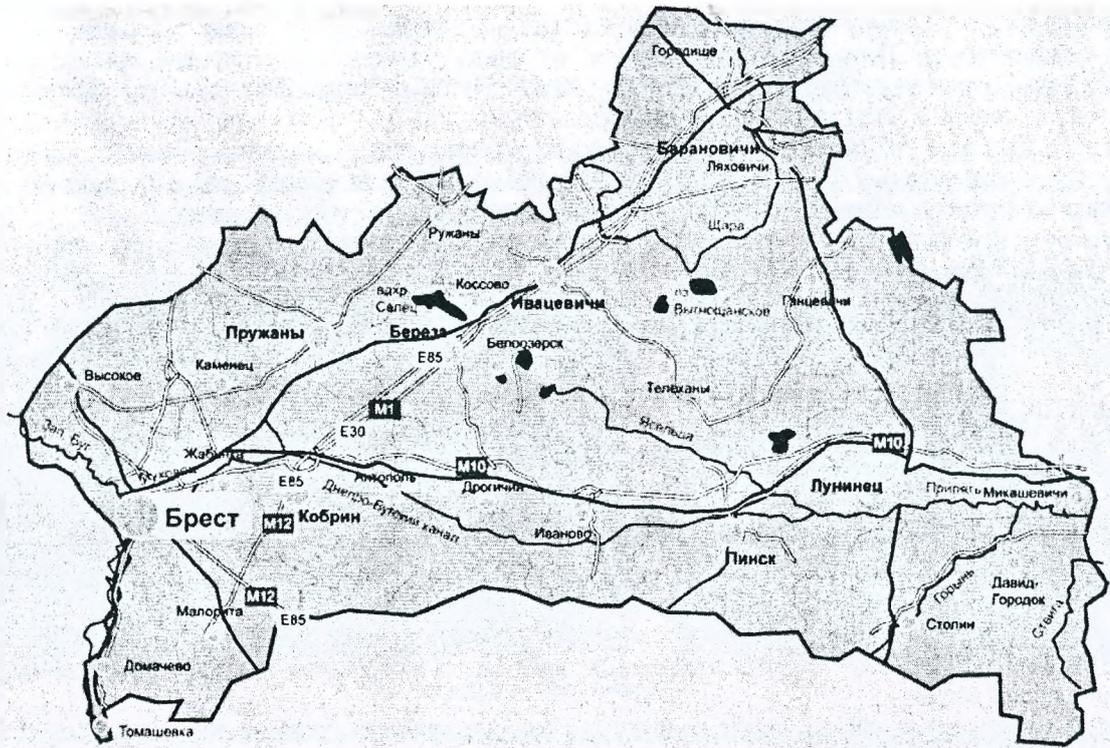
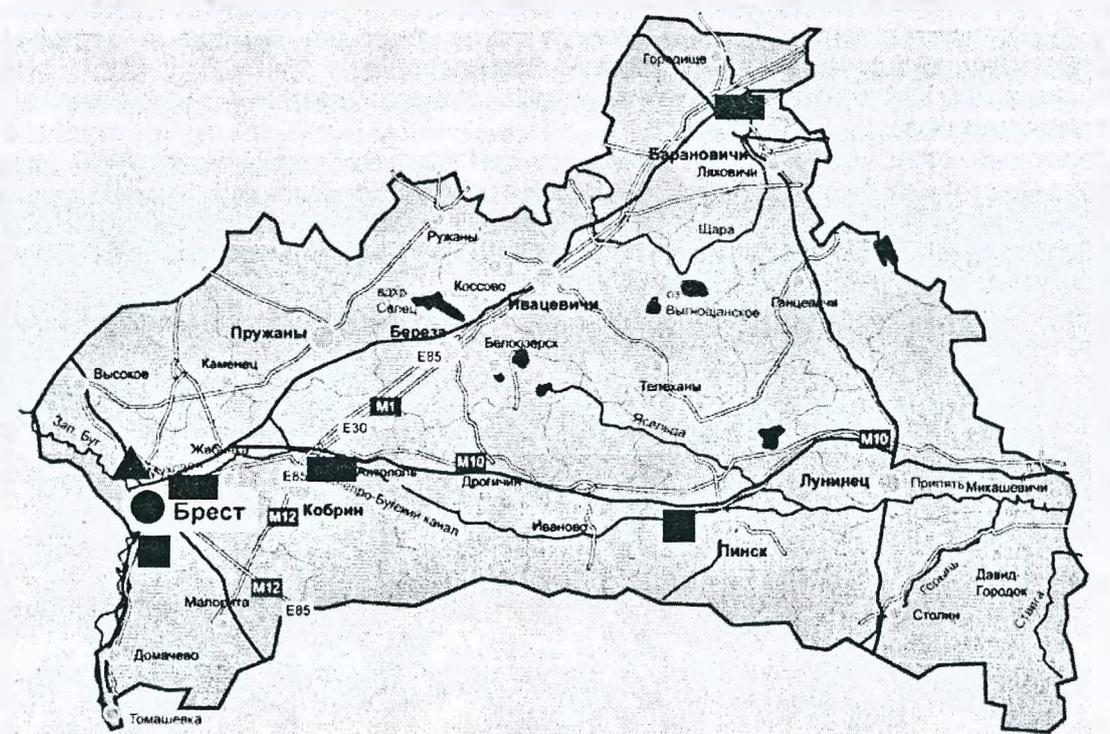

Рисунок 1 – Схемы транспортных связей Брестского региона

Исходя из вышеперечисленных факторов, можно выделить следующие населенные пункты, в которых наиболее целесообразным будет строительство логистических центров: Брест, Барановичи, Пинск, Кобрин.

Условные обозначения:

- Существующий транспортно-логистический центр «Брест-Белтаможсервис»
- Место расположения многофункционального логистического комплекса
- ▲ Место расположения оптово-логистического центра
- Место расположения транспортно-логистического центра

Рисунок 2 – Предложение по совершенствованию сети логистических центров Брестского региона

В настоящее время в городе Бресте возведен транспортно-логистический центр «Брест-Белтаможсервис» [5], за проектировано строительство многофункционального логистического комплекса, который будет включать в себя

логистический центр «Евразия» и торгово-развлекательный центр (далее ТРЦ) «Монарх Плаза» [6]. Кроме этого, учитывая факт возрастания грузопотока через Брест на 25% ввиду вступления Беларуси ЕЭП и необходимости увеличения пропускной способности таможенного оформления, а также процесса обработки грузов, в Бресте следует предусмотреть строительство новых логистических центров, в т. ч. мультимодальных (с использованием двух и более видов транспорта). С другой стороны, Брест ежегодно принимает около 1 600 000 человек, въезжающих из ЕС, и, с целью улучшения инфраструктуры и туристической привлекательности города, целесообразно создание крупных ТРЦ. Объединение логистических центров и ТРЦ путем создания многофункциональных логистических комплексов позволяет снизить экономические издержки. Таким образом, анализируя особенности и перспективы развития СЭЗ «Брест», необходимо рассмотреть следующие участки для создания логистических центров: участок «Козловичи», участок вдоль ул. Лейтенанта Рябцева, участок «Аэропорт».

Город Барановичи является крупным железнодорожным узлом и лежит на пересечении важных железнодорожных и шоссейных дорог. Создание логистического центра в данном городе позволит улучшить грузопотоки, а также положительно скажется на развитии промышленности города. С целью улучшения инфраструктуры здесь есть возможность для создания ТРЦ. Учитывая вышеперечисленные факторы, необходимо создание мультимодального многофункционального логистического центра, который будет ориентирован на обработку автомобильного и железнодорожного грузопотока, а в перспективе и авиационного.

Город Пинск – еще один перспективный город для размещения логистического центра. Создание здесь мультимодального логистического комплекса позволит оптимизировать процесс обработки грузов (железнодорожных, автомобильных, речных).

Город Кобрин – крупный автомобильный узел, лежащий на важных европейских автомобильных путях. Создание многофункционального логистического комплекса с гостиницей позволило бы не только обрабатывать проходящие через город грузы, но и сыграло бы большую роль в развитии туристической направленности города. В настоящее время в городе создан аквапарк, один из немногих в Беларуси, который является центром притяжения для туристов, но в городе слабо развита остальная сеть развлечений. Создание ТРЦ, как части многофункционального логистического комплекса, позволило бы удовлетворить не только потребности города, но и стало бы местом притяжения для приезжающих туристов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брестская область // Википедия [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Брестская_область – Дата доступа: 15.04.2012.
2. Бизнес-долина БУГ [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.business-valley.org/> – Дата доступа: 15.04.2012.
3. Свободная экономическая зона «Брест» [Электронный ресурс]. – 2007-2008. – Режим доступа: <http://www.fez.brest.by/> – Дата доступа: 15.04.2012.
4. ТЛЦ Белтаможсервис Брест [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://tlc.brest.by/> – Дата доступа: 15.04.2012.
5. Компания VITAFLEX [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://vitaflex-by.com/ru/index.html> – Дата доступа: 15.04.2012.

УДК 721

Клицунова В.А.

СОЗДАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОДУКТА НА ОСНОВЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ПРИБУЖСКОМ РЕГИОНЕ: ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Цель данного исследования – предложить инновационные подходы при создании регионального турпродукта в Прибужском регионе с использованием культурного и природного наследия. Предложения основаны на многочисленных экспедициях автора в Ивановский район и проведении там тренингов и семинаров с представителями местного населения и властей в рамках ряда международных проектов (проект ЕС/Фонда «Евразия» «Укрепление общественного взаимодействия для устойчивого развития сельских регионов Беларуси», 2011–2012 гг., проект ЕС/ПРООН «Устойчивое развитие на местном уровне», 2008–2010 гг., проект Программы малых грантов Посольства США «Белорусскому Полесью – устойчивое развитие», 2009 г.). Кроме этого, в работе использовались наиболее современные научные подходы, доказавшие свою эффективность при создании турпродукта на примере лучших мировых практик.

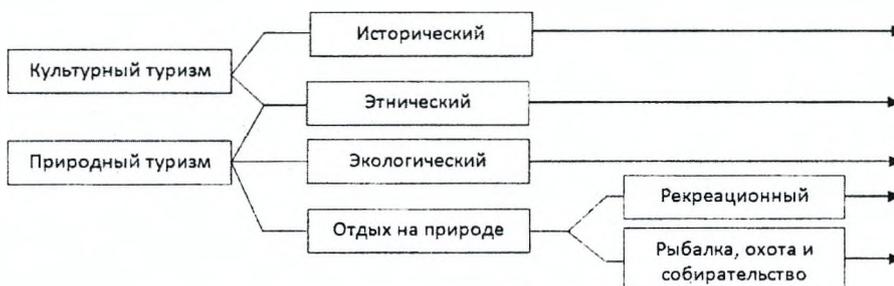

Рисунок 1 – Типология различных видов туризма [1, с. 147]

Современные направления в использовании культурно-исторического и природного наследия туристской территории подчеркивают важность интегрированных подходов и необходимость формирования комплексного туристского продукта. Специалисты широко используют понятие «туризм наследия», где наследие определяется как «рукотворные и природные свидетельства прошлого» или «компоненты природной или культурной среды, которые имеют историческую, аутентичную, эстетическую или социальную значимость для будущих поколений и проживающих здесь сообществ» [1, с. 142]. К понятию «культурно-историческое наследие» теперь добавляют нематериальное наследие – музыка, фольклор, танцы, обряды, ремесла и т.п.

Правомерность интегрированных подходов подтверждает и типология туристов с различными интересами (рисунок 1). У туристов данных групп существует совпадение интересов и ценностей, и поэтому комплексный многогранный продукт для них особенно привлекателен. Происходит взаимопроникновение интересов разных групп туристов. Культурно-исторический и природный туризм привлекает своего рода «туристическую элиту», которая обеспокоена вопросами сохранения наследия, бережным отношением к нему, и во время путешествий стремится минимизировать свое воздействие на окружающую среду.

Поэтому современный подход в создании турпродукта на основе культурно-исторического и природного наследия туристской территории предполагает совместное его использование для различных видов туристов и интерпретацию этого наследия с применением интерактивных методов.

Примером, заслуживающим в этом смысле особого внимания, является создание турпродукта на основе наследия в Ивановском районе, который является окраиной Прибужского региона и по которому проходит Днепровско-Бугский канал. Речь идет о Зеленом маршруте «Яновское кольцо» (Рис. 2).

Зеленые маршруты – это туристические маршруты природного и культурного наследия, проложенные вдоль «зеленых коридоров» – рек, традиционных и исторических торговых путей, естественных природных коридоров.

Такие маршруты объединяют регионы, туристические достопримечательности и местные инициативы, поддерживают идеи устойчивого развития и отдыха, благоприятного для окружающей среды, пропагандируют здоровый образ жизни.

Одновременно они создают возможности для улучшения уровня жизни населения, оживления местной экономики и развития предпринимательства среди местных жителей, а также сохранения уникальных и культурных ценностей. Данная концепция активно реализуется в нашей стране в ряде проектных регионов (www.greenways.by).

Ивановский район отличается богатством культурного наследия, большим разнообразием форм рельефа, ландшафтов, сельскохозяйственных культур. Это – интересная территория, на которой имеется огромное количество памятников археологии, истории, культуры и этнографии.

Зеленый маршрут как сложное многофункциональное образование включает в себя ряд элементов:

- Общая идея и тематика Зеленого маршрута
- Главная ось маршрута, сеть тематических троп и локальных петель
- Информационное продвижение и поддержка маршрута
- Малая инфраструктура вдоль маршрута
- Туристский продукт, соответствующий принципам устойчивого развития
- Партнерство всех заинтересованных сторон, обеспечивающее координацию создания, функционирования и развития Зеленого маршрута

• Местные инициативы по охране и интерпретации природного и культурного наследия

Среди основных принципов Зеленых маршрутов выделяют следующие:

- поддержка местных сообществ (обеспечение прибыли местной экономике, создание новых источников дохода, защита традиционных видов деятельности);
- ненанесение ущерба сельской местности и вклад в защиту природного и культурного наследия;
- использование главным образом местных ресурсов (природа, культура, традиции, кухня, услуги т.д.);
- помощь местному населению в оценке собственных ресурсов, в осознании своей уникальности, самоидентификации и в улучшении качества жизни;
- поддержка (по возможности) немоторизованного транспорта и устойчивых форм туризма.

Консервативность сельского и местечкового образа жизни предопределила сохранение до наших дней уникальных народных традиций, которые проявляются в различных сферах жизни местного населения. До сих пор жизненной нормой является активное участие местных жителей в регулярно проводимых фольклорных праздниках, ярмарках и выставках.

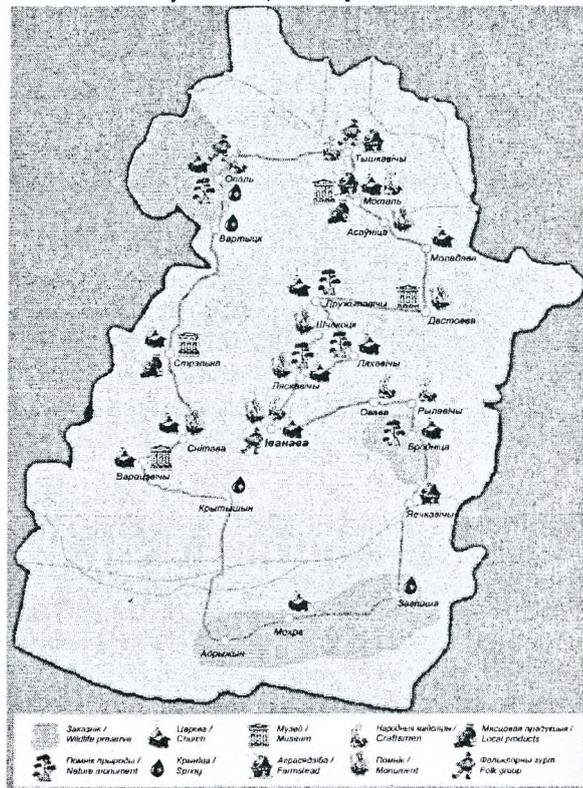

Рисунок 2 – Зеленый маршрут «Яновское кольцо»

Памятники архитектуры представлены большим количеством деревянных церквей XVIII–XIX вв., ранее бывших униатскими. Сейчас это православные храмы. Деревянное культовое зодчество Полесья является одним из наиболее характерных явлений, заметно выделяющимся в блоке историко-культурного наследия Беларуси. Здания храмов, как правило, сохранились в хорошем состоянии, в большинстве своем они относятся к наиболее распространенным решениям продольно-осевой композиции. Каменные храмы (г. Иваново, д. Вороцевичи, д. Мотоль) являются типичными представителями культовой архитектуры второй половины XIX в. Безусловную историко-культурную значимость имеет памятное место мученической смерти в Иваново святого А.Баболи XVII в.

На территории Ивановского района находятся три из пяти сохранившихся в Беларуси геодезических знаков Дуги Струве, измерения которой выполнялись в первой половине XIX в. В настоящее время объект имеет статус памятника Всемирного наследия человечества.

Достоёво), Кроме того, в районе есть памятные места, связанные с именем предков Ф.М. Достоевского (д. художника-композитора XIX в. Наполеона Орды (д. Вороцевичи), жизнью первого президента Израиля Хаима Вейцмана (д. Мотоль).

Район отличается большим разнообразием ландшафтов. Здесь есть уникальные природные объекты со статусом особо охраняемых территорий (Республиканский биологический заказник «Споровский», биологический заказник «Завышье», биологический заказник «Оброво»). Одновременно здесь широко представлены мелиорированные измененные ландшафты со своей эстетикой и историей.

Подобное богатство территории требует комплексной оценки и определенных подходов в управлении, основанных на принципах устойчивого развития.

В районе уже написана концепция Повестки устойчивого развития на XX век, и идет работа по написанию стратегии развития устойчивого туризма.

Во время визита экспертной группы по развитию туризма вместе с представителями местных властей и населения был проведен SWOT-анализ туристского потенциала района, который позволил выявить сильные и слабые стороны региона, а также возможности и угрозы, исходящие из внешней среды (таблица 1). Каждому показателю был присвоен определенный балл (от 1 до 10) в зависимости от его существенности. Графическая интерпретация полученных значений представлена на рисунке 3.

Наиболее сильными сторонами района являются разнообразие культурного наследия, талантливые и гостеприимные люди, местная кухня. Очень важным показателем является поддержка со стороны местных властей.

Слабые стороны (нехватка средств размещения, слабое продвижение, недостаток финансов и т.п.) очерчивают круг проблемных вопросов, на которые следует обратить внимание.

Для развития туризма нужно не забывать об угрозах, но использовать возможности – благоприятное законодательство с другими регионами и странами.

Таблица 1 – SWOT – анализ Ивановского района

№	Сильные стороны (S)	Баллы	№	Слабые стороны (W)	Баллы
1	Гостеприимство местного населения	10	1	Нехватка маркетинга и продвижения	7
2	Разнообразие культурного наследия	7	2	Нехватка средств размещения	8
3	Местная кухня и органически чистые продукты	9	3	Недостаточная финансовая поддержка со стороны государства	8
4	Разнообразие ландшафтов	6	4	Низкая предпринимательская активность на местном уровне	7
5	Талантливые люди	10	5	Отсутствие регионального планирования	9
6	Близость к границе	8	6	Нехватка оборудования и оснащения показа в музеях	9
7	Поддержка со стороны местных властей	8	7	Нехватка информации о потенциальных туристических рынках	7
8	Компактное расположение достопримечательностей	8	8	Отсутствие сувенирных магазинов	5
9	Безопасность	10	9	Плохие второстепенные дороги	8
10	Низкие цены	5	10	Мелиорированность территории	5
11	Развитая транспортная инфраструктура	6	11	Отсутствие англоязычных обозначений и знаков	4
12	Незагрязненная территория	7	12	Комары	4
13	Наличие фестивалей	8			
	СРЕДНИЙ БАЛЛ	=7,85		СРЕДНИЙ БАЛЛ	6,75
	Возможности (O)	Баллы		Угрозы (T)	Баллы
1	Благоприятное национальное законодательство	10	1	Неожиданное изменение законодательства	4
2	Развитие трансграничного туризма	8	2	Визовые и таможенные формальности	2
3	Возможность сотрудничать с соседними странами при проведении различных мероприятий	6	3	Ухудшение отношений с западными странами	1
4	Рост популярности туризма по особым интересам в мире	9	4	Отсутствие у Беларуси четкого имиджа	2
5	Появление новых специалистов в области туризма	9	5	Ухудшение в экономической ситуации	7
6	Готовность соседних районов, более развитых в области туризма, к кооперации	6	6	Влияние Чернобыльской проблемы	5
7	Международное восприятие района как потенциальной туристской дестинации	5			
	СРЕДНИЙ БАЛЛ	=7,57		СРЕДНИЙ БАЛЛ	=3,5

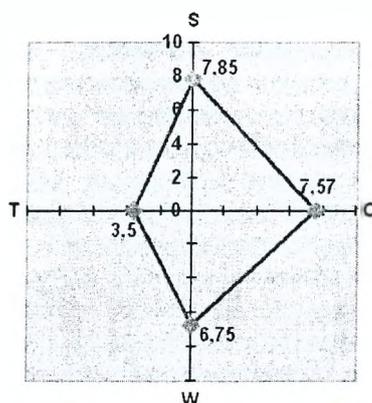

Рисунок 3 – Графическая интерпретация SWOT-анализа Иванковского района

Полученный график демонстрирует очень большой потенциал для развития туризма в регионе. Треугольник силы (S) – возможности (O) – самый большой. Это значит, что району рекомендуется развивать туризм, и шанс на успех у него довольно велик.

Среди наиболее перспективных проектов, которым следует отдать приоритеты, можно назвать:

- создание многопрофильного центра народной культуры в д. Мотоль (на базе музея);
- создание музея Ф.М. Достоевского и воссоздание имения его предков;
- создание Центра еврейской культуры в доме Хаима Вейцмана и воссоздание атмосферы знаменитого Мотольского рынка;
- создание музея Наполеона Орды и восстановление его усадьбы;
- развитие центра нетрадиционной медицины в д. Стрельно;
- дальнейшее развитие кулинарного фестиваля «Мотальскія прысмакі».

Реализовать подобные проекты и создать на их основе туристический продукт можно только на основе кооперации и партнерства, которые обеспечиваются кластерными механизмами в форме Зеленого маршрута «Яновское кольцо». Имея сплоченную инициативную группу и стратегические документы, регион довольно успешно развивает туризм.

Согласно экспертной оценке, значимость культурно-исторического и природного наследия региона настолько велика, что правомерен вопрос о придании ему статуса «территории культурного ландшафта». К сожалению, в нашей стране нет нормативно-правовых документов, посвященных этой теме, но существующие в Европе акты – «Европейское руководство по выявлению сельского наследия», «Европейская конвенция по сохранению культурного ландшафта» могли бы стать хорошим ориентиром для работы в этом направлении [2,3]. Подобные подходы могут быть распространены на весь Прибужский регион, результатом чего станет создание уникального, регионального турпродукта.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. При создании туристского продукта на основе природного и культурно-исторического наследия необходим комплексный, интегрированный подход, что позволит сделать продукт богаче по содержанию и увеличит спрос туристов с близкими интересами и ценностями.

2. Комплексность и содержательность туристского продукта основывается на принципах партнерства и кооперации, которые реализуются в туристских кластерах, одной из инновационных форм которого является «зеленый маршрут».

3. Регионы, обладающие уникальным культурно-историческим потенциалом, требуют особых подходов в планировании и управлении, а также придания им особого статуса «территории культурного ландшафта», который необходимо вводить в правовую систему нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Special interest tourism, John Wiley&Sons Australia, Ltd., 2001, 475 pages, ISBN0471421115
2. Европейская конвенция о ландшафтах // Council of Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/.versionsconvention/russian.pdf>. – Дата доступа: 20.04.2012.
3. Европейское руководство по выявлению сельского наследия // Council of Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/cemat/.../Russe.pdf>. – Дата доступа: 20.04.2012.

УДК 730|20|(476.7)

Ковальчук В. Е.

БРЕСТСКАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА XXI ВЕКА

Введение. Целью настоящей работы является изучение брестской монументальной скульптуры последнего десятилетия. Произведения монументального искусства, вступая в синтез с архитектурой и пейзажем, становятся важной пластической или смысловой доминантой ансамбля и местности, поэтому выбранная тема является очень актуальной в наши дни. Памятники или пространственные композиции традиционно посвящаются или стилистиче-

скими своими особенностями отображают современные идейные веяния и социальные тенденции, воплощают философские концепции. Обычно произведения монументального искусства имеют своим предназначением увековечение выдающихся деятелей, значительных исторических событий, но тематика и стилистическая направленность их напрямую связаны и с общим социальным климатом, и с атмосферой, преобладающей в общественной жизни.

Основная часть. Скульптура – один из древнейших и наиболее распространенных видов искусства. Она украшает наши сады, парки, площади и памятные места. Она воспеваает красоту и гармонию, украшает жизнь и дарит счастливые минуты созерцания прекрасного.

Возникновение скульптуры, относящееся к первобытной эпохе, непосредственно связано с трудовой деятельностью человека и магическими верованиями.

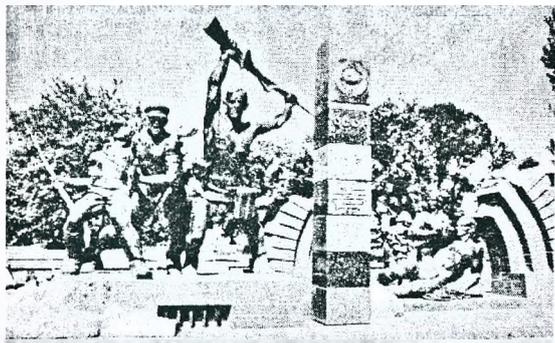

Рисунок 1 – Памятник героям-пограничникам в Брестской крепости

К главным выразительным средствам скульптуры относятся расположение фигуры в пространстве, ее поза, жесты, передача движения, организация объема, сочетание частей, выбор пропорций, силуэта. Объемная скульптура находится в реальном пространстве и строится по законам гармонии формы и содержания, равновесия, ритма, контраста.

Монументальная (городская, парковая) скульптура рассчитана на конкретное природное окружение и архитектурное пространство, размещается чаще всего в общественных местах – на площадях, улицах, в парках, у фасадов и в интерьерах общественных архитектурных сооружений. Это – памятники, монументы, мемориалы, фонтаны, парковая скульптура и т.п.

Призванная конкретизировать архитектурный образ, акцентировать и дополнять выразительность архитектурных форм пластическими средствами, монументальная скульптура пропагандирует важные общественные задачи, увековечивает память о выдающихся событиях и людях. В городских монументах, парковых памятниках, мемориальных сооружениях, по размерам больше натуральных, обычно отражается величие и значительность форм, лаконизм пластики, долговечность материала, возвышенность образного строя, широта и активность общения зрителей с произведением. Создаваемые на века, произведения монументальной скульптуры выполняются в бронзе, мраморе, граните.

Наиболее часто монументальная скульптура используется в виде памятников, посвященных великим историческим персоналиям или же важным историческим событиям.

Трагедия войны, подвиг народа, священная память о нём – главная тема белорусской монументальной скульптуры второй половины XX века. И она находит своё отражение в всемирно известном мемориальном комплексе "Брестская крепость-герой". Каждый композиционный элемент ансамбля несет большую смысловую нагрузку и оказывает сильное эмоциональное воздействие.

За годы своего существования мемориальный комплекс "Брестская крепость-герой" стал центром военно-патриотического воспитания, здесь сложилось много хороших традиций

Кроме исторических монументов, которые перешли в разряд «следов эпохи», на руинах 9-й пограничной заставы напротив Тереспольских ворот недавно появилась новая скульптурная композиция, посвященная памяти семей пограничников.

Подвиги героев-пограничников запечатлены во многих произведениях монументального искусства. Однако нигде в мире нет памятника тем женщинам и детям, которые вместе со своими мужьями и отцами сражались с врагом в самом начале Великой Отечественной войны. Автор ансамбля – лауреат Ленинской премии скульптор Валентин Занкович, который много лет проработал над реконструкцией Брестской крепости. Памятник, выполненный в бронзе и граните, изображает родных начальника 9-й пограничной заставы Андрея Кижеватова. Женщина в каземате подает раненому солдату воду в каске. Рядом стоит девочка, ее дочь, которая держит на руках испуганного мальчишку. А наверху идет бой.

Монументальная скульптура прежде всего выполняет мемориальную функцию. Она наполняет города и природные ландшафты живой историей.

Так, три года назад, в нашем городе появилась по истине монументальная скульптурная композиция, посвященная 1000-летию основания города. Памятник стал настоящим украшением ул. Советской, которая по праву считается одной из самых красивых пешеходных улиц в Беларуси. Это первая и пока единственная монументальная группа в областном центре. Авторы проекта – известный брестский архитектор Алексей Андреев и скульптор Алексей Павлючук.

Работа авторов над монументом, начиная от первоначальной идеи и до ее окончательного воплощения в бронзе и граните, шла очень непросто. Впрочем, такова судьба всех сооруженных значительных памятников в мировой истории искусства: «Per aspera ad astra» (Через тернии к звёздам). И, наконец, 25 июля 2009 года – свершилось!

Рисунок 2 – Памятник 1000-летию Бреста

Величественный пятнадцатиметровый памятник 1000-летию славного города на Буге, сооружённый на средства пожертвований брестчан и городской казны, был торжественно открыт в рамках празднования 990-летия города. Должен заметить, что подобной монументальной композиции, в которой гармонично так спрессовались страницы одной из легендарных «глав» многовековой национальной истории, в Беларуси пока нет.

Семь фигур украшают этот монумент. Ангел – хранитель города с крестом (венеч памятника, высота – 3,8 метра) смотрит в сторону старого Берестья.

Он защищает город от врагов, которые приходили с Запада. Три исторических персонажа – великий князь ВКЛ Витовт с мечом и в короне, князь волынский Владимир Васильевич с Брестской вежей в руках (башня-донжон – символ укрепления Берестья, построенная князем во второй половине XIII века), Николай Радзивилл Чёрный с Библией, которая благодаря его усилиям была напечатана в Берестье. И три собирательных образа – Летописца, Женщины-матери, Солдата-победителя (все по три метра высотой).

По окружности, под скульптурами, внизу колонны в апреле 2011 года был установлен круговой горельеф общей площадью 11 м². На нём изображены наиболее значимые для истории Бреста ключевые события. «Ехал купец, да застрял в болоте. Он и его слуги уложили гать из бересты» и таким образом спаслись: отсюда по одной из легенд пошло название – Берестье. Далее изображены фрагменты исторической Грюнвальдской битвы 1410 года. Вот небесные силы в образе Ангела, благословляющие на победу воинов берестейской хоругви. Один воин держит в руках стяг с гербом берестейского воеводства – «Погоня», на щите другого – лук с направленной вверх стрелой – герб Бреста. Далее – сцены битвы соединенных полков ВКЛ и Польши с тевтонцами, тщательно пластически выверенные во всех исторических ракурсах, реалиях, атрибутах и аксессуарах. Рядом – Брестская Библия в руках ангелов над древним городом. Не забыта и героическая оборона Брестской крепости, вошедшая в легенду мировой истории войн. А заканчивается этот пояс темой освоения Космоса. Это и понятно: уроженец деревни Комаровка Брестского района белорус Пётр Климук трижды побывал в космическом полёте. А на самом нижнем ярусе монумента расположены 12 бронзовых табличек – символических часов, отмеряющих поступь неукротимого времени. На табличках – краткие аннотации о главных событиях многовековой истории города. Летом 2011 года красочная ограда в стиле модерн завершила архитектурный ансамбль памятника.

Эта монументальная скульптурная композиция прежде всего наполняет город историей, к которой можно прикоснуться и изучить.

На обновлённой пешеходной улице Советской появились скульптурные композиции, также связанные с историей древнего города. Одна из летописей гласит, что в XVI веке на одной из башен замка были установлены городские часы. А при часах городской магистрат содержал трубача. Звуки его инструмента сопровождали каждый час.

И вот спустя несколько сотен лет часы и трубач вернулись в город, правда, только в виде скульптурных композиций. Установлены атмосферные часы, верхушка которых представляет собой фрагмент городского герба. Кроме декоративно-утилитарной функции часы также информируют граждан об эволюции брестской геральдики. А рядом с часами декоративная конструкция в виде купола, украшена скульптурой «Трубача». Композиция высотой 1,8 метра отлита из лёгкого материала – композита и весит около 30 кг, поэтому её способна выдержать достаточно хрупкая конструкция купола.

На других куполах пешеходной улицы установлены скульптурные композиции, также связанные с древним городом, «Страж» и «Ангел, рассыпающий звёзды». Авторы всех этих композиций брестские скульпторы Павел Герасименко и Алеся Гурщенкова. Выпускники Белорусской государственной академии искусств каждую из своих работ выполняют сообща. Благодаря их мастерству в городе появились монументальные скульптуры, рассказывающие об истории города и его жителей. Примером может служить открытый в 2005 г. памятник святому Афанасию Брестскому – иегумену Свято-Симеоновского монастыря, покровителю города над Бугом, а также памятный знак (2007 год) в честь получения Брестом магдебургского права.

Среди городов современной Беларуси Брест первый получил магдебургское право. Его даровал король польский и великий князь Литовский Ягайло в 1390 г. Это означало получение Брестом определенной самостоятельности в экономической деятельности, разрешении имущественных споров, регулировании общественно-политической жизни – без участия верховной власти. На памятном знаке в виде барельефа приведён фрагмент грамоты на право самоуправления. По контуру знака идут даты. Первая 1390 г.: получение Брестом магдебургского права, а затем годы подтверждения этого права и последняя дата 1991 г. Вероятно, авторы хотели подчеркнуть, что именно в этом году Беларусь стала независимым государством.

На улице Советской «живёт» еще один интересный персонаж – летучая мышь. Она сторожит «Наказ». На свитке написано, что фонарям постановляется гореть всегда и в любую погоду. Идея скульптурной композиции «Старый фонарь» принадлежит брестскому скульптору Алексею Павлючуку, автору монументальной скульптурной композиции, посвящённой 1000-летию основания города.

Скульптурные композиции украшают не только центр города, но и городской парк, и район гребного канала.

В середине одного из озёр парка расположен небольшой островок, который украсила бронзовая скульптура «Мелодия» (по народному «Русалка») обнажённая фигура девушки, играющей на флейте.

Рисунок 3 – Памятный знак «Магдебургское право»

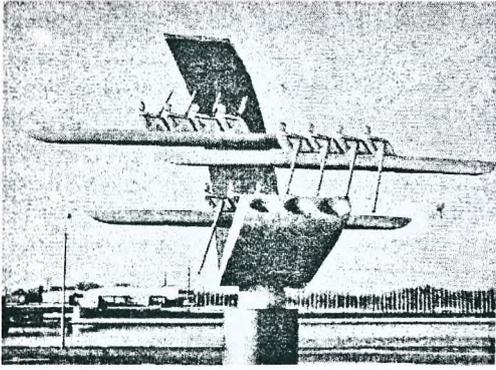

Рисунок 4 – Скульптурная композиция «Лодки»

Напротив гребного канала возвышается скульптурная композиция «К солнцу». Символ Беларуси – Аист, изображён летящим к солнцу. Скульптура работы Павла Герасименко и Алеси Гурценковой высотой около 20 метров встречает гостей нашей страны, прибывающих в Беларусь через пункт пропуска «Варшавский мост». Этим скульпторам также принадлежит авторство ещё одной композиции на гребном канале – «Лодки».

Современная монументальная скульптура создается для конкретного пространственного окружения и может быть вписана как в городской, так и в природный пейзаж. Такое произведение создается не для кабинета одного конкретного человека, а для массового зрителя.

Эксперименты скульпторов Брестчины обогащают пластический язык, вносят в решение образов неожиданность метафор, новизну эмоциональных оттенков. В целом, как это ни парадоксально, складывается впечатление, что о прошлом художники говорят языком более новаторским, а о настоящем более традиционным.

Заключение. Монументальные произведения олицетворяют время и эпоху. Замечательная черта последнего десятилетия – возобновление интереса к этому виду искусства и востребованность монументальной скульптуры практически во всех городах страны. Можно с уверенностью констатировать, что сегодня наступил некий перелом, и скульпторы вновь начинают вызволяться из «небытия» и увековечиваются в бронзе герои отечественной истории. Установка памя играть активную роль в жизни белорусских городов, где тников по-прежнему является принципиально важной градообразующей задачей, играющей большую роль в формировании городской среды.

К сожалению, жилая среда массовой городской застройки наших городов чрезвычайно бедна произведениями искусства, в отличие от исторических центров. Хотелось бы, чтобы в новых микрорайонах Бреста всё чаще появлялись монументальные скульптурные композиции и малые декоративные формы, которые украсят город и объединят его современную архитектуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крестовский, И. Монументальная и декоративная скульптура XVIII - XIX веков / Е. Петрова. – М.: Искусство, 1951.
2. Исаченко, В. Г. Монументальная и декоративная скульптура. – СПб.: Паритет, 2005.
3. Вечерний Брест №27 – 6 апреля 2011 года.
4. Вечерний Брест – 16 апреля 2008 года.
5. Брестский вестник – 29 октября 2009 года.
6. Брестский вестник – 24 сентября 2009 года.

УДК 726.71(476)(091)

Колосовская А.Н.

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ КАТОЛИЧЕСКИХ МОНАСТЫРСКИХ КОМПЛЕКСОВ БЕЛАРУСИ XVII-XVIII вв.

Исследование зодчества монашеских орденов в теоретическом плане – это систематизация знаний об архитектуре орденов монастырей, определение необходимых границ информации и сокращение объема описаний, выявление инвариантов знаний, преодоление недостатков локального подхода, уменьшение субъективизма в интерпретации культурно-религиозных процессов и их отражения в материальной культуре.

В XVII-XVIII вв. белорусские земли входили в состав федеративного государства Речи Посполитой (Rzeczpospolita), включавшего со времени заключения Люблинской унии 1569 г. и до его разделов между Пруссией, Австрией и Россией в 1772, 1793, 1795 гг. Великое княжество Литовское и Польшу. Этот период обусловлен широкомасштабной архитектурно-строительной деятельностью монашеских орденов католической церкви, доминированием в местной художественной культуре стиля барокко, а со второй пол. XVIII в. -- стиля классицизм. Монашеские ордена создавали монастырские комплексы, наиболее крупные из которых включали: костел, жилые и учебные монастырских корпуса, служебные, хозяйственные и прочие вспомогательные постройки, представляющие структуру, организованную средствами архитектуры на определенной территории и в соответствии с орденом канон.

В исследовании привлекались специальные источник-информационные материалы из области архитектуры (архивные документы и чертежи, описи, визиты и пр.), а также источники, содержащие новейшую информацию – статьи, тексты, тезисы научных трудов. Особое внимание было уделено архивному материалу, позволяющему восстановить облик сооружений, до тех или иных его перестроек или разрушений. В первой половине XIX века с упразднением монашеских орденов разрабатывались проекты перестроек монастырей с целью приспособления их под казенные учреждения, что отражено в многочисленных графических материалах. Чертежи сопровождались краткими сведениями о функциональном составе и основных параметрах помещений, что позволяет установить объемно-пространственное и планировочное решения зданий.

Методика исследования основана на *системном подходе*, базирующемся на анализе наиболее характерных примеров католических монастырских комплексов Беларуси в XVII–XVIII веках на общем историко-культурном фо-

не, включающим методы: *историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и герменевтический метод трактовки архитектурных форм.*

В целом термином «системный подход» обозначается группа методов, с помощью которых реальный объект описывается как совокупность взаимодействующих компонентов, где методы развиваются в рамках отдельных научных дисциплин, междисциплинарных синтезов и общенаучных концепций. В целом системный подход применяется к множествам объектов, отдельным объектам. Необходимость системного подхода обусловлена сложностью изучаемых монастырских комплексов, потребностью интеграцией знаний из разных областей наук. Прикладные задачи, решаемые с помощью системного подхода – это проектирование новых структур, улучшение процесса их преобразования к современным условиям (адаптации), совершенствование приемов анализа объекта и применение новой методики исследования с целью понимания или объяснения того или иного предмета исследования.

В современной науке широко применяется системный подход. Методологические основания применения системного подхода и методы исторического исследования в систематизированном виде представлены в работе И.Д. Ковальченко «Методы исторического исследования», где характеризуются особенности объекта исторического познания, проблемы источника и исторического факта. В исторических исследованиях часто применяются основы морфологического метода. Г.Ю. Любарский в работе «Морфология истории» говорит о типологическом методе, который, начинаясь со сравнения объектов, позволяет выдвигать гипотезы о новых свойствах явлений и проверять их, уточняя состав и строение групп сходства. Б.М. Лепешко, исследуя сущность исторической аналогии, ее типологию и функции, приходит к выводам, что «аналогия служит средством доказательства тех или иных исторических концепций и гипотез, выступает в качестве аргумента, а так же может быть основой для формирования методологической или конкретно-исторической теории, фундаментом научных поисков». В качестве основоположника научной методологии, скомпилированной в формуле «История искусства как история духа», вошел в историю искусствознания Макс Дворжак, проанализировавший архитектуру церкви монашеского ордена иезуитов Иль Джезу в Риме. Понятие «дух» у Дворжака – основополагающая категория, отвечающая признакам философии объективного идеализма. Искусство оценивается как явление духовной жизни в комплексе реальных идей, составляющих духовную среду какой-либо эпохи, где «...история искусства в такой же мере, как история религии, философии или поэзии, представляет часть всеобщей истории духа».

Особо следует сказать о герменевтике, которая, являясь методологией гуманитарных наук, выходит за их пределы. Знаки не обязательно являются текстовыми, но любой продукт познания выражается системой знаковых форм. Современная наука различает предметное и смысловое значение знаков, имея в виду под предметным значением сами объекты, а под смысловым – отраженное в сознании содержание предметов. Нередко слово «значение» применяется в качестве объединенного обозначения предметного и смыслового значений. Это ярко выражено в искусстве, где закономерности смыслообразования вытекают из специфически эстетического единства предметного и смыслового содержания символов – произведений архитектуры. Применение герменевтического метода в архитектуре представлено в работе И.В. Морозова.

В свете сказанного отметим, что при изучении католических монастырских комплексов Беларуси XVII-XVIII вв. следует применять совокупность методов, имеющую свою специфику, обусловленную содержательным и целевым характером исследовательской задачи, т.е. свойствами изучаемой структуры и целями ее изучения, а также историко-информационными возможностями ее решения.

Историко-системный метод предполагает выявление и исследование систем, обладающих качественной определенностью (структурно-системный анализ), а также раскрытие их взаимодействия с системами более высокого уровня (функциональный анализ). Использование историко-системного метода позволяет рассматривать формирование монастыря определенного монашеского ордена католической церкви в качестве одного из структурных уровней в рамках системы монашеских орденов католической церкви. К тому же применение историко-системного метода дает возможность изучить соотношение различных структурных уровней в рамках системы монашеских орденов католической церкви, а также исследовать взаимодействие системы и основных составляющих ее элементов в процессе их историко-культурного развития. В то же время системный анализ позволил рассмотреть стили барокко и классицизм как определенные мировоззренческие понятия и логические конструкции эстетических принципов художественного мышления эпох.

Другим специально-научным методом является **историко-генетический метод**, который основан на аналитическо-индуктивном логическом подходе. Суть этого метода состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений исследуемой реальности в процессе ее исторического движения. Историко-генетический метод направлен, прежде всего, на анализ развития, поэтому его использование дает возможность рассматривать процесс формирования архитектурно-пространственной структуры орденских монастырей во временной последовательности. Использование историко-генетического метода также позволяет выделить конкретные этапы в становлении архитектуры орденских монастырей и соотнести их с определенными этапами в процессе формообразования в европейском искусстве, в том числе развития стилистических систем (барокко и классицизма) в орденской архитектуре на общем фоне историко-культурного развития Беларуси XVII-XVIII веков.

Помимо историко-системного и историко-генетического методов, при изучении поставленных в статье проблем используется также **историко-сравнительный метод**, который позволяет на основе имеющихся фактов раскрывать сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она не очевидна; выявлять общее и качественно отличное, а также заполнять имеющиеся пробелы и приходиться к широким историческим обобщениям и параллелям. Сравни-

тельный метод необходим для научного исследования реальных объектов, когда в ходе научного описания определенной предметной области объекты анализируются с целью объединения их в типы по существенным сходствам.

Логической основой историко-сравнительного метода при установлении сходства сущностей, является аналогия. Как общенаучный метод познания, аналогия определяет умозаключение о сходстве одних признаков сравниваемых объектов на основе сходства других признаков, где круг известных признаков объекта, с которым производится сопоставление шире, чем у исследуемого объекта. В ходе аналогии определяются признаки объекта, затем производится его сопоставление с другими, в ходе которого объект описывается как часть группы, и после выявления основных черт группы выдвигается гипотеза о его свойствах и функционировании. На различных этапах исследования сравнивается морфологическое строение объектов между собой и происходит объединение сходных объектов в группы, что и является основной операцией научного метода.

Применение историко-сравнительного метода позволяет сопоставить определенные этапы, предполагающие формирование архитектурно-пространственной структуры орденовских монастырей Беларуси с соответствующими этапами во всеобщем процессе развития орденовской архитектуры и таким образом дает возможность изучить роль архитектуры монастырей монашеских орденов католической церкви в процессе становления искусства Беларуси XVII–XVIII веков. В целом историко-сравнительный метод позволил выявить общие приемы и особенности формирования архитектурно-пространственной структуры орденовских монастырей Беларуси.

По своей процедуре и целям сравнительный метод тесно связан с **историко-типологическим методом**, направленным на выявление общего в многообразии совокупности объектов и определение отличных стадий в непрерывном динамическом процессе историко-культурного развития.

В целом типологизация (типизация) является методом сущностного анализа, где выделение типов происходит на основе учета существенных черт изучаемых объектов, что требует определения качественной природы как всей совокупности объектов, содержащей типы, так и самих типов. Понятие «тип» рассматривается как модель (в данной работе – архитектурно-типологическая модель пространственной организации), отражающая признаки определенного множества явлений. Типология всегда имеет иерархический характер, предполагающий определение в моделях более низкого уровня, обозначаемых как «подтипы» и т.д.

Целью типологизации как метода научного познания стало упорядочение совокупности объектов (монастырских комплексов) на качественно определенные типы на основе присущих им общих существенных признаков. Процедура применения типологического метода состояла в выявлении и формулировании ряда общих и частных признаков исследуемых объектов, проявившихся, прежде всего, в их архитектуре, среди которых такие общие признаки, как: *единство* общей концепции планировочного и объемно-пространственного решений; определенная установленная *иерархичность* и *соподчиненность* во внутренней организации; *завершенность* решения, позволяющая установить композиционное подобие в пространственной организации. Таким образом, при типологизации решаются задачи выявления принадлежности объекта как целостности к той или иной качественной определенности в пространственном и временном аспектах.

При решении поставленных в работе задач использовались и отдельные положения **герменевтического метода**. В настоящее время герменевтика является одним из основных направлений современной философии – методологией гуманитарных наук, онтологией и универсальным способом философствования.

В целом герменевтическая логика изучает логические основания, методы и правила понимания смысла текстов (знаково-символических систем). Она основана на принципе зависимости логического метода от предмета рассуждения, на интерпретационной природе рассуждений в области герменевтики, на принципе диалогичности герменевтического мышления. В ее основе находится герменевтический круг, синтез феноменологических теорий выявления смысла с герменевтическими методами его понимания и принцип диалектического взаимодействия между объяснением, интерпретацией и пониманием. Интерпретация поставляет материал для объяснения, для работы герменевтического аппарата (логики рассуждения), приводящего к постижению смысла (пониманию). В данном исследовании метод применялся для уяснения логических оснований знаково-символических систем – как монастырского комплекса в целом, так и отдельных элементов, участвующих в формообразовании, пространственная организация которых подчинена идейной специфике каждого монашеского ордена и воплощает определенную концепцию;

На разных этапах исследования применялись разные методики:

– **на этапе сбора эмпирических данных для построения рабочей гипотезы исследования** – метод анализа отечественных и зарубежных теоретических и проектных разработок по теме; натурные исследования (фотофиксация, описания, обмеры); графоаналитический метод, основанный на анализе рукописных и иконографических материалов и выполнением на их основе схематических планов и перспективных построений монастырей; методы архитектурного и искусствоведческого анализа (соизмерения пропорций фасадов и планов, картографирование историко-архитектурных данных т.п.).

– **на этапе обработки эмпирических данных и определения рабочей гипотезы исследования** – логическое моделирование, общеисторические методы (историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический) и герменевтический метод трактовки архитектурных форм.

Памятники культовой архитектуры Беларуси XVII–XVIII веков, расположенные в населенных пунктах республики на центральных площадях и улицах, являются частью современной градостроительной среды. Использование исторических зданий предполагает определение границ допустимых изменений и преобразований. Подобные исследования необходимы для совершенствования методики архитектурного проектирования и управления восстановительными процессами по существующим культовым объектам, являющимся ценным историческим наследием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
2. Любарский, Г.Ю. Морфология истории / Г.Ю. Любарский. – М.: Товарищество научных изданий «КМК», 2000. – 449 с.
3. Лепешко, Б.М. Метод аналогии в историческом исследовании / Б.М. Лепешко. – Брест, 2000. – 192 с.
4. Дворжак, Макс. История итальянского искусства в эпоху Возрождения: курс лекций / Макс Дворжак; пер. И.Е. Бабанова. – М.: Искусство, 1978. – Т. II: XVI столетие. – 395 с.
5. Морозов, И.В. Архитектурная герменевтика: Текстологические аспекты теории архитектуры: учеб. пособие для студ. вузов спец-ти Г.11.15 «Архитектура» / И.В. Морозов. – Мн.: Пейто, 1999. – 264 с.

УДК 725.54+621.86/87

Лазовская Н.А.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОДЪЕМНОГО ОБОРУДОВАНИЯ ПРИ АДАПТАЦИИ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Согласно положениям Государственного Стандарта Республики Беларусь 2030-2010 «Среда обитания для физически ослабленных лиц. Основные положения» [1] все объекты среды обитания делятся на:

- общедоступные, т.е. объекты градостроительного или строительного проектирования (межселенная территория, населенный пункт, его часть, комплекс зданий и сооружений; отдельное здание, сооружение; его фрагмент, отдельное помещение), предназначенные для посещения и использования всеми категориями населения, в том числе физически ослабленными лицами;
- специальные, т.е. объекты градостроительного или строительного проектирования, предназначенные для проживания и/или пребывания людей со специфическими требованиями, в том числе физически ослабленными лицами;
- не доступные для физически ослабленных лиц, в том числе «объекты, представляющие историко-культурную ценность, изначально не адаптированные к возможностям физически ослабленных лиц и не поддающиеся адаптации без существенного изменения функциональных и визуальных характеристик».

Таким образом, адаптация объектов историко-культурного наследия представляет собой сложную задачу. С одной стороны, требования, принципы, рекомендации и мероприятия, заложенные в Законе «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» [2], Декларации о правах инвалидов [3], Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов [4], Конвенции о правах инвалидов [5], Государственной программе о безбарьерной среде жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2011-2015 гг. [6] в сочетании с техническими нормативно-правовыми актами в области архитектуры, строительства и стандартизации должны создавать комфортные условия жизнедеятельности физически ослабленных лиц и обеспечивать им беспрепятственный доступ к объектам социальной инфраструктуры. С другой стороны – все объекты, представляющие историко-культурную ценность на территории Республики Беларусь, изначально не адаптированы к потребностям физически ослабленных лиц, в том числе инвалидов, и априори попадают под категорию недоступных объектов, на которые не распространяются требования Стандарта. Несмотря на принятие различных документов, ситуация в РБ такова, что памятники архитектуры, в том числе реставрированные и реконструированные, остаются для инвалидов недоступными и наряду с другими проблемами препятствуют развитию как внутреннего, так и въездного туризма.

Одной из основных проблем обеспечения доступности является вертикальное перемещение. Тем не менее, существуют разработки как зарубежных, так и отечественных производителей [7, 8, 9], призванные решить данную проблему с помощью:

- установки стационарного подъемного оборудования;
- использования мобильных (сборно-разборных) систем.

Подъемники для инвалидов предназначаются для людей с ограниченной мобильностью, в первую очередь, использующих для передвижения кресла-коляски, но также с успехом могут применяться пожилыми и временно травмированными, с детскими колясками, т.е. различными категориями физически ослабленных лиц. Производятся подъемники следующих типов:

- вертикальные подъемники: открытые (без шахты) и закрытые (в шахте);
- наклонные подъемники;
- кресельные подъемники.

Вертикальные подъемники в зависимости от функционально-планировочной, объемно-пространственной и конструктивной структуры здания могут устанавливаться как снаружи, так и внутри. Внешняя установка используется в том случае, если конструктивно не представляется возможным разместить подъемник внутри помещения или, если лестница крыльца имеет большую высоту подъема, а установка пандуса из-за крутизны подъема невозможна.

Вертикальный подъемник представляет собой грузонесущую платформу, рассчитанную на подъем и спуск человека в кресле-коляске. Максимальная высота подъема платформы без шахты – до 2 м, с шахтой – до 13 м. Грузоподъемность – до 500 кг, скорость – 0,1-0,2 м/с.

Размеры платформы должны быть не менее:

- для инвалида в кресле-коляске без сопровождающего – 800 x 1250 мм;
- для инвалида в кресле-коляске с сопровождающим сзади – 800 x 1600 мм;
- для инвалида в кресле-коляске с сопровождающим сбоку – 1100 x 1400 мм.

При установке вертикальных подъемников не требуется отдельное машинное помещение, что является достоинством в ограниченном пространстве. Могут устанавливаться в приямок 50 мм или сразу на поверхность земли или на пол.

Наклонные подъемники (их еще называют лестничными) предназначены для перемещения инвалидов непосредственно по лестничным маршам. Главное преимущество наклонных подъемников – простота и легкость в использовании. Инвалиды могут пользоваться такими устройствами самостоятельно без помощи сопровождающих и посторонних лиц. Устройство наклонного подъемника для инвалидов имеет конструкцию, которая легко монтируется в уже существующем здании.

Наклонный подъемник позволяет перемещать колясочников с одного уровня на другой, не затрудняя использование лестницы по прямому назначению. После подъема, освободившаяся платформа на лестничной площадке откидывается к стене, не мешая остальным посетителям использовать всю ширину лестницы. Основное достоинство такого устройства в том, что оно практически не занимает места. До выполнения своей главной функции – технического средства передвижения с одного уровня на другой – грузонесущая платформа представляет собой плоский ящик, прикрепленный к поручням лестницы. Поручни представляют собой два ряда (верхний и нижний) металлических труб, изогнутых в соответствии с поворотами лестничного марша. В случае необходимости раскладывается и приводится в движение отдельно электроприводом, мощность которого 0,37-2,2 кВт. Устройство работает бесшумно и абсолютно безопасно. Высота подъема платформы до 8 м. Грузоподъемность – 150-220 кг, скорость – 0,1 м/с, наклон направляющих – от 15° до 45°. Размеры платформы 800 x 1100 мм (max 1000 x 1600 мм).

Кресельные подъемники, так же как вертикальные и наклонные, могут устанавливаться как внутри, так и снаружи здания. Кресельные подъемники предназначены для перемещения инвалидов без кресла-коляски и без сопровождающих лиц. Грузоподъемность до 160 кг, длина магистрали 1,5-25 м, траектория движения – наклонная с горизонтальными участками и наклонная с поворотами до 90°, радиусы поворотов от 300 до 1200 мм. Угол наклона достигает 50°. Размеры в рабочем положении 620 x 675 x 1060 мм (ширина x глубина x высота). Габаритные размеры и технические возможности кресельных подъемников, в отличие от вертикальных и наклонных, позволяют дублировать не только прямолинейную, но и криволинейную и даже винтовую лестницу.

Примеры использования различных видов подъемников в зданиях, являющихся памятниками архитектуры, представлены на рисунках: вертикальный подъемник в университете Баухауз в Ваймаре (рис. 1), наклонный подъемник в Историческом музее в Москве (рис. 2), кресельный подъемник в храме Зуба Будды в Сингапуре (рис. 3).

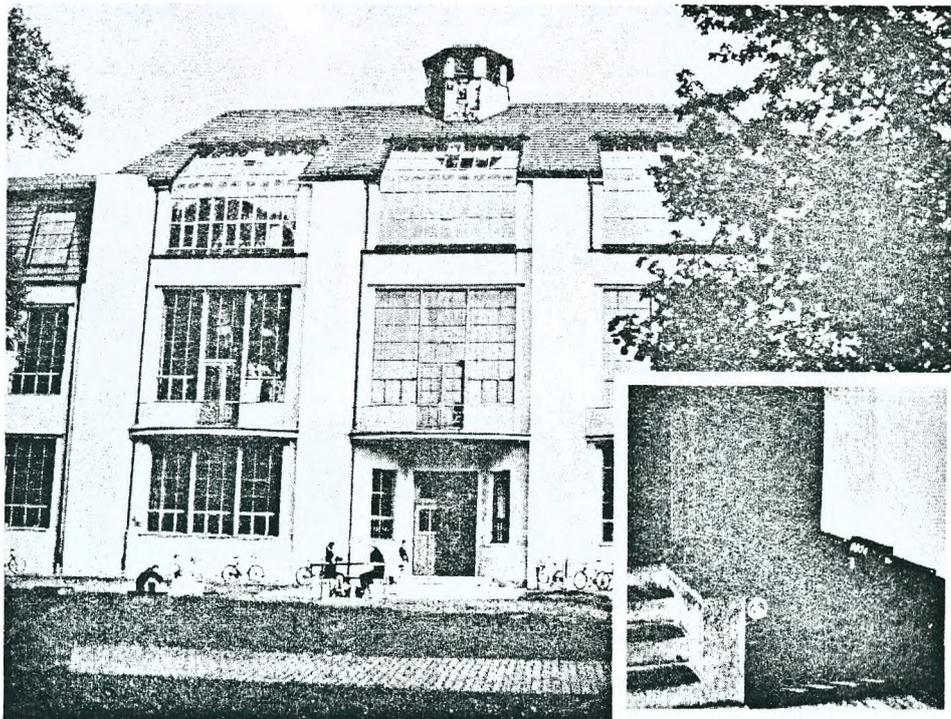

Рисунок 1 – Вертикальный подъемник в университете Баухауз в Ваймаре

Однако несмотря на ряд достоинств вертикальных, наклонных и кресельных подъемников, в случае, когда установка стационарного оборудования требует существенного изменения функциональных и/или визуальных характеристик объекта, представляющего историко-культурную ценность, могут быть использованы мобильные системы.

Мобильные гусеничные подъемники (ступенькоходы) предназначаются для передвижения человека в инвалидной коляске и использования в тех местах, где отсутствуют стационарные подъемники. Подъемник приводится в действие только при необходимости, что позволяет не нарушать аутентичность внешнего и внутреннего пространства. Грузоподъемность до 150 кг. Действует подъемник по принципу, что и гусеничный трактор. Инвалиду необходимо самому или с помощью сопровождающего закрепить кресло-коляску на устройстве и включить подъемный механизм.

Рисунок 2 – Кресельный подъемник в храме Зуба Будды в Сингапуре

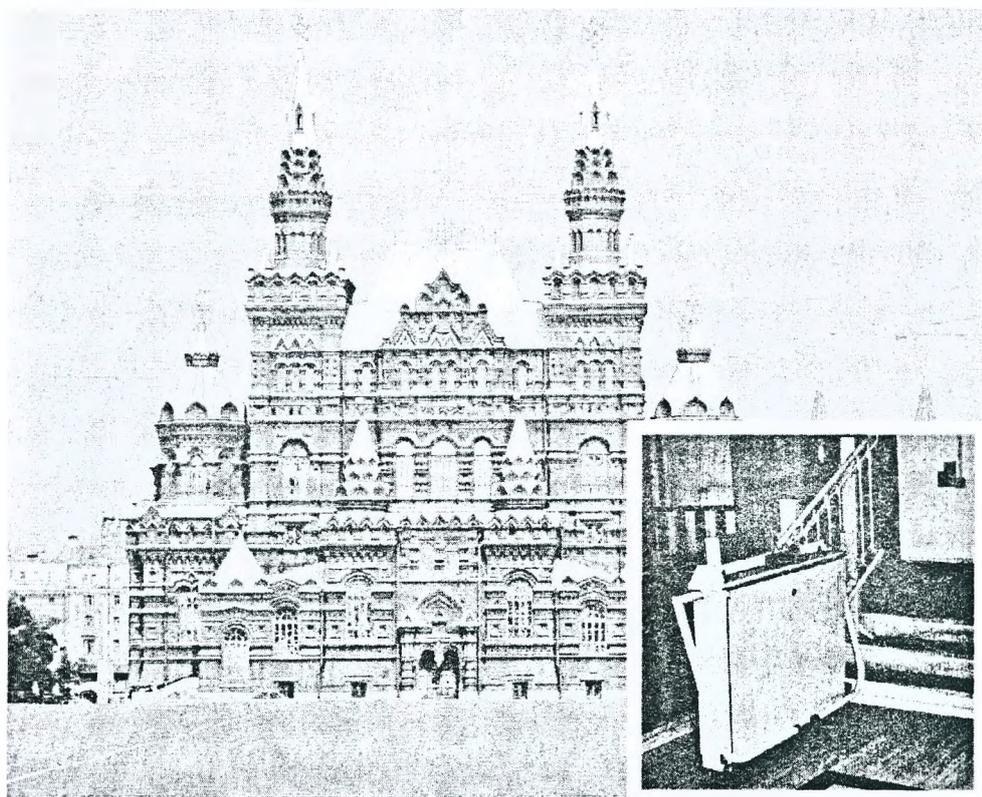

Рисунок 3 – Наклонный подъемник в Историческом музее в Москве

Телескопические и складные пандусы для инвалидных и детских колясок являются универсальным средством для спуска и подъема по лестничным маршам как в помещениях, так и на улице. Преимуществом данных пандусов является невысокая стоимость, легкость в использовании, возможность использования в любом месте, где невозможно установить стационарный пандус, не требуют монтажа. Телескопические и складные пандусы в зависимости от модели могут раздвигаться до 2,7 метров. При таких размерах пандусы способны выдерживать нагрузку до 230 кг. Уклон установки определяется соотношением высоты к горизонтальной проекции наклонного участка и для безопасного передвижения инвалидной коляски не должен превышать 1:12. Могут быть одно-, двух- и трехсекционные. Кроме дублирования лестниц, такие пандусы могут быть использованы для преодоления любых перепадов высот, например, дверных порогов. После использования пандус переводится из рабочего положения в положение для хранения, обеспечивая свободное перемещение пешеходов по лестнице.

Таким образом, можно сделать вывод, что при реставрации, реконструкции памятников историко-культурного наследия, даже в сложных природно-ландшафтных, градостроительных, строительных условиях, с помощью тех-

нических средств возможна адаптация к потребностям физически ослабленных лиц, в том числе инвалидов, использующих для передвижения кресла-коляски. В статье рассмотрены возможности решения одной из наиболее сложных проблем – вертикального перемещения. Однако принцип непрерывности среды обитания требует адаптации и других элементов этих объектов (пешеходных путей движения, горизонтальных коммуникационных путей внутри здания, общедоступных туалетов и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Среда обитания для физически ослабленных лиц. Основные положения = Асяроддзе пражывання для фізічна аслабленых асоб. Асноўныя палажэнні: СТБ 2030–2010. – Введ. 01.08.10. – Минск: Минстройархитектуры Респ. Беларусь, 2010. – 32 с.
2. О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 11 лістапада 1991 г. // Ведымаці Вярохунага Савета Рэсп. Беларусь. – 1991. – № 34.
3. Декларация о правах инвалидов. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9.12.1975 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml. – Дата доступа: 20.03.2012.
4. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. Приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 48/96 от 20.12.1993 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml. – Дата доступа: 20.03.2012.
5. Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 6/106 от 13.12.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. – Дата доступа: 20.03.2012.
6. Государственная программа по созданию безбарьерной среды жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2010-2015 годы, утвержденная постановлением Совета Министров РБ от 1 ноября 2010 г., № 1602 // М-во здравоохранения РБ [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://minzdrav.gov.by/med/min/index.htm>. – Дата доступа: 20.03.2012.
7. Подъемники для инвалидов [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: www.gomellift.com/podemniki_dlja_invalidov.html. – Дата доступа: 15.04.2012.
8. Подъемники для инвалидов [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: www.rof-lift.ru – Дата доступа: 15.04.2012.
9. Stair Lifts [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: www.traccess.com/stair_lift/ – Дата доступа: 20.04.2012.

УДК 711

Мазаник А.В.

ДОРОГАМИ КРЕСТОНОСЦЕВ: ТОРУНЬ, МАЛЬБОРК, ГДАНЬСК

В статье рассматриваются вопросы разнообразия форм презентации архитектурных объектов как опорных элементов системы туризма, предпринимается попытка выявить особенности регионального туризма на примере трех городов северной Польши, связанных общими историческими, природно-климатическими, социально-политическими, экономическими предпосылками формирования среды, однако различными способами позиционирующих свою самобытность.

Основная часть. Проблемы и тенденции развития туризма всегда выявляются при изучении способов использования рекреационного потенциала конкретного региона [1, 2]. Поселения северной Польши обладают своим чуть уловимым флером и очарованием, с одной стороны, из-за четкого последовательного применения классических композиционных приемов построения перспектив, искусственной расстановки доминант и акцентов, организации пространств, соразмерных человеку и от того комфортных, с другой стороны – бережного отношения к своеобразию природных ресурсов (рельефа, озеленения, водных поверхностей), к памятникам истории и культуры, материальному наследию, доставшемуся от предков, к векам и вешкам событий и личностей, оставивших здесь свой след.

Гданьск расположен на перекрестке ключевых для польской экономики дорог с международным значением: трасса N 1 (Гданьск, Торунь, Лодзь – Познань, Катовице – Вроцлав, чешско-германская граница), трасса N 6 (Гданьск, Слупск, Кошалин, Щецин, Берлин), трасса N 7 (Гданьск, Эльблонг – Калининград, Варшава – Краков – граница Чехии и Словакии), располагает современным аэропортом и мощным железнодорожным сообщением. В Гданьске пересекаются также морские пути, связывающие город с портами бассейна Балтийского моря и Западной Европы (в том числе паромные маршруты в Швецию и Данию).

Расстояние между Гданьском и Торунем всего 180 километров – на машине его можно проехать за 3 часа. Мальборк расположен примерно в трети пути от Гданьска (чуть более 50 км). В экскурсионных турах на посещение этих городов, как правило, отводится 1, максимум 2 дня. Часто попутно туристы успевают заехать еще и в Хэлмно, Фромборк или Ольштын, а потом, рассматривая дома фотографии, достаточно легко определяют, какой конкретно населенный пункт изображен. И это несмотря на то, что замки, крепости, дома горожан, соборы и ратуши зачастую выполнены в один исторический период, в одних традициях, в одних материалах, с применением подобных конструктивных систем, в едином стиле, в одной цветовой гамме...

Так происходит по нескольким причинам. С одной стороны, сказывается степень аутентичности объекта (от прекрасно сохранившегося в первоначальном виде, в авторском исполнении до весьма вольной реконструкции), с другой стороны, на наше восприятие влияет образ объекта, его имидж, старательно намеренно создаваемый, но далеко не всегда соответствующий истинному положению дел. Торунь позиционируется как родина Николая Коперника, город студенчества и ученых, пряничная столица Польши (несмотря на потрясающей красоты старый город, шесть постоянно действующих театров, Центр современного искусства, планетарий, около двух десятков му-

зеев, в том числе этнографический музей-заповедник), Мальборк – как город крестоносцев и место семейного отдыха, поле для реконструкции средневекового быта и натурная площадка для съемок исторических приключенческих фильмов, а Гданьск – город-защитник, город-революционер и город-терминал, янтарная столица Польши (хотя в городе, к примеру, функционирует 14 университетов и проживает около 60 тысяч студентов [3]).

Гданьск – это почти полумиллионный город, морская столица Польши, крупный экономический, научный и культурный центр, популярный центр туризма. Сегодня Гданьск является столицей Поморского воеводства и важным административным центром.

Население Торуня – около 206 тысяч человек, общая площадь – 116 км². В 2009 Торунь признан наиболее привлекательным для проживания городом в Польше, а в 2010 журнал Форбс назвал Торунь городом, наиболее привлекательным для бизнеса.

Население Мальборка – около 40 тысяч человек.

Для всех трех поселений чрезвычайно важно расположение на пересечении торговых путей и близость «большой воды». В Гданьске – это море и все, что с ним связано: старый порт, куда можно поехать на экскурсию теплоходом, знаменитая морская крепость, незабываемое Вестерплатте – арена первой битвы Второй мировой войны, романтические песчаные пляжи, на которых можно собирать янтарь, в конце концов, Журав (по-русски «журавль») – самый большой портовый деревянный кран Европы, построенный в 1444 г. и проработавший без перерыва пятьсот один год до конца Второй мировой войны, главный символ Гданьска. Расположенный в устье Вислы, над Гданьским Заливом на южном побережье Балтийского моря, тысячелетний город Ганзы в течение веков был морскими воротами Польши и сокровищницей мещанской культуры, портом, игравшим ключевую роль в товарообмене между Северной и Западной Европой и странами Центральной и Восточной Европы.

Торунь расположен в долине нижней Вислы: большая часть города размещается на северном (правом) берегу реки. Висла, в водах которой отражаются средневековые кирпичные стены готического города, дополнительно подчеркивает его красоту и своеобразие. Прибрежный бульвар, тянущийся вдоль городских готических укреплений и старинных амбаров (свидетелей процветания средневекового Торуня) к разрушенному замку крестоносцев, к Кривой Башне, заметно отклонившейся от вертикали, является любимым местом прогулок туристов и местных жителей. Расположение города рядом с крупным водным транспортным маршрутом также имело значительное влияние на развитие в этом регионе торговли. На сегодняшний образ Торуня в большой степени повлияла его запутанная история, а в особенности несколько лет правления Крестоносцев. Крестоносцы построили в Торуне крепость, потом соорудили мощный замок, ставший резиденцией ордена, а в 1264 г. выросший рядом ремесленный поселок получил городские права. Торунь вошёл в Ганзейский торговый союз, объединивший северные немецкие города: с помощью этого союза немецкие купцы, опираясь на силу рыцарского ордена, монополизировали торговое посредничество в Восточной Европе и Прибалтике. Морские суда по Висле доходили до Торуня, и в следующем веке город стал серьезным конкурентом Гданьска. Во всяком случае, здесь смогли построить самую большую ратушу среди прибалтийских городов.

Союз Городов Ганзы – это конфедерация многих городов и областей, созданная с целью проведения совместных торговых предприятий на море и суше, охраны интересов купцов, борьбы с пиратами и разбойниками. Организация Ганзы играла важную роль в международных отношениях, поскольку проводила собственную политику, заключала многочисленные союзы, вела войны и экономические блокады. В период наивысшего развития в Ганзу входило около 70 крупных и более 100 малых городов. Торговля в Ганзе не ограничивалась регионами Балтийского и Северного морей, а охватывала территорию от Португалии и Испании до России, Финляндии и Исландии. Конец мощи и величия Ганзы положило появление новых торговых путей.

Мальборк также разместился в устье Вислы, на берегу реки Ногат, и величественные кирпичные крепостные стены Орденского замка Мариенбург, отражаясь в воде, воспринимаются еще внушительнее.

Все три города четко разделяются на старую и новую части.

Торунь, подобно, например, Праге, располагает сразу двумя старинными городами: первый основан в 1233 году, второй – 30 лет спустя, в 1264. Оба города имеют регулярную планировку улиц, пересекающихся почти под прямым углом, главную площадь, главный городской собор, собственную систему оборонительных сооружений и монастырь (францисканский – в Старом городе, доминиканский – в Новом). Когда-то здесь находилась славянская деревушка Нишавка и славянская же крепость, контролировавшая переправу через Вислу, а с 1230 года здесь обосновались крестоносцы. Части города четко разделяются сохранившимися крепостными стенами со рвом. Также на берегу Вислы, на стыке Старого и Нового города находятся руины замка крестоносцев, строившегося с 1240-х годов на месте той самой славянской крепости и разрушенного два века спустя местными бюргерами, восставшими против Тевтонского ордена. В семнадцатом веке Торунь был разрушен и разграблен шведскими войсками, а затем в результате раздела Польши передан во владение Пруссии (с небольшим временным интервалом во время войны с Наполеоном, когда город входил в состав Варшавского княжества).

Местный Старый город необыкновенно живописен и включает целые улицы светских и религиозных зданий, построенных в стиле кирпичной готики: кирхи, дома патрициев, оборонительные башни и даже зернохранилища. Интересным для туристов является подсветка Старого города в ночное время. Многочисленные здания и другие сооружения, в том числе городские стены вдоль проспекта, подсвечиваются в ночное время, создавая впечатляющий эффект. Старый город с его историческими памятниками (в городе около двухсот памятников средневековья и двадцатого столетия) с 1997 года входит в Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО, а в 2007 назван одним из

семи чудес Польши. Своими готическими сооружениями из красного кирпича Старый город в Торуне несколько напоминает Гданьск, однако этот центр более спокойный и значительно тише, в отличие от приморской метрополии.

В девятнадцатом столетии Торунь, будучи одной из главных военных баз, был окружен цепью укрепительных сооружений, построенных французскими военнопленными, взятыми в прусский плен во время войны 1870 года. Несмотря на то, что фортификационные сооружения, которые «пережили» две мировые войны, представляют собой редкий образец военного строительства, туристы редко заглядывают сюда. К периоду немецкого правления относится также оригинальное нео-готическое строение из красного кирпича.

Вновь в состав Польши Торунь вошел в результате подписания Версальского договора, после Первой мировой войны. В 1939 году город был оккупирован фашистской Германией, которая использовала фортификационные сооружения под лагерь для офицеров.

В отличие от многих других исторических городов Польши, Торунь избежал значительных разрушений в ходе Второй мировой войны. В частности, Старый город остался неповрежденным, сохранил почти в неприкосновенности свою средневековую планировку и многие кирпичные готические здания, в том числе монументальные церкви, ратушу и мещанские дома. Так что все памятники архитектуры оригинальные, а не восстановлены после разрушения. Национальное географическое общество Польши называет площадь старого городского рынка с готической ратушей одной из тридцати самых красивых площадей мира.

В послевоенный период территория и численность населения города значительно возросли. Город стал важным промышленным центром, специализирующимся на производстве искусственного волокна, а его внешний вид преобразился в связи с возведением сотен бетонных многоэтажек, в которых проживает почти половина жителей Торуня. В настоящее время большинство фабрик города закрыты, а Торунь делает ставку, в основном, на развитие туризма, позиционируя себя как малую родину Николая Коперника, четвертого ребенка в купеческой семье, родившегося в 1473 г. на ул. Св. Анны (теперь ул. Коперника), хотя вся сознательная жизнь ученого прошла вдали от Торуня. В его доме организован музей, где собраны многочисленные предметы, связанные с великим астрономом. А на Рынке Старого города рядом с ратушей в девятнадцатом веке Копернику поставили памятник, написав полатыни: «Николай Коперник, торунянин, сдвинул Землю, остановил Солнце и Небо».

В Мальборке роль Старого города выполняет Орденский замок Мариенбург (нем. Ordensburg Marienburg) – самый большой в мире кирпичный замок, с начала четырнадцатого века служивший резиденцией Великих магистров Тевтонского ордена – также в списке Мирового культурного наследия ЮНЕСКО с 1997 года.

Замок был заложен в честь Девы Марии в 1274 г. и в течение четырнадцатого века многократно расширялся и перестраивался. Замок состоял из трех частей – Нижнего, Среднего и Верхнего замков. В Верхнем замке жили рыцари-монахи, в средней части находился госпиталь, квартал жилых домов, резиденция Великого магистра и размещались гости, а нижняя часть предназначалась для оруженосцев и слуг. В Нижнем замке был построен Карван (оружейная палата, где хранились пушки и иное вооружение), во внешнем дворе располагались литейная мастерская, конюшни и пивоваренный завод. Поблизости находилась часовня Св. Лоренца, в которой молилась прислуга.

За крепостными стенами оказалась территория площадью в 210 тыс. м², чтобы пройти в Верхний замок, нужно было преодолеть три моста и 14 ворот, а число обитателей замка в лучшие годы приближалось к трём тысячам. Стены замка примыкали к укреплениям города Мальборка, лежавшего на юге от крепости.

После поражения рыцарей при Грюнвальде, замок подвергся продолжительной осаде, город был разрушен, но сам замок взять так и не удалось.

В составе Речи Посполитой замок оказался только в середине пятнадцатого века, во время Тринадцатилетней войны между Польским королевством и Тевтонским орденом. Тевтонский орден пригласил богемских наемников, лучших в то время и самых дорогих. Но прошло три с половиной года войны и Ордену нечем стало платить наемным войскам. В 1456 году магистр передал замок в уплату долга наёмникам и перебрался в Кёнигсберг, а новые владельцы перепродали его польскому королю Казимиру IV.

В семнадцатом веке замок пришёл в упадок из-за нашествий шведов. Во время наполеоновских войн в Мариенбурге размещались арсенал и казармы. После раздела Речи Посполитой на живописные руины замка обратил внимание прусский архитектор Давид Жилли и опубликовал их зарисовки. Берлинские любители готики собрали средства на реконструкцию замка в 1816 году.

После Первой мировой войны замок Мальборк-Мариенбург, являвшийся символом прусского патриотизма для одних, становится символом реванша для других. В 1930-е годы сюда совершали паломничества юные нацисты.

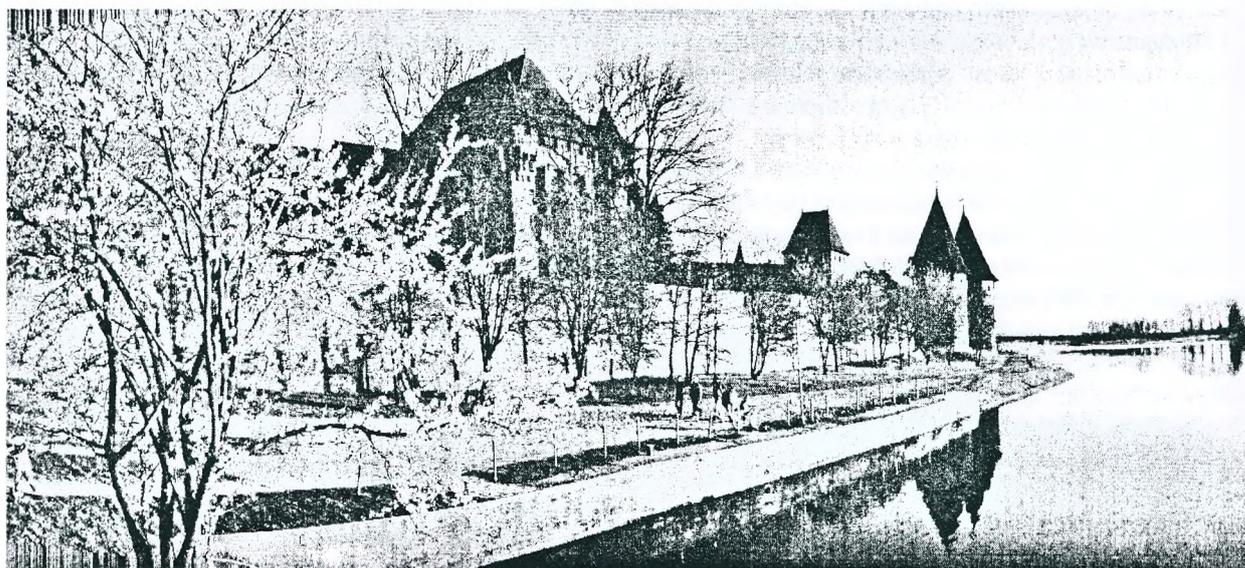
За свою многовековую историю этот готический замок был резиденцией польских и прусских королей, местом проведения приемов для высокопоставленных лиц Третьего рейха. Во время Второй мировой войны замок серьезно пострадал. В 1941 году, ожидая налетов с воздуха, служители замка из окон часовни Св. Девы Марии вынули витражи. Значительные разрушения наблюдались и в восточной части замкового комплекса (главная башня, восточное крыло Среднего замка). В марте 1945 фашисты, отступая, взорвали мосты через Ногат. После войны замок, несмотря на трудности и затраты, был восстановлен (в отличие от подобного в Кёнигсберге-Калининграде), и с 1960 года в нем функционирует музей. В залах помещены экспозиции истории замка, великолепные коллекции янтаря и изделий из него, фарфора и фаянса, мебели и украшений, старинного оружия и доспехов, проводятся торжественные собрания и концерты.

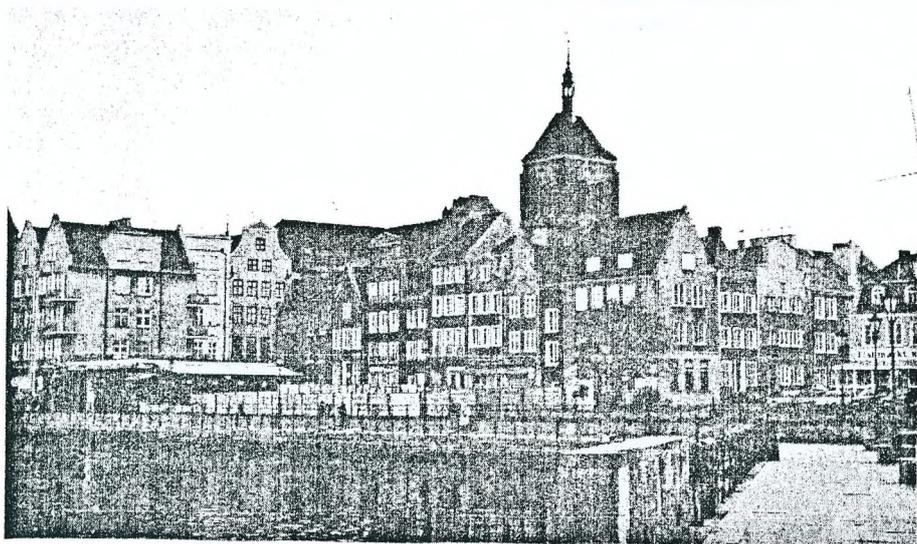
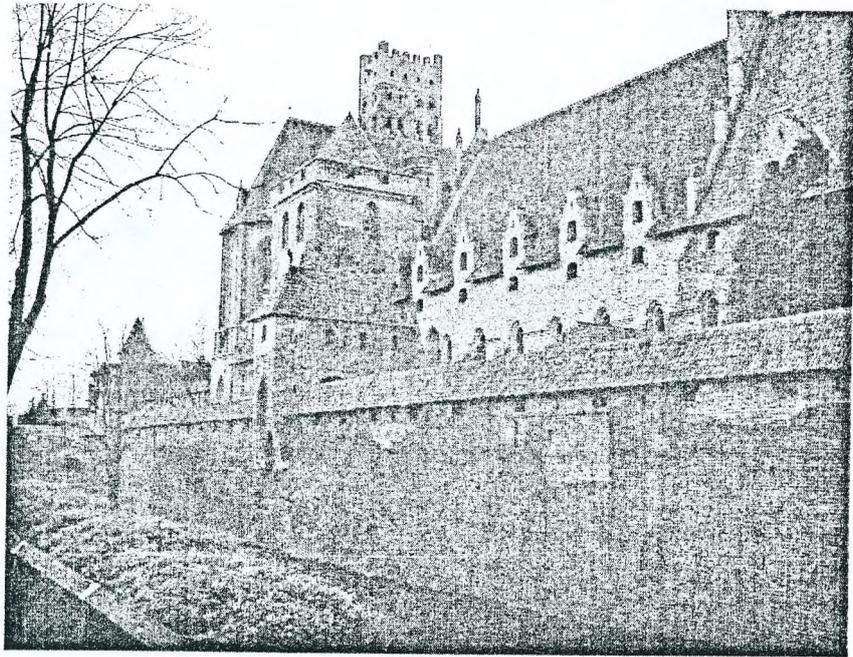
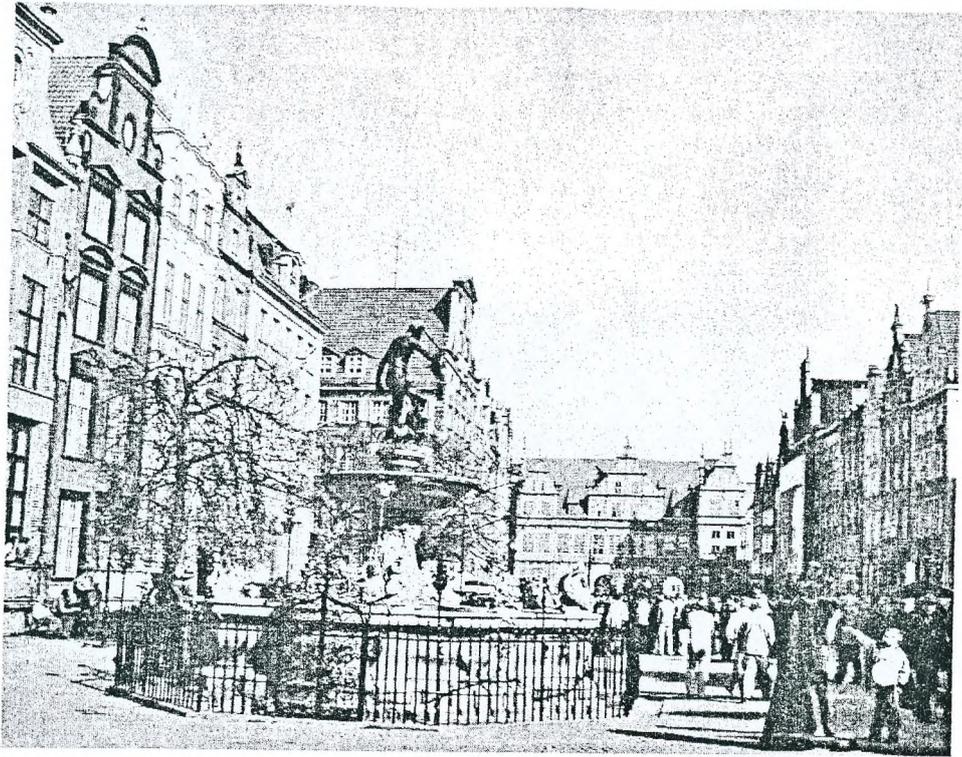
В конце войны очень сильно пострадал и город Мальборк: последние бои между войсками Германии и Советского Союза привели к исчезновению 80 % домов.

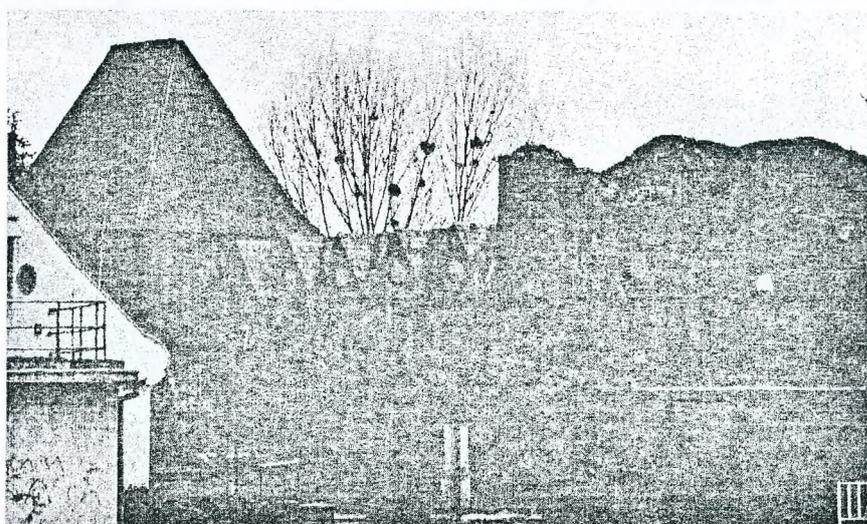
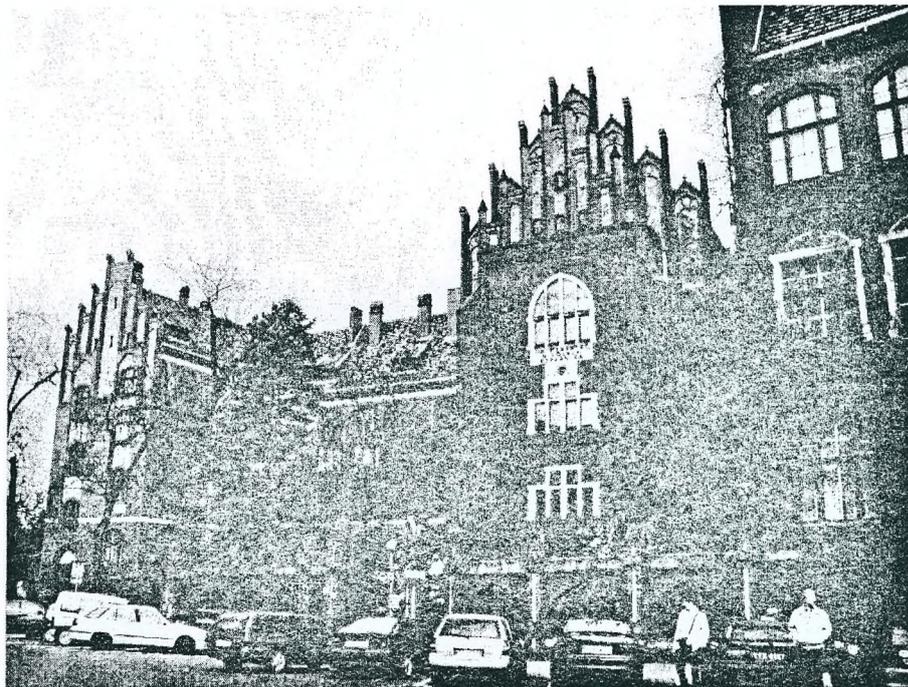
Гданьск впервые упоминается в летописи в 997 г., но поселение на этом месте существовало уже в пятом веке. В 1308 г. город был захвачен рыцарями Тевтонского ордена, присоединен к Пруссии и переименован в Данциг. После окончания Тринадцатилетней войны Гданьск был воссоединён с Польшей и ему было возвращено его первоначальное название и широкие привилегии. В результате войн в течение следующих семи веков город постоянно менял гражданство и имя.

После окончания Второй мировой войны Гданьск лежал в руинах. Девяносто процентов домов было уничтожено. Сразу же после войны, уже в конце сороковых годов, несмотря на значительные экономические трудности, в Гданьске началось восстановление Старого города. В первую очередь восстанавливали самое ценное – соборы и костёлы, дворцы и исторические улицы. Например, Марьяцкий костёл – самый важный костёл в городе Гданьске и самый большой кирпичный храм в Европе – строили сто шестьдесят лет и закончили только в 1502 г. Во время Второй мировой войны он сильно пострадал и потом был построен практически заново. Теперь он снова – главная гордость Гданьска. Процесс реконструкции не завершён до сих пор, хотя большая часть работ уже выполнена. В основном не восстановленными остаются руины зерновых амбаров на острове Складов и острове Оловянка. Все, что сегодня выглядит старым, было или реконструировано или попросту построено заново.

На мой взгляд, каждый из этих городов ярко демонстрирует свое отношение к туризму и место, отводимое туристам в структуре города. Мальборк полностью отстраняется от сопровождения туристов за пределами замка: Вы с трудом найдете в городе место для трапезы или постоя. Гданьск, скорее всего в силу объективных причин – размеров, наличия и важности других функций – тоже достаточно жестко ограничивает присутствие туристов пределами Старого города, причем, в зависимости от сезона, дня недели, времени суток, набор аттракций и услуг там значительно варьируется. А вот Торунь распахивает свои двери путешественникам, тактично вплетая систему обслуживания в ткань города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лазовская, Н.А. Тенденции развития экологического туризма с использованием рекреационного потенциала региона // Н.А. Лазовская, А.В. Мазаник – Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно-туристское использование: материалы 1-й Междун.науч.-практич.конф. / под ред. Н.Н. Власюка. – Брест, БрГТУ, 2008. – С.22-25
2. Агранович-Пономарева, Е.С Туризм на приграничных территориях в странах Средиземноморья / Е.С. Агранович-Пономарева, Д.В. Агранович, А.В. Мазаник // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно-туристское использование: сб. докладов 2-й Междун.науч.-практич.конф. / под ред. Н.Н. Власюка. – Брест, БрГТУ, 2010. – С. 98-102.
3. Агранович-Пономарева, Е.С. Университет глазами архитектора / Е.С. Агранович-Пономарева, Д.В. Агранович, А.В. Мазаник // Архитектура и строительство. – 2007. – №5. – С. 48-51.

711.455 (476.7)

Нитиевская Е.Е.

УСАДЕБНО-ПАРКОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК ОБЪЕКТЫ ТУРИЗМА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Развитие туризма рассматривается как одно из ключевых направлений диверсификации экономики Республики Беларусь. Наибольшим интересом у отечественных и иностранных туристов пользуются оздоровительный, познавательный, сельский, спортивный, рекреационный и транзитный туризм. Познавательный туризм представлен разнообразием исторических, культурных, архитектурных, культовых памятников.

На Брестчине 766 памятников внесены в государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Из них 11 памятников – международного значения, а Беловежская пуца и Дуга Струве включены в список всемирного наследия Юнеско.

В Брестской области ключевой (38% площади и около 60% населения) выступает транзитно-туристская зона "Брест – Барановичи – граница области", охватывающая 7 административных районов, расположенных вдоль трансъевропейского коммуникационного коридора № 2, а также города областного подчинения Брест и Барановичи.

Институтом УП «БелНИИПградостроительства» выполнено 6 генеральных схем туристских зон, включая туристские зоны "Еврорегион "Беловежская пуща" и "Пинское Полесье", расположенные на территории Брестской области, была проведена оценка туристско-рекреационного потенциала (ТРП) для развития ключевых видов туризма (познавательный, экологический, лечебно-оздоровительный туризм) [1].

Различные районы данной транзитно-туристской зоны отличаются четко выраженной специализацией, т.е. высокий или довольно высокий туристско-рекреационный потенциал характерен только для одного вида туризма. Высоким потенциалом развития экологического туризма отличаются Ивацевичский и Березовский районы. Это обусловлено наличием на их территории большого количества озер, высокой лесистостью, широким распространением ООПТ. В Жабинковском районе сложились благоприятные условия только для развития лечебно-оздоровительного туризма (довольно высокий потенциал) за счет того, что на его территории расположено большое количество оздоровительных учреждений организаций и предприятий г. Бреста (зона отдыха "Сосновый бор"), имеются запасы лечебных минеральных вод.

Наименее благоприятные условия для развития изучаемых направлений туристской деятельности сложились в Ляховичском и Кобринском районах. Это связано с низким уровнем развития туристской инфраструктуры, недостаточным количеством объектов ИКЦ, музеев (Ляховичский р-н), ограниченным распространением ООПТ, высокой степенью освоенности ландшафтов (Кобринский р-н).

Мероприятия по развитию туризма должны быть направлены на создание для каждого района своего бренда, который уже при въезде в район настраивал бы туриста определенным образом, и турист, у которого есть свои особые рекреационные потребности, смог бы их реализовать в конкретном районе.

Процессу специализации районов на определенном виде туризма может способствовать реклама конкретных объектов – символов данного района, к примеру, уже сейчас можно предложить такие направления: "Барановичский район – земля старинных усадеб", "Ивацевичские болота – нетронутый уголок Европы", "Березовский район. Красоты Споровских озер", "Кобринщина – земля боевой славы" и т.д. [1].

Обращая внимание на туристский потенциал дворцово-парковых комплексов и старинных усадеб, следует заметить, что это совокупность культурно-исторического и природного потенциала этих объектов. Определение перспективности дворцово-парковых ансамблей как туристских объектов связано с наличием таких характеристик, как древняя история, наличие инфраструктуры и выгодное географическое положение, ценные природные ландшафты, уникальность и сохранность архитектурных сооружений и прилегающих к ним паркам и садам.

На сегодняшний день сохранилось около 1200 исторических усадеб и их фрагментов, из них более 300 перспективны для восстановления и современного использования. Однако согласно "Списку материальных объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) республиканского значения РБ", под охраной государства находится только 175 исторических усадеб [2].

Огромное историческое и культурное значение для Брестской области имеют родовые усадьбы. В настоящее время можно выделить 172 наиболее сохранившихся усадьбы. По материалам Института экспериментальной ботаники имени В.Ф. Купревича НАН Беларуси, в Брестской области из 182 объектов садово-паркового искусства Беларуси конца XVIII - нач. XIX вв. были утрачены 55. Сохранилось 42 парка республиканского значения, среди них самые известные – это Коссово, Полонечка, Кобрин, Ружаны, Пружаны, Крошин, Маньковичи, Луково, Великорита. 85 парков имеют статус парков местного значения [3].

Наиболее известными усадьбами, на которых сейчас ведутся реставрационные и восстановительные работы, являются Коссовский замок, Ружанское поместье Сапег и Скоковский дворец Немцевичей. Из бюджета выделяются средства на восстановление усадьбы Наполеона Орды в урочище Красный Двор. Также прорабатывается проект восстановления усадьбы Достоевских в Достоево Ивановского района. На реконструкцию исторических памятников в 2012 году выделено около 10 миллиардов рублей.

В результате длительного исторического синтеза складывалась не просто усадьба, а формировался своеобразный ландшафт. Культурному ландшафту в Европе, возникшему в результате сплетения исторических событий, постоянной работы по обработке земли и организации пространства, в соответствии с Конвенцией о всемирном наследии, уделяется особое внимание. Ландшафты все более идентифицируются с культурным наследием, которому угрожает урбанизация, оцениваются как наши жизненные условия сегодня и в будущем, как капитал, культурное, экологическое и экономическое наследие. С 1993 г. культурные ландшафты вносятся в Список всемирного наследия, что позволяет надежнее защитить «совместное творение человека и природы». Каждая страна учитывает и защищает то наследие человечества, которое находится под угрозой и следит за культурными ландшафтами, чтобы они были достойно признаны на национальном и международном уровнях [4].

Усадьбы Берестейщины – это жизнь, деятельность и творческое вдохновение Льва Сапег и Станислава Августа Понятовского, Наполеона Орды, Юлиана Немцевича и Тадеуша Костюшко, Романа и Хелены Скирмунтов, Элизы Ожешко, Марии Родзевич и многих других замечательных личностей. Старинные парки, которые имели в усадьбах эстетическо-философское значение, являлись, по выражению Д.С. Лихачева [436], попыткой создания некоего счастливого окружения, идеального мира взаимоотношений человека и природы [5].

Коссовский усадебно-парковый комплекс входит в список приоритетных объектов Брестской области и всей страны и является средоточием ценнейшего исторического, культурного, архитектурного и градостроительного наследия. Коссово – небольшой город в Ивацевичском районе Брестской области. Поблизости от него, в так назы-

ваемом урочище Меречевщина, в середине XIX в. был возведен величественный дворец в неоготическом стиле. Вокруг него располагался живописный парк – один из крупнейших террасных парков Беларуси. До настоящего времени сохранились лишь стены этого уникального памятника. Дворец в Коссове относится к “регулярным”, поскольку имеет симметричную композицию. Этот памятник – яркий пример соединения классических приемов в планировке и композиции с элементами неоготики в архитектурном оформлении. Он был возведен по проекту архитектора Франтишка Ящольда (начало строительства – 1838 г.).

Выбор места для строительства Коссовского дворца весьма удачен: на небольшой возвышенности, окруженной хвойным массивом и водоемами. Примерно в то же время, когда началось возведение дворца, или чуть позднее перед ним разбили парк (с юго-западной стороны дворца). Польский исследователь датирует его серединой XIX в. и называет имена создателей – Елена Потворовская и Войцех Квятковский. До настоящего времени парк не сохранился, хотя на его территории остались некоторые экзоты [6].

Коссовский парк, отмечает в своей работе “Садово-парковое искусство Белоруссии” А.Т. Федорук, является крупнейшим террасным парком на территории нашей республики. Террасирование как способ обработки рельефов, позволяющий раскрыть наиболее полно композицию парка, пришло на наши западные земли еще во 2-й половине XVI в. из Италии и использовалось до конца XIX в. Чаще всего на нескольких уровнях оформлялись в виде нешироких полос речные террасы различной степени крутизны. Дворец или усадьба находились у гребня верхней террасы.

Учитывая, что период формирования ансамбля – 40-е гг. XIX в., можно обозначить стиль партеров и террас как “романтический”, хотя сам дворец выполнен в неоготике.

Дворец и “регулярно-романтический” партер с террасами окружал естественный смешанный лес. Такое соседство способствовало созданию пейзажной части парка, перетекающей в открытый ландшафт с глубокой воздушной перспективой.

Некоторые исследователи, например, Г. Цёлек рассматривают Коссовский парк как возврат к итальянскому барокко. Восточный склон холма, на вершине которого находился дворец, был обработан в виде террас, расположенных амфитеатром и усиливающих таким образом величие здания. Перепад между первой и второй террасами достигал 5 м. На них функционировали фонтаны. От подножья второй террасы в сторону города был высажен хвойный лес.

С юго-запада перед дворцом располагался небольшой партер (парадная часть парка), имевший симметрично-осевое построение и регулярную планировку. Он был оформлен декоративными кустами и окружен полукольцевой дорожкой. По оси дворца к партеру вела подъездная дорога. Окружение центральной композиции парка (и партера перед ним) было пейзажным – в нем использовалось около 150 видов различных деревьев. Вьющиеся растения украшали каменные стены здания. По свидетельству старожилов Коссова, парк выглядел весьма живописно: на склонах росли розы, тюльпаны, кусты сирени. Здесь была построена оранжерея, в которой выращивались экзотические растения: виноград, фиги, финики и др.

Коссовский дворцово-парковый ансамбль являет собой один из уникальных примеров синтеза прекрасной архитектуры здания и не менее уникального приспособления существующего и грамотно созданного искусственного ландшафта, который возвеличивает архитектуру. К сожалению, время в значительной степени затронуло внешний облик дворца и изменило территорию парка.

В настоящее время выполнена (частично) проектная документация на реставрацию дворца, продолжается разработка проектной документации на приспособление его под общественно-культурно-туристический центр (исполнитель – проектная организация филиал “Брестреставрацияпроект” ОАО “Брестреставрация”) [6].

Отмечая значение усадебно-парковых комплексов Брестской области для развития туризма, необходимо отметить то, что памятники истории и культуры являют собою вклад белорусского народа в культурную сокровищницу мировой цивилизации. Степень их сохранности и уровень благоустройства благоприятствуют развитию международного туризма [7].

В 2012 году предполагается расширение перечня и объема оказываемых дополнительных услуг на объектах показа, комплексное обустройство туристско-экскурсионных маршрутов, привлечение инвестиций в развитие объектов, прежде всего придорожного сервиса, гостиниц, кафе, кемпингов, мотелей. Продолжится работа по созданию туристско-информационных центров в крупных городах области. Только в этом случае транзитно-туристская зона “Брест – Барановичи – граница области” станет действительно неповторимой туристской зоной Беларуси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колендо, Е. Туристско-рекреационный потенциал транзитно-туристской зоны “Брест – Барановичи – граница области” / Е. Колендо, П. Головки // Архитектура и строительство. – № 2008 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ais.by
2. Потаев, Г. Ревитализация исторических усадеб как культурно-туристских объектов / Г. Потаев, Н. Власюк // Архитектура и строительство. – № 4, 2005 г. – Режим доступа: www.ais.by – Дата доступа: 15.04.2012.
3. Гаранович, И.М. Проблемы сохранения и перспективы использования старинных парков Беларуси / И.М. Гаранович, С.Е. Булыко, М.Н. Рудевич // Отчет о НИР лаборатории флоры и систематики растений Института экспериментальной ботаники им. В.Ф.Купревича НАН Беларуси [Электрон. ресурс]. – 2011. – Режим доступа: www.gardener.ru/docs/konf2011/14.doc – Дата доступа: 15.11.2011.
4. Федорук, А.Т. Садово-парковое искусство Беларуси / А.Т. Федорук. – 2-е изд. – Минск, 1989. – 284 с.
5. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины. – 2-е изд. – Мн.: Беларуская энцыклапедыя, 2006.
6. Казаков, В. Коссовский ансамбль: дорога к осознанию... // Архитектура и строительство. – № 2, 2010 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ais.by – Дата доступа: 15.04.2012.
7. Локотко, А.И. Историко-культурный и природный потенциал Беларуси – основа СЭЗ «Золотое кольцо Беларуси» [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: www.local-region – Дата доступа: 15.04.2012 [http // www.kolaby.ru/doc/kola/local-region/doc](http://www.kolaby.ru/doc/kola/local-region/doc)

ТРАНСПОРТНЫЙ ТЕРМИНАЛ – КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАбельности НАЦИЙ

Введение. В последние десятилетия в Европе, да и во всем мире, четко выражается тенденция, направленная на глобализацию мировой системы сосуществования сложившихся отдельных государств – то есть идет постепенное объединение групп государств в некое большое сообщество, стирание политических и экономических границ между этими государствами, объединение экономик и принятие единой денежной единицы, единой конституции. Все это влечет за собой изменения транспортной инфраструктуры этих государств, увеличения количества и качества взаимоотношений между корпорациями, компаниями, фирмами и отдельными гражданами. Для ускорения этих процессов группы государств, а если точнее назвать, ближайшего к нам соседа – страны Европейского Союза, все более нуждаются в скоростных транспортных системах и узловых терминалах, обслуживающим эти транспортные системы для продолжения выполнения глубокой интеграции.

Основная часть. Как следствие этих процессов нами выдвинута идея создания первого ТРАНСПОРТНОГО ТЕРМИНАЛА на территории РБ на границе двух созов – ЕЭС и ЕвроАзЭС, строительство которого предполагается начать неподалеку от г. Бреста в районе деревни Новосады, севернее на 1550 м еврошоссе М-1 (Е-30).

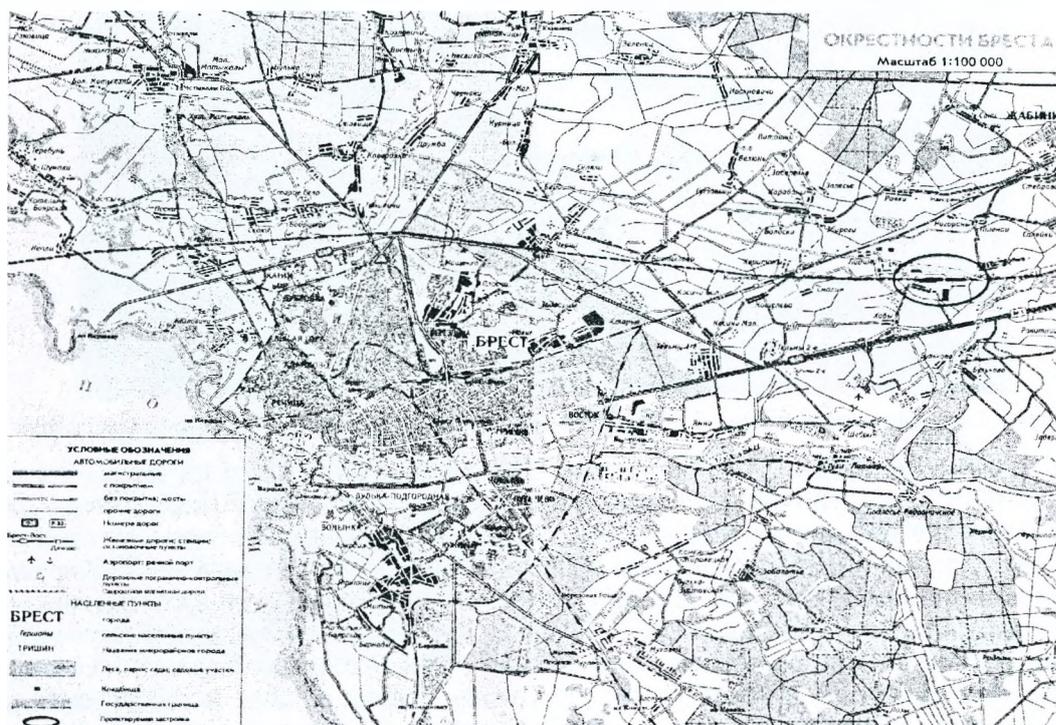

Рисунок 1 – План-схема г. Бреста и место предполагаемого размещения транспортного терминала

Расположен будет в выгодном географическом положении – в самой западной части нашей республики. А если рассматривать идею через призму союзного государства с Российской Федерацией, то этот проект является ключом к глобальным транспортным коммуникациям, дающим новый импульс в перемещении огромных людских и грузовых потоков, тем самым сближающим страны и континенты и являющимся неким новым подобием Великого шелкового пути, позволившего сблизить народы и донести их культуру из одного конца планеты в другой. Реализация данного проекта позволит всем странам бассейна Балтийского моря воспользоваться услугами речного безопасного пути для самого дешевого перемещения своих грузов через Вислу – Буг – Днепро-Бугский канал – Днепр, в страны Черноморского бассейна и далее в страны Средиземноморского бассейна или же через Азовское море – Дон – Волгодонский канал – Волгу в страны Каспийского моря. Наряду с речным транспортом через "ТРАНСПОРТНЫЙ ТЕРМИНАЛ" пройдет монорельсовая дорога, по которой будут перемещаться поезда на магнитной подушке.

Создание вакуум-оболочек вокруг монорельсов позволит значительно увеличить их скорость по сравнению с обычными монорельсовыми поездами, используемыми сегодня в Германии, Японии, США и Китае. Прототип монорельсового поезда передвигается от г. Москвы до аэропорта Шереметьево (расстояние 47 км).

Скорости этих поездов уже на сегодняшний день достигают более 500 км/час. Однако стендовые испытания таких поездов в вакуумном тоннеле показали, что скорость здесь может быть ничем не ограничена, а это значит, что перемещение вагонов будет осуществляться со скоростью самых быстрых самолетов и более, при этом более безопасной и контролируемой, так как поезд обхватывает монорельс с обеих сторон. Это позволит многократно увеличить пропускную способность людских и грузовых потоков. Большие скорости позволят привлекать рабочую силу из разных регионов планеты в те места, где это востребовано, при этом нагрузка на мегаполисы не будет такой острой с проблемой предоставления жилья для проживания востребованных специалистов. На работу можно будет

ездить ежедневно за 800...3500 км. Ведь это расстояние можно будет преодолеть всего за час – полтора. Для сравнения можно привести пример. Для поездки в г. Москву из г. Бреста необходимо потратить в среднем 30 минут до вокзала и 12...14 часов поездки на железнодорожном транспорте плюс 45...60 минут до места назначения.

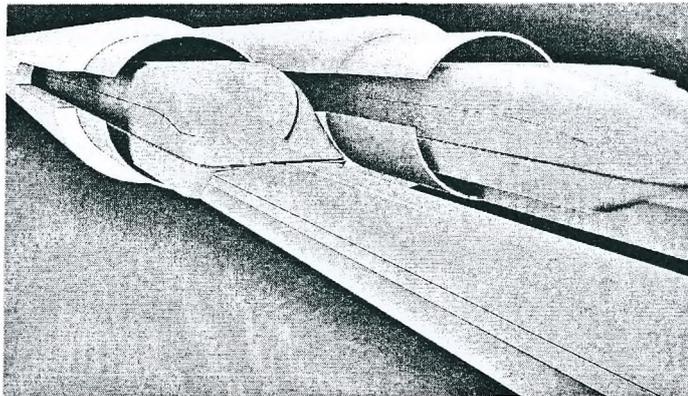

Рисунок 2 – Прототип вакуум-тоннелей для скоростных поездов на магнитной подушке

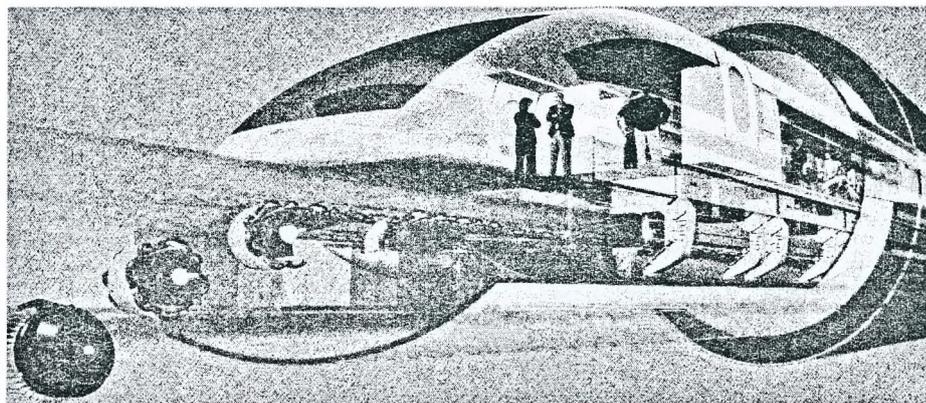

Рисунок 3 – Конструктивный разрез с функциональной схемой привода вагона на магнитной левитации

На поезде на магнитной подушке это расстояние можно преодолеть за более короткое время – это время поездки до ТРАНСПОРТНОГО ТЕРМИНАЛА до 25 минут, время в дороге около 50 минут и время поездки по г. Москве 35...55 минут, что в итоге дает нам экономию 11...13 часов времени. Кроме этого, при перевозке одного пассажира до Москвы в вагоне поезда на магнитной подушке выбросы углекислого газа, оксидов натрия и прочих вредных веществ в 112 раз ниже, чем при перевозке того же пассажира легковым автомобилем и в 57 раз ниже, чем автобусом, а при перевозке железнодорожным вагоном – в 29 раз. Это значительно снизит экологическую нагрузку на атмосферу планеты и приостановит разрушение озонового слоя Земли. Поездка до Владивостока без промежуточных остановок займет чуть более 4-х часов. Конечно, для разгона поездов до таких скоростей необходимо иметь колоссальный источник электроэнергии в момент набора скорости и дальнейшего передвижения, а также для поддержания вакуума в тоннеле. Для этого предполагается верхнюю часть оболочки трубы, по которой будет перемещаться поезд, покрыть солнечными батареями для восполнения экологически чистой электроэнергии. Кроме того, при торможении поезда часть затраченной электроэнергии опять же возвратится в электрическую цепь. Вакуум – тоннель будет иметь двойной монорельс для движения в двух направлениях и будет располагаться на высоте от 4.7 м до 12 м над уровнем земли, в зависимости от рельефа местности, по которому ему придется пролетать.

Движение поездов будет абсолютно бесшумным и доставит большое удовольствие пассажирам, наслаждающимся быстрой сменой панорам и видов местности.

Этими же монорельсовыми путями, вслед за пассажирскими поездами, будут курсировать и грузовые поезда, которые быстро будут доставлять столь необходимые народному хозяйству многих государств грузы первостепенной важности.

Тоннели будут плавно входить в ТРАНСПОРТНЫЙ ТЕРМИНАЛ, расположенный неподалеку от г. Бреста в районе д. Новосады, вблизи Брестского аэропорта, а также неподалеку от Евроавтомагистрали Е-1 и железнодорожных путей, проходящих от побережья Атлантического до побережья Тихого океанов. ТРАНСПОРТНЫЙ ТЕРМИНАЛ включает в себя здание вокзала, объединяющего в себе функции речного пассажирского порта, принимающего суда класса река-море, пассажирского монорельсового вокзала, принимающего поезда на магнитной левитации (магнитной подушке), автовокзала, способного одновременно принять большое количество прибывающих пассажиров и быстро их доставить разногабаритными автобусами до г. Бреста или же к ближайшим населенным пунктам. В ТРАНСПОРТНЫЙ ТЕРМИНАЛ входят также речной грузовой порт, предназначенный для быстрой разгрузки и загрузки судов. Для нормального функционирования ТРАНСПОРТНОГО ТЕРМИНАЛА создана инфраструктура коммуникаций – это система транспортных развязок, подъездных путей и дорог, связанных с существующими магистралями. Это создание новых мостов, транспортных площадок и стоянок, подводка сетей электро- и водоснабжения,

сетей канализации и очистки сточных и ливневых вод. Это многоступенчатая система перехвата случайных выбросов в реку углеводородных и химических продуктов со складов и стоянок, речных причалов и парковок автотранспорта. Для обхода г. Бреста решено проложить канал немного севернее самого города, чтобы исключить нагрузку на реку Муховец в черте города. Прямой канал сократит путь к реке Буг и далее в реку Вислу. В перспективе ТРАНСПОРТНЫЙ ТЕРМИНАЛ будет иметь сеть деловых центров, примыкающих по периферии с перерастанием их в отдельные микросити со своими гипермаркетами и развлекательными центрами, привлекающими к себе заинтересованных потребителей.

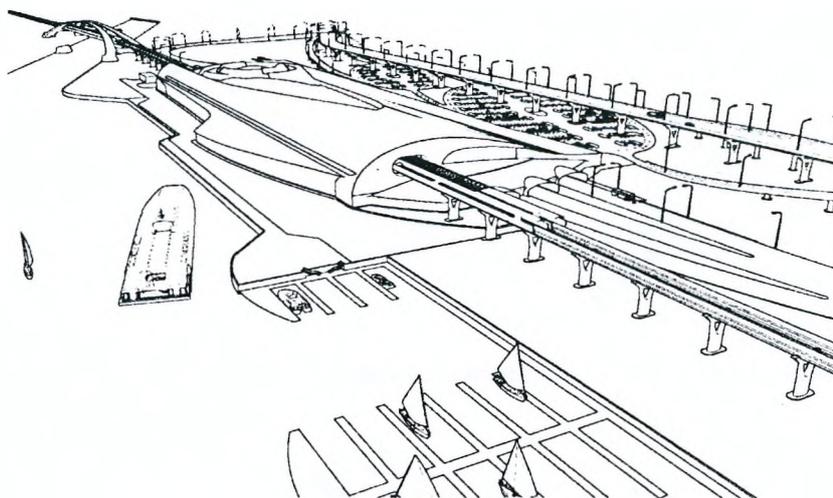

Рисунок 4 – Вид на вокзальный комплекс со стороны речной пристани

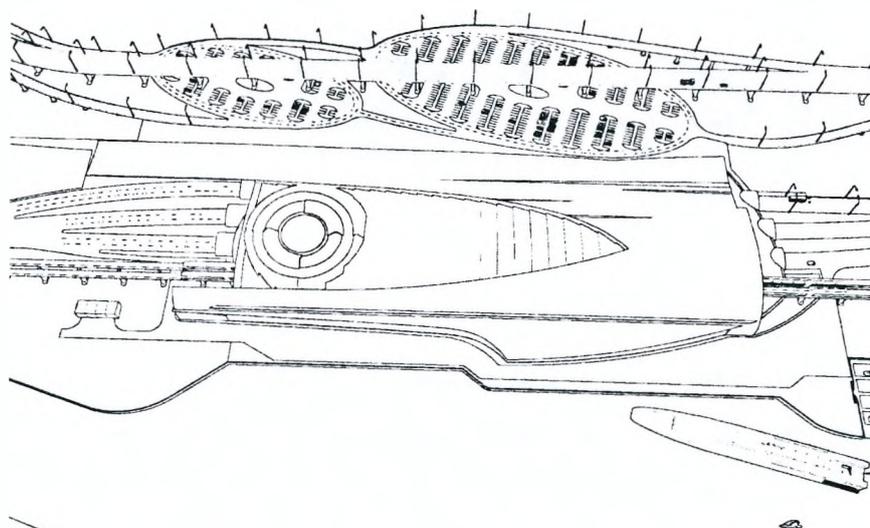

Рисунок 5 – Вид на вокзальный комплекс и речную пристань с высоты эстакады

ФУНКЦИОНАЛЬНО – ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Вокзальный комплекс рассчитан на прием и отправку пассажиров, пользующихся речными судами и поездами на магнитной левитации. Пассажиры речных судов, прибывающие с европейского направления, попадают в зону таможенного оформления и перемещаются к поездам на магнитной левитации для дальнейшего продолжения пути в скоростном режиме к пункту назначения. Если их конечная цель г. Брест, то они могут воспользоваться услугами автомобильного транспорта от автобуса до автомобиля, взятого напрокат, или такси, ожидающих их на парковочных стоянках и по первому же сигналу подъезжающих к нижнему парковочному ярусу, где происходит посадка. Далее автотранспорт через систему развязок и мостов устремляется в нужном направлении.

Пассажиры речных судов, пожелавшие продолжить путь речным транспортом, продолжают путь по реке Мухавец до слияния ее с Днепровско-Бугским каналом и далее по реке Припяти, реке Днепру могут плыть до самого Черного моря. Таким же образом речные суда от побережья Черного моря могут проплыть этот путь в обратном направлении. Пассажиры в вокзальном комплексе пройдут таможенное оформление и поплывут далее в западном направлении по реке Буг и реке Висле до побережья Балтийского моря. Движение поездов на магнитной левитации происходит по монорельсу, в котором устроены шины, индуцирующие управляемое движущееся магнитное поле, способное выталкивать или поддерживать платформы-вагоны с большой загрузкой на высоте 12...15 мм от поверхности. Не обладая силой трения о поверхность, такие поезда развивают скорость до 535 км/час. Но при этом впереди транспортного средства возникает воздушное уплотнение, сравнимое по плотности с упругой металлической пружиной. Для ликвидации такого явления нами было предложено разместить транспортное средство в вакуум – обо-

лочку, где вакуум образуется за счет откачки воздуха. В таком тоннеле скорость транспортного средства не ограничивается. Однако к такому пассажирскому вагону предъявляются требования как и к космическому кораблю. Поэтому в тоннеле через определенное расстояние устанавливаются шлюзы для разделения вакуума и существующего воздушного пространства.

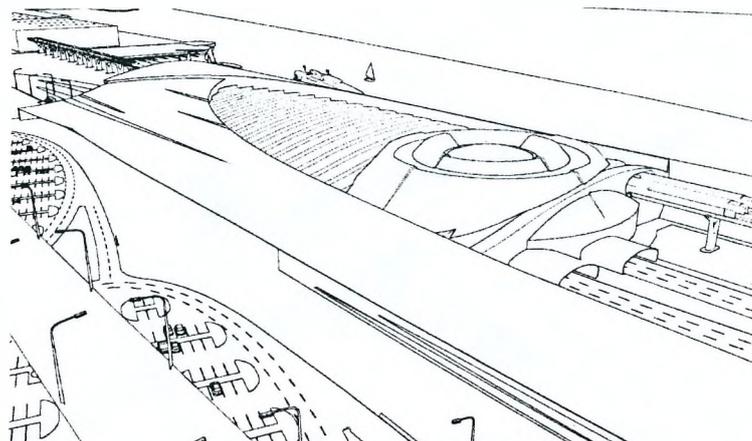

Рисунок 6 – Вид на вокзальный комплекс и речную пристань с высоты эстакады

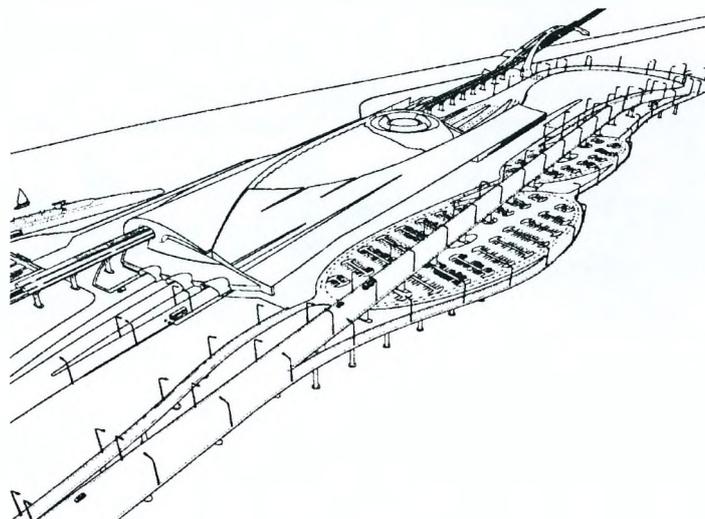

Рисунок 7 – Вид на вокзальный комплекс и речную пристань с высоты эстакады

При подъезде к вокзалу поезд попадает в шлюзовую камеру, где в вакуумный тоннель подается воздух. Давление выравнивается. Двери открываются и из поезда выходят пассажиры. На их место заходят другие пассажиры. Двери плотно закрываются. Поезд въезжает в тоннель. Шлюз закрывается. Из шлюзового тоннеля выкачивается воздух до минимального его содержания. Открываются шлюзовая камера и поезд въезжает в вакуумный тоннель, где он бесшумно набирает огромную скорость. Пассажиры поездов на магнитной левитации проделают такой же путь гораздо быстрее, однако при сохранении границы между странами ЕС и СНГ им предстоит пройти таможенное оформление и только после этого продолжить намеченный путь. На вокзальном комплексе, несмотря на то, что два вокзала – речной вокзал и вокзал поездов на магнитной левитации расположены в одном здании смежно, людские потоки организованы таким образом, чтобы исключить их пересечение и смешение. Для этого разработаны такие мероприятия, как разделение потоков и направление их по пунктам назначения, по востребованности пассажирами того или иного вида транспорта, сложная система эскалаторов и пандусов, переходных галерей и тоннелей, система быстрого эвакуационного удаления пассажиров при чрезвычайных ситуациях.

Для комфортного пребывания пассажиров на вокзальном комплексе сформированы и подобраны разнообразные типы помещений, способствующие временно разместить людей в трансформирующемся зале, где можно организовать просмотр концерта или кино, организовать питание в ресторане, кафе и барах – в зависимости от потребностей и возможностей каждого человека. Здесь же возможно организовать временное пребывание в отдельных залах небольших групп людей, их медицинское обслуживание, при необходимости. В вокзальном комплексе предусмотрено размещение матерей с малолетними детьми и в случае возникновения проблем с их дальнейшим передвижением из-за сбоя графика прибытия необходимого транспортного средства и других непредвиденных обстоятельств. Вокзальным комплексом предусмотрены игровые комнаты для детей разных возрастов. При необходимости пассажиры могут получить ряд услуг по экспресс-ремонту и восстановлению поврежденной в пути одежды и обуви. В парикмахерских к услугам пассажиров будут работать опытные мастера. Покупка билетов будет осуществляться по Интернету с мобильных телефонов, кодовым набором на отдельных кассовых панелях – все это поможет исключить столпотворение в длинных очередях. Деловая поездка или туристическая экскурсия будут прият-

ными и не потребуют много времени на их оформление. Для снятия нагрузки с пассажиров будут организованы багажные накопители-распределители ручной клади, где при наличии магнитных штрих-кодов багаж будет следовать следом за хозяином не отставая. Санитарно-гигиенические комнаты, включающие в себя туалеты, душевые, баню-сауну, комнаты гигиены женщин и фитнес-залы, позволят привести пассажиров в бодрое самочувствие и помогут стойко перенести время в пути.

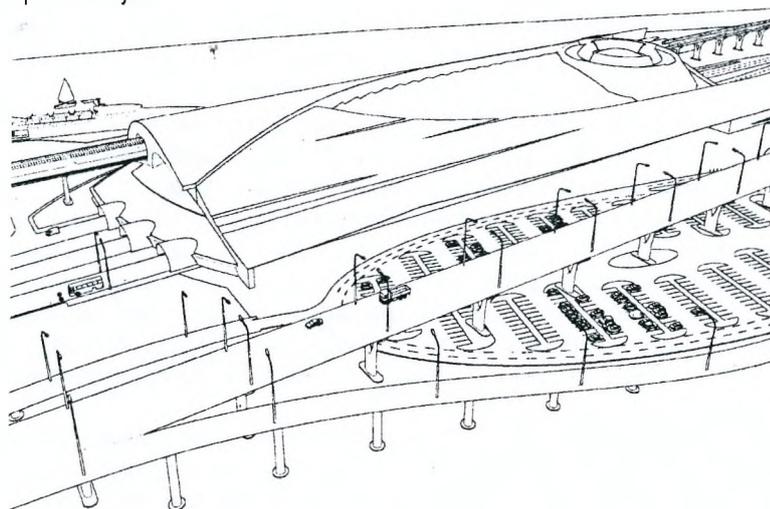

Рисунок 8 – Вид на вокзальный комплекс и речную пристань с высоты эстакады

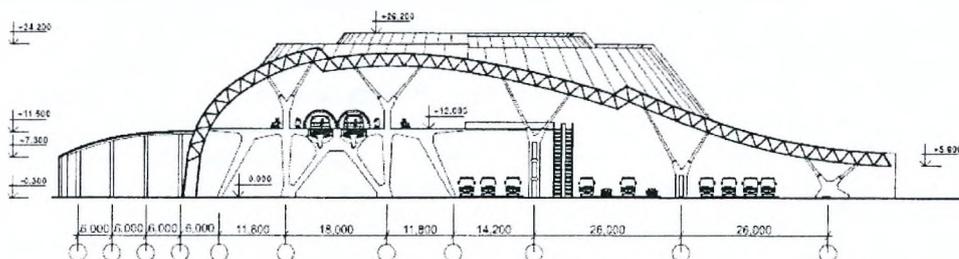

Рисунок 9 – Поперечный разрез вокзального комплекса

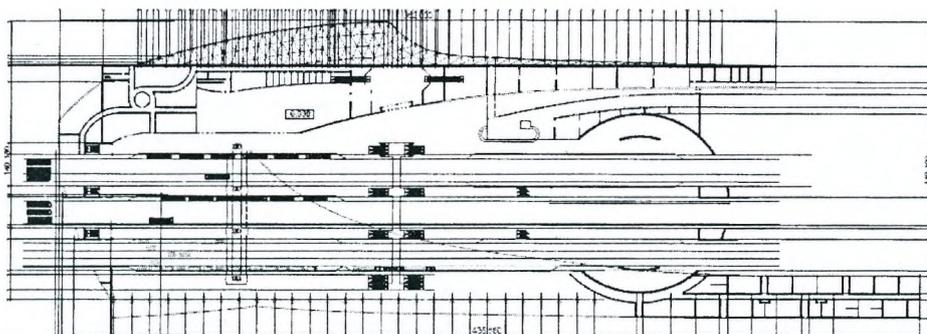

Рисунок 10 – План шлюзовых камер вокзального комплекса

Заключение. Актуальность тематики обусловлена реализацией давней мечты славянских народов, населяющих восточную и центральную Европу и не имеющих выхода к открытому морю, а это в первую очередь препятствовало развитию торговли, ремесел, науки и культуры. Соединение каналом двух больших европейских рек: Вислы и Днепра позволит создать транспортную коммуникацию, соединяющую два различных региона – страны Балтийского и Черного морей. А скоростные поезда на магнитной подушке со скоростью самолета и более смогут пересечь гигантское расстояние от Атлантики до побережья Тихого океана. ТРАНСПОРТНЫЙ ТЕРМИНАЛ расположен на пресечении вышеуказанных транспортных потоков, он позволит извлечь большие дивиденды от движения грузов, перемещения людей, информации, новых технологий и различных культур. Все это позволит обогатить и развить материально, культурно и духовно наш край.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батырев, В.М. Вокзалы. – М.: Стройиздат, 1987. – 216 с.
2. Специальные сооружения и здания аэропортов: учебник для вузов. – М.: Транспорт. 1978. – 365 с.
3. Камский, М.А. Аэровокзалы / М.А. Камский, М.Г. Писков – М.: Стройиздат, 1987. – 277 с.
4. Хигер, Р.Я. Архитектура речных вокзалов. – М., 1940. – Вып. 4. – 167 с.
5. Ионов, Б.В. Архитектура речных вокзалов. – М.: Стройиздат, 1967. – 217 с.
6. Интернет-источник <http://www.karty.by>.
7. Интернет-источник <http://www.brestobl.com>.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ БЕЛАРУСИ XIV – XVI вв. В ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИКЕ XIX в.

При исследовании православной церковной архитектуры Беларуси XIV – XVII в. возникает проблема анализа довольно малого числа как самих памятников, так и архивных документов. Поэтому возникает необходимость использовать все возможные материалы, в том числе и периодику. Конечно, манера изложения материала в этих статьях далека от научной, но в них содержится большой пласт информации.

Свидетельством тому – статьи, посвященные освящению строящихся церквей. В 1865 г. на Антокольском предместье Вильни освящалась церковь во имя св. Архангела Михаила, возведенная «как бы в восстановление недостающего, сглаженного папством с лица земли, древнего Михайловского храма» [1, с.817-821]. В «Слове на освящение новоустроенной церкви...» Инспектор Семинарии Архимандрит Модест сказал: «Во время существования здесь в древности многих православных храмов, без сомнения сияло и многое благочестие православных христиан, ибо без благочестия и храмы не могли процветать. Было храмов много потому что заботились о их существовании и благолепии, заботились дружно и пастыри и пасомые, заботились, прежде всего, и более всего, как это видно из фундаментальных записей церквам, разных древних постановлений и дел. Как жаль, что между нами нет древнего числа виленских православных мещан. Некогда были они первыми ревнителями православия; их цеховые знаки были свидетельством их православия...» [1, с.817-821].

На Сейме 1598 г. православные говорили: «Русские как окрестились, не учились, только церкви строили, и вот эти церкви им злые соседи зараз позапустошили, великих панов своими науками от церкви отторгли» [2, с. 28]. На Брестском соборе 1596 г., в обращении королевских посланцев к православным отмечалось: «Вы имеете в них (протестантах) больших приятелей, которые у вас, в самом новогрудском воеводстве, как известно спустошили 650 церквей, и там из 600 и даже более шляхетских домов греческой веры едва осталось 16 или менее, которые уберглись от новокрещенской заразы (антитринитарства)» [2, с. 29].

Центром Православия в ВКЛ была, конечно же, Вильня. «В столице – Вильне – «русских» церквей в XVI в. было больше, чем костелов», – свидетельствовал в свое время А. Гваньини [3, с.3-4]. В архиве виленского Свято-Троицкого монастыря долгое время сохранялись многие документы, свидетельствующие о большом количестве православных храмов в городе. В грамоте Киевского Митрополита Иосифа Солтана, писанной им в 1511 г. к православным виленским обывателям упоминаются следующие православные объекты: 1) Монастырь святой Троицы, 2) Храм Николаевский, 3) Екатерины, 4) Михайловский, 5) Воскресенский, 6) Ивановский, 7) Козмодемьянский, 8) Митрополитский (Пречистый), 9) Спасский, 10) Юрьевский, 11) Городской (?), 12) Пятницкий, 13) Рождественский, 14) Покровский на Росе.

В хронике же 1609 г. говорится, что на основании королевского повеления королевские комиссары Сенковский и Краевский 11 августа передали во власть и распоряжение митрополита Поцея 13 православных храмов, а православному народу оставили: церкви Святого Духа, св. Екатерины, св. Архистратига Михаила и св. Пророка Илии (в 1622 г. говорится уже о развалинах этого храма). Трагическая участь постигла и Свято-Михайловскую церковь. 27 мая 1622 г. Ян Гроностацкий с другими засвидетельствовал: «Будучи мне возному тут в месте Виленском видехом в дому Балвера Немца на улице Великой, идучи до костела Св. Яна по правой руке на рогу улочки на закладанье муром фундаментов выкопанный, и фундамента выкладать почато. Потом отец Бельский осветчил, поведаючи, иж дей тот Балвер не ведати яким правом набывши себе местца церковнаго, где пред тым церковь Святого Михаила Архангела была» [1, с.816].

Многие храмы подвергались значительным перестройкам за сравнительно небольшой промежуток времени. Каждый из строительных периодов привносил нечто новое в архитектурную композицию. Только специалисты могут «прочитать» первоначальные формы. К таким памятникам относилась и Свято-Николаевская церковь в Вильне. После Брестской церковной унии (1569 г.) церковь еще долго оставалась за православными... Во время пожаров 1747 и 1749 г. Николаевская церковь обгорела и вместе с Пятницкою, Космодамиановской и Воскресенской церковью подверглась почти полному уничтожению» [4, с.919-925]. Важное место в православной жизни столицы занимал монастырь с церковью Святого Духа. Историк Крашевский утверждал, что церковь Святого Духа и «при ней монастыря» основаны Еленой, супругой короля Арександра (Ольгерда) около 1507 г.

Другие источники приписывают построение церкви Св. Духа Марии, княжне Тверской и Виленскому братству Троицкого монастыря ок. 1596 г. В Соборной грамоте Митрополита Михаила Рагозы 24 июня 1594 г. говорится: «Братству церковному Виленскому свою церковь на кгуртах братских, водлуг привилею Короля его милости им на то даного, яко похочут и можность их знести может, будовати благословляем, а локи церковь свою мети будут, вольно им в той церкви Святыя Троицы Монастыря Виленского заживати» [5]. Однако 29 августа 1596 г. Сигизмунд III, разгневанный на митрополита за неприятие унии, взял назад это позволение и запретил братству вновь строить себе церковь: «Той церкви будовати им недопускать и забронить конечно, иначей того не чиняти» [6]. Из грамоты Сигизмунда III от 17 августа 1609 г. следует, что «братчики своевольно построили церковь Святого Духа». Но и этот комплекс не сохранился.

Иногда бывало и так, что «сильные мира сего» отменяли свои же решения. Так, после привилея 1485 г., отменившего запрет на строительство православных святынь, в память о спасении своей супруги от утопления, Казимир сам распорядился о строительстве нескольких церквей во имя пророка Илии, в том числе Витебске, Велиже и Бешенковичах [7, с.19].

Среди крупнейших православно-церковных центров важное место занимал Полоцк. В XШ – XVI вв. было возведено множество храмов как в самом Полоцке, так и в монастырях, расположенных в предместьях города [8, с. 121]. Из грамот, подписанных между Полоцком и немецкими городами, известно, что здесь в XVI в. были храмы св. Софии с часовней св. Троицы, Иоанна Предтечи и св. Спаса. Упоминались и древний Борисоглебский монастырь, и основанный неподалеку Пятницкий, Петровский на Верхнем замке (основан князем Михаилом в 1235 г.), Свято-Воскресенский на Нижнем замке (согласно исследованиям И. Лаппо, этот монастырь находился в Верхнем замке) [9, с. 173], Свято-Троицкий на Торговом дворе, Свято-Николаевский в Лучне, Свято-Михайловский и Космо-Демьянский в Заполотье, Богородицкий, Преображенский, Свято-Георгиевский в Поле. А. Гваньини, служивший воинским начальником в Витебске, свидетельствовал: «Хотя некоторые вельможи России, подвластной польскому королю, следуют лютеранскому учению, но весь народ твердо содержит веру, издревле принятую по обряду греческому» [2, с.29].

Туровская земля также была верным хранителем церковно-строительной традиции. Еще при учреждении Литовской митрополии, при владыке туровском Евфимии Окушке, присутствовавшем на соборе в Новогрудке в 1416 и 1420 гг., только в Туровской епархии было 255 церквей. 13 из них было в Минске: 1) Рождества Пресвятой Богородицы, 2) Михайловская, 3) Георгиевская, 4) Вознесенская, 5) Борисо-Глебская, 6) Преображенская, 7) Свято-Троицкая, 8) Парваскевиевская, 9) Успенская, 10) Св. Николаевская, 11) Воскресенская, 12) Космо-Дамиановская, 13) св. Евфросинии [10, с.31]. Особенностью силуэта Пинска были культовые постройки. Там в середине XVI в. было 16 православных церквей, Францисканский костел и синагога. История сохранила до наших дней документы, касающиеся православных святынь: «1) Дмитриевский кафедральный собор – каменный, располагался на территории замка. В 1502 г. пинский князь Федор Иванович «к нему прирубил 4 приделы: Богоявление, Вход в Ерусалем, а Вознесение, а архиепископов Александрийских Афанасия и Кирилла» [11, с.14-17]. Пожары 1648 и 1654 гг. уничтожили этот памятник. При расчистке развалин в 1893 г. обнаружены фрагменты кирпичной кладки «с овалами». Как это следует из Инвентаря 1595 г., Успенская церковь, перестроенная в XVI в., сохранила местные особенности рубки церквей «в столп». 2) Афанасьевская – деревянная, сгорела вместе с Дмитровским собором. 3) Варваринская церковь (с женским монастырем), деревянная. 4) Никольская – каменная с кладбищем. 5) Спасская – деревянная, в черте окольного города. Разрушена в нач. XVII в. при возведении Иезуитского костела. 6) Семеновская – деревянная. Возведена на средства пинской княгини Марии в память о ее муже, киевском князе Симеоне Олельковиче. Разрушена, как и Спасская, при постройке Иезуитского костела. 7) Михайловская – деревянная. Возможно возведена кн. Марией в память деверя Михаила, казненного в 1482 г. за участие в заговоре князей против польского короля и великого князя. 8) Троицкая – надвратная церковь, стоявшая «челом ко рву и паркану». 9) Федоровская – деревянная (Федор Тирон – покровитель Пинска и патрон пинского князя Ф. Ярославича). Закрыта униатскими епископами в 1631 г. 10) Св. Онуфрия. 11) Степановская, 12) Ильинская – надвратная, 13) Воскресенская, 14) Юрьевская, 15) Успенская. Была архиерейская и считалась главной церковью Лещенского монастыря. Впервые упоминается в летописи в 1264 г. В XIV в. здесь обитал летописец Митрофан. После разорения татарами в 1580 г. была отстроена. В 1596 г. переосвящена в униатскую, а с 1688 г. снова православная, в 1688 г. униатская. Инвентарь Лещенского монастыря 1588 г. (был закрыт в 1879 г.) сообщает, что монастырь обнесен частоколом из дубовых пластин-«дылей», над воротами – звонница с 5 колоколами. 16) Церковь Сошествия Св. Духа – «теплая» церковь Лещенского монастыря, усыпальница знати. Была соединена с монастырской трапезной» [11, с.14-17].

Сведения о церквях содержатся и в путевых заметках различных чиновников, путешественников. Австриец И. Корб, описывая руины Друцка в XVII в., пишет: «Говорят, что в прошлом столетии этот город имел семь миль в окружности и славился двумя сотнями прекрасных храмов» [12, С.40]. Многое осталось и в преданиях, хранившихся в народе во второй пол. XIX в. Согласно им, между озерами Дривятою и Новятою, на месте вблизи Браслава, существовал город, заключавший в себе 12 православных церквей и 2 монастыря; на Замковой Горе стояла церковь во имя великомученицы Варвары, построенная супругой литовско-польского короля Александра и Еленой, дочерью царя Иоанна III. Другое предание свидетельствует, что на острове озера Снуда находился православный монастырь; остатки фундамента были видны в сер. XIX в. [13, с.353] Также в летописях упоминается закладка Ольгердом Благовещенской церкви в Троках в XIV в. Тогда же была построена и церковь Пречистой Богородицы при православном монастыре. Остатки стен были видны еще в 1702 г. [14, с.32.]

Баркулабовская хроника сохранила некоторые сведения о церквях, существовавших в ВКЛ и связанных с вехами жизни «знакамітых паноў і гаспадароў»: 1564. После основания города Баркулабова пан Баркулаб Иванович Корсак «Также сооружил храм святого Духа, а другой – престол Рожства господа нашего Иисуса Христа и посветил его року 1568». «А потом в том же Вендоружи року 1586 во великий пост церков святого Покрова сооружена и попу вендоружскому его милость князь Богдан Соломерецкий тую церков отдал, бо тая была первой парафия Баркулабовская». «Року 1570. Владыка полоцкий Варсанофий Влах переставился у месте Могилеве. Поховано албо погребено его у святого Спаса в Могилеве». Во многих белорусских «мястэчках» и селах долгие годы хранились предания о существовании в «незапамятные времена» православных церквей.

В период массового церковного строительства в «Северо-Западном крае» во второй пол. XIX в. церковными историками были найдены и опубликованы документы, свидетельствовавшие о развитии церковного зодчества на территории ВКЛ. Зачастую такие документы служили основанием для строительства новых храмов на месте некогда уничтоженных. Так, после освящения церкви в Щучине священник Виленского Кафедрального Собора Антоний

Пщолка произнес речь, где коснулся и истории развития православного зодчества в Лидском уезде: «Лидский уезд в нынешнем составе включает в себе бывшее Дайновское княжество – удел князей Волыньских из рода Владимира. Главным местом княжества был Дайнов – ныне деревня Дайново к западу от Лиды. Около 1200 г. княжество перешло во владение князей Литовских и стало уделом Довмунта (ок. 1263 г.), в православии Тимофея Гермундовича, впоследствии князя Псковского... В 1322 г. Гедимин перенес в Лиду столицу Дайновского княжества. В Дайнове искони существовал Православный храм во имя св. Великомученика и Победоносца Георгия, почему Гедимин, с построением каменного замка в Лиде воздвиг в нем и православную церковь во имя того же Георгия. Одновременно с этой церковью в Лиде существовали еще три другие: одна посреди города в самом рынке – Свято-Николаевская, перестроенная вновь в 1533 г. с разрешения Сигизмунда Августа, бывшего правителем Литвы при жизни еще отца своего короля Сигизмунда I и освящена жившим в Вильне Митрополитом Киевским и всея Юго-Западной России Иосифом III; Около 1435 г. сюда была перенесена церковь из Замка, сделавшегося жилищем царевича Хаджи-Гирея. Другая церковь существовала на предместье, вблизи замка, во имя Всесвятого Спаса (Преображения Господня); третья во имя св. Архистратига Михаила (разрушена в 1818 г.). Здесь же в Щучине существовала церковь во имя Святителя Николая Мирликийского Чудотворца. В Лидском уезде существовали еще Православные церкви: в Ищолне, Волчине, Бокштах, Василишках, Васькове и Бердовке. Предки проживавших княжеских и дворянских фамилий в этом уезде были православными: Хребтовичи, Мосальские, Вишневецкие, Друцкие-Любецкие и многие знаменитейшие роды Потоцких, Скуминов-Тышкевичей, Сапегов, Росодовских, Юндзиповичей, Шимковичей...и др.» [15, с.927-937].

29 апреля 1865 г. в Семятичах на месте деревянного был заложен каменный храм. По местному преданию старый храм был построен в 1431 г. вотчинниками Семятицких имений Алексеем Кмита-Судимонтовичем и женой его Феодорой. Во время разборки древнего храма «прихожане от мала до старца возносили сердечные вздохи свои к небу» [16, с.578]. 3 апреля 1866 г. была освящена церковь м. Подберезье (Виленского уезда). «Начало христианского храма в Подберезьи относится к 1480 г., когда явилась здесь на березе икона Божией Матери (Одигитрии) византийского извода» [17, с.257-258].

Архимандрит Модест, давая в «Литовских епархиальных ведомостях» материал о церкви в местечке Засвирь, Свенцянского уезда Виленской губ., писал: «Товмонд Ромундович (ок.1280), получив в удел Уцяны, построил над озером Свиром укрепленный замок Свир, и гонимый братом своим Наримундом, ушел к брату его родного деда – Довмунту и управлял после него Псковом, а Свирь отдал детям. Потому потомки его, владетели Свири, назывались Свирскими и Северскими князьями. Замечательнейший из них – Иван, построивший около 1452 г. Свирский деревянный храм во имя Николая; Богдан около 1508 г. назначил этому храму десятину. Впоследствии храм деревянный заменен на каменный. Его архитектура восточная (курсив мой – Г. Л.)» [18, с.387-390].

Освящение церкви в с. Крево (Ошмянского уезда) сопровождалось соответствующим комментарием: «Признаки древнего города обозначаются развалинами. Четыре существующих храма: Успенский и Николаевский, покосившиеся, соломой покрытые здания, и вновь возведенные каменные Александровский и Свято-Троицкий упоминаются в Смоленской летописи 1495 г. Кроме них на окрестных высотах видны развалины храма Богородицы и великомученика Георгия. В другую сторону от села остатки основания Воскресенского храма; ...и у опушки леса основание древнего храма Спасо-Преображенского» [19, с.718-720].

Где же теперь это великолепие? На сегодняшний день «на поверхности земли» осталось всего несколько памятников православного зодчества времени ВКЛ. Даже на основании архитектурного анализа этого мизерного числа памятников можно вести разговор о значимости средневековой белорусской архитектуры. Тем более ощутим ущерб, когда мы обратимся хотя бы к уже опубликованным источникам. Их тоже вполне достаточно, чтобы попытаться представить себе мощь и значимость белорусской православной архитектуры средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Литовские епархиальные ведомости, 1865. – № 20.
2. Литовские епархиальные ведомости, 1881. – № 4.
3. Гваньини, А. Хроника Европейской Сарматии // Полоцко-Витебская старина. – Витебск, 1916. Т. 3. С. 325-329; Крачковский Ю. Старая Вильна до конца XVII столетия. – Вильна, 1893.
4. Литовские епархиальные ведомости, 1866. – № 21.
5. Акты Западной России. – Т. IV. – № 48.
6. Акты Западной России. – Т. IV. – № 101.
7. Шейкин, Г. Н. Полоцкая епархия. – Мн., 1997.
8. Хорошкевич, А. Л. Полоцкие грамоты XIII – начала XIV в. – М., 1985. – Т. V.
9. Лаппо, И. И. Полоцкая ревизия 1552 года. – М., 1905.
10. Воспоминание о древнем православии Западной Руси. – М., 1867.
11. Лозинский, А. И. Пинск XVI столетия. – Мн., 1994.
12. Грыцкевіч, В. П. Шляхі вялі прыз беларусь / В. П. Грыцкевіч, А. І. Мальдзіс. – Мн., 1980.
13. Ковенские губернские ведомости. Цит. по: ЛЕВ, 1865. – № 9.
14. Кушнярэвіч, А. М. Культавае дойлідства Беларусі XIII–XVI стст. – Мн., 1993.
15. Литовские епархиальные ведомости, 1865. – № 23. – С. 927-937.
16. Литовские епархиальные ведомости. – 1865. – № 15.

17. Литовские епархиальные ведомости. – 1866. – № 7.

18. Архимандрит Модест. Освящение церкви в м. Засвирь, Свянянского уезда Виленской губ. // Литовские епархиальные ведомости. – 1866. – № 10.

19. Литовские епархиальные ведомости. – 1866. – № 17.

УДК 329.14

Мощук А.В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАГИСТРАТА Г. БРЕСТА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГГ. XX В.

18 марта 1921 г. в Риге между делегациями Второй польской республики и Советской России был подписан Рижский мирный договор, по которому Брест вошёл в состав польского государства. С марта 1921 г. город стал центром Полесского воеводства.

Однако фактически город стал составной частью польского государства ещё в 1919 г. 9 февраля город оставили немецкие оккупационные войска, и он был занят польскими частями. В период польско-советской войны в течение 18 дней августа 1920 г. город находился в руках Красной Армии.

С февраля 1919 г. перед польскими властями встала задача восстановления Бреста. За годы Первой мировой войны и последовавших за ней событий около 70% зданий в городе были разрушены. Санитарное состояние города было критическим. Всё это диктовало первоочередные задачи: восстановление административных зданий и жилого фонда, предотвращение распространения инфекционных заболеваний, снабжение города продовольствием и топливом. По данным городского магистрата, общая площадь Бреста в 1919 г. составляла 534 га. В результате присоединения к городу в 1929 г. предместий площадь города увеличилась на 1246 га и стала составлять 1780 га. А после вхождения в черту города части территории крепости в 1933 г. площадь Бреста составила 2505 га.

Широкомасштабное восстановление города началось после официального включения Бреста в состав польского государства в марте 1921 г. Однако из-за постоянного недостатка финансирования оно шло очень медленно. Всего до Первой мировой войны в Бресте насчитывалось около 3670 зданий. Из них к 1919 г. было разрушено 68 % – около двух с половиной тысяч строений. К 1925 г. было восстановлено только 540 зданий, т.е. 21% [1, л. 5–6]. По состоянию на декабрь 1927 г. число восстановленных и вновь введённых в эксплуатацию домов достигло 730 [2, л. 5].

Как уже говорилось выше, одной из наибольших трудностей при восстановлении города после окончания Первой мировой и советско-польской войн стала острая нехватка финансовых средств. Характеризуя материальное положение города, руководитель Брестского магистрата В. Вишневицкий отмечал в конце 1920 г.: «... город Брест ... совершенно уничтожен, много домов разрушено, торговля совершенно замерла, городское хозяйство остановилось, документы магистрата пропали, учебные, благотворительные, общественные организации и правительственные учреждения перестали существовать, вся мебель, оставшаяся в учреждениях, вывезена, сломана и сожжена, продукты из города вывезены, топлива нет совсем. <...> магистрат не располагает никакими средствами, чтобы хотя бы частично привести город в порядок, обеспечить население продовольствием и топливом, открыть благотворительные, санитарные, учебные учреждения, и ввиду разрушения города нет надежды на то, что в скором времени будут получены собственные средства» [3, л. 59]. Руководство городского магистрата выход из сложного финансового положения видело в широком применении практики займов и субсидий со стороны центральной власти. Магистрат неоднократно обращался в Варшаву с прошениями о предоставлении кредитов на восстановление городской инфраструктуры.

Решая вопрос о восстановлении города, городской магистрат объявил конкурс на разработку плана восстановления и развития города и обратился с заявкой на его проведение в Общество архитекторов в Варшаве. Непосредственное руководство восстановлением и застройкой города возлагалось на строительско-технический отдел Брестского магистрата, который состоял из трёх штатных единиц: архитектора, инженера и техника. Следует отметить, что вплоть до конца 1923 г. отдел состоял лишь из одного техника, который совмещал должности архитектора и инженера.

В итоге к концу 1921 г. был разработан план восстановления и застройки города, в котором отмечалось, что «Брест, будучи одним из важнейших железнодорожных узлов, соединяющий все промышленно-торговое движение между западом и востоком, представляет собой центр, вокруг которого в ближайшее время должны сконцентрироваться самые существенные интересы польского государства. Ситуация, когда перед войной расширение города сдерживалось ограничительными фортификационными правилами, сейчас исчезает» [4, л. 62].

План предусматривал административное деление города на шесть районов:

1. Центр города между улицами Садовая и Ягеллонская (современный район проспекта им. П.М.Машерова).
2. «Новый район»: между улицами Унии Любельской и Крепостью (современный район от ул. Ленина к Мемориальному комплексу «Брестская крепость-герой»).
3. «Заводской район»: между ул. Ягеллонской и рекой Мухавец (на современной карте города это район между проспектом им. П.М.Машерова и ул. Набережной).
4. Граевское предместье: район на север от современного вокзала «Брест-Центральный».

5. Киевское предместье: на восток от железнодорожной ветки на Ковель.

6. Предместье Котельня: на юг от реки Мухавец.

Согласно плану застройки, каждый район рассматривался как самостоятельная архитектурная единица. При этом наибольшие опасения у руководства строительного-технического отдела Брестского магистрата вызывала застройка и хаотичная застройка предместий города: «необходимость решения данного вопроса в настоящий момент является очень важной темой, т.к. благоустройство предместий, застраиваемых быстро, но хаотично, в будущем встретится с огромными трудностями. Без сомнения, предместья города «...» распланировать в будущем будет очень сложно, т.к. возникают целые новые районы, кварталы с улицами, ширина которых не соответствует строительным нормам, без подъездов к отдельным участкам и без привязки к планировке существующих улиц и городской застройке» [2, л. 52–53об.].

Согласно плану восстановления города, «Центральный район» должен был стать районом с плотной застройкой «для самой богатой части населения». «Новый район» планировалось отдать под «особняково-парковую» застройку. «Заводской район» – рабочий, с учётом строительства в дальнейшем жилого комплекса для рабочегословия. Предместья рассматривались как торгово-земледельческие поселения.

Главная транспортная артерия города должна была идти по улице Унии Любельской с севера на юг (современная ул. Ленина) и по улице 3-го Мая (современная ул. Пушкинская) от кладбища (современное католическое кладбище) до реки Буг в районе Брестской крепости.

Ещё одной сложностью при переходе к мирной жизни стала острая нехватка рабочих рук. Данная ситуация стала следствием массового оттока населения из города в годы войны. Если до Первой мировой войны в городе насчитывалось около 70 тысяч человек, то в начале 1919 г. по разным данным от 7 до 18 тысяч жителей. Однако уже к апрелю 1920 г., по данным продовольственного отдела магистрата, население Бреста уже составило 26 430 человек [5, с. 7].

Данные обстоятельства привели к тому, что на протяжении 1919–1922 гг. в городе не проводились крупномасштабные восстановительные работы. Основные мероприятия строительного-технического отдела магистрата сводились к обмерам городских участков, проверке проектов, техническом надзоре над частными стройками, составлении проектно-сметной документации и др.

Начиная с 1922 г., магистрат начал осуществление первого крупного строительного проекта – восстановление недостроенного здания бывших военных казарм, которое предназначалось для размещения общеобразовательных учреждений города. Проект на перестройку и приспособление этого здания к требованиям, предъявляемым для школ, был утверждён Министерством вероисповеданий и общественного просвещения. Так как стоимость работ была слишком большой и городская гмина не могла покрыть расходы на строительство собственными средствами, магистрат обратился в Министерство вероисповеданий и общественного просвещения и получил долгосрочный кредит на проведение работ. В итоге к концу 1925 г. строительство было завершено.

После стабилизации польского злота в 1924 г. и улучшения финансового климата в стране в городе начались масштабные мероприятия по его восстановлению. Учитывая сложную эпидемиологическую ситуацию, городскими властями было принято решение о ремонте так называемой городской бойни, на которой осуществлялся забой скота для нужд населения города. В результате был проведён капитальный ремонт двух зданий, проложена канализация, вымощено подворье, огорожена территория. Параллельно властями было построено каменное здание на так называемой «Ратушной» площади (современная площадь Свободы), в которой разместились столярная, слесарная и фонарная мастерские. Большое внимание магистрат уделял приведению в порядок общественных мест – городского парка, бульваров и скверов. На территории Волынского предместья к середине 1920-х гг. было сооружено четыре барака для бездомных.

Особое внимание магистрат уделял санитарному состоянию города. В результате к началу 1925 г. в использование были введены здания поликлиники, амбулатории и так называемой Станции опеки матери и ребёнка.

Таким образом, к середине 1920-х гг. в системе городского самоуправления города Бреста сложилась стройная система руководства строительными и восстановительными работами. Это позволило к концу данного периода ввести в эксплуатацию основные социально значимые объекты в центральной части города. Городским магистратом был разработан чёткий план развития городской архитектуры, с включением в городскую черту целого ряда предместий. В то же время можно отметить во многом спонтанную и хаотичную застройку отдельных районов города и прежде всего предместий. Это во многом может объясняться резким ростом населения города вследствие возвращения больших масс беженцев. Кроме того, данные районы ранее не входили в границу города, поэтому здесь отсутствовал должный контроль за соблюдением правил планировки и соответствия архитектурным нормам того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО) – Ф. 5. – Оп. 1. – Д.418.
2. ГАБО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 1372.
3. ГАБО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2.
4. ГАБО. – Ф. 5.– Оп. 1. – Д. 220.
5. Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы / Сост. А.Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е.С. Розенблат. – Брест: Альтернатива, 2009. – С. 7.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫСТАВОЧНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Одним из главных событий в жизни любой развитой современной отрасли являются ежегодно проводимые выставки, значение которых быстро возрастает во всем мире. Сегодня выставочная деятельность Беларуси активно развивается. Со становлением республики как самостоятельного государства назрела необходимость строительства национального выставочного комплекса, так как имеющиеся выставочные площади не отвечают современным требованиям. На данном этапе развития страны в столице и других областных центрах отсутствуют площади для региональных и международных выставок, а также постоянно действующей экспозиции. Отсутствует также опыт и нормативная база проектирования региональных и международных выставок. Определение общих принципов функционирования и развития национального выставочного комплекса является одной из наиболее важных задач.

В мировой практике существует большое количество выставок. Международные выставки и ярмарки особенно активно проводятся в Германии, Англии, США, Франции, Италии, на долю которых приходится около 2/3 всех проводимых выставок и ярмарок. При этом наблюдается увеличение числа международных выставок и ярмарок, расширение их выставочных площадей, рост специализации, повышение доли машин и оборудования в номенклатуре экспонируемых товаров, рост сумм заключаемых экспортно-импортных сделок, развитие сопутствующего жилья, гостиниц и транспортного сообщения.

Впечатляют размеры выставочных площадей: Кельнская выставка – 285 тыс. м², Миланская – 200 тыс. м², Парижская – 180 тыс. м². В Москве действуют две выставки: на Красной Пресне (130 тыс. м²) и продолжает строиться «Крокус Экспо» площадью 225 тыс. м². В нашей стране выставочные площади составляют всего несколько десятков тысяч квадратных метров, к тому же отечественные выставочные павильоны не имеют современной инфраструктуры:

- Павильон на проспекте Победителей 14. Технические характеристики: общая площадь павильона — 3000 м²; открытая выставочная площадь — 10000 м²; конференц-зал — 150 мест; кафе-бар — 80 мест;

- Павильон на улице Янки Купалы 27. Технические характеристики павильона: общая площадь павильона (два этажа) — 5000 м²; открытая выставочная площадь — 1000 м²; конференц-зал — 80 мест; кафе-бар — 50 мест; автостоянка — 200 мест.

- Павильон на проспекте Победителей 20/2 (футбольный манеж). Технические характеристики: общая площадь павильона — 5000 м²; открытая выставочная площадь — 1000 м²; конференц-зал — строится по необходимости; кафе-бар; автостоянка 500 мест.

Как видно из сопоставления площадей, белорусские комплексы не отвечают современным требованиям. Необходимо создать национальный выставочный комплекс, работающий как постоянно действующая экспозиция достижения отраслей народного хозяйства республики, способный разместить на своих площадях международные выставки и быть центром деловой активности, местом проведения досуга. Он должен обладать следующими свойствами: безопасность, информативность, возможность трансформации, физическая и эстетическая комфортность, вместимость, соответствующая количеству посетителей.

Для определения направлений усовершенствования выставочной материальной базы необходимо выявление не только оптимальной функционально-планировочной структуры территории выставочного комплекса, а более широкий комплексный подход к исследованию данной проблемы. Необходимо рассмотреть взаимосвязи выставочного комплекса с общественными и культурными центрами, транспортной сетью города и внешними транспортными узлами, рекреационными зонами, окружающей застройкой и другими функциональными элементами, а также выявление связей компонентов внутри комплекса.

Выставочный комплекс должен быть приближен к общегородским и районным общественным центрам, так как от этого зависит посещаемость выставки. Размещение таких комплексов во многом определяется планировочной структурой и транспортной системой города. Сам комплекс также значительно влияет на транспортные коммуникации города. Транспортная доступность выставочного комплекса может быть обеспечена:

- сетью магистральных улиц, обеспечивающих возможности непосредственного подъезда к входам на территорию;
- строительством выходов (дополнительных) у станций метро;
- возможно, вертолетными площадками;
- парковочными автомобильными площадками и т.д.

Архитектурно-планировочную структуру выставочных комплексов определяет связь выставочных зон с окружающей застройкой. В первую очередь это связано с тем, в какой зоне города комплекс расположен – в историческом центре города, в структуре городской застройки, в рекреационной зоне города, в пригородной парковой зоне. Большое значение при размещении выставочных комплексов имеет взаимосвязь выставки с местами массового отдыха и парковыми зонами для создания комфортных экологических условий.

Важной задачей архитектора при проектировании выставочного комплекса является четкое функциональное зонирование его территории. Состав планировочных зон комплекса зависит от:

- величины (площади выставочной зоны),
- местоположения по отношению к городу,
- связей с природным окружением и смежной застройкой,
- возможности трансформации внутренних пространств.

Функциональные, экономические, конструктивно-технические и эстетические факторы определяют архитектурную организацию комплекса. При этом основным условием является многофункциональность использования.

Для оптимизации функционально-планировочной структуры и возможности дальнейшего территориального развития выставочного комплекса большое значение имеют:

- соответствие современным социальным условиям;
- использование передовых научных, архитектурных, инженерно-технических достижений;
- усовершенствование архитектурно-планировочных решений выставочных зданий, внедрения эффективных технологий;
- уплотнение застройки территории выставочного комплекса за счет функционального зонирования территории,
- блокировка и кооперация выставочных, культурно-развлекательных, торговых, деловых объектов разного

уровня, создание универсальных комплексов;

- интеграция выставочных комплексов с общественными культурно-образовательными, торговыми и бытовыми центрами;
- гибкость и вариантность объемно-планировочных композиций.

Для выставочного комплекса характерно распределение территории на зоны:

- выставочная зона;
- зона конгрессов и конференций;
- зона делового обслуживания;
- зона общественного питания.
- зона бытового обслуживания;
- зона сопутствующих функций (гостиница и др.).

Открытые пространства выступают структурообразующим каркасом комплексов. Большая часть открытой площади отводится под проходы и движение грузов. При условии большого скопления посетителей она занимает около 40-50% от общей площади. Соответственно открытые пространства по функциональному признаку делятся на:

- коммуникативные (узловые (входные), линейные);
- экспозиционные;
- рекреационные;
- хозяйственная зона (погрузочные, разгрузочные, складская зона);
- парковки для служебных машин;
- парковки для машин посетителей.

Так как выставочные комплексы обладают большой линейной протяженностью, необходимо обеспечить четкое решение коммуникационных пространств и пешеходных путей для посетителей. Должна быть обеспечена хорошая взаимосвязь элементов комплекса и по возможности компактность зданий и сооружений.

В структуре самих зданий выставочных комплексов можно выделить следующие основные группы помещений: экспозиционные, обслуживающие, административные, служебные и подсобные. Гибкость внутреннего пространства многофункциональных выставочных зданий связана с выбором объемно-планировочных композиций и конструктивного решения. Выставочный павильон — это и оболочка экспозиции, и ее составная часть.

Одно из основных современных требований, предъявляемых к выставочным комплексам, — универсальное использование помещений и открытых пространств. Выставочные здания должны быть универсального использования, рассчитаны на проведение разнообразных выставок и мероприятий.

В современной выставочной деятельности происходят значительные изменения в выставочной технологии, которые требуют модернизации самих пространств и зданий. Поэтому важным условием проектирования выставочных комплексов является создание гибких архитектурно-планировочных решений, которые дают возможность в процессе эксплуатации внедрять новые формы и методы выставочной экспозиции. Постоянному изменению тематики и росту числа экспозиций должна соответствовать динамичная структура выставочных зданий.

Развитие выставочной деятельности способствует продвижению отечественных товаров, технологий и услуг на внутренних и внешних рынки, формированию единого экономического пространства и условий для свободного перемещения товаров и услуг, развитию экономических связей. Участие предприятий и организаций в выставках ведет к увеличению объемов продаж, повышению эффективности работы предприятий и росту предпринимательской активности. На современном этапе развития выставочной деятельности требуется формирование и совершенствование ее материальной базы, обеспечивающей оптимальные условия всем ее участникам.

УДК 711.511

Рачкевич Т.Е.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН ГОРОДА МИНСКА КАК УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Сегодня наглядно видно, что некоторая стихийность процесса появления новых объектов строительства на свободных территориях и территориях со сносом ветхих строений приводит к образованию кварталов смешанной застройки, где соседствует существовавшая жилая застройка со вновь построенными паркингами, офисными центрами, торгово-развлекательными центрами, малыми производственными объектами. Этот процесс, в свою очередь, полностью меняет условия проживания в этих кварталах, так как, прежде всего, увеличиваются транспортные нагрузки на существующие улицы; увеличение т.н. «дневного» населения» приводит к дополнительным нагрузкам на объекты обслуживания населения данного жилого образования.

Офисные и деловые центры растут, как грибы после дождя, отвоевывая у города комфортные для жилья территории. Более того, рядом с ними строятся вместительные паркинги, въезды и выезды из которых осуществляются на жилые улицы, куда обращены школы и детские сады. Не спасают даже так называемые «спящие полицейские», которыми оборудованы жилые улицы. Как результат, улицы превращаются в непрерывные транспортные потоки, а все прилегающие жилые дворы с проездами – в места временного хранения автомобилей.

Знакомство с материалами «Генеральный план города Минска» (корректурa Генерального плана г. Минска с прилегающими территориями в границах перспективной городской черты)» 2008 года, как с информационным и правовым обеспечением комплексного и сбалансированного территориального развития г. Минска на перспективу, позволило серьезно задуматься о существующей практике проектирования таких планировочных элементов городской среды как «жилое образование» и о методике преподавания этого проекта на кафедре «Градостроительство».

С выходом корректуры генерального плана города Минска в учебном проектировании мы начали ссылаться на его материалы, касающиеся развития транспортной системы города, в частности скоростных его видов (метро, скоростного трамвая) и развития улично-дорожной сети, ориентируясь на это, как на исходную ситуацию. Внимательное прочтение текстового материала показало, что необходимо более ощутимо поменять устоявшуюся с годами методику ведения таких проектов, как «Жилое образование» (кафедра «Градостроительство»), «Реконструкция части города» (кафедры «Градостроительство» и «Производственные объекты и архитектурные конструкции»).

Согласно материалам генерального плана вдоль основных радиальных и кольцевых городских автомагистралей устанавливаются 100-метровые зоны с высоким градостроительным потенциалом (глава 1, п. 2.4, 2.8, 3.1) которые регулируются:

- величиной плотности застройки;
- разнообразием функционального состава;
- развитостью пассажирского транспорта на данной территории.

Дальше указывается, что приоритетным размещением в этих зонах будет размещение высокоплотной жилой застройки и объектов общественного обслуживания районного и, возможно, городского уровней, хочется добавить – и офисных (деловых) центров. Таким образом, генеральный план легализует такое понятие, как «смешанная застройка», что есть в текстовой его части, где функциональность территории определяется по преобладающему типу деятельности – не менее 50%.

Для нас, преподавателей архитектурного факультета, это означает, что, работая с подосновами для проекта «Жилое образование в крупном городе», необходимо выделять территории, находящиеся в 100-метровой зоне вдоль основных общегородских радиальных и кольцевых магистральных улиц от их красных линий. Граница 100-метровой зоны и будет границей собственно структурно-планировочного элемента жилой территории.

Учитывая, что город развивается, как правило, вдоль основных вылетных планировочных осей, то следует ожидать появления вдоль них новых жилых районов. Согласно материалам генерального плана, при проректировании новых жилых районов вдоль магистралей городского значения необходимо выделить вдоль магистральных улиц городского значения 100-метровые полосы, где будет размещаться различная по функции застройка (смешанная): объекты общественного обслуживания районного и городского значения, деловые центры, высокоплотная жилая застройка. Все эти объекты требуют наличия большого количества паркингов и автостоянок. И это дополнительные объекты. Таким образом, вдоль улиц городского значения должны появиться кварталы смешанной застройки, которые, в свою очередь, будут являться буфером между общегородской магистралью и собственно территориями жилых микрорайонов или групп и кварталов жилой застройки. Границей между этими территориями может быть боковой проезд городской улицы либо жилая улица с общественным транспортом с подключением ее к общегородской системе. Собственно сама территория, по-видимому, планировочно может решаться либо как территория, разбитая на кварталы различного функционального назначения, либо как территория, на которой располагаются многофункциональные комплексы, зонированные по вертикали. При этом, как правило, подземные и наземный уровни отдаются личному и обслуживающему транспорту, там же и выше по уровню могут находиться учреждения торговли, кафе, рестораны и т.п., выше по уровню – офисные помещения, выставочные и конференцзалы, а на последних этажах – размещаться жилье. Такой элемент, как «многофункциональный жилой комплекс», позволяет достигать плотности до 40 тыс. м² на 1 га. Дворовые пространства в этом случае размещаются на эксплуатируемых кровлях. Большую роль в данном случае играют вертикальные коммуникации. Интеграция различных функций на городских территориях делает среду более разнообразной, привлекательной и социально безопасной.

Генеральным планом (п.2.10) определяется так же и основной структурно-планировочный элемент всех застраиваемых территорий – квартал площадью 5 - 7 га. В качестве стратегии развития жилых территорий предполагается создание системы жилых территорий с минимальным структурно-планировочным образованием «Группа жилой застройки, кварталы» площадью до 10 га (глава 2, п.1.3), формируемых жилыми домами и объектами общественного обслуживания микрорайонного уровня.

Теперь обратимся с регламентируемым максимальным размером планировочной единицы жилых территорий. При наличии в генеральном плане конкретных цифр по росту населения, средних объемах ежегодного ввода жилья и т.п. не указаны параметры, в частности, перспективной плотности жилого фонда для различного по интенсивности градостроительного освоения территорий. Максимальный размер планировочной единицы жилой территории определяется до 10 га. Путем несложных арифметических расчетов, принимая максимальную для Минска сегодня плотность жилого фонда 7 - 9 тыс. м² на га (ТКП 45-3.01-116-2008 (02250)), численность населения на этой территории должна быть 2500 - 3000 человек. При этом, если это планировочный элемент, то он должен иметь планировочные границы, которыми могут являться, исходя из определения микрорайона, либо главный проезд, обеспечивающий подъезды к зданиям и сооружениям и являющийся определенным барьером для жителей микрорайона, либо пешеходная улица – бульвар, который возьмет на себя роль связующего элемента отдельных частей микрорайона.

Заслуживает внимания пункт 5.8 главы 1, где регламентировано реформирование жилищно-коммунального сектора за счет межевания участков застройки. Требование возможности межевания территории жилого микрорайона на отдельные участки дает возможность закреплять их за отдельными собственниками. Это влечет за собой использование приемов застройки в виде замкнутых или полужамкнутых кварталов с индивидуальным проездом и подъездами к домам, их формирующих.

Генпланом предусматривается в случае нового строительства стопроцентное обеспечение населения местами для хранения автомобилей (глава 9, п.1.4.1), т.е. малый планировочный элемент жилой территории должен иметь в своем составе стоянки и гаражи общей площадью 21875 м². А где гостевые стоянки, стоянки для автомобилей, которые не влишутся в прогнозируемую цифру? Не случайно специалисты ГДР считали необходимым определять необходимое количество мест постоянного и временного хранения с коэффициентом 1,6 по отношению к расчетному количеству парка легковых автомобилей. В США этот коэффициент принимается еще большим – порядка 2,0. В зарубежных нормах применительно к жилым территориям это прописано яснее: «не менее 100% постоянного хранения всего перспективного парка легковых автомобилей, плюс 15-20% машино-мест должно быть «гостевыми».

Все вышеизложенное, конечно, требует детализации, но ясно одно: методические указания по курсовым архитектурным проектам «Градостроительное жилое образование в крупнейшем городе», «Реконструкция части города» требуют корректировки в соответствии с новыми тенденциями в градостроительстве и материалами генерального плана. Все то, что касается столичного города, в полной мере актуально и для крупных областных городов.

УДК 693.22.004.18

Сысоева О.И., Ивкина Е.В.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ КАК СПОСОБ РЕВИТАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЗАСТРОЙКИ

В современном обществе растет интерес к архитектурному наследию. В связи с этой тенденцией представляется важным обратить внимание на выявление и сохранение объектов промышленной архитектуры в Республике Беларусь. Одним из направлений ревитализации сохранившихся производственных зданий, получившим распространение в архитектурной практике реконструкции за рубежом, является формирование на их базе объектов промышленного туризма.

Промышленный туризм – организация экскурсий на промышленные предприятия с целью ознакомления с производственным процессом, его особенностями, а также с историей предприятия.

Можно определить несколько причин проявления интереса к промышленному туризму:

- стремление людей совмещать отдых с познавательным процессом;
- возможность для производителей рекламировать свою продукцию, а значит, увеличивать объемы продаж товаров;
- демонстрация новых технологий современного производства для формирования положительного имиджа промышленного предприятия;
- возможность изучения истории региона, в том числе и истории развития его производительных сил;
- повышение туристической привлекательности небольших населенных пунктов для обеспечения возможностей их развития.

Первые упоминания о промышленном туризме как способе знакомства с производством относятся к XIX веку. А наибольшее распространение он приобрел после Второй мировой войны в связи с появлением у людей интереса к технологиям, с увеличением свободного времени, ростом автомобилизации. Наибольшее развитие промышленный туризм получил в странах Европы, США, Австралии, Японии и Китае, а затем распространился в странах СНГ.

При формировании современных объектов промышленного туризма, кроме экскурсий на производство, посетителям может предлагаться личное участие в технологическом процессе, посещение музеев, дегустационных залов, торговых объектов, что повышает их привлекательность. Особенно посещаемыми становятся объекты промышленного туризма, расположенные в поселениях, где находятся и другие исторические и архитектурные памятники.

Сегодня в Республике Беларусь также многие предприятия предлагают экскурсии для туристов. Среди них как крупные промышленные комплексы (МАЗ, МТЗ и т.д.), так и небольшие производственные предприятия, находящиеся в средних и малых населенных пунктах. Это фабрика «Белхудожкерамика» в Радошковичах, фабрика «Слуцкие пояса» в Слуцке, «Валяльно-войлочная фабрика» в Смиловичах и т.д.

Предпосылками для развития промышленного туризма в Беларуси являются рост интереса к туризму как к одному из способов проведения свободного времени и заинтересованность производителей продукции в привлечении потенциальных покупателей. В связи с этим представляется важным использовать складывающуюся тенденцию для включения в сферу туризма сохранившиеся производственные предприятия, технологии, отдельные промышленные здания и сооружения. Это позволит выявить и сохранить объекты промышленного наследия, создать условия для комплексного изучения истории страны. У туристов появится возможность ознакомиться с сохранившейся и развивающейся технологией производства, историей, традициями. Особый аспект – это возможность привлечь инвесторов для реконструкции и реновации архитектурных памятников технической культуры Беларуси, в связи с расширением функционального использования промышленных объектов. Так как многие сохранившиеся небольшие фабрики и заводы находятся в малых населенных пунктах или в сельской местности, то это обуславливает перспективы развития самих поселений.

Представляется, что первоначальная задача адаптации имеющегося архитектурного опыта по созданию объектов промышленного туризма в условиях Беларуси заключается в выявлении определенного перечня сохранившихся производственных предприятий и зданий, на базе которых возможно формирование так называемых «действующих музеев». В рамках исследований, проводившихся на кафедре «Архитектура производственных зданий и архитектурные конструкции» БНТУ, был выделен ряд таких производственных предприятий. Среди них спиртзаводы в Березино, Верховичах, Толочине, Альбе, Сынковичах, Закозели, Совейках, Лынтупах, Великой Липе и т.д. Каждый из перечисленных объектов имеет свои особенности, в зависимости от года постройки производственного объекта и сохранности его оборудования, которые необходимо учитывать при создании промышленного туризма.

В районном центре Березино Минской области находится здание винокурни, представляющее собой историко-культурную ценность. Завод постройки конца XIX в. (1892г.) ранее принадлежал князьям Потоцким. В поселении располагаются родовая княжеская усадьба на правом берегу Березины, две православные церкви, католический костел и синагога.

Производственный корпус представляет собой постройку в стиле эклектики, в постройке использован бутовый камень и кирпич, белое обрамление окон контрастирует с яркой окраской фасада. В результате недавней реконструкции был улучшен внешний вид здания и установлено новое оборудование на производстве. При организации экскурсии на такой объект предполагается ознакомить туристов с историей населенного пункта и самого завода, после чего показать непосредственно сам производственный процесс получения спирта.

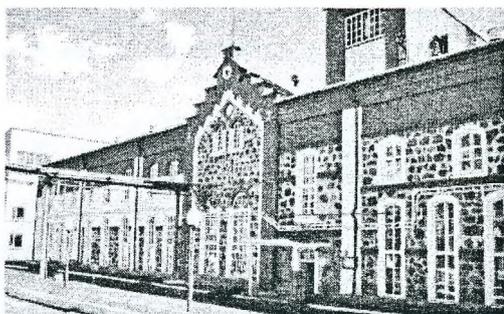

Рисунок 1 – Спиртзавод в г. Березино после реконструкции

В городском поселке Лынтупы Поставского района Витебской области также находится действующее спиртовое производство. Представляется, что трехэтажное здание постройки начала XX века может стать интересным объектом промышленного туризма. Здесь, как и в вышеупомянутом предприятии, предполагается возможным ознакомить посетителей с новыми технологиями производства спирта и провести их по основным производственным помещениям, предложить объекты отдыха и торговли.

Следует учитывать, что экскурсия в тот или иной населенный пункт будет тем интереснее, чем больше различных достопримечательностей сможет осмотреть турист. Таким образом, для организации более насыщенной и запоминающейся экскурсии туристам можно предлагать посетить такие объекты, как костел св. Апостола Андрея начала XX в., усадебный дом с арочным мостом через реку (начало XX в.) и башню-коптильню, построенную примерно в тот же период.

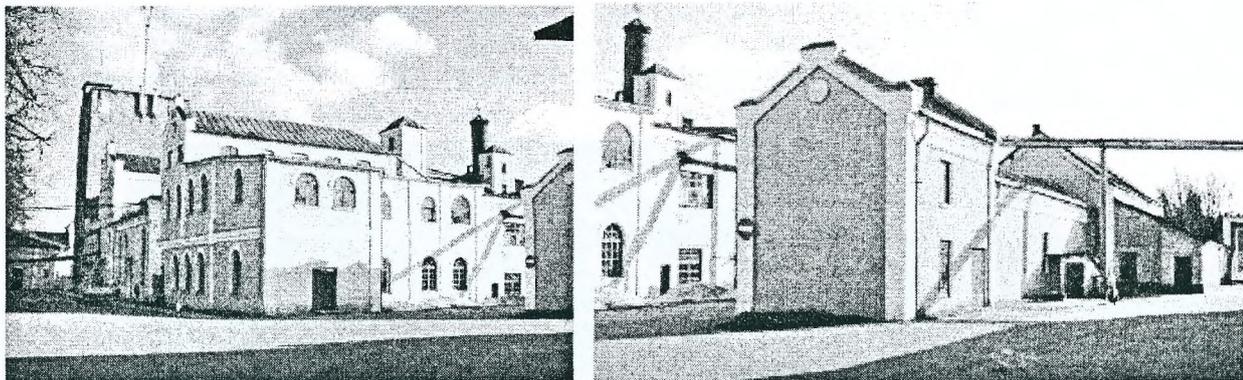

Рисунок 2 – Спиртзавод в г. п. Лынтупы

Если в Березино и Лынтупах находятся действующие спиртзаводы, то в деревне Великая Липа Несвижского района Минской области сохранились только корпуса спиртзавода, построенного в начале XX века. При ревитализации данного производственного объекта можно воссоздать процесс производства спирта по старым технологиям с оборудованием, которое не используется в современном производстве. В программу знакомства с поселением можно включить посещение усадьбы Обуховичей, браны-конюшни, Покровской церкви и двух часовен.

В рамках дипломного проектирования был разработан объект промышленного туризма на базе недействующего спиртзавода в д. Сынковичи Зельвенского района Гродненской области. На территории завода запроектирован новый производственный корпус для основного производства. В сохранившемся здании постройки начала XX века предполагалось разместить производство по старой технологии, открытое для посещения туристов.

Рисунок 3 – Спиртзавод в д. Великая Липа

В здании сохранилось оборудование, ранее использовавшееся для изготовления спирта. Поскольку у поселения интересная история, насыщенная событиями, предлагалось включить в туристский комплекс музей с экспозицией, посвященной истории поселения и завода. Сохранившийся корпус спиртохранилища предлагалось использовать для размещения выставочного зала продукции предприятия. В комплекс для обслуживания туристов были включены: корчма, магазин сувениров и гостиница, что увеличивало рентабельность реновации этого объекта и привлекательность для потенциальных инвесторов. Главная особенность проектного предложения для Сынковичей заключалась не только в обеспечении привлечения туристов для ознакомления с образцом промышленной архитектуры, но и с возможностью посещения восстановленной усадьбы конца – XIX – начала XX вв., церкви св. Михаила Архангела – памятника архитектуры XVI.

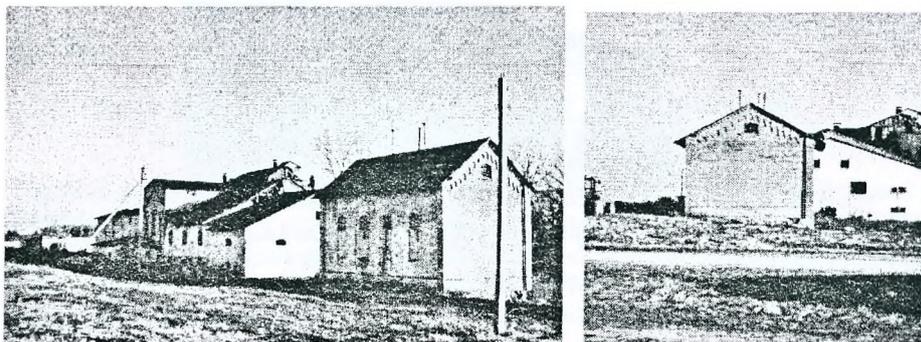

Рисунок 4 – Спиртзавод в д. Сынковичи, постройка начала XX в.

Формирование объекта промышленного туризма на базе существующего спиртзавода основывалось на проведении комплексной реконструкции сохранившихся построек, целью которой являлся максимальный возврат завода к первоначальному виду. Для этого предлагалось снести более поздние пристройки и надстройки, восстановить и реставрировать ранее существующие оконные и дверные проемы, очистить фасады от белой краски. В качестве внутренних работ в проекте предлагались: снос позднее возведенных перегородок, восстановление дверных проемов, лестниц, косметический ремонт помещений. Кроме работ по восстановлению внешнего вида завода, было разработано предложение по благоустройству территории всего комплекса, для организации и планировочного объединения производственной и общественной функций. Реализация такого предложения могла бы придать новый привлекательный вид поселению, создать новые рабочие места и дать возможность ознакомиться с объектами архитектурного наследия.

Рисунок 5 – Реновация спиртзавода в д. Сынковичи (дипломный проект студ. Ивкина Е. В., рук. Сысоева О. И.)

В дипломном проекте реализован такой подход к ревитализации производственных объектов, который позволяет не только их сохранить, но и создаёт условия для развития как производства, так и населенного пункта, для увеличения числа посещаемых мест в нашей Республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сысоева, О. И. Реконструкция промышленных объектов: Учебное пособие/ О. И. Сысоева. – Мн.: БНТУ 2005. – 136 с.
2. Otgaar, A. Industrial Tourism. Where the Public Meets the Private. – Rotterdam: ERIM, 2010. – 260 p.

ВОССОЗДАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ В БРЕСТЕ ДО 1837 г. (ПО ДАННЫМ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Брест (Берестье, Брест-Литовск) является одним из старейших городов Беларуси, первое упоминание о котором относится к 1017 г. На протяжении веков культурные традиции Берестья, расположенного на пограничье между Востоком и Западом, развивались под влиянием различных национальных и конфессиональных особенностей. Начиная с 1319 г., Берестье входит в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ), и это определяет дальнейшие тенденции развития зодчества, направленные в сторону западноевропейских стран. Город всегда занимал огромное значение в политической жизни всего Прибужского региона. После того, как в 1511 г. в городе было учреждено староство, здесь стали собираться сеймы и съезжаться государственные и религиозные деятели. После Люблинской унии 1569 г. Брест становится частью Речи Посполитой (РП). В 1590, 1594 и 1596 гг. в Бресте были соборы русского духовенства, которые утвердили две церкви: благочестивую (несоединенную) и униатскую (соединенную) [1, с. 13]. История унии неразрывно связана с Брестским храмом, в котором проходил собор православных патриархов и где, 9 октября 1596 г., она была провозглашена. Этот храм - церковь св. Николая. До сих пор сведения о древнем храме малочисленны, существуют приблизительные реконструкции его внешнего облика и внутреннего устройства. До наших дней дошла перестройка в русско-византийском стиле [2, с. 26], которая не соответствует облику древнего храма.

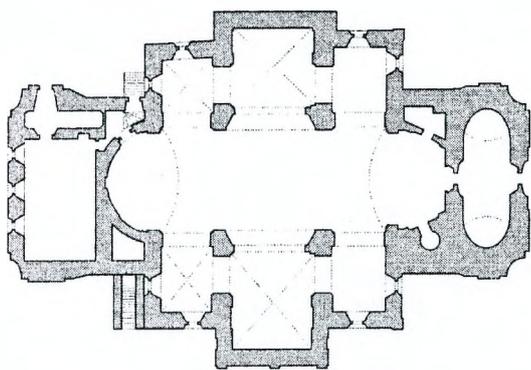
Первое упоминание церкви во имя св. Николая принадлежит преданию, в котором она описывается как храм «громных размеров ..., возведенный впоследствии на степень кафедры брестского епископа» [1, с.11]. Второй раз о существовании здесь православия и русской церкви упоминается в жалованной грамоте князя ВКЛ Витовта 1392 г., дающей городу магдебургское право [1, с.12]. Первоначальный облик церкви св. Николая безвозвратно утрачен. Сохранились только два изображения храма. Одно из них – самое раннее - на визитационном листе документов Брестской унии [3, с. 80]. Собор представлял собой храм оборонного типа с двумя трехъярусными башнями по углам главного входа и, возможно, более поздним, барочным завершением. Западноевропейское влияние отразилось также и при объемно-планировочном решении: церковь решена в виде вытянутой базилики с центральным нефом, который был выше боковых. Высокая двухскатная кровля с треугольным фронтоном между башнями завершает объем. Это изображение позволяет исследователям провести эволюционную цепочку развития типологии готических храмов оборонного типа XV-XVI вв. от двухбашенного объема к четырехбашенному, к таким известным храмам, как в Сынковичах, Маломожейкове и Супрасле, а также несохранившегося облика церкви св. Софии в Полоцке. Второе изображение храма сохранилось на гравюре Э. Дальберга 1657 г., которое доносит до нас уже новый облик церкви св. Николая [3, с. 81]. На этот раз храм представляет собой единый прямоугольный объем, накрытый высокой двухскатной кровлей. Утрачены две угловые башни. Вместо них появляются по углам четыре башенки, над которыми доминируют более высокие криволинейные барочные фронтоны, и главка в центре крыши. Как заметил известный белорусский исследователь М.А.Ткачев, «паступова, у інкастэлявяных храмах назіраюцца толькі дзве абарончыя вежы, што фланкіравалі уваход у будынак. Узор такога храма – царква св. Мікалая у Брэсце...» [4, с. 44].

После 3-го раздела РП в 1795 г. Брест вошел в состав Российской империи. Первым исследователем истории церкви св. Николая стал в XIX в. российский священник Лев Паевский. Все его изыскания были продиктованы в первую очередь не желанием изучить культурное наследие народа присоединенных новых западных земель, а поиском следов православия на этих «исконно русских» землях. Самыми ценными историческими документами явились найденные о. Л. Паевским в бывшей униатской церкви «как ненужный хлам» рукописные визиты церковью Брестской капитулы, в том числе и Св.-Николаевской церкви при кафедре Брестского епископа, «Liber visitationum Ecclesiae Cathedralis et Ecclesiarum Capitularium Brestensium» за 1759 г. [5, с.16]. Генеральный визит Св.-Николаевской церкви второй половины XVIII в., составленный в связи со смертью епископа Владимирского и Брестского Феофила Годаевского, подтверждает, что год ее постройки неизвестен. По свидетельству визитаторов, храм в прошлом являлся едва ли не самым древним и при этом самым величественным по идее и грандиозности постройки православным центром Прибужского региона. При описании визита о. Л. Паевский обращал внимание только на факты и предметы, «которые воочию являются истинными светочами православия в тяжелые и бурные времена унии» [5, с.19]. Поэтому данные визита нельзя назвать полными. Им обращается внимание на наличие среди принадлежностей алтаря антиминса, как неотъемлемой святыни православного храма. Следует заметить, что стол главного алтаря в униатских храмах сохранял антиминс – единственный атрибут, который присутствовал и на престоле православной церкви. Кроме антиминса в бывшем униатском соборе был установлен деревянный иконостас. Был ли он установлен после 1795 г. или находился там изначально – неизвестно, но иконостас довольно часто использовался и при униатском богослужении, особенно до Замойского собора 1720 г. Визит подчеркивает наличие в храме иконостаса, устроенного – «według dyalektu ruskiego». Античной формы резные царские ворота были покрыты художественным золотом и серебром. В церкви перечислялось большое количество икон в золотых и серебряных окладах, в том числе очень древней работы. Композицию трехъярусного иконостаса венчал деревянный крест [5, с.20]. Внешний облик церкви св. Николая генеральный визит описывает как каменное крестообразное сооружение с деревянным куполом над серединой крыши. Церковь была крыта гонтом.

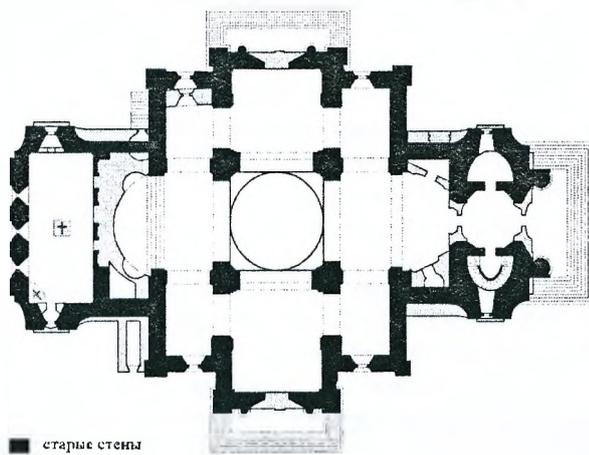
Реконструкция, выполненная в XX в. архитектором И.Б. Лавровской, представляет собой прямоугольный в плане центрический объем с центральным нефом выше боковых и 4 угловыми барочными башнями, накрытыми небольшими куполками. Башни имеют три яруса бойниц и согласно визитационному листу 1596 г. занимают в объеме храма доминирующее значение. В соответствии с гравюрой 1657 г. фасад главного входа завершается высоким криволинейным фронтоном, а над основным объемом храма в центре двухскатной кровли возвышается главка, с завершением, аналогичным угловым башням.

Церковь св. Николая была расположена к югу от базилианского монастыря и принадлежала к десятку каменных католических и православных культовых построек, сформировавших исторический центр Бреста к концу XVIII в. [6, с. 108.]. После 1795 г. конфессиональная политика Российской империи на вновь приобретенных землях Западной губернии была направлена в первую очередь на постепенную ликвидацию униатской церкви и как следствие уничтожению всего ее материального наследия. Не избежал этой участи и греко-католический собор св. Николая. Упраздненные униатские и католические храмы либо перестраивались по образцу греко-русских церквей, либо их приспособляли под другие учреждения (например, базилианский монастырь в Бресте стал казармой), либо вовсе уничтожались. При переустройстве в православную церковь главным требованием при реконструкции интерьера являлось устройство иконостаса для православного богослужения, внешнему же облику «возвращался национальный характер истинно русской церкви». При этом исторический облик древних храмов утрачивался навсегда.

План до перестройки в греко-русскую церковь, 1836 г.

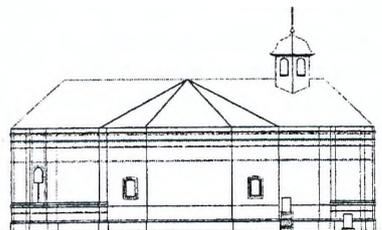
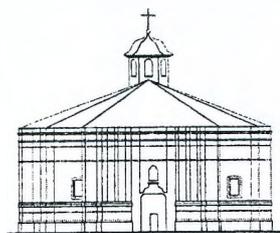

План к перестройке в греко-русскую церковь, 1837 г.

- старые стены
- стены, предполагаемые к спосу
- новые стены
- линия перенесения столбов для квадрата каменного свода

Греко-католический собор Святого Николая в г. Бресте до перестройки 1836 г. Фасады

Возможность представить себе, как выглядел храм св. Николая до 1837 г., дают нам чертежи собора, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве г. Москвы (ЦГВИА), которые были исполнены юнкером Ломтевым в ноябре этого же года [7]. Чертежи были сделаны для передачи в Строительный комитет Министерства Внутренних Дел Санкт-Петербурга для составления проекта перестройки бывшего униатского собора согласно общероссийским правилам и постановлениям Строительного устава. Проект перестройки Св.-Николаевской церкви, выполненный архитектором Памасе(у)дловым (?) в русско-византийском стиле в 1837 г., убрал башни, заменив их традиционным русским пятиглавием и пристроенной над притвором восьмигранной шатровой колокольной [8]. Древнерусские традиции зодчества отразились в элементах декора: кокошники, килевидные арки и др. Но нас, безусловно, в большей степени интересуют чертежи до реконструкции. Известно, в какой мере чертежи ЦГВИА отражают композицию древней церкви. Планировка храма представляла собой четко выраженный крест с четырьмя столпами-опорами. Центричной крестообразной планировке основного объема храма, который вполне мог принадлежать более раннему периоду, придают вытянутую форму базилики, пристроенное заалтарное пространство и притвор. Использование на фасаде барочных полукруглых, изогнутых вовнутрь толщины стен, углублений-ниш характерно только для пристроенных частей церкви. Более древняя планировка храма, меньшая по объему, возможно, представляла собой квадратный крест с полукруглой апсидой. Центральный неф был перекрыт цилиндрическим сводом, боковые – крестовыми. Объем креста выделялся по ширине. В толще стены притвора, слева от входа, хорошо прочитывается винтовая лестница, ведущая на хоры и, что вполне возможно, на верхний ярус угловой башни. Планировка показывает невозможность использования иконостаса в связи с отсутствием свободного пространства за ним. Напротив, во внутреннее устройство храма хорошо вписывается открытый алтарь католического типа, что не соответствует данным визита Ф. Годабского за 1759 г. Сохранившиеся исторические сведения и чертежи требуют дальнейшего более детального изучения. От внешнего объема древнего храма, по всей видимости, сохранился только фундамент и нижняя часть стен. Бросается в глаза несоответствие между монументальным величием нижней части храма и более чем скромным завершением в виде двухскатной кровли и небольшой башенкой с главкой, расположенной на этот раз не в центре кровли, как указано на гравюре 1657 г., а над алтарной частью. Своим оригинальным

решением привлекает внимание сохранившийся портал главного входа. Он представляет собой углубленную в плоскость стены нишу со сложным криволинейным очертанием в завершении дверного проема. Изогнутый профиль портала венчает полочка со сложным архитектурным обломом, над которой расположено арочное окно. Стилистический анализ портала главного входа относит его к барокко.

Перестройка по проекту 1837 г. полностью изменила облик церкви св. Николая. Для устройства каменного свода были немного перенесены столбы, чтобы образовать необходимый квадрат в центре. В эллипсоидном притворе была устроена полукруглая лестница, ведущая в шатровую колокольню над входом. Исчезла винтовая лестница в толще стены, изменена форма и порядок размещения окон. Скошенный угол основного объема храма был выпрямлен. Центричность планировки стала подчеркиваться куполом и прорубленными дополнительными входами с двух сторон креста основного объема. Входные группы были решены в одном стиле и фланкировались по сторонам колоннами. Внутренняя полукруглая стена апсиды была разрушена для устройства клироса, иконостаса и алтаря за ним. Несмотря на перестройку в XIX в. в византийско-русском стиле, храм сохранил свои особенности. Во-первых, это заложенная в первой планировке акцентированная форма креста в плане. Во-вторых, эллипсоидный притвор, редко встречающийся в храмовой архитектуре. В-третьих, своеобразие внешней формы. Архитектурный облик церкви св. Николая выражал исторические особенности региональной архитектуры. Можно предположить, что более ранний облик Свято-Николаевской церкви, был характерен для культового строительства Бреста второй половины XVIII в. Стилистическая направленность, в которой больше проявлялись черты западноевропейского влияния барокко, не отличалась вытянутыми изящными пропорциями, высокими ажурными башнями, расчлененными различными раскреповками. Тогда как влияние местных традиций, позволивших сформироваться в отдельное стилистическое направление «виленскому» барокко, было больше характерно для восточных регионов Беларуси, а именно Полоцкой епархии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паевский, Л. Город Брест-Литовск и его древние храмы / Л. Паевский. - Гродно, 1894. - 107 с.
2. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі. Энцыклапедычны даведнік / А.М. Кулагін; гал. рэд. Г.П. Пашкоў. - Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2001. - 327 с.: іл.
3. Города, местечки и замки Великого княжества Литовского. Энциклопедия / редкол.: В. Саламаха (гл. ред.) [и др.] - Минск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2009. - 310 с.
4. Ткачоў, М.А. Замкі Беларусі XIII-XVII ст. / М.А. Ткачоў. - Мінск : Палымя, 1977. - 73 с.
5. Паевский, Л. Жировицкий и Брест-Литовский архивы (к вопросу о значении провинциальных архивов для западно-русского края) / Л. Паевский. - Гродно, 1894. - 51 с.
6. Квитницкая, Е.Д. Монастыри Бреста XVII - XVIII вв. / Е.Д. Квитницкая // Архитектурное наследие: сб. научн. тр. / ЦНИИТиА; под ред. О.Х. Халпахьяна. - М. : Стройиздат, 1979. - Вып. 27. - С. 108 - 121.
7. Российский государственный военно-исторический архив Москвы (РГВИА). - Фонд 349. - Оп. 4. - Д. 262. Чертеж Греко-Униатского собора св. Николая. 1836 г. - 1 лл.
8. РГВИА. - Фонд. 349. - Оп. 4. - Д. 272. Фасад Униатскому собору св. Николая, предполагаемому к постройке в Греко-Российскую церковь. 1837 г. - 1 лл.

УДК 691.51

Тур Э.А., Басов С.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ МИНЕРАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ПРИ ПОСТРОЙКЕ ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА САПЕГ В РУЖАНАХ

Основным направлением развития современного строительства является повышение технологичности и качества вновь возводимых объектов. Однако постоянное совершенствование методов строительных работ не снимает одну из важнейших задач – сохранения архитектурного наследия прошлого с учётом старых технологий. Научный подход к вопросам реставрации памятников культуры в Республике Беларусь берёт своё начало с 1969 года, с момента создания физико-химической лаборатории при специальных научно-реставрационных производственных мастерских Министерства культуры БССР. Научные исследования по вопросам реставрации историко-культурного наследия Республики Беларусь продолжаются и в наше время в различных лабораториях и вузах.

Дворцовый комплекс в Ружанах называют Белорусским Версалем. Он был возведён в начале XVII века. Здесь была родовая резиденция могущественных Сапегов. Изначально в Ружанах в 1617 году была построена неприступная крепость. Существует легенда, что подземный ход соединял дворец с церковью в Сынковичах и дворцом в Коссово.

Во время Северной войны (1700-1721 гг.) каменный дворец был практически разрушен. Годы второго рождения имени стали 1784-1788 гг. Архитектор Ян Самуэль Беккер по поручению Александра Михала Сапеги создал новый комплекс в стиле классицизма с элементами барокко. Ян Беккер предал дворцу симметрический классический вид: включил башню старого оборонительного сооружения в объём здания, украсил фасад двумя парами колонн коринфского ордера и треугольным фронтоном. К главному фасаду был пристроен накладной портик с двойными колоннами и пилястрами, завершающийся треугольным фронтоном со скульптурой. На парковом фасаде появились новые детали: монограмма владельца с буквами "AS", лепное украшение в виде выгнутого картуша с букетом цветов и грабель-

ками – типичный пасторальный мотив в стиле рококо (характерный для первой половины XVIII ст.). Этот фасад был украшен террасой. По проекту дворец полуциркулярными арками соединялся с боковыми, симметрично расположенными вдоль оси официнами. Правую официну занимал театр, в котором находилась королевская ложа. На главной оси располагалась въездная брама с двумя боковыми флигелями. В замкнутом пространстве двора площадью 1,5 га центральное место занимал главный корпус. Он представлял собой объединение двух объемов разной величины, в большем из которых находились балльный зал, вестибюль и парадная двухсторонняя лестница, которая освещалась двумя ярусами окон, археологический кабинет-музей и огромная библиотека с экслибрисом художника Францишка Больцевича. Во дворце имелись богато украшенные драгоценными тканями и позолотой помещения: большой зал, “зеленый” зал, библиотека, скарбец за железными дверьми, арсенал с зарешеченными окнами, часовня с алтарем, многочисленные гардеробные и помещения для лакеев и др. В покоях имелись скульптуры, картины, камин, белые печи, украшенные лепниной. Лепнина также украшала двери. Параллельно дворцу по оси симметрично были размещены въездные ворота, которые соединяли два двухэтажных жилых флигеля для “кардэгарды” (охрана) и канцелярии. Ворота имели вид триумфальной арки, в которой был центральный проезд и два боковые. Нижняя их часть была рустована, а верхняя украшена картушами и гирляндами, вырезанными из мореного дуба. Перед воротами на постаменте стояла скульптура женщины, рука которой показывала в сторону Березы-Картузской, где были похоронены Сапеги. Таким образом, въездная брама, поставленная в виде трехпролетной арки с железными воротами и калитками в боковых проемах, с боковыми флигелями завершала ансамбль дворцового комплекса. Парк Ружанского дворца располагался с северной стороны ансамбля и был разбит по принципу радиально-лучевого расположения аллей.

Ружанский дворец славился театром, богатой картинной галереей. Гордостью владельцев была и самая крупная библиотека Великого княжества Литовского.

В конце XIX - начале XX вв. Ружанский дворец использовался как ткацкая фабрика, а в 1914 г. в результате пожара был сильно разрушен, затем частично реставрировался в 1930 г. Наибольший урон дворцовому комплексу нанесла Вторая мировая война: в 1944 г. он был разрушен во время военных действий. До нашего времени сохранились главный и восточный корпуса, аркады, въездная брама, флигели. С 2010 г. ведется реконструкция Ружанского дворцового комплекса. Восстановление Ружанского дворца разбито на очереди. На сегодняшний день завершена реставрация въездной брамы, западного и восточного флигелей.

При проведении реставрационных работ в Ружанском дворце использовались материалы, максимально идентичные тем, которые применялись строителями XVII века. Но такого древнего кирпича в настоящее время не найти, и подобрать материал подобного качества – большая проблема. Партию аутентичного кирпича изготовили в своих «палестинах» – на Горынском кирпичном заводе (Столинский район). Для восстановления княжеского дворца было направлено около 80 тысяч штук псевдостарого кирпича. Кроме того, серьезной проблемой оставался состав раствора, используемый для кирпичной кладки. Средневековые строители изготавливали его на основе гашеной извести. Процесс был достаточно длительным: в яму помещали известь, добавляли реагенты, засыпали землей и через пять лет извлекали кладочный состав. Полностью средневековую смесь для кладки кирпича никто в мире, увы, воспроизвести не смог. После долгих исследований было принято решение использовать сухие смеси двух белорусских производителей, специально предназначенные для реставрационных работ. Данные составы примерно на 90 процентов соответствуют старинной рецептуре.

В настоящее время готовится проектно-сметная документация на восстановление театрально-манежного комплекса. Он интересен тем, что левую его часть занимал манежный зал с галереей для зрителей, а правую – театр. Все строения этого необычного здания решались в стиле раннего классицизма.

Авторами в декабре 2011 г.– январе 2012 г. были проведены физико-химические исследования строительных растворов материалов и окрасочных составов театрально-манежного корпуса.

Цель исследования – изучение технологических особенностей исходных штукатурных растворов, определение первоначальных окрасочных составов и разработка методических рекомендаций по проведению ремонтно-реставрационных работ на фасадах здания.

Для анализа представленных образцов применялись микрохимический, гранулометрический и петрографический методы исследований.

Цвета лакокрасочных покрытий и отделочных составов указаны по каталогу «3D plus» компании CAPAROL. Цвет покрытия определялся путём визуального сравнения образца с эталонной типографской выкраской. Для устранения метамерии определение цвета проводилось при рассеянном естественном освещении. Результаты испытаний приведены в таблице 1.

В результате испытаний установлено, что все соответствующие исследованные штукатурные известково-песчаные растворы практически не отличаются соотношением компонентов и составом. На большинстве образцов не обнаружено следов финишного лакокрасочного покрытия.

В нижней части основной плоскости стены обнаружен фрагмент известкового финишного лакокрасочного покрытия блеклого светлого серо-зеленоватого цвета. Цвет покрытия близок к образцу Jade 90 L93.C10.H110 по каталогу «3D plus» компании CAPAROL.

На откосе окна 2-го этажа восточного фасада обнаружен сильно мелящийся известковый состав светло-серого цвета. Цвет покрытия близок к образцу Опух 60 L93.C4.H70 по каталогу «3D plus» компании CAPAROL.

Таблица 1 – Результаты испытаний строительных растворов и окрасочных составов

№	Наименование объекта	Результаты исследований
1	2	3
1	Основная плоскость стены 1-го этажа	<ul style="list-style-type: none"> Штукатурный раствор светло-серого цвета, известково-песчаного состава, с количественным соотношением компонентов вяжущего и заполнителя 1:3 – 1:3,5. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно средней (размер зерна 0,5-0,25 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном кварцевый песок. В составе раствора обнаружены в большом количестве (около 5 % по массе) крупные включения извести размером от 1-2 мм до 3 мм. Очевидно, при приготовлении раствор был плохо вымешан. Раствор сохранил высокую прочность. рН = 8,5. Следов финишного лакокрасочного покрытия не обнаружено.
2	Выступающая плоскость стены (лопатка) 1-го этажа	<ul style="list-style-type: none"> Штукатурный раствор светло-серого цвета, известково-песчаного состава, с количественным соотношением компонентов вяжущего и заполнителя 1:3 – 1:3,5. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно средней (размер зерна 0,5-0,25 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном кварцевый песок. В составе раствора обнаружены в большом количестве (около 5 % по массе) крупные включения извести размером от 1-2 мм до 3 мм. Очевидно, при приготовлении раствор был плохо вымешан. Раствор сохранил высокую прочность. рН = 8,5. Следов финишного лакокрасочного покрытия не обнаружено.
3	Откос окна 2-го этажа	<ul style="list-style-type: none"> Штукатурный раствор светло-серого цвета, известково-песчаного состава, с количественным соотношением компонентов вяжущего и заполнителя 1:3 – 1:3,5. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно средней (размер зерна 0,5-0,25 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном кварцевый песок. В составе раствора обнаружены в большом количестве (около 5 % по массе) крупные включения извести размером 1-2 мм. Очевидно, при приготовлении раствор был плохо вымешан. В составе раствора присутствуют частицы полевого шпата размером 1-2 мм в количестве 5-7% по массе. По-видимому, песок, используемый для приготовления раствора, не просеивали. Раствор сохранил высокую прочность. рН = 9. Следов финишного лакокрасочного покрытия не обнаружено.
4	Основная плоскость стены 2-го этажа	<ul style="list-style-type: none"> Штукатурный раствор светло-серого цвета, известково-песчаного состава, с количественным соотношением компонентов вяжущего и заполнителя 1:3 – 1:3,5. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно средней (размер зерна 0,5-0,25 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном кварцевый песок. В составе раствора обнаружены в большом количестве (около 5 % по массе) крупные включения извести размером 1-2 мм. Очевидно, при приготовлении раствор был плохо вымешан. В составе раствора присутствуют частицы полевого шпата размером 1-2 мм в количестве 5-7% по массе. Вероятно, песок, используемый для приготовления раствора, не просеивали. Раствор сохранил высокую прочность. рН = 9. Следов финишного лакокрасочного покрытия не обнаружено.
5	Плоскость лопатки 2-го этажа	<ul style="list-style-type: none"> Штукатурный раствор светло-серого цвета, известково-песчаного состава, с количественным соотношением компонентов вяжущего и заполнителя 1:3 – 1:3,5. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно средней (размер зерна 0,5-0,25 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном кварцевый песок. В составе раствора обнаружены в большом количестве (около 7-8 % по массе) крупные включения извести размером 5-6 мм. Очевидно, при приготовлении раствор был плохо вымешан. В составе раствора присутствуют частицы полевого шпата размером 1-2 мм в количестве 5-7% по массе. По-видимому, песок, используемый для приготовления раствора, не просеивали. Раствор сохранил высокую прочность. рН = 8,5-9. Следов финишного лакокрасочного покрытия не обнаружено.
6	Низ основной плоскости стены	<ul style="list-style-type: none"> Штукатурный раствор светло-серого цвета, известково-песчаного состава, с количественным соотношением компонентов вяжущего и заполнителя 1:3 – 1:3,5. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно средней (размер зерна 0,5-0,25 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном кварцевый песок. В составе раствора обнаружены в большом количестве (около 5 % по массе) крупные включения извести размером 1-2 мм. Очевидно, при приготовлении раствор был плохо вымешан. В составе раствора присутствуют частицы полевого шпата размером 1-2 мм в количестве 5-7% по массе. По-видимому, песок, используемый для приготовления раствора, не просеивали. Раствор сохранил высокую прочность. рН = 9. Следы известкового финишного лакокрасочного покрытия блеклого светлого серо-зеленоватого цвета. Цвет покрытия близок к образцу Jade 90 L93.C10.H110 по каталогу «3D plus» компании CAPAROL. рН водной вытяжки покрытия = 8. Состав практически полностью разрушен. Исследован найденный фрагмент размером около 3х5 см.
7	Восточный фасад. Откос оконного пролёта 2-го этажа	<ul style="list-style-type: none"> Штукатурный раствор светло-серого цвета, известково-песчаного состава, с количественным соотношением компонентов вяжущего и заполнителя 1:3 – 1:3,5. В качестве заполнителя использовался разнозернистый песок преимущественно средней (размер зерна 0,5-0,25 мм) фракции. Минеральный состав наполнителя полевошпатово-кварцевый, в основном кварцевый песок. В составе раствора обнаружены в большом количестве (около 5 % по массе) крупные включения извести размером 1-2 мм. Очевидно, при приготовлении раствор был плохо вымешан. В составе раствора присутствуют частицы полевого шпата размером 1-2 мм в количестве 5-7% по массе. По-видимому, песок, используемый для приготовления раствора, не просеивали. рН = 8,5-9. Лицевая поверхность образца окрашена сильно мелящимся, разрушенным известковым составом светло-серого цвета. Цвет покрытия близок к образцу Олук 60 L93.C4.H70 по каталогу «3D plus» компании CAPAROL. рН водной вытяжки покрытия = 8-8,5.

При проведении реставрационных работ следует учитывать, что оригинальная штукатурка выполнена известково-песчаными составами, обладающими высокой пористостью, газо- и паропроницаемостью. В связи с этим к материалам, используемым при проведении реставрационных работ, предъявляются следующие требования:

- материалы по своим эксплуатационным характеристикам должны быть аналогичны первоначальным;
- материалы должны быть химически совместимы с оригинальными и обладать высокой щёлочестойкостью.

Проведению штукатурных и окрасочных работ должны предшествовать такие вспомогательные работы, как ремонт и восстановление кровли, водосточных систем, а также работы по гидроизоляции здания.

Поэтому рекомендуется следующая схема проведения ремонтно-реставрационных работ:

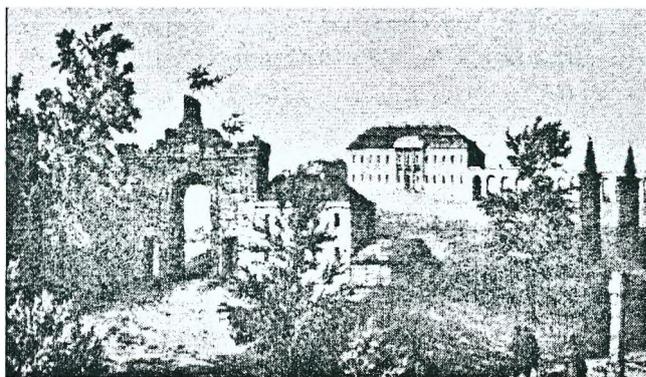
- удаление деструктированных (разрушенных) фрагментов штукатурного слоя;
- подготовка поверхности под покраску: восполнение утраченных фрагментов штукатурки, по необходимости – новые штукатурные работы; грунтование поверхности фасадов;
- окрашивание поверхности фасадов.

При обследовании состояния штукатурного слоя (визуальный осмотр, метод простукивания) следует выявить ослабленные участки штукатурки, которые в обязательном порядке подлежат удалению. Оставшуюся после простукивания, прочно держащуюся штукатурку следует обеспылить. Допускается промывка поверхности холодной водой. При глубокой деструкции штукатурки её фрагменты следует удалить механически. Отбивку штукатурки следует осуществлять небольшими участками, по возможности стараясь сохранить подлинную (оригинальную) штукатурку. Удаление деструктированного слоя следует проводить до прочно держащихся фрагментов оригинальной штукатурки.

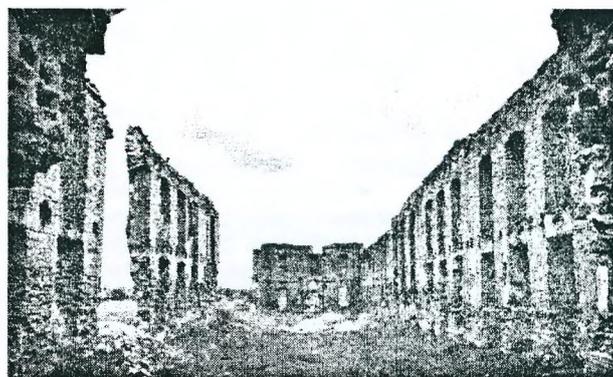
Для восстановления штукатурного слоя рекомендуется использовать штукатурные смеси на основе известково-вяжущего, не содержащие цемента, обладающие водостойкостью, высокой паропроницаемостью и адгезией к основанию. В частности рекомендуется штукатурная сухая смесь «Тайфун Мастер №28» или аналогичная других производителей, специально предназначенная для выполнения реставрационных штукатурных работ по основаниям исторических зданий и памятников архитектуры, где требуется применение растворов, не содержащих цементное вяжущее. Для выравнивания неровно затёртой штукатурки и затирки микротрещин рекомендуется использовать известковую затирку на основе диспергированной белой извести «Calcimir Kalkschlamme» или аналогичную других производителей, специально предназначенную для выполнения реставрационных работ по основаниям исторических зданий и памятников архитектуры, где требуется применение растворов, не содержащих цементное вяжущее. Перед оштукатуриванием поверхность необходимо тщательно обеспылить и очистить от загрязнений. При проведении штукатурных, затирочных и грунтовочных работ следует соблюдать инструкции и рекомендации предприятия-изготовителя строительных материалов, используемых в реставрационных работах.

Окрашивание поверхности следует проводить составами, формирующими покрытие с высокой паропроницаемостью и низким водопоглощением. Для этого в наибольшей степени подходят водно-дисперсионные краски, модифицированные силиконовыми смолами и содержащие силикаты. Такие краски образуют наиболее микропористое покрытие, гидрофобное покрытие с низким грязеудержанием и могут наноситься на высокощелочные основания известковых штукатурок. В частности рекомендуются краски «AmphiSilan - Caparol» и «Capasilan - Caparol», которые специально предназначены для проведения реставрационных работ по богатым известью основаниям. Могут применяться также высококачественные известковые краски «Histolith Fassadenkalk», «Histolith Innenkalk», «Calcimur Fassaden-Kalkfarbe» компании CAPAROL, специально предназначенные для реставрационных работ по известковым основаниям, имеющие хорошую паропроницаемость, возможно применение аналогичных красок других производителей, специально предназначенных для реставрационных работ. Производить покраску фасадов рекомендуется не ранее чем через 28 суток после выполнения всех подготовительных (штукатурных и т.д.) работ.

Недопустимо использование при окраске данного фасада обычных водно-дисперсионных красок на основе акриловых полимеров. В этом случае может произойти омыление полимерного плёнкообразователя, что сопровождается шелушением краски, отслоением её от подложки и изменением первоначального цвета. Кроме того, низкая паропроницаемость покрытия может привести к его отслоению от минеральной подложки.

Дворец Сапегов на литографии с рисунка Наполеона Орды

Театрально-манежный корпус, использованный в конце XIX – начале XX века под ткацкую фабрику

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитин, Н.К. Химия в реставрации: справ.пособие / М.К.Никитин, Е.П.Мельникова.–Л.:Химия, 1990.–304 с.
2. Ивлиев, А.А. Реставрационные строительные работы / А.А. Ивлиев, А.А. Кальгин. – М.:ПрофОбрИздат, 2001.– 272 с.
3. Фрессель, Ф. Ремонт влажных и поврежденных солями строительных сооружений.– М.:ООО«Пэйнт-медиа», 2006.–320 с.
4. Ратинов, В.Б. Химия в строительстве / В.Б. Ратинов, Ф.М. Иванов. – М.:Стройиздат, 1969.–198 с.
5. Чехов, А.П. Коррозионная стойкость материалов.– Днепропетровск: Промінь, 1980.– 190 с.

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА БРЕСТСКОЙ ЭКЛЕКТИКИ

Исследуя пространственную среду города XIX века, обращаешь особое внимание на камерный язык декоративно-убранства кирпичных фасадов улиц, который имеет свой ритм и звучание. Сегодняшний облик архитектурной среды совершенно иной по своему художественному выражению. Он более жесткий, рациональный и резкий, а отсутствие декора является естественным для современных сооружений, и его присутствие рассматривается как не естественное выражение вкуса архитектора, который обязан по стереотипу строить сегодняшние формы, сводя их к механической сумме утилитарного и декоративного. Разница в ощущениях от монотонности и упрощенности новой застройки и художественной выразительности зданий конца XIX века – явная. Старая часть городской застройки Бреста, ещё в малых уцелевших кусочках, позволяет внимательно в неё вглядываться и находить неповторимые образы для исследования, как бы торопя во времени, рассказать об особом стиле архитектурной пластики.

Конец XIX века ознаменовался в городе развитием мелкой промышленности и торговли. Увеличивается количество общественных, промышленных и жилых домов. Главенствующим стилем, определяющим архитектурный облик застройки, становится эклектика. Её значение в истории архитектуры ещё совсем недавно было второстепенным и определялось как переходный период формообразования в поиске новых решений. Вопросы стиля в теории архитектуры встают перед исследователями для уточнения и углубления в ранее составленных представлениях о целостности типологических чертах и значении определенного периода развития стиля архитектуры. Эклектика как цельное явление в рамках определенной эпохи рассматривалась в её разнохарактерном не ёмком явлении. Причина её возникновения определялась как переходный период от конца одного культурно-исторического времени и началом нового, которое получило свои отличительно иные качественные черты в период модерна в начале XX-го века. Эклектика завершает собою эпоху, начатую в Европе архитектурой Ренессанса, где в целом обновление и переосмысление традиции немислимо без форм, сохраняющих зримое сходство и прототип, выполняющих роль стилеобразующего фактора.

«Эклектизм освободил архитектуру и декоративное искусство от классицистической нормативности. Пространственно-конструктивная структура среды не подчинялась более стереотипам художественной формы, её организация стала чисто рациональным процессом. Художественное значимое стали накладывать на утилитарную основу как нечто дополнительное, подчиняемое заданным габаритам. Однако главным фактором развития «стиля выбора», каким была эклектика, стал поиск метафоры, которая могла бы выразить функцию» [1]. Она становится главным действующим лицом в театрализованном представлении текущего времени и одевается в одежду, которую архитектор подбирает для неё согласно роли в социальном сюжете. Так, например, для зданий, предназначенных для банковского дела, был положен «костюм» палатцо флорентийского Ренессанса. Для театров и опер стал использоваться стиль Людовика XIV. Но линия развития, следующая за приёмами различных исторических стилей, постепенно утрачивала содержательность, и к 80-90-м годам XIX века от неё остались только усредненные символы, применявшиеся по инерции. Как и в любом архитектурном стиле, в эклектике можно отметить национальные или в данном случае местные особенности и черты.

Какие причины способствовали развитию данного стиля в Бресте? В чем необычность архитектурной пластики города этого исторического периода? Она создавалась как естественное продолжение общего замысла архитектурной линии застройки улиц. Прямоугольная сетка планировочного каркаса соответствовала регулярной классической схеме многих городов России и Белоруссии и в частности Петербурга. Центр города напоминал Васильевский остров столицы, где каждая улица перпендикулярно примыкала к другой и была параллельна следующей.

Так, с 1825 по 1860 год население города увеличилось на 8343 человека. В городе было 55 каменных домов и 757 деревянных [2]. Высота домов изначально была обусловлена 2-3-мя этажами, по причине строительства с использованием деревянных материалов, не позволявших возводить многоэтажные жилые дома. Вторая причина, по которой высота застройки была ограничена, заключалась в недостатке денежных средств, необходимых для строительства из кирпича. Жители - переселенцы из старого города, располагавшегося на территории сегодняшней крепости, только частично получили компенсацию за разрушенное жильё при переезде на новые участки, выделенные царским правительством для строительства нового города [3]. Только отдельные жители, обладающие капиталом, – местная аристократия, лица высших военных чинов, помещики могли позволить себе строительство из кирпича (рис.3). Третья – это запрет Военного Министерства строить здания выше 3-х этажей в оборонительных целях из-за близости военного объекта – укрепленной Цитадели, одной из самых огромных в Европе на тот период времени [4].

Только к концу XIX века ситуация меняется, и строительство домов из кирпича становится востребованным, количество богатых горожан в городе возрастает из-за развития мануфактурного производства. А пожары 1895 и 1901 годов сыграли роль катализатора в формировании новой застройки. В календаре-справочнике «Брест» за 1913 год даётся справка: «На месте прежних деревянных хибарок выросли каменные двухэтажные дома красивой, во многих случаях стильной архитектуры: на месте прежних лавчонок, в особенности на главной Шоссейной улице, названной теперь в ознаменование 100-летнего юбилея Отечественной войны проспектом императора Александра I, появились вполне благоустроенные магазины с витринами а-ля Невский» [5].

Парадность застройки создавалась за счет количества деталей, наполняющих фасады зданий. Декоративность начинает преобладать над внутренней целостностью. Синтаксис ансамбля, предполагавшего правила сочетания форм и элементов, постепенно заменился цитатами из архитектурных деталей различных исторических стилей, вставленных в текст фасадов. Хотя общая повествовательность кварталов, не очень протяженных в масштабе всего города, продолжала традицию средневекового построения улицы, где каждый дом мог быть интереснее другого, тем самым претендуя на особую роль в общем повествовании художественного текста. Отдельно взятый фасад можно рассматривать, исходя из подобных построений, как картинную плоскость. Это утверждение согласуется с той ролью, которую занимал провинциальный архитектор в структуре административного подчинения губернскому авторитету в общеимперском механизме управления. Интерес к отточенной декоративности фасада связан с той ролью, которую играла архитектура наряду с литературой и изобразительным искусством в середине XIX века. Архитектор как прикладник больше относился в то время к ремесленнику, чем к мастеру высокого жанра. «Живопись и ваение казались неизмеримо более «изящными» искусствами, чем архитектура, бывшая, по мнению классицистов, искусством «относительно» изящным. Но иерархия искусств, противопоставление станковых произведений «чистого» искусства искусству прикладному, то есть практически полезному оставались так же, как уходящее корнями в эпоху Возрождения противопоставление ремесленника художнику, артисту, за которым угадывался сословный антагонизм, неравенство образовательного ценза, различный социальный статус мастеров» [6]. Из-за этого становится понятным, почему провинциальный архитектор с особым усердием относился к рисунку лепнины декоративного пластического ковра здания, стараясь показать свою причастность к сословию художника или скульптора, при этом используя плоскость фасада как большое полотно, а детали как части геометрической скульптуры. В центре города застройка была каменной, 1-3-этажные здания строились плотно друг к другу, создавая сплошной фронт уличных фасадов, ритмично пронизанных въездными арками во внутренние дворы. Срабатывал и другой стереотип мещанского уклада жизни, где мой дом должен быть лучше, чем у соседа. Отсюда различные варианты композиционных построений архитектурного декора, сложенного из нестандартных фигурных кирпичей, требующих особой формы для обжига. Парадный фасад был украшен различными элементами ордерной пластики: аттики, сандрики, антаблемента, малые фронтоны различной конфигурации над оконными проемами, пилястры, лопатки, сухарики, что придавало зданиям неповторимую индивидуальность. В общем линейном развитии улицы выдерживался единый ритм, соизмеряемый с масштабом застройки. Карнизы последовательно переходили один в другой, хотя их элементы могли быть различны. Декор окон и отдельных частей одного здания не спорил пропорциями со стоящим рядом домом. Плотность застройки диктовала её развитие вглубь квартала, где она имела нередко сложную в плане конфигурацию. Дворовой фасад очень часто был лишен декоративного оформления.

Одной из причин такого обостренного чувства отношения к детали у архитектора XIX века явилось то, что в Бресте главным сооружением, накладывающим свой отпечаток на все типы жилых и общественных зданий, являлась Крепость, выстроенная по образцовым технологиям того времени из красного кирпича, имеющего самую высокую марку качества. Отсюда становится понятным, что «кирпичный стиль» Бреста сложился как отклик на военную архитектуру цитадели, имевшую специфические детали, заимствованные из оборонительных сооружений средневековья с характерными элементами: башнями, зубцами, тяжелыми ступенчатыми кронштейнами. Именно первый проект оформления ворот кольцевой казармы, с узкопоставленными башнями и амбразурами, предложенный архитектором А. Идзковским, и определил впоследствии средневековую стилистику решения Холмских ворот в конце XIX века [7]. Хотя фасады внутреннего кольца крепости своими архитектурными элементами соответствовали казарменному классицизму эпохи Николая I.

Ещё одним сооружением, повлиявшим на архитектуру города конца XIX века, было здание центрального вокзала, торжественно открытого 28 мая 1886 года. Его архитектура изысканно утончена в духе позднего романтизма и нетрадиционна по своему стилю. Она не похожа на пышные европейские вокзалы того времени. Композиционным центром здания являлась башня-резолит с легкими арочными поясами, поддерживающими карниз, заканчивающийся зубцами и ажурным аттиком. Три арочных портала, продолжая линию пилонов, завершаются узкими башенками. Облик вокзала соответствовал архитектурному образу загадочного замка (рис.1). А автор «Путеводителя по Александровской железной дороге» 1912 года сравнивал его со средневековой крепостью, расположенной на острове [8]. Брестский вокзал «по праву считался единственным в России по изяществу и удобству», а качество отделки позволяло ему быть вплоть до Первой мировой войны образцом для подражания при ведении строительных работ [9].

Существовала и промышленная основа для развития кирпичного стиля. Так, в 1868 г. при Брест-Литовской крепости начала действовать первая в Российской империи печь овальной формы системы Гофмана [10]. Благодаря этому новшеству происходило внедрение в строительство самых новейших технологий. Цвет кирпича для фасадов центра города выбирался либо сознательно красным, напоминая крепостные постройки, либо охристым, перекликающимся с фактурой безусловно гладких стен Брестского вокзала. Профилированный кирпич самой разной конфигурации начинает использоваться в строительстве жилых домов. Многие постройки сочетали разнообразные элементы различных стилей. Например, «псевдорусская тема» декора включала фигурные колонны, многоуровневые наличники, форма которых могла не повторяться, а идти с чередованием по осям окон, завершая их композицию циркульным либо треугольным фронтоном. Тенденция к нарядности и декоративности с элементами старорусской архитектуры XVII столетия проявила склонность к «предивному узору», тем самым показывая богатую

творческую фантазию строителей [11]. Но этот стиль был привнесённым и продиктованным архитекторам социально-политическими условиями существования в Северо-Западном крае. Хотя эклектика, естественно, впитывала и соединяла воедино совершенно противоположные элементы, кажущиеся сегодня разнохарактерными и неестественными по отношению к «единому» стилю.

Центральной площадью к началу XX века являлась Думская. На ней были расположены значимые общественные здания Думы и суда, построенные из кирпича в духе эклектики. Примером торжественно - декоративного стиля может служить несохранившийся фасад 3-этажного углового здания по улице Буденного и 17 сентября с парадным входом, козырьком которого является балкон второго этажа. Это, пожалуй, одно из самых ярких зданий, выполненных в «кирпичном стиле». Наличники арочных окон второго этажа завершаются кокошниками, а окна третьего имеют стрельчатое завершение, напоминая о готических формах. Горизонтальная рустовка всего фасада здания чередует пояса с включением кирпича, поставленного на ребро, что создаёт впечатление огромного ковра. Вывески магазинов первого этажа рассказывают об их специфике – «Табак», «Бумага», показывая престижность самых развитых мануфактур в городе того времени, и об уровне материального положения владельца магазинов (рис.2).

Балконные ограждения жилых домов имели стандартный рисунок (рис.6). Это было связано с промышленным потоком изготовления металлических решеток для западных губернских городов. Сегодня ещё можно увидеть их уцелевшие фрагменты на доме №36, №30 по ул. Дзержинского, доме №1 на пересечении ул. Советских Пограничников (Белостокская) и ул. Буденного (Збиороговская), ул. Советских Пограничников №34, часть застройки которой сохранилась с элементами, почти идентичными начальным. Улица Советских Пограничников расположена в центре города и начала застраиваться с середины XIX века. Начинаясь от ул. Буденного и заканчиваясь возле р. Мухавец, она имеет протяженность около 600 метров. В конце XIX и в первой половине XX века сформировалась её капитальная застройка. Сегодня сохранились её старые фрагменты – это дома №№21, 23, 25, 27, 29, образующие характерный для градостроительства того времени архитектурный ансамбль. Одним из самых интересных зданий является дом №1 на перекрестке улиц Буденного и Советских Пограничников. Декоративные мотивы оформления фасада варьируют классические ордерные формы с узенькими колоннами, обрамляющими оконные проемы в виде наличников, классическими сандриками. Междокожные простенки украшены вертикально идущими лентами с декоративными шариками и кистями, создавая ощущение особой парадности и торжественности. Пластический язык форм фасада сложно отнести к определенному стилю, но возможно почувствовать ряд ассоциаций в виде музыкальной импровизации, сочетающей ритмы классических ордерных элементов с причудливым мотивом древнерусской московской архитектуры (рис.4). В конце улицы интерес представляет фасад здания дома №34, в котором сегодня расположен Государственный архив Брестской области. Оно было построено в начале XX века в период поздней эклектики с элементами модерна и имеет качественное отличие в пластических элементах, более изящных и утончённых, в отличие от декоративных форм предшествующего «кирпичного стиля», которые были обусловлены размерами фигурного кирпича и простотой ритмического построения фасадов. Нижний этаж имеет классическую рустовку или французскую русту с глубоко врезаемыми, идущими в горизонтальном направлении желобами, образующими над окнами волнообразный ритм. Второй этаж выстроен элементами в классическом стиле, с включением барочных гирлянд в поясной декор карниза. А раскрывшиеся раковины над оконными проемами наличников своим очертанием перекликаются с формами затейливого аттика.

Сегодняшний центр города изменился до неузнаваемости. Утрачены многие здания, а уцелевшие фасады рассказывают о грубом вмешательстве в единое поле архитектурного повествования, которое уничтожило пластические формы эпохи XIX века. Но несмотря на время и утраты, в городе существуют ярчайшие образцы архитектуры «кирпичного стиля». Это жилые дома по улице К.Маркса-№70, №11 (Вознесенской, Медовой) (рис.7), здание старого корпуса Брестского педагогического университета (бывшая мужская гимназия) по улице Мицкевича №28, жилые дома по ул. Дзержинского-№30, №21 (Кривой) (рис.5). Здание сегодняшней стоматологической поликлиники по ул. Пушкинской №23. Изучение застройки конца XIX века сегодня возможно благодаря появлению многочисленной литературы по истории города, а также исследовательской и практической работе, которую проводит «Брестреставрация», но углубление знания, новые открытия в изучении архитектурного наследия города необходимы для ещё более глубокого постижения языка прошедшего времени, заложенного в архитектурных ритмах.

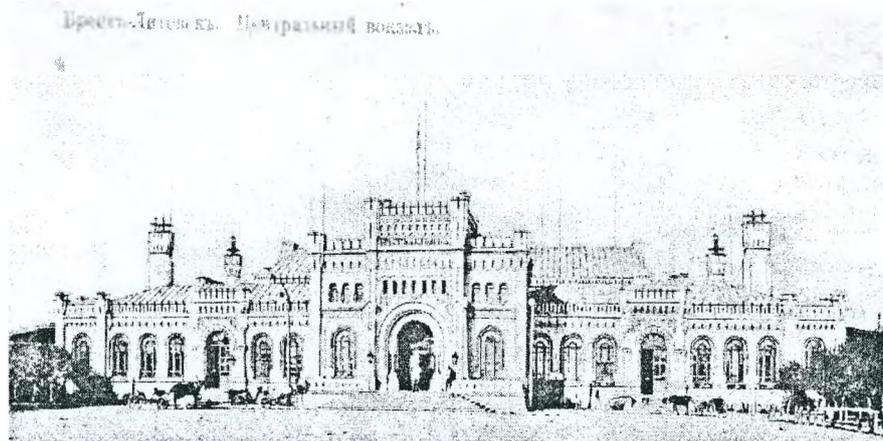

Рисунок 1 – Брестский вокзал. Открытка к XIX. – нач. XX века. Архитектура в стиле романского замка

Рисунок 2 – Думская площадь. Открытка к. XIX. – нач. XX века. Одно из самых нарядных и высотных зданий

Brześć-Litowski, Dworska ulica
Brześć-Litowski, Ulica Sztachocka.

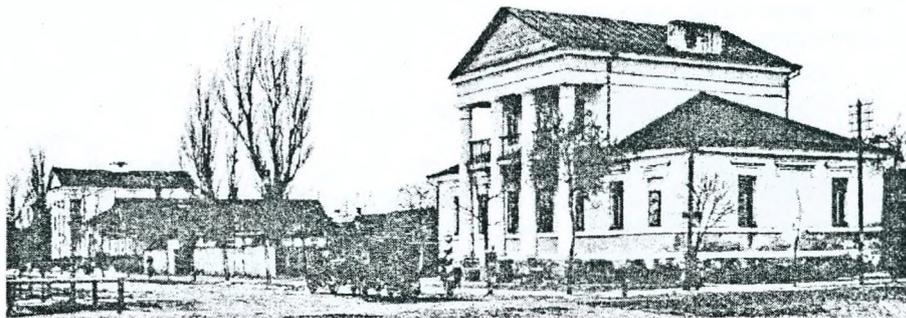

Рисунок 3 – Особняк помещика Ягмина. Стиль классицизм 40-50-е гг. XIX века. Открытка к. XIX. – нач. XX века

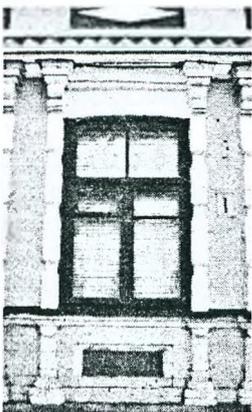

Рисунок 4 – Пример наличника

Рисунок 5 – Оформление фасада ордерными элементами

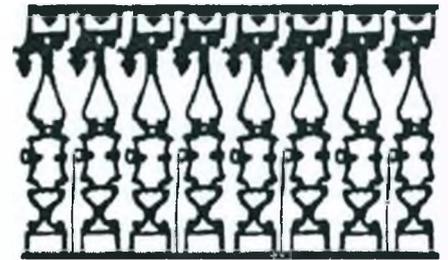

Рисунок .6 – Ограждение балконов

Рисунок 7 – Жилой дом по ул.К.Маркса №11 (Медовая). Стилизация элементов в романском стиле: пилоны с завершением башенками, высокий арочный фриз. Реставрация 2007 года

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иконников, А.В. Поэтика архитектурного пространства // Искусство Ансамбля. Художественный предмет – интерьер – среда / Сост. и науч. ред. М. А. Некрасова. – М.: Изобраз. искусство, 1988. – С.188.
2. Бобровский, П. Брест-Литовский исторический очерк: Материалы для географии и статистики России. – СПб.:1863. – Ч.1. – С.820, 851.
3. Паевский, Л. Брест-Литовск и его древние храмы. – Гродно, 1894. – С.10.
4. ЦДГА г. Гродно. – Ф.1. – Воп.1. – С.521, 525, 548.
5. Память, Брест: в 2-х книгах. – Минск: БЕЛТА, 1997. – Книга 1. – С.183.
6. Кириченко, Е.И. Из истории мирового искусства // Советское искусствознание, 78. (Первый выпуск.) – М.: Советский художник, 1979. – С.274.
7. Морозов, В.Ф. Архитектура Брестской крепости первой половины XIX в. / В.Ф. Морозов // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно – туристское использование: материалы I Международной научно-практической конференции, Брест, 28 –30 мая 2008 года / БрГТУ. – Брест, 2010. – С.12.
8. Муфель, И.Б. Брестский железнодорожный вокзал – западные ворота страны / С.Т. Шпудейко – Минск: Энциклопедикс, 2005. – С.17.
9. Там же. С.17.
10. Залеская, Г.Л. Развитие архитектуры производственных построек в контексте формирования оборонительных объектов на приграничных территориях Беларуси XIX – начала XX веков / Г.Л. Залеская // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно – туристское использование: материалы II Международной научно-практической конференции, Брест, 29 –30 апреля 2010 / БрГТУ. – Брест, 2010. – С.65.
11. Данилова, Л.И. Камень, глина и фантазия. – М.: Просвещение, 1991. – С.17.

УДК 711.4

Фоменкова С.Ф.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БЛАГОУСТРОЙСТВА АГРОГОРОДКОВ

Целью настоящей статьи является изучение проблемы благоустройства агрогородков с выделением рекомендаций и путей их дальнейшего развития; проанализирован опыт проектирования, застройки и благоустройства территории сельских населённых мест, рассмотрены основные положения государственной программы и её обоснование и приведена организация благоустройства общественной, селитебной и производственной зон агрогородка.

Понятие «агрогородок» появилось в Беларуси в связи с принятием «Государственной программы возрождения и развития села на 2005—2010 годы».

Агрогородок – это благоустроенный сельский поселок, где созданные производственная и социальная инфраструктуры обеспечивают социальные стандарты проживающему в нем населению и жителям прилегающих территорий. Это новое направление в формировании населённого места, основанного на базе старых посёлков.

Основные цели и задачи, поставленные Государственной программой на 2005-2010 гг.:

1. возрождение и развитие социальной и производственной сфер белорусского села;
2. обеспечение условий для устойчивого ведения сельскохозяйственного производства;
3. повышение доходов сельского населения и создание основ для престижности проживания в сельской местности;
4. улучшение демографической ситуации на селе;
5. обеспечение эффективного производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия в объемах, достаточных для внутреннего рынка и формирования экспортных ресурсов.

Государственной программой были разработаны основные мероприятия, направленные на изменение социальной и производственной сферы.

В социальной сфере это:

- повышение привлекательности труда и жизненного уровня сельского населения;
- совершенствование инфраструктуры сельских населенных пунктов;
- развитие жилищного строительства, коммунального обслуживания, электрификации, газификации, водоснабжения, телекоммуникационной связи, модернизация дорог и транспортного обеспечения;
- развитие образования, культуры, здравоохранения, физической культуры, спорта и туризма, торгово-бытового обслуживания.

В производственной сфере это:

- совершенствование специализации сельскохозяйственного производства;
- повышение эффективности использования земель,
- развитие крупнотоварного сельскохозяйственного производства, перерабатывающей промышленности, крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств граждан;
- государственная поддержка агропромышленного производства, совершенствование организационно-экономической структуры, переоснащение оборудования,
- научное и кадровое обеспечение АПК.

До XVIII века крестьяне сами благоустраивали свое жилище. В поселении в целом и своих дворах они устраивали колодцы, мосты, скамейки, ограды и т.п., согласно их жизненной необходимости. С XVIII века в загородных усадебных комплексах получает развитие садово-парковое искусство. Огромное значение придавалось озеленению улиц, дорог и парков, массовому распространению малых архитектурных форм.

Белорусские традиции отличают интересные планировочные решения дворов деревенской усадьбы, которые сведены к трём основным типам. Для всех типов состав и функциональное назначение строений одинаковы, а различие заключается в особенностях их размещения.

Рассмотрим эти решения (см.рисунок 1):

- веночный двор (постройки размещаются без разрывов);
- веночный двор с периметральной застройкой;
- погонный двор (постройки размещаются по одной или двум сторонам);
- двор с несвязными постройками (обособленное размещение построек).

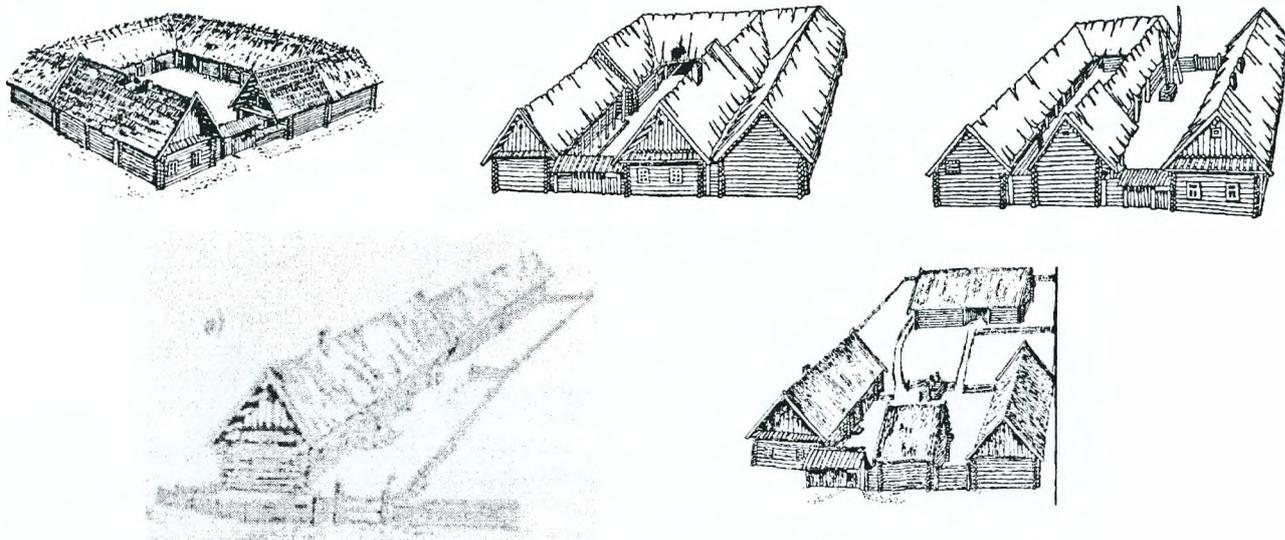

Рисунок 1 – Типы решения дворов

В последнее десятилетие большое внимание уделяется благоустройству сельских поселений. Согласно Государственной программе возрождения и развития села и Государственной схеме комплексной территориальной организации Республики Беларусь к 2011 г. в стране сформирована сеть сельских поселений, по роли в системе расселения разделяющихся на агрогородки (около 1,5тыс.) и рядовые поселения (более 22 тыс.).

Благодаря Государственной программе около 1500 посёлков стали агрогородками. Они равномерно распределены по регионам страны (см. рисунок 2): в Брестской области - 221, Витебской - 256, Гомельской - 238, Гродненской - 239, Минской - 325, Могилевской области - 202 населенных пункта нового типа.

Их преобразование основывалось на определённых факторах, где главными являлись наличие развитого общественного центра и устоявшегося промышленного производства. Во второй половине XX века существовали урбанизированные показательные села с малоэтажными жилыми домами на 2—4 семьи, которые обрастали хозяйственными пристройками и огородами.

На практике часто получается так, что рядовые поселения, благоустраиваемые самими жителями, выглядят более уютными и оригинальными.

Рисунок 2 – Статистика агрогородков

Новая усадебная застройка в агрогородках нередко уступает по уровню архитектурного благоустройства старой, в которой структура элементов благоустройства и малых архитектурных форм формировалась долгие годы местными жителями.

В агрогородках улицы остаются безликими. Приусадебные участки с типовыми домиками неудобны для проживания и ведения личного подсобного хозяйства.

Уровень благоустройства общественных центров агрогородков постепенно повышается. Но по-прежнему остаются недостатки, связанные с отсутствием автостоянок и парковок.

Современные производственные комплексы агрогородков должны иметь уровень благоустройства, соответствующий значимости предприятия.

Агрогородок отличается от рядовых сельских поселений высоким уровнем благоустройства. Для инженерного или коммунального благоустройства это утверждение неоспоримо, а для внешнего (архитектурного) не всегда верно.

В чём же причина невысокого уровня благоустройства агрогородков? В том, что сказывается нехватка финансовых средств, недостаток квалифицированных специалистов по благоустройству в районных центрах и сельсоветах

и отсутствие единой нормативно-правовой документации по архитектурному благоустройству сельских поселений, современных методик его проектирования с учетом сложившихся в нашей стране условий. Ещё один важный фактор – степень доступности нормативной документации, которая разрабатывается главными проектными институтами страны и отдельными научными сотрудниками.

Сейчас в Беларуси действует порядка 20 технических нормативных правовых актов, в определённой степени касающихся проектирования благоустройства сельских поселений. В них раскрываются вопросы, в основном относящиеся к инженерному и коммунальному благоустройству, т.к. нормы проектирования приводятся равнозначные для всех поселений в целом, а не разграничиваются в зависимости от типа поселений.

Сегодня проектировщик разрабатывает внешнее благоустройство, опираясь в большей степени на собственные идеалы и представления о создании необходимого комфорта для сельского жителя.

В СССР попытки научно обосновать благоустройство сельских поселений предпринимались еще в 1920-х гг.

В 1967 г. в Минске выходит “Справочник по благоустройству и озеленению населенных мест” под редакцией И.Д. Белогорцева.

Это было первое пособие в БССР, которое охватывало все основные на то время вопросы благоустройства населенных мест, в котором впервые ведомовое благоустройство было разделено на следующие элементы:

- зеленое строительство;
- санитарное благоустройство;
- инженерное оборудование;
- элементы внешнего оформления.

В 1970-х гг. кафедрой сельскохозяйственной архитектуры Львовского сельскохозяйственного института проводились исследования по теме благоустройства сельских поселений, где С.М. Соколов разделил благоустройство на следующие элементы:

- инженерное;
- коммунальное;
- внешнее благоустройство.

Он затронул проблему внешнего благоустройства сел, разработал методику его проектирования, типологию по функциональному назначению и ввел понятие “проект комплексного внешнего благоустройства”.

Со второй половины 1960-х и до первой половины 1980-х гг. издавалось достаточно много литературы, посвященной архитектуре села.

Большой практический вклад в благоустройство сел Беларуси был сделан БелНИИгипросельстроем. В 1980-е гг. он издавал каталоги и альбомы малых архитектурных форм и элементов благоустройства.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в России, Беларуси и Украине издается ряд книг по благоустройству усадеб, в которых приводятся примеры и рекомендации по благоустройству приусадебных участков.

В суверенной Беларуси некоторые вопросы отдельных видов благоустройства сельских поселений затронуты в работах разных авторов, изданы альбомы и каталоги типовых решений по благоустройству городских и сельских поселений

В 2004 г. на кафедре “Градостроительство” БНТУ проводились научные исследования и разработаны методические рекомендации по проектированию и созданию малых ландшафтно-архитектурных форм в городах и других поселениях Беларуси.

Проектирование, строительство и благоустройство агрогородков станет более эффективным, если изначально будут определены задачи:

- планировочное решение поселений должно быть максимально компактным, что послужит гарантией уменьшения затрат на коммуникации и обеспечит высокий уровень их содержания;
- структура зданий должна учитывать возможность внедрения новых технологий по энергосбережению, утилизации хозяйственных и бытовых отходов;
- строительство должно выполняться из недорогих эффективных материалов;
- художественный образ поселения должен быть уникальным, т.к. красивая, гармоничная среда благотворно влияет на человека.
- населенный пункт должен иметь соответствующие транспортные коммуникации.

Решение этих задач позволит:

- устранить дефицит определенных нормативных показателей, методик и принципов архитектурного благоустройства сельских поселений применительно к современным условиям нашей страны;
- провести совершенно новые научные исследования по теме комплексного архитектурного благоустройства сельских поселений, что станет основой дальнейшей работы в этом направлении;
- исследования должны включать разработку номенклатуры и типологии элементов архитектурного благоустройства и малых архитектурных форм, определение их оптимальных характеристик и параметров исходя из наибольшей практичности их эксплуатации и содержания; разработку принципов размещения элементов архитектурного благоустройства и малых форм в увязке с ландшафтом и учетом современных условий;
- разработать методы комплексного архитектурного благоустройства сельских поселений от отдельных планировочных элементов до всей территории поселения в целом.

Кроме того, природный потенциал агрогородков должен быть раскрыт не только в экологической, но и в ландшафтной составляющей. Инстинктивные или традиционные формы освоения ландшафтов в сельской архитектуре Беларуси могут быть созданы через включение природных особенностей в планировочные структуры и в то же время в максимально раскрыть пейзажные виды и акценты.

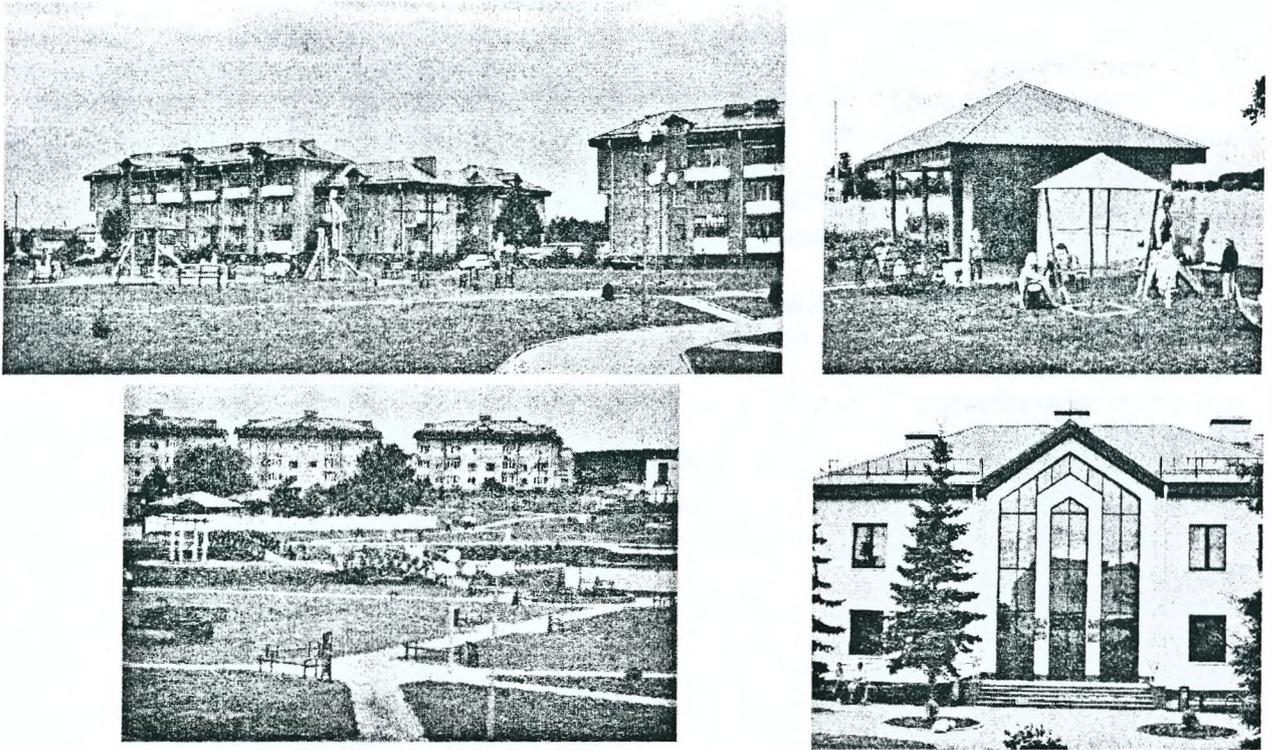

Рисунок 3 – Примеры благоустройства агрогородка Василюшки

Дополнительным рычагом развития агрогородков становится также нарастающее движение агротуризма, которое позволит активизировать не только природные факторы, но и культурно-историческую среду агрогородков.

Сохранение самобытности, национальных, культурных традиций белорусского села (его преданий, обычаев, особенностей уклада жизни, искусства местных умельцев-ремесленников, традиций народного зодчества) имеют значимое место в исторической судьбе нашей страны.

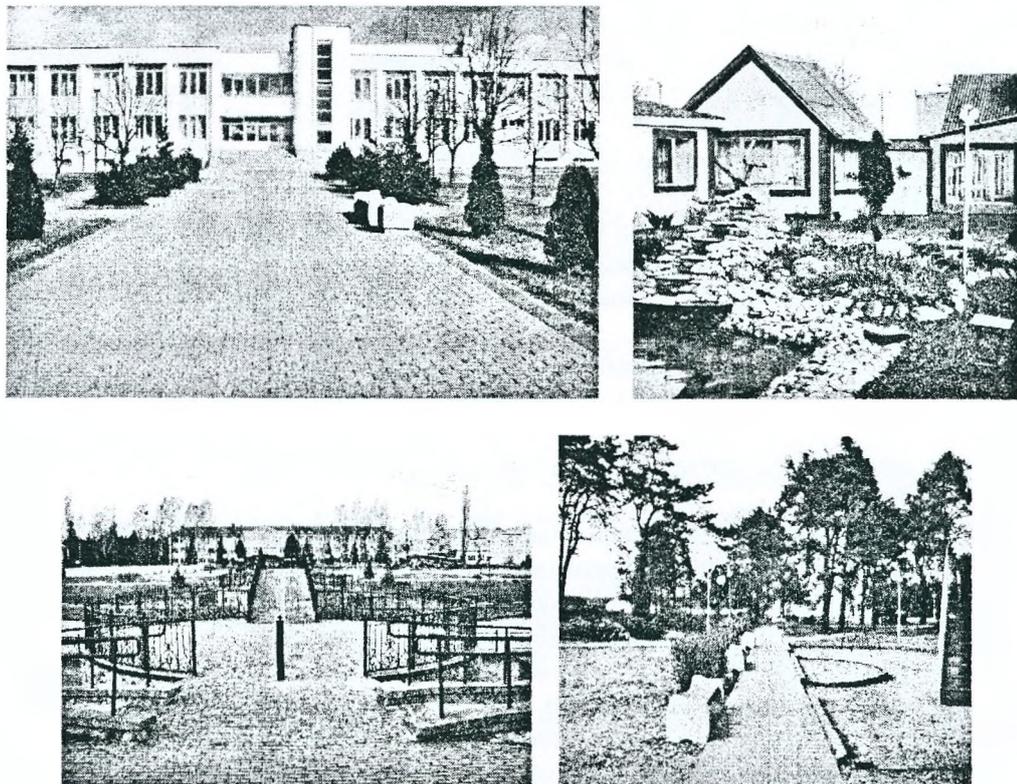

Рисунок 4 – Примеры благоустройства агрогородка Томашовка

Одним из возможных направлений деятельности агротуризма станет восстановление поселений, бывших усадеб, в первую очередь тех, которые имеют богатую вековую историю. Они обладают ценным историко-культурным наследием, природными ресурсами, позволяющими развивать их как центры туризма местного уровня. Столетие назад на территории Беларуси было более 8000 усадеб, фольварков и имений.

В Беларуси существует возможность расширить диапазон служения агрогородков народному хозяйству и национальной культуре за счет поиска новых решений, направленных на развитие агрогородков с историко-культурными ценностями, природными особенностями места и с их духовным наследием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы. – Мн.: Беларусь, 2005. – 96 с.
2. Основные направления государственной градостроительной политики Республики Беларусь на 2007–2010 годы. Государственная схема комплексной территориальной организации Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь 12 января 2007 г. № 19. – Мн.: Минсктиппроект, 2007. – 120 с.
3. Гурулев, О.К. Традиции и современность в архитектуре села / О.К. Гурулев. – М.: Стройиздат, 1982. – 144 с.
4. Справочник по благоустройству и озеленению населенных мест / под общ. ред. И.Н. Рудэнко, А.Е. Кудрявицкого, И.Д. Белогорцева. – Мн.: Институт строительства и архитектуры Госстроя БССР, 1967. – 264 с.

УДК 711.13.01

Белова О.В.

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ДУХА МЕСТА

Анализ хартий и деклараций ряда международных организаций (в частности ЮНЕСКО и ICOMOS), связанных с сохранением наследия, позволяет говорить о том, что за последние два десятилетия понимание проблем сохранения существенно расширилось. Прежде всего, через включение в его трактовку нематериальной, духовной составляющей, через контекстуальное видение объекта, а также через вопросы уникальной идентичности, аутентичности, характера и Духа Места [1,2,3,4,5].

Особый же интерес для автора данной статьи представляет «Квебекская декларация по сохранению духа места», подписанная Международным комитетом по памятникам и территориям (ICOMOS) в октябре 2008 в Канаде (QUEBEC DECLARATION ON THE PRESERVATION OF THE SPIRIT OF PLACE). Интерес этот документ вызывает уже потому, что само понятие «дух места» является трудноопределимым для отечественной проектно-строительной практики и практики сохранения культурного наследия. Более того, оно по-прежнему вызывает недоумение и, кажется, лежит в сфере иллюзорного, не имеющего связей с реальностью и конкретикой решаемых на практике задач.

Дух места (*genius loci*) – это понятие, введенное в архитектурную теорию норвежским архитектором, историком и теоретиком Кр. Норбергом-Шульцем и самым тесным образом связанное с Хайдеггеровской феноменологией «обитания».

Обитание по М.Хайдеггеру – это способ, которым мы, люди, присутствуем на Земле. Обитать значит существовать на Земле, под Небесами, перед Богами и среди Смертных [6]. Именно эти составляющие формируют Хайдеггеровскую «Четверицу мира», выражающую суть подлинного бытия. Таким образом, обитание – категория, связывающая мир и человека. Обитание обретает себя через Места, так как только то, что само есть Место может дать пристанище (местоположение) Четверице.

Кр. Норберг-Шульц унаследовал Хайдеггеровское понимание Места как исчерпывающей целостности, в которой реализуется суть пребывания человека на земле, суть обитания. Благодаря книге «Существование, пространство и архитектура» (*Existence, Space and Architecture* [7]), вышедшей в 1971 году, «место» стало узаконенным понятием и для архитектурной теории, расшифровывающим, уточняющим привычный термин «пространство». Место – феномен, связавший различные концепции пространства, а в частности пространства архитектурного и экзистенциального пространства подлинного человеческого бытия. Его понимание сопряжено, прежде всего, с пониманием акта обретения Дома, устойчивой жизненной опоры.

Обобщить мысли Кр. Норберга-Шульца можно следующим образом: люди стремятся к созданию окружения полного смысла, в котором они смогут обитать. Человек обитает тогда, когда он может ориентироваться в мире и идентифицировать (соотносить) себя с окружением, проще говоря, когда он переживает окружение как осмысленное.

Идентичность становится важной категорией для определения Места как наделенного смыслом, распознаваемого целого. Идентичность формируется характером или, можно сказать, *духом места*.

Концепция «дух места» определялась со стороны многих дисциплин. Помимо архитектурной феноменологии, она представляет интерес для географии, антропологии и культурологии. И хотя ее активное научное использование связано со второй половиной XX-го века и работами Кр. Норберга-Шульца (как было отмечено выше), само первое применение древнеримского понятия «*genius loci*» и его популяризация в западной культуре нового времени произошли еще в XVIII веке. Это было сопряжено с развитием новых эстетических ценностей, сформировавшихся в поэзии и живописи романтизма. Концепт «дух места» стал использоваться в контексте воспевания живописных и пасторальных ландшафтов преимущественно сельской местности и садов.

В современной профессиональной литературе концепт «*genius loci*» применяется в отношении любого ландшафта, включая и городской. Можно сказать даже больше, что именно в отношении к городскому контексту, к кон-

тексту людского поселения, он обрел наибольшую актуальность. Так как сегодня, понятие «дух места» сопряжено не столько с концепцией живописности, сколько с проявлением жизни в пространственной среде поселений, с историческим наслоением смыслов и значений.

Анализируя литературу, напрямую или косвенно связанную с концептом «дух места», можно отметить два различных подхода: аналитический и поэтический. Первый связан со стремлением определить саму суть феномена, формирующие его факторы, его место в структуре человеческого опыта (К. Линч, Кр. Норберг-Шульц, Кр. Александер, Д. Симон, Э. Рельф, Дж. Малпас). Второй подход в большей степени опирается на субъективное переживание и художественное видение. Важно также отметить, что часть авторов в большей степени сосредоточены на связи социальных структур с пространственной средой, на рисунках средового поведения, на тех событиях и действиях, которые наполняют пространство города жизнью. Другие же смещают акцент в сторону визуальных характеристик, в сторону того сценического эффекта, который создает особое сплетение огромного количества элементов, формирующих городскую среду: зданий, зелени, воды, транспорта рекламы. (Г. Каллен (Gordon Cullen), Кр. Дэй).

Так или иначе в литературе связанной с проблематикой городской среды, феноменологией ландшафта категория «дух места» выражает идентичность территории (независимо от того, идет ли речь о стране или небольшом провинциальном городке), ее особый характер, «средовой образ», культурно- и исторически- обусловленный.

Если же вернуться непосредственно к документу, давшему почву для этого небольшого анализа теоретического концепта «genius loci», то есть к Квебекской декларации, то и в ней «дух места» предстает как сложная и многосторонняя характеристика памятников, территорий и ландшафтов, формирующаяся в историческом процессе [7]. В документе нет попытки сформулировать целостное и законченное определение, но, несомненно, что понимание «духа места» в нем все так же сопряжено с категориями атмосферы и характера, «живого, и в тоже время, постоянного» [7].

Однако всякий программный документ, каковым и является декларация, для повышения своей продуктивности требует ухода от философских и обобщенных определений и представления объекта анализа через конкретику влияющих на него факторов. Это требование привело к довольно четкому разграничению в декларации материальной и нематериальной составляющих в трактовке «духа места». Мы читаем в документе: «дух места формируется материальными объектами (зданиями, комплексами, предметами, дорогами, ландшафтами) и нематериальными (памятью, устными преданиями и письменными источниками, празднованиями и фестивалями, традиционными знаниями и ритуалами)» [1]. Такой модернистский подход, выразившийся в непреклонном стремлении разделить мир на телесное и духовное, может вызывать настороженность. Ведь феномен «места» нельзя представить как сумму отдельных частей без потери его целостного смысла. Однако вспомним, что и в рамках феноменологического подхода понимание концепта «дух места» сопряжено с описанием непосредственных физических черт ландшафта (среды, территории) и интерпретацией живого человеческого опыта в этом конкретном контексте (Э. Рельф, Д. Симон). То есть через то же «материальное» и «нематериальное».

В декларации сложившийся дуализм материального и нематериального преодолевается с помощью введения категории «местных сообществ» (в феноменологической терминологии это прозвучало бы «обитателей»). Именно сообщества являются носителями нематериальных культурных ценностей и непосредственными пользователями и создателями материальной среды. В документе есть понимание того, что наиболее важным фактором и способом сохранения и передачи духа места является непосредственное общение, связь поколений и, что наиболее важно, каждодневная практика местных ценностей. Из чего становится очевидным, что сохранение Духа места невозможно без внимания к местным сообществам. Необходима поддержка и разработка программ, поощряющих их устойчивое развитие, предотвращающих их усиливающуюся деградацию.

Разумеется, как и в любом программном документе, особое место в Квебекской декларации занимает формулировка стратегий сохранения и поддержания духа места, выработка конкретных рекомендации и мероприятия различного характера и масштаба. Среди них и требование принятия в расчет нематериального наследия при формировании законодательной базы, касающейся сохранения, а также при подготовке проектов по консервации и реконструкции, и рекомендация междисциплинарного подхода к проблеме сохранения наследия. Описаны и более конкретные мероприятия, способствующие сохранению и популяризации духа места. Такие, например, как разработка долгосрочных стратегических планов развития места, которые являлись бы обязательной инструкцией для местных жителей и административно-управленческих структур при принятии различных решений, а также организация образовательных программ (форумов, консультаций) с целью оказания поддержки охране и популяризации духа места. С той же целью рекомендуется более активно использовать цифровые технологий: составлять цифровые реестры (описи) объектов материального и нематериального наследия, создавать веб-сайты и пр. Наиболее значимой мне кажется рекомендация максимального вовлечения местных сообществ во все программы и проекты, связанные с сохранением культурного и исторического наследия, так как это соучастие может способствовать не только сохранению духа места, но и, что не менее важно, побуждать устойчивое развитие самих сообществ.

Закончить статью о столь неоднозначном понятии, каким предстает перед нами «дух места», хочется обратившись к мыслям итальянского политика и философа Массимо Каччари. Его принято считать основным оппонентом работ, связанных с адаптацией философии М. Хайдеггера в современной архитектурной теории. Однако оппонировать он не столько с самой идеей введения в профессиональную лексику понятий типа «дух места» и, конечно же, не с самой концепцией «обитания». Его скепсис вызывают те настроения ностальгии по «до-современному» миру,

которые возникают в результате. По мнению М. Каччари, ошибочная сосредоточенность специалистов (в частности архитекторов) на непосредственно видимых качествах среды, а не качествах жизни толкает их на попытки раскрасить мир историческими реминисценциями. Это, в свою очередь, лишь маскирует изначальную «выкорчеванность» современного человека, его оторванность от обитания, о которой писал М. Хайдеггер и в которой сам М. Каччари видит суть кризисной ситуации, сложившейся сегодня. По М.Хайдеггеру, «строить» значит производить обитание, выявлять и оберегать его, но, не будучи способным к обитанию, человек неспособен и к строительству (а в более широком смысле к созиданию и сохранению среды своих поселений). Именно отчужденность от обитания лишает наши места Духа, именно обитание нуждается в понимании и сохранении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. QUEBEC DECLARATION ON THE PRESERVATION OF THE SPIRIT OF PLACE Adopted in Quebec, Kanada by the 16 General Assembly of ICOMOS, 2005.
2. XI'AN DECLARATION ON THE CONSERVATION OF THE SETTING OF HERITAGE STRUCTURES, SITES AND AREAS Adopted in Xi'an, China by the 15 General Assembly of ICOMOS on 21 October 2005.
3. THE NARA DOCUMENT ON AUTHENTICITY ICOMOS Adopted by ICOMOS Symposia ,1994.
4. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии принята Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры , 2001.
5. Конвенция об охране нематериального культурного наследия, принята ЮНЕСКО в Париже, 2003.
6. Хайдеггер, М. Строить, обитать мыслить / пер. с англ. С. Ромашко // ПроектInternational – № 20. – С. 176-189.
7. Norberg-Schulz. Existence, Space and Architecture – Oslo, 1971.
8. Каччари, М. Эвалинос или Архитектура / пер. с англ. С. Ситар. // ПроектInternational – № 20. – С. 190-207.

УДК 008:001

Мисюк В.С.

КОНЦЕПЦИЯ ПАМЯТНИКА ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ БРЕСТА И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Пожалуй, ни одно из монументальных сооружений, возведенных в последнее время в г. Бресте, не вызвало такого общественного резонанса, как памятник тысячелетию г. Бреста, что еще раз подтверждает значимость символов в современной культуре и свидетельствует о роли архитектуры в современном искусстве. Цель данной статьи – дать описание концепции памятника, проследить ее изменение и воплощение. Поводом создания памятника стала юбилейная дата – тысячелетие со дня первого упоминания города Бреста. Различные города охотно празднуют юбилейные даты. Тем более, когда речь идет о больших юбилеях, таких как 500 или 1000 лет. В Бресте давно закрепилось представление о том, что впервые город был упомянут в 1019 году. К этой дате были приурочены празднования 980-летия и 990-летия. Дата 1019 выбита на памятном знаке на улице Ленина возле здания Музея спасенных ценностей. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях город упоминается в связи со Святополком Окаянным, который бежал через него в Польшу после битвы на Альте. Большинство современных ученых сходятся во мнении, что битва была в 1019 году, во многих старых изданиях она упоминается под 1018 годом. Это расхождение не имеет принципиального характера и разрешается с помощью аргументированной критики источников. Иначе обстоит дело с «Первой Новгородской летописью», где Брест упомянут в 1017 году в связи с походом князя Ярослава Мудрого. В «Уставной грамоте великого князя Киевского Владимира Святославича об учреждении Туровского епископства» Брест упоминается наряду с такими городами, как Пинск, Степань, Высоцк, Слоним, Новогрудок и др. Датируется эта грамота 1005 годом и является единственным свидетельством того, что Брест мог в XI веке входить в состав Туровского княжества. Часть исследователей считают ее поздней подделкой. Между тем, администрация нескольких городов руководствуется именно этой датой. В 2005 году отпраздновали тысячелетний юбилей городов Дубровица и Волковыска. Национальный банк Республики Беларусь отчеканил монету к юбилею Волковыска, а Белпошта выпустила юбилейный конверт. В этом же городе был построен памятник 1000-летия: постамент с бронзовым волком. На въезде в Дубровицу установили памятный знак, назвали именем юбилея улицу, напечатали буклет, сняли документальный фильм. В обоих городах к юбилею были приурочены ремонтные работы, громкие концерты и прочее. Как бы там ни было, но города покрупнее, такие как Новогрудок, Пинск, Брест, только готовятся к своему тысячелетнему юбилею.

Помимо юбилейной даты, идея создания памятника была связана с рядом практических мероприятий, проводимых администрацией города. В 2006 году на республиканском уровне было принято решение благоустроить центр города. Прежде всего акцент был сделан на улице Советской. Руководство города обратилось к известным мастерам. Скульптор Алексей Павлючук предложил переделать фонтан возле кинотеатра «Беларусь». Вода из него должна потечь по бронзовых плитам, выложенным в форме часов с часами-веками. В центре фонтана планировалась скульптурная композиция из исторических фигур. Когда был поднят вопрос ухода за фонтаном, это предложение сняли с повестки. Вторая идея была более революционна. Она предусматривала строительство пешеходного моста над бульваром Гоголя. Улица Советская стала бы действительно пешеходной,

кроме того, значительно ускорилось бы движение автотранспорта по одному из центральных бульваров города. В наивысшей точке пешеходного моста предполагалось установить памятник тысячелетию. Такой проект оказался слишком дорогим, но место выглядело подходящим [4].

Летом 2007 года горисполком объявил конкурс на увековечение 1000-летия Бреста. Идея памятника тысячелетию заинтриговала многих брестских художников и скульпторов. Вдохновленные ей, они создали несколько различных вариантов. Например, Сергей Козак изобразил оригинальный «парящий» памятник: наподобие средневековых храмовых скульптур: четыре столба конструкции выросли из исторических фигур, поддерживавших на себе ротонду с зубчатой стеною, куполами и шпильями храмов древнего Бреста, купол ротонды с площадкой под ним планировалось украсить фресками и мозаикой. Для работы над проектом скульптор Павлючук пригласил главного архитектора города Алексея Андреюка. Из шести предложенных в финал конкурса вышли два проекта, оба авторства Алексея Павлючука [10]. На одном оставалась идея символического мостика над небольшим прудом. На мостике можно было встретиться с горожанами: влюбленной парой, студентом, рыбаком и собачкой. Второй представлял собой скульптурную композицию исторических фигур на круглом постаменте. Коллеги и пытливые горожане сразу нашли аналоги обоих проектов. В основе первого – памятник горожанину в Будапеште. Второй подобен серии пестербургско-новгородских памятников М.Микешина: памятник Екатерине Великой и памятник тысячелетию Руси. На памятнике тысячелетию Руси перед мужской фигурой на коленях склонилась княгиня Ольга. А у Павлючука перед женщиной, Богородицей, должен склоняться мужчина. Первоначально многофигурная скульптурная композиция сильно напоминала микешинский проект, но с уменьшением количества фигур и увеличением столба она стала походять на памятник основателям Одессы.

В прессе было объявлено голосование. Время было неудобное – середина лета. Поэтому в обсуждении приняло участие небольшое количество участников. Большинство из них поддержало вариант с прудом и мостиком над ним. Однако жюри высказалось за монументальный памятник [4]. При этом автор получил поручение доработать проект. Архитектор Андреюк, как и раньше, считал нецелесообразным подводить к памятнику воду [4]. После того, как чаша весов склонилась в пользу второго варианта, в городе были расклеены плакаты с его изображением. Они призвали жителей поддержать финансово его строительство. Все работы велись под руководством секретаря координационного совета по сохранению материального и духовного наследия при Берестейском облисполкоме Леонида Нестерчука. Он объявил цену памятника: на 16 января 2009 года собрано 300 млн. рублей [11]. Средства на памятник были из пожертвований предприятий, организаций и частных лиц.

23 октября 2008 г. заседал Республиканский художественно-экспертный совет по монументальному и монументально-декоративному искусству при Министерстве культуры во главе с народным художником Беларуси Иваном Миско. Совет единогласно поддержал предложенный проект. Часть участников высказалась за то, чтобы увеличить высоту яруса с горельефом и фигурами. Вторая поддерживала первоначальные размеры. Решить вопрос должно было выездное заседание. К нему должны были поставить макет из фанеры. В результате авторы согласились изменить пропорции памятника. Первоначально высота должна была составлять 9 метров, из них на первый ярус с изображением жителей города приходился 1 метр, скульптуры – 2,5 метра, а композиция Богородицы с купцом – 3 метра [5]. Диаметр колонны – 7 метров [10]. Окончательно высота колонны должна была быть определена до конца января 2009 года. Проект утвердил Президент республики, было получено разрешение в Администрации Президента.

Казалось, проект близок к логическому завершению, когда в «Брестских епархиальных ведомостях» напечатали два письма и отправили председателю облисполкома епископ Иоанн и члены епархиального совета Брестской епархии. В них осуждалась идея проекта. В верхней части памятника предлагалось поставить крест или светскую фигуру, а также исключить из числа фигур короля Ягайло и канцлера Николая Радзивилла. Также предлагалось увековечить архиерея Никифора, князя Константина Острожского, Лаврентия Зизания и Михаила Бобровского. Под влиянием епархии, 17 ноября 2008 митрополит Минский и Слуцкий патриарший экзарх всея Беларуси Филарет отправил письмо на имя губернатора Константина Сумара. В нем он высказался против фигуры Ягайло и скульптурного изображения Богородицы. Первоначально фигуру Богородицы увязали с преданием об основании города [9]. Однако, как справедливо заметил краевед Денис Турченок, в легенде о возникновении города, опубликованной П.Шпилевским, фигурирует не Богородица, а бог Велес. Хотя трудно поверить в то, что еще в XIX веке местные жители помнили имя языческого бога. Тем не менее, часть членов епархиального совета вспомнила об этом факте, когда предложила отказаться от изображения Богородицы.

28 ноября 2008 года письмо митрополита обсуждали в горисполкоме. Скульптор Павлючук предложил не изменять количество фигур и персонажей, поскольку памятник не религиозный, а светский. Его поддержал заместитель председателя Василий Ковальчук, подчеркнув, что именно Ягайло даровал право на самоуправление. Присутствовавшие согласились оставить на памятнике фигуру короля. В то же время председатель Брестской организации «Белорусский союз художников» Николай Кузмич, директор художественного предприятия «Искусство» Александр Грищук, архитекторы Кескевич, Гайдукович, Гопапенко и Карват высказались за то, чтобы отказаться от скульптуры Богородицы [9]. Тогда Павлючук предложил либо вложить в руки купца икону Богородицы, либо поставить ангела с крестом. Поскольку митрополит предлагал заменить Богородицу общим для всех христиан символом-крестом, то прошел второй вариант. Не все знали, что, крест предложенный митрополитом, также спровоцирует среди горожан слухи о том, что крест у ангела католический или протестантский, а сама фигура смотрит на Запад, а не на Восток. Скульптор, видимо, предугадал такую реак-

цию и поэтому в одну из рук вложил ангелу цветок лилии - символ чистоты помыслов. В процессе доработки фигуры щит с городским гербом переместился на латы ангела, нет у него и меча, который упоминала корреспондент БелаПАН Лариса Шиганова [12]. Духовенство частично одобрило изменение концепции. 20 декабря 2008 года разгорелись дискуссии по вопросу о фигуре Ягайло [8]. В них участвовали представитель митрополита Геннадий Шейкин. В интервью в СМИ представитель облисполкома заявил, что позиция церкви «неправильная и неконструктивная». Мэр предложил снять Филипповича, поскольку ему уже есть памятник, снять короля и изобразить его на горельефе.

В первом варианте на постаменте планировалось установить десять фигур. Впоследствии из списка исчезли Тадеуш Костюшко, митрополит Ипатий Потей. Более конкретно круг фигур озвучил мэр города. С его слов на втором уровне должны стать: Владимир Василькович, Николай Радзивилл, Ягайло, Витовт, Юлиан Немцевич, Остап Волович, Лев Солега, Карл Опперман [10]. Представители управления культуры выступили против кандидатуры Карла Оппермана, поскольку его проект Брестской крепости стал причиной гибели исторического центра города и его архитектурных памятников. Ученые из Института истории АН Беларуси вместо Немцевича предложили поставить фигуру Афанасия Филипповича. Заместитель председателя фигур отметил, что ему лично видится в числе фигур организатор обороны Брестской крепости. В окончательном варианте, утвержденном Брестским облисполкомом 12 января 2009, были утверждены измененные пропорции памятника [11]. Фигуры удлиннили с двух с половиной метров до трех метров. Это решение вынудило уменьшить количество персонажей. Но даже после этого среди них упоминали Владимира Колесника и Владимира Карвата. В последний момент на памятнике появился собирательный образ советского солдата (заменивший лейтенанта А.Кижеватова), летописца (заменивший А.Филипповича) и матери. С увеличением безымянных персонажей памятник стал напоминать скульптурные композиции сталинского ампира. Автор болезненно воспринимал смену фигур, после чего, по его мнению, памятник терял свою изначальную идею. И все же некоторых из вызвавших горячие споры персонажей удалось сохранить. Через год после установки памятника Павел Дойлид напишет о том, что вместе с другими выдающимися людьми в Бресте установили скульптуру Ягайло [2]. Возможно, автор ошибся? Но даже элементарное знакомство с изображениями Ягайло и Витовта говорит о том, что на памятнике запечатлен именно король Владислава-Ягайло. Дополнительным подтверждением служит изображение обоих братьев на барельефе. Некоторых сбивает с толку герб «Литовская Погоня» на груди у короля, но они не должны забывать, что первое скульптурное изображение этого герба связано именно с фигурой короля Ягайло.

Пример Церкви показал, что администрация может изменять свои решения. Это подстегнуло общественную дискуссию вокруг памятника. Активисты молодежного клуба «Гном» предложили вместо монументального памятника высадить к юбилею деревья. Многолетний глава Русского общества Владимир Комолов призвал минимизировать расходы на памятник и, если все стороны не придут к согласию относительно концепции, то установить к юбилею безликую колонну [5]. Украинский союз «Берегиня» подготовил проект, в котором изложил свое видение знаковых для города исторических фигур-аллегорий: мудрого правителя и строителя – князь Владимир Василькович, вечевой демократии – княгиня Анна; расширения городских прав и союзных – победитель король Владислав-Ягайло; территориального самоуправления – воевода Василий Тышкевич; образования и науки – Лаврентий Зизаний; небесного покровительства – святой Афанасий Филиппович; крепости и воинского подвига – майор Петр Гаврилов; финансового благосостояния и мультикультуральности города – Авраам Езофович. Хотя совместных консультаций Украинского союза и еврейского общества «Бриск» не было, они высказались за то, чтобы на памятнике увековечить представителя брестского кагала. Заместитель горисполкома на словах пообещал представителям общества «Бриск», что он появится на горельефе. Оно, как и обещание установить мемориальную доску с фамилиями наиболее щедрых жертвователей, осталось невыполненным. 20 января 2009 в помещении редакции Брестского курьера собралось около 20 представителей различных общественных организаций и активистов. Они обратились к властям с просьбой приостановить реализацию проекта, выразили готовность организовать широкую дискуссию. Общественным обсуждением проекта заинтересовались политические организации, лидер движения «За свободу» Александр Миленкевич выбрал его как повод навесить город. Активист этой же организации Сергей Вакуленко обратился с иском в суд, обвинив городскую власть в том, что она не проинформировала жертвователей об изменении концепции памятника. 17 августа 2009 представители той же политической силы Михаил Ильин и Денис Турченяк организовали акцию-хэппенинг "Ў - помним". Она была связана с 75-ю орфографическими ошибками на бронзовых плитах памятника.

В первоначальном тексте семьдесят раз была пропущена кратка в букве ў, с ошибкой написаны фамилии мэра и архитектора, название Днепровско-Бугского канала, слова «плащинай», «асвячана» и форма окончания в названии города «аб Берасце». Ошибки были зафиксированы государственной комиссией во время приемки памятника за несколько минут до его открытия. Информация о недоразумении попала республиканскую прессу. После реакции прессы и общественности плиты обновили. Во время замены добавлено несколько дат, т.к. первоначально забыли упомянуть о таких известнейших событиях, как Брестский мир и Брестская уния. Некоторые лингвисты считают, что даже после замены в тексте остались огрехи: восемь раз используются нетипичные для белорусского языка краткие формы причастий, со строчной буквы написано одно имя собственное, поставлены лишние кавычки и тире, дважды пропущен пробел. На новых плитах изменено с «Берасце» на «Бярэсце» написание названия города. Первоначально в прессе появилась информация о том, что в первом варианте появилось название в той форме, в которой оно используется местным населением [1]. Это утверждение не соответствует действительности. Исследования специалистов по топонимике и диалектологов –Ф.Климчука [6], А.Журавского [3], В.Мороз [8] – свидетельствуют, что на протяжении

нескольких последних столетий традиционным названием города у местного населения Брестчины было «Бэрэсть». В белорусском литературном языке ему соответствовала бы форма «Берасць», а не «Берасце».

К сожалению, бюрократическая модель управления в нашей стране не прозрачна, что зачастую влияет на качество решений. Их тень зачастую ложится на творческих людей, вызывает нарекания у коллег. Так могло бы произойти и с Алексеем Павлючуком, с творчества которого в Бресте началась эпоха бронзовой скульптуры. Автор идеи памятника тысячелетию известен в регионе десятками работ. Его услугами неоднократно пользовались исполкомы Пружан и Кобрина, но больше всего работ он создал для города Бреста. Работа над памятником тысячелетию Бреста стала для скульптора подарком судьбы и серьезным испытанием. С момента возникновения до своего окончательного воплощения авторская концепция была заметно изменена и доработана. Проект утверждали одиннадцать раз. Результат говорит сам за себя. За последние двадцать лет ни одно сооружение так не привлекало такого внимания местных жителей и интеллигенции. Прошло несколько лет с момента его возведения, а Памятник тысячелетию стал одним из популярных объектов, символизирующих город Брест.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грынь, П. Клонится ли памятник 1000-летию Бреста? – Режим доступа: <http://old.euroradio.fm/ru/931/reports/36529/> – Дата доступа: 20.03.2012.
2. Дайлід, П. Магдэбурскае права – страчаная дэмакратыя – Режим доступа: <http://dzedzich.livejournal.com/65882.html> – Дата доступа: 20.03.2012.
3. Жураўскі, А.І. Старадаўнія назвы гарадоў Беларусі // Навіны Беларускай акадэміі. – 1992. – №31 (660). – С. 3-5.
4. Карпинчик, В. Историческая память в граните и бронзе. – Режим доступа: <http://bsa.by/publikatsii/istoricheskaya-pamyat-v-granite-i-bronze.html> – Дата доступа: 20.03.2012.
5. Карпинчик, В. Центр Бреста: реконструкция продолжается – Режим доступа: <http://bsa.by/novosti-i-sobyitiya/tsentr-bresta-rekonstruktsiya-prodolzhaetsya.html> – Дата доступа: 20.03.2012.
6. Кимчук, Ф.Д. Полесский топоним Загородье // Загородье. – 1999. – №1. – С.16.
7. Кололов, В. Простая колонна как вариант памятника на Советской. – Режим доступа: <http://www.b-g.by/ru/8/140/396/?tpl=200> – Дата доступа: 20.03.2012.
8. Мароз, В. Брэст у тапанімічнай тэрміналогіі летапісаў // Моўнакультурная прастора Берасцейшчыны. – Брэст: Альтэрнатыва, 2010.– С. 124-127.
9. Памятник поменяем? – Режим доступа: <http://www.ibrest.ru/news/1307016356.html> – Дата доступа: 20.03.2012.
10. Рубашевский, Ю. 1000-летие – в бронзе и граните – Режим доступа: <http://vb.by/article.php?topic=3&article=1164> – Дата доступа: 20.03.2012.
11. Шиганова, Л. Брестский облисполком 12 января одобрил окончательный вариант монументальной скульптуры в честь 1000-летия Бреста – Режим доступа: <http://www.nest.by/content/brestskii-oblispolkom-12-yanvarya-odobril-okonchitelnyy-variant-monumentalnoi-skulptury-v-ch> – Дата доступа: 20.03.2012.
12. Шиганова, Л. Одобрен окончательный вариант памятника в честь 1000-летия Бреста – Режим доступа: <http://news.21.by/2008/12/21/233364.html> – Дата доступа: 20.03.2012

УДК [725.84/.88+728.54] (476.7)

Ондра Т.В.

КУЛЬТУРНО-ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НА ТЕРРИТОРИИ ИМЕНИЯ КРАШЕВСКИХ В Д. ДОЛГОЕ ПРУЖАНСКОГО РАЙОНА

Президент Беларуси Александр Лукашенко 30 декабря подписал указ №618 "Об объявлении 2012 года Годом книги". Поэтому особенно приятно, что именно в этом году Беларусь и Польша отмечают 200-летие со дня рождения нашего земляка-литвина, литератора, художника, музыканта, ученого и издателя Юзефа Игнатия Крашевского. В рамках празднования юбилея писателя в деревне Долгое Пружанского района, где жили Крашевские и провел детство маленький Иосиф Игнатий, планируется установить мемориальный знак. Брестская областная библиотека имени Горького в 2012-2013 годах реализует проект «Виртуальная реконструкция наследия Ю. И. Крашевского», целями которого являются оцифровка литературного наследия творца, объединение документальных источников, которые сейчас хранятся в Беларуси, Польше, Украине, разработка туристического маршрута д. Долгое (Беларусь) - г. Белая, д. Романов (Польша) - г. Ровно, г. Житомир (Украина). В проекте принимают участие также Национальная библиотека Беларуси, Бялоподлясская публичная библиотека, музей-усадьба Ю. И. Крашевского в Романове (обе - Польша) и Ровенская государственная областная библиотека (Украина). В конце 2011 года Сейм Польши объявил 2012 год годом Януша Корчака, Юзефа Игнатия Крашевского и Петра Скарги. По словам директора музея Крашевского в Романове (Польша) Анны Чабардинской-Пшыбыславской, в Польше должен выйти сборник произведений писателя на электронных носителях, а в музее будут проводиться театрализованные представления. В Женеве, где знаменитый польский писатель провел последние годы жизни, создан польско-швейцарский комитет по празднованию 200-летия Крашевского (польск. Komitet Polsko-Szwajcarski «Kraszewski 2012»). 20 марта 2012 года, на 125-ю годовщину со дня смерти Юзефа Крашевского, в Женеве состоялся организованный комитетом совместно с Польским обществом в Женеве, а также культурной организацией «Musica pro pace» (Женева) литературно-музыкальный вечер, на котором прозвучали фрагменты произведений писателя и музыканта.

Юзеф Игнацы Крашевский (также Иосиф Игнатий Крашевский, Юзеф Игнаций Крашевский, польск. Józef Ignacy Kraszewski, лит. Juozapas Ignotas Kraševskis, 28 июля 1812, Варшава — 19 марта 1887, Женева) — польский писатель, публицист, издатель, автор книг по истории и этнографии. Член Академии знаний в Кракове (1872). Литературное наследие Ю. И. Крашевского составляет около 600 томов романов и повестей, поэтических и драматических произведений, а также работ по истории, этнографии, фольклористике, путевых очерков, публицистических и литературно-критических статей. Юзеф Крашевский увидел свет 28 июля 1812 года в богатой дворянской семье старого рода, ведущего свое начало из Мазовии в Варшаве, куда выехала его мать, спасаясь от войны. Тем не менее, вся жизнь Юзефа тесно связана с Литвой (ныне территория Беларуси). Об этом свидетельствует запись о рождении, сделанная в книге актов гражданского состояния Варшавы 31 июля 1812 года, где отмечается, что отцом ребенка является Ян Крашевский, «житель деревни Долгое, которая расположена в уезде Пружанском в Литве». Детство Юзеф Крашевский провел в имении Долгое около Пружан. Учился в гг. Бяла-Подляска, Люблин и Свислочь. В 1829 году поступил в Виленский университет. За причастность к деятельности противоправительственных кружков был арестован в декабре 1830 года и заключён в тюрьму, затем в тюремный госпиталь до марта 1832 года. После освобождения жил сначала под надзором в Вильне, затем в арендованных или собственных поместьях в Долгом и на Вольни. С 1853 года обосновался в Житомире. Состоял действительным членом Виленской археологической комиссии. В 1858 года путешествовал по Италии, Франции, Германии. С 1860 года обосновался в Варшаве, откуда в 1863 по распоряжению властей вынужден был выехать.

Пятидесятилетний юбилей творческой деятельности Крашевского, отмечавшийся 3 октября 1879 года в Кракове, собрал представителей всех расчлененных польских земель, став своеобразной манифестацией польской культуры и одновременно литературным событием для всей Европы.

В июне 1883 года писателя постиг тяжелый удар. Он был обвинен в государственной измене и арестован. После суда в Лейпциге (1884) отбыл полтора года заключения в Магдебурге. Прусские власти согласились удовлетворить просьбы влиятельных ходатаев Крашевского (среди них был король Италии Умберто I) и в ноябре 1885 года ему под высокий денежный залог предоставили полугодовой отпуск для лечения. Писатель поселился в Сан-Ремо. После землетрясений в 1887 году Крашевский перебрался в Швейцарию. В Женеву он приехал уже с тяжелым воспалением легких. 19 марта 1887 года, в день своих именин, когда из разных уголков мира прибывали письма и телеграммы с поздравлениями, Юзеф Игнаций умер.

Художественное творчество Крашевского в жанровом и тематическом отношении разнообразно: писал повести из крестьянской и сельской жизни, исторические романы (главным образом о прошлом Польши, Литвы и Речи Посполитой) разных типов, романы злободневной социально-политической проблематики. Являлся автором теоретических работ по литературе, эпической картины, живописующей быт и нравы польского общества середины XIX века, — романа «Волшебный фонарь» (1843—1844).

Стихотворная трилогия о прошлом Литвы времён Миндовга и Витовта «Анафеляс» (1840—1846) деятелями литовского национального возрождения последней четверти XIX века воспринималась как национальный эпос.

Некоторые из художественных текстов Крашевского стали источником вдохновения для русских писателей. Например, по мнению учёных, под впечатлением «Ульяны» была написана пьеса А. Ф. Писемского «Горькая судьбина». Известен факт переписки польского писателя с Н. В. Кукольниковым. Последний ценил художественный вкус Крашевского и отправлял ему свои произведения на рецензию. В 1879 году И. С. Тургенев направил Крашевскому в Краков приветственное письмо по случаю юбилея 50-летия литературной деятельности польского писателя.

В 1841—1851 годах редактировал литературный журнал (альманах) „Athenaeum“ (Атенеум), издававшийся в Вильне. Живя в Варшаве, редактировал газету „Gazeta Polska“ («Польская газета», 1859—1862), журнал „Przegląd Europejski“ («Европейское обозрение», 1862). Позднее был редактором периодических изданий, выходивших во Львове и Дрездене.

Во время учёбы в Виленском университете Крашевский обучался рисунку и живописи у Яна Рустема и, вероятно, у Викентия Смоковского. По некоторым сведениям, в заключении (1830—1832) выполнил 25 рисунков пером, иллюстрирующих II и IV части «Дядюв» Адама Мицкевича. В Варшаве в 1838 году брал уроки живописи у Бонавентуры Домбровского. Своими рисунками стремился распространять знания о национальной культуре и истории, поэтому изображал древние достопримечательные здания и руины, копировал изображения исторических деятелей и иллюстрации из старых изданий и хроник. Этими и подобными рисунками были иллюстрированы его «Вильно от его основания до года 1750-го» (Вильно, 1842), «Картины из жизни и путешествий» (Вильно, 1842), «Воспоминания о Полесье, Вольни и Литве» (Париж, 1860), «Альбом пейзажей: часть 1: Полесье» (Варшава, 1861). Его рисунками была иллюстрирована также книга «Река Вилия и ее берега: с точки зрения гидрографии, истории, археологии и этнографии» Константина Тышкевича (Дрезден, 1871).

Крашевский относится к наиболее популярным в России во второй половине XIX века польским писателям. Множество его произведений переведено на русский язык; некоторые опубликованы в нескольких разных переводах. Переводы стали появляться в журналах (преимущественно в «Библиотеке для чтения») с 1850-х годов.

В 1915 году в Санкт-Петербурге издано собрание сочинений в 52 книгах, остающееся самым полным изданием на русском языке. В 1996 году издательство «Терра» выпустило собрание сочинений Крашевского в десяти томах.

Интерес к жизни и творчеству писателя не ослабевает с течением времени. Во многих европейских городах, связанных с разными этапами его биографии, установлены мемориальные таблицы и памятные знаки. На сегодняшний день созданы музеи Юзефа Крашевского в Дрездене (Германия), Познани и Романове (Польша).

Так как период становления как личности и начало творческой деятельности писателя неразрывно связаны с именем его отца Яна Крашевского в деревне Долгое, расположенной в 10 километрах от города Пружаны, не мог не возникнуть вопрос о создании на Пружанщине музея Юзефа Крашевского. В рамках празднования 200-летия писателя разрабатывается проект восстановления усадьбы.

Шляхетский двор первой половины XIX века – это место, где был центр культурной, общественной и политической жизни. Двор Яна Крашевского слыл именно таким. Долгинский пан, согласно свидетельствам современников, был энергичным и сильным хозяином. В своем имении он рыл каналы для осушения болот, возводил хозяйственные постройки, построил сахарный завод, «один из первых в Литве», начал заготавливать торф для обогрева. Способными к искусству и науке были два брата Юзефа Крашевского – Каетан и Люциан (оба закончили Свислочскую гимназию). Каетан – известный астроном, писатель, композитор. Он основал в Долгом астрономическую обсерваторию, имел библиотеку, насчитывающую более 10 тысяч томов (в том числе и собрания Сапег), писал комедии, стихи, занимался музыкой, создал несколько концертов, сонат и миниатюр для фортепиано. Люциан – талантливый художник, иллюстрировал повести старшего брата.

В семье Крашевских много читали, самым любимым произведением был «Пан Тадеуш» А. Мицкевича. Именно в отцовском доме Юзеф читал свои первые литературные произведения, когда приезжал на каникулы из Виленского университета. Здесь появились и его первые рисунки, на которых были изображены двор и окрестности Долгого. С 1837 года писатель жил на Волыни, однако часто приезжал в родное имение с женой и детьми: Констанцией, Яном и Францишком.

Во второй половине XIX века имение Крашевских в Долгом пришло в упадок. В 1863 году эмигрировал Юзеф, а в 1864-м умер старый хозяин Ян. Над имением, фактическим хозяином которого был Люциан, нависла угроза конфискации за помощь восставшим. Избежать этого удалось благодаря тому, что имение было записано на умершего отца. Сам Люциан за участие в восстании был сослан в Сибирь.

Главным хранителем родового наследия стал Каетан. В 1880-е годы он написал несколько статей, повестей и исторических зарисовок. Умер Каетан 1 июля 1896 года в соседнем Куплине. После его смерти имением владел сын Богуслав, позднее – внучка Мария. Во время советско-польской войны имение, в библиотеке которого хранилось более чем тысячу писем Тадеуша Костюшко, Юзефа Понятовского, Юлиана Немцевича, первые издания произведений Адама Мицкевича, в коллекциях которого были собраны слущкие пояса, миниатюры на пергаменте XIV-XV ст., старинное оружие, сгорело.

Сейчас силами сотрудников музея «Пружанский палацк», расположенного в старинной усадьбе Швыковских в городе Пружаны, проводятся исследования по имению Крашевских в Долгом. На сегодняшний день сохранилось несколько рисунков, созданных самим писателем и его братом Люцианом, на которых изображено поместье в Долгом, также фотографии начала XX-го века, сделанные самим Яном Булгаком, известным белорусским и польским фотографом и фотохудожником, «отцом польской фотографии», одним из пионеров польской художественной фотографии. Также ведутся исследования дошедшего до наших дней «Статистического описания имения Долге Гродненской губернии Пружанского уезда, принадлежащего Ивану Каэтана сыну Крашевскому», составленного в 1847 году.

Предполагается восстановление усадебного дома, в котором писатель провёл детство, и небольшого флигеля где он жил и работал, когда приезжал в родное имение с женой и детьми. В восстановленном доме писателя будут воссозданы интерьеры сельской усадьбы середины XIX-го века и создан музей Крашевского, включающий коллекцию копий его художественных работ, документов и переписки, а также издания его произведений на нескольких языках различного периода, включая редкие прижизненные издания.

Создание дома-музея писателя является отправной точкой для разработки проекта «Культурно-туристический центр на территории имения Крашевских в д. Долгое».

Привлекательными для туристов Пружаны делает целая россыпь памятников истории, архитектуры и природы которые сохранились не только в самом городе, но и окрестностях. На территории Пружанского района находится 36 памятников архитектуры, 7 археологии, 112 истории, 9 старинных парков. Широко известны в республике и за ее пределами Ружанский дворцовый комплекс Сапег, усадьба «Пружанский палацк», «Каплица 1812 г.», собор Александра Невского, Торговые ряды. В районе разработаны и действуют три туристических маршрута, пройдя по которым, можно посетить основные достопримечательности Пружанщины. Туристический маршрут №1 «Архитектурные жемчужины Пружанщины» предполагает посещение наиболее значимых архитектурных объектов района и их связь с историей региона. Туристический маршрут №2 «Моя Пружанская земля» охватывает основные достопримечательности Пружанщины республиканского значения, во время движения автобуса дается историческая и географо-экономическая характеристика района. Туристический маршрут №3 «Архитектура Пружанщины» включает посещение памятников архитектуры. В мае в Пружанах проходит фестиваль сверхлегкой авиации и воздухоплавания «Славянское братство». В нем принимают участие аэроклубы, частные экипажи, авиамоделисты, парапланеристы, пилоты дельталетов и сверхлегких самолетов из Беларуси, России, Украины, Польши и Чехии. В сентябре-октябре в Пружанах проходит республиканский фестиваль джазовой музыки. В декабре раз в три года проходит областной фестиваль академического пения.

Одним из важнейших программных принципов туристической политики Республики Беларусь в последние годы является повышение роли регионов в расширении устойчивого туризма, способствующего их социально-экономическому развитию. Создание туристических зон явилось основой моделирования региональных систем

туризма в республике. Именно в них должны быть созданы условия для развития местной инициативы по расширению инфраструктуры туризма, стимулированию предпринимательства, привлечению инвестиций, удовлетворению экономических и социальных потребностей местного населения, эффективному межрегиональному сотрудничеству. Развитию инфраструктуры туризма уделяется большое внимание. За последние годы достигнута положительная динамика в ее развитии. Разработана и успешно реализуется подпрограмма «Развитие инфраструктуры туризма». В нашей стране взят курс на ускоренный рост сельского туризма, старт которому дал Указ Президента Республики Беларусь от 2 июня 2006 г. № 372 «О некоторых мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь». Несмотря на то, что агроэкотуризм в Беларуси — понятие относительно новое, некоторые отечественные усадьбы уже практически достигли предела своего развития. Следующим этапом их работы могло бы стать объединение для реализации совместных проектов. А национальные, географические, культурные, исторические ресурсы страны — та консолидирующая основа, которая поможет объектам туризма развиваться плодотворнее. Внести свою лепту и приумножить прибыль могут не только владельцы усадеб, но и медучреждения, организации, работающие в сфере охраны природы, сохранения культурного наследия, средства массовой информации, производители и торговцы спортивным, туристическим снаряжением, продуктами питания и многие другие. Именно объединение усилий различных усадеб, органов местной власти, образовательных и культурных учреждений способно помочь молодой отрасли. Тем более, что работа кластерного сектора основывается на использовании потенциала и ресурсов внутреннего рынка страны.

Всё это подтверждает необходимость перехода от небольших, локальных музеев, усадеб и других объектов туризма к более крупному комплексу, который может стать культурно-туристическим центром данного региона, объединяющим вокруг себя объекты различного направления туризма.

Проект «Культурно-туристический центр на территории имения Крашевских в д. Долгое» рассчитан на долгосрочное, плановое освоение территории бывшего имения. Для этого используется модульная система, которая позволяет осуществлять возведение новых объектов, не препятствуя функционированию уже существующих.

Так, первый модуль предполагает восстановление дома-музея и флигеля и строительство небольшой туристической гостиницы «Пан Хорунжий» по принципу «Bed and Breakfast», в которой будет располагаться ресторан национальной кухни, магазин сувениров и администрация музея. Интерьеры номеров гостиницы и ресторана будут созданы по мотивам произведений писателя и с использованием его рисунков для того, чтобы посетители могли поближе познакомиться с личностью Крашевского не только в музее, но и в уютной, непринужденной обстановке.

Следующим этапом станет преобразование существующих на участке зеленых насаждений в лесопарк, создание прогулочной зоны с открытой площадкой и сценой для проведения различных ярмарок, выступлений и музыкальных вечеров и строительство конюшни и каретного сарая. Регулирование высоты зелёных насаждений в прогулочной зоне позволит скрыть от посетителей комплекса ведение строительных работ на последующих этапах.

На третьем этапе планируется строительство полифункционального павильона вместимостью до 250 человек. Это даст возможность проведения более масштабных мероприятий на территории комплекса: выставок, конференций, презентаций, фестивалей. Также для популяризации историко-культурного наследия и ознакомления населения с образом жизни белорусского дворянства XIX-го века возможно проведение таких ежегодных мероприятий, как музыкальные и литературные вечера, балы и маскарады (например, Ежегодный Рождественский Бал-маскарад). С той же целью будет обустроен луго-парк с площадками для занятий так называемыми «садовыми спортивными играми», популярными среди помещиков XIX-го века. Это могут быть игры в городки, крокет, любительский теннис, лапту и др.

Последний модуль включает в себя развитый гостиничный комплекс, что позволит проводить мероприятия международного и республиканского значения, проходящие в течение нескольких дней. Также это повысит привлекательность всего культурно-туристического центра среди населения, так как на его территории можно будет организовывать проведение частных мероприятий, начиная от традиционных торжеств (свадьбы, юбилеи, корпоративные праздники), заканчивая популярными сегодня тим-билдингом, корпоративными уик-эндами, проведением форумов и бизнес-переговоров.

К моменту строительства гостиницы комплекс будет иметь развитую сферу услуг, обеспечивающую постоянный поток туристов, что существенно повысит его привлекательность для частных инвестиций. В дальнейшем возможно привлечение инвесторов для создания небольшой туристической деревни на территории комплекса, подразумевающей размещение домов коттеджного типа различной вместимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крашевский Иосиф Игнатий // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
2. Цыбенко, Е. З. Польский социальный роман 40-70-х годов XIX века. — Москва, 1971.
3. Виртуальная реконструкция наследия Ю. И. Крашевского: Брестская областная библиотека имени Горького (17 февраля 2012).
4. Пружанский районный исполнительный комитет. — Режим доступа: <http://pruzhany.brest-region.by>
5. Гайдукевич, Леонид. Туристский комплекс Беларуси в условиях рыночных преобразований // Труды факультета международных отношений: Научный сборник. — Минск, 2010. — Выпуск I.
6. Покутник, Н. Многогранная личность Ю. И. Крашевского // Свіслацкая газета, 29.07.2011г.

РОЛЬ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Понятие и сущность семьи, а также значение ее роли в жизни каждого человека как первой социальной общности, занимает важную роль в жизни любого общества. Благодаря семье, человек приобщается к ценностям культуры, осваивает первые социальные роли, приобретает опыт общественного поведения.

В то же время семья – это сложное социальное образование, каждый член которого одновременно является и неповторимой личностью, индивидуальностью, и составной частью единого целого – семейной группы. В свою очередь, эта группа не так проста, как может показаться на первый взгляд. Не случайно её исследованием активно занимаются философы, социологи, этнографы, демографы, правоведы, историки, экономисты, психологи, педагоги, медики. Кроме того, она привлекает внимание исследователей таких областей научного знания, как физика, химия, математика, литература и т.д.

Вопросами происхождения семьи и её роли в развитии общества в своих трудах касались Геродот, Сократ, Платон, Аристотель, Конфуций, Аврелий Августин, Фома Аквинский, итальянские натурфилософы эпохи Возрождения, Б.Спиноза, Ф.Бэкон, М.Монтень, Ш.Монтескье, Ж-Ж.Руссо, Д.Юм, И. Кант, Г.Гегель, К. Маркс и Ф.Энгельс, А.Шопенгауэр, И.Бахофен, Р.Иеринг, Э.Тэйлор, Ф.Мак-Леннон, Дж.Леббок, Л.Морган, Ф.Ле-Пле, Э.Дюркгейм, Г.Спенсер, Ф.Ницше, З.Фрейд, К.Юнг, С.Кьеркегор, К.Ясперс и другие выдающиеся зарубежные мыслители.

Вместе с тем, семья во все времена занимала важное место в создании культурно-исторического ландшафта. Передавая по наследству материальные и духовные ценности, семья участвовала в формировании культурного пласта рода, какого-либо слоя общества, а порой и цивилизации[1].

В «Никомаховой этике» Аристотель говорил, что семья – это первый вид социального взаимодействия людей, она является той первоначальной ячейкой, из которой возникло государство. Объединение нескольких семей Аристотель называл «селением», считая его переходной формой от семьи к государству.

В различное время предлагалась различная периодизация развития человеческого общества. Так, И.Г.Яковенко в своих исследованиях считает, что исторически зародились два больших типа общественных целостностей.

Первый, изначальный, просматривается на всю глубину исторического видения. Это традиционная семья, как воспроизводящаяся конструкция, формирующая локальные группы: общину, род, племя, родовые и клановые союзы, тем самым создавая предпосылки для более сложных структур. Второй – большое общество, возникает в ходе становления государства и цивилизации. Эту семью представим в виде социальных конструкций: сословие, класс, братство, профессиональный союз, трудовой коллектив, корпорация, партия. Принципиальное различие между ними в том, что они не тождественны. Однако их объединяет то, что свою деятельность они направляли на создание качественной среды жизнедеятельности.

В традиционном сообществе все друг друга знали и возможно находились в родственных отношениях. До сих пор в повседневной культуре живут непреходящие ценности такого рода социальности, где нет ни государства, ни чиновника, ни налога, ни призыва в армию. Данная категория проживает в своих домах и квартирах. Там и проявляется свой взгляд на освоение пространства, построение которого реализуется через образ дома, в котором они живут, размещение предметов быта и роскоши. Эта конструкция пространства традиционного мира построена на эмоциях, интонациях, словах, т.е. наполнена смыслом. Согласно концепции Л.С.Выготского, восприятие человеком культурно-исторического пространства, начиная с раннего детства, зависит от ориентировки в психологическом пространстве традиционной семьи. Здесь происходит закладка духовных истоков формирования культурного ландшафта любого общества.

Конструкция большого общества, в отличие от традиционной семьи, построена на абстрактных формах общения. Это тексты, бумага, законы, имеющие обязательную силу. Закон не виден, не прочувствован, но обязателен. Это абстрактная всеобщая связь, совершенно непонятная традиционному сознанию. Человеку из архаичного сообщества понятно, что такое мебель в собственном доме или собственный автомобиль. А что такое генеральный план города или республики – понимается с трудом. Для этого необходимо возвыситься над предметностью вещей[2].

Процесс познания реальности сопровождается созданием разнообразного рода моделей или концептуальных схем, отражающих феноменальную реальность, в которой протекают эволюционные процессы. Интерес к линейным моделям пространственной периодизации всеобщей истории человечества либо характеристики отдельных этапов её развития признают наличие цели в истории, имеющей идеологический смысл.

Аналогичные концепции социокультурного развития заложили основу для становления особой сферы знания – теории локальных цивилизаций, которую сегодня рассматривают как одно из перспективных и актуальных направлений развития туризма. По определению современных ученых, «теория локальных цивилизаций базируется на идее о том, что в ходе общеисторического развития на земном шаре формируется ограниченное количество особых, отличающихся друг от друга стратегий человеческого бытия. Каждая из этих стратегий, доминируя на определенной, весьма значительной территории, оказывается фактором, задающим весь строй жизни».

А.Тойнби считает, что цивилизация – это система, прежде всего творимая людьми. Развитию цивилизации способствуют сообщества, которые создают человеческую историю. Детализация исторических фактов свидетельствует о наличии созидательной деятельности сообществ, ибо никакая культура не исчезает бесследно, речь идёт лишь о степени её актуального участия в общем социокультурном развитии человечества [3].

Рассмотрим эти сообщества и их роль в эволюции общественных процессов. Также для полной картины определим аспекты, вдохновившие их на формирование культурного ландшафта.

1. Одним из первых, дошедших до нас памятников письменности Древнего Египта, является «Поучение гераклеопольского царя своему сыну». Автор «Поучения» обращает внимание на необходимость эффективного функционирования аппарата управления, который стоит между фараоном и населением. Суть состоит в сплоченности царствования. Аппарат должен работать «как один отряд». Таким образом, общество Египта создало первую «большую» семью как идеологическую конструкцию – «сословие». Каждое сословие имело своё пространство деятельности, формируя свой культурный ландшафт в рамках законов мироздания.

Многие исследователи склоняются к тому, что ансамбль пирамид в Гизе соответствует структуре построения созвездия Орион. Можно предположить, что фараоны строили слои сообщества древнего Египта на основе закона построения пирамид, которые являлись отражением звёздного неба. Хеопс формировал структуру общества по структуре строения великой пирамиды, Хефрен по строению пирамиды, которая называется его именем и т.д. Для территории Беларуси в глубокой древности аналогичный подход также имел место. Так, Локотко А.И. в своих исследованиях говорит о том, что сельские поселения в своё время назывались «миры» и «вселенные» (вёски)[4].

Эта цивилизация также продемонстрировала возможности традиционной семьи на примере царской четы Эхнатона и Нефертити. В кратчайшие сроки эта венценосная пара сумела создать новый неповторимый и уникальный культурный слой.

2. Существование социальной семьи Античности – «класса» явилось объектом исследования французских историков – Франсуа Гизо, Огюстена Тьерри, Франсуа Минье и др.

В статье «Великий почин» В.И. Ленин писал: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [5].

В Античную эпоху произошло философское осмысление окружающего мира, которое нашло отражение в формировании культурного ландшафта. Мысль стала основой для создания материального образа Античности. На этом поприще проявилась целая плеяда великих мыслителей, таких как: Сократ, Платон, Аристотель, Сенека и т.п. Для марксизма-ленинизма теория о классовой солидарности явилась той пружиной, которая привела в движение человеческую историю.

3. Средневековой идеологической моделью социальной семьи является «братство». Братства, как организации «деловых людей» (ремесленников, купцов, учёных), проповедовали деятельное участие каждого человека в общественной жизни.

Отличительной чертой братств является то, что это организации мирян, группирующиеся для осуществления конкретных задач, как правило, оговоренных в уставе или иных установочных документах, основанные на демократических началах.

Подобные тенденции нашли отражение и в развитии городов. Единственным документом, согласно которому развивался средневековый город, был Устав. Он определял внешний облик, порядок, размеры города и его жизненный уклад.

Братство явилось той основой, которая создала культурное пространство в различных областях жизни. Это религиозный мир (структура многочисленных орденов), научный мир (университеты), мир искусства и архитектуры (ремесленники) и т.д. Духовность стала определяющим фактором в построении культурного ландшафта этого периода.

4. Стремление к гуманистическим идеалам устройства общественной жизни привели к изменениям с общей эволюцией экономической, политической жизни Западной Европы, ступившей на путь буржуазного развития.

В XIII-XIV вв. происходит становление мануфактуры – ручного производства, основанного на специализации. В Средневековье в один цех входили представители разных специальностей. В период Возрождения специализации выделились в самостоятельные виды деятельности – «профессиональные союзы». Известные мастера-профессионалы воспитывали учеников. Они создали школы, где выращивали художников, скульпторов, композиторов, музыкантов и т.д., повлиявших на становление индивидуальных национальных признаков. Профессиональные союзы стали той культурной конструкцией, которая создала городскую культуру. В роли двигателя развития и самовозвеличивания человека этой эпохи выступила «слава». Прославление себя явилось той энергией, которая создала соответствующего уровня культурный ландшафт. Этот путь проложили такие непревзойдённые мастера Возрождения, как Брунелески, Джорджони, Рафаэль, Тициан, Леонардо да Винчи, Дюрер и многие другие.

5. В «Новое время» значение общественного производства росло по мере повышения роли трудовых отношений. Руками очередной социальной семьи – «трудового коллектива» – была создана индустриальная основа цивилизации.

Квалификация представителей этой семьи позволила оценить динамику производства в денежном выражении, т.е. по критериям количества и объема. Машинное производство, центрами которого сделались города, оказалось способным прижиться в любой географической и культурной среде. Эта культурная конструкция позволила вывести общество на новый уровень удовлетворения бытовых потребностей и благосостояния. Резкий рост возможностей человека стал тем стандартом, на который стало ориентироваться почти все человечество. Основу развития этой эпохи заложила наука, создавшая ориентиры и направления развития культурного ландшафта. В качестве первоисточников признаются труды И.Ньютона, К.Маркса, Ф.Энгельса и т.д.

6. Цивилизация «Новейшего времени» породила «корпорацию», которая сформировала корпоративную культуру, влияющую на поведение предпринимателя. Отправной точкой для этого направления деятельности, определяющего становление культурного ландшафта, явился **бизнес**. Одновременно сформировалась этика бизнеса как система моральных принципов и ценностей, которая руководит поведением человека и группы людей, определяя, что правильно, а что неправильно.

Бизнес выработал способность к восприятию перемен, способности распознавать, предугадывать, учитывать и удовлетворять потребности своих партнеров и клиентов. Лицом культурного ландшафта данного периода стали небоскрёбы, банки, магистрали и т.д.

Эта модель также была использована в период создания и развития СССР. Пятнадцать республик с совершенно разным уровнем развития объединили свои усилия на единой идеологической платформе.

7. В 1917 году В.И. Ленин создал очередную идеологическую конструкцию – «партию нового типа». Это была партия с новаторским типом мышления, освоившая новую, складывающуюся в ходе кризиса картину мира. В сферу деятельности этой социальной семьи входит определение целей и задач развития сообщества, выработка программы его жизнедеятельности. Эта система формирует приоритетные направления для сообщества, пути и средства их достижения. Для этой семьи «**мечта**» в лучшее будущее стала тем инструментом, который позволил построить свой культурный ландшафт.

8. На данном этапе развития в мировом пространстве отчётливо просматривается очередное сообщество людей, которое участвует в создании современного культурного пространства. Эти люди оформились в чётко выраженную группу людей – инвесторы. Если ранее они существовали в рамках одной прослойки общества, то теперь они происходят из различных слоёв общества. Инвестор (от англ. investor – вкладчик) – это юридическое или физическое лицо, осуществляющее инвестиции, вкладывающее собственные заемные или иные привлеченные средства в инвестиционные проекты. Эта большая семья занята созданием современного культурного ландшафта в виде инновационных проектов, деловых центров крупных городов, музеев современного искусства и т.п. Между тем, исследования деятельности западных инвесторов показали, что они предпочитают сотрудничать именно с определённой категорией общества. Вместе с тем, каждый из них вышел из традиционной семьи, где и сформировались их ценностные установки.

Таким образом, перечисленные достоинства каждого сообщества позволили выявить закономерности, которые объясняют аспекты, влияющие на развитие активности в пространственной среде. Социальные конструкции на каждом этапе эволюции выступили в роли энергетического источника для формирования культурного ландшафта конкретной эпохи или периода. Несмотря на смену цивилизаций и мировоззрений, выявленные устойчивые элементы любого общества оставались неизменными, соединяясь и наслаиваясь в понятие «семья». Оживление таких сообществ, которые зарекомендовали себя на протяжении тысячелетий, как носители культурных ценностей, может сегодня оживить исторически сложившиеся пласты культурного ландшафта.

Соединение потенциала традиционной и социальной структуры общества может способствовать становлению нового типа взаимоотношений, в которых культурные ценности играют первостепенную роль. Это позволит создать условия для реального культурного взаимодействия и на этой основе развить интенсивное и ускоренное продвижение сообществ к новому качественному состоянию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добренёв, В. И. Социальные институты и процессы / В. И. Добренёв, А.И. Кравченко. – М.: МГУ, 2000. – Т.3.
2. Яковенко, И.Г. Механизмы культурной динамики и смена поколений // Поколение в социокультурном контексте XX века / (отв. ред. Н.А. Хренов); Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры и массовых коммуникаций РФ; Научный совет «История мировой культуры» РАН. – М.: Наука, 2005. – С. 529.
3. Яковенко, И.Г. Циклы развертывания цивилизаций // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. – М.: Наука, 2003. – С. 453.
4. Локотко, А.И. Историко-культурные ландшафты Беларуси / А.И. Локотко. – Минск: Белорус. Наука, 2006.
5. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений, 5-е изд., – Т. 39.

УДК 726.5.05(476)(043.3)

Панченко Т.А.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА

После существенных изменений в церковно-государственных отношениях конца XX века стало насущно необходимым качественное развитие социальной деятельности Церкви (культурологической, миссионерской и т.д.). Поэтому для расширения знаний в этой области архитектуры важно систематизировать исторический опыт создания православных духовных центров, провести анализ их функциональной организации.

Православные духовные центры отличаются по ряду характеристик: административному подчинению, набору основных и сопутствующих функций, пространственной организации, посвящению, расположению в застройке и т.д., но в первую очередь они, являясь полифункциональными комплексами, имеют разные функциональные программы.

Из совокупности православных объектов и комплексов на территории Прибужского региона под каноническим управлением епископа по функциональному назначению в общем историко-культурном контексте выявлены следующие типы православных духовных центров:

- резиденция епископа;
- монастырь;
- епархиальный духовный центр;
- храм-памятник.

Самым ранним по времени появления и распространённым в историческом контексте типом духовного центра является епархиальный духовный центр. Его появление и развитие напрямую связано с учреждением либо ликвидацией епархий, их различных структурных преобразований. В свою очередь православный монастырь в общем историко-культурном контексте являлся наиболее устойчивым типом православного духовного центра. Именно он – исторический прототип архитектурных комплексов, которые становятся центрами не только религиозной, но и духовно-просветительской деятельности и обладают определёнными зонами влияния. Резиденция епископа появляется практически одновременно с утверждением епархий. Вплоть до XVIII в. эти функции выполняли крупные монастыри (Лещинский монастырь в Пинске). Храм-памятник как духовный центр появляется в конце XX века. Он соединяет в себе богослужебные, мемориальные и приходские функции.

В Свято-Успенском мужском монастыре, который находился в восточном предместье Пинска – Леща, находилась резиденция Турово-Пинского епископа. С момента основания он был одним из авторитетнейших центров православного монашества, о чём свидетельствует то, что до XVIIв. митрополиты западнорусской церкви называли себя Лещинскими (в дополнение к титулам Киевских, Галицких и Всея Руси).

По преданию, был основан равноапостольным князем Владимиром, во время похода на ятвягов. Здесь велись летописи, переписывались книги. Первая церковь была посвящена во имя Рождества Пресвятой Богородицы (упоминается в 1263 г.). Комплекс значительно разрушен во время татарского нашествия в 1540 г., когда погибла значительная часть монастырского архива и летопись Пинска. В 1630г. – становится униатским (в 1596,1605-1623, 1639), окончательно в 1668 г., через 30 лет – базилианским. Его описание приведено в инвентарях 26.12.1588 г. и 1595 г. В 1615 г. по распоряжению Сигизмунда III монастырь перешёл к Василисе Сапежанке, игуменье виленских базилианок, в ведении которой находился до 1631 г., когда она уступила свои права униатскому митрополиту Иосифу Рутскому. По описанию монастыря в инвентаре 1588 г. он был полностью деревянным, ограда – из дылей (дубовых пластин), в ограде имелось 2-ярусная брама-звонница с 5 колоколами. В составе комплекса находились 2 церкви: главная Свято-Успенская и «тёплая» Свято-Духовская. Справа от брамы стоял жилой монастырский корпус, слева – дом архимандрита. Кроме этого срубные стайня, баня, пивоварня. За стенами монастыря находились дом священника, гумно, сад, огород и лес [2].

Кафедральная Свято-Успенская церковь известна по рисунку Н. Орды 1868 г., существовала в конце XIX в. Реконструировать архитектурный её облик XIII – XIVвв. невозможно. Можно только предположить, что, во-первых, её пространственное положение в комплексе со временем не изменилось, во-вторых, она имела крестово-купольную форму.

В 1584 г. церковь вновь была отстроена после разорения татарами из вертикально поставленного бруса. В 1588 г. ещё не была достроена – положены балки перекрытия, возведён центральный верх, завершённый крестом. Имела крестово-центрическую форму плана. В инвентаре монастыря 1595 г. говорится о пяти куполах на кафедральной церкви. В её апсиде находился ярусный позолоченный иконостас с резными царскими дверями. В 1746 г. после перестройки в барочном стиле церковь стала трёхнефной базиликой с двумя башнями на главном фасаде – её внешний облик зафиксирован на рисунке Н.Орды. В XIX в. над центральной частью среднего нефа поставлено ярусное завершение – восьмерик на четверике со сложной фигурной башенкой. На хорах при этом сохранялся орган, а в боковых нефях стояли дополнительные резные алтари.

В 1998 г. в одном из уцелевших редюитов, построенном в VIII бастионе – памятнике фортификационного искусства середины XIX в. – в южной части о. Госпитальный был основан женский Свято-Рождество-Богородицкий монастырь. Монастырская территория расположена в непосредственной близости Южных ворот крепости, в полукольце земляных валов. Небольшая часовня-звонница располагается перед входом в корпус (здание редюита). Домовая церковь располагается на втором этаже жилого корпуса, над её алтарной частью над крышей здания возвышается барабан с шатровым покрытием и луковичной главой. В 2005 г. на кафедре архитектурного проектирования и рисунка Брестского государственного технического университета был разработан проект комплекса Свято-Рождество-Богородицкого монастыря в г. Бресте. В предложенном проекте решения комплекс включает новую Свято-Рождество-Богородицкую церковь, игуменский корпус, богадельню и гостиницу для паломников с трапезными, а также двухэтажный жилой корпус для насельниц. Игуменский корпус, расположенный между двух валов, имеет высоту в два этажа и плоскую эксплуатируемую кровлю. Остальные корпуса представляют собой блочную схему с переходом по второму этажу между сестринским корпусом и богадельней, здание гостиницы для проживания паломников выполнено одноэтажным. Церковь находится в северо-восточной части территории в непосредственной близости от главного входа и представляет собой отдельностоящий объём.

В июле 1995 г. Патриарх всея Руси Алексей II во время архипастырского посещения Бреста дал благословение основать мужской монастырь на месте кончины мученика Афанасия (Филиповича). Вначале была расширена часовня, в которой совершались богослужения, к небольшому церковному домику пристроена трапезная и не-

сколько келий для монахов. К 1998 г. в обители было два монаха и три послушника. Был перевезён ещё один дом, оборудованы мастерские и хозяйственные постройки. В дальнейшем был осуществлён проект нового монастырского корпуса с надвратной церковью и архиерейскими покоем.

Таким образом, в различные исторические периоды в православном монастыре и резиденции епископа осуществлялись следующие процессы:

- религиозная деятельность: богослужение, совершение таинств Православной Церкви (Крещение, Причащение, Покаяние, Миропомазание, Брак и т.д.), ритуальные процессы (чинопоследования, обряды, шествия, церемонии и т.д.), хранение богослужебных облачений, книг, сосудов, утвари;
- образовательная и миссионерская деятельность: хранение книжных изданий, предметов искусства, архивов;
- производственная деятельность: изготовление и продажа свечей, предметов богослужебного назначения, другой церковной утвари;
- административно-управленческая деятельность;
- организация жилой среды: проживание священства, послушников и монашествующих, проживание в гостиницах и богадельнях;
- хозяйственно-бытовая деятельность: хранение продуктов, приготовление и приём пищи, другие процессы, связанные с повседневной жизнедеятельностью.

В современный период в силу расширения и развития деятельности Церкви форма некоторых функциональных процессов изменилась, а также к ним добавляются:

- социально-общественная деятельность: кормление домов престарелых, больничных учреждений, создание и развитие социальных проектов, направленных на решение проблем различных групп общества;
- образовательная и миссионерская деятельность: хранение книжных изданий, предметов искусства, имеющих историческую и культурную ценность, архивной документации;
- производственная деятельность: изготовление и продажа свечей, предметов богослужебного назначения, другой церковной утвари, художественные мастерские (иконописные, золотощейные, по пошиву богослужебных одеяний, гончарные и т.п.).

Брестская епархия была возрождена в 1990 году. В настоящее время кафедральным является Свято-Симеоновский собор, расположенный по пр. Машерова. Он был построен в 1865-1868 гг. по проекту брестского городского архитектора В. Поликарпова. Собор имеет центричную крестовую композицию плана. Основной объём поднят на высокий ярко выраженный цоколь. Над ним – высокий парапет с треугольными фронтонами. Над кровлей возвышается центральный и дополнительные барабаны церковных глав с шатровым покрытием. Стены оформлены профилированными карнизами с узкими арочными оконными проёмами. Главный вход в свою очередь также имеет обрамление – перспективный портал с килевидным завершением. Здание епархиального управления – небольшое одноэтажное сооружение – располагается в глубине того же участка.

Для епархиального духовного центра характерно несколько иное сочетание функций:

- религиозная деятельность: богослужение, совершение таинств Православной Церкви (Крещение, Причащение, Покаяние, Миропомазание, Брак и т.д.), ритуальные процессы (чинопоследования, обряды, шествия, церемонии и т.д.), хранение богослужебных облачений, книг, сосудов, утвари;
- административно-управленческая деятельность: управление деятельностью различных структурных подразделений Белорусской Православной Церкви, представительская деятельность;
- социально-общественная деятельность: работа с молодёжью (например, организация и проведение летних лагерей, праздников), организация постоянных и временных выставок икон, живописи и т.д., кормление домов престарелых, больничных учреждений, создание и развитие социальных проектов, направленных на решение проблем различных групп общества;
- образовательная и миссионерская деятельность: организация катехизаторских курсов, воскресных школ, а также клубов, кружков различного направления и т.п., создание и деятельность редакций православных газет, журналов и т.п.;
- производственная деятельность: изготовление и продажа свечей, предметов богослужебного назначения, выпуск периодической печати (газет и журналов и т.д.).

Храм-памятник – Свято-Воскресенский собор, посвящённый 50-летию победы в ВОВ, построен в г. Бресте в 1995-1998 гг. В его составе – Свято-Воскресенский собор с нижним храмом-криптой во честь Казанской Божией Матери, четырёхъярусная колокольня, вспомогательные постройки. Четырёхлепестковая форма плана определяет центричное объёмно-пространственное построение храма, завершённое пятикупольем. Центрическая композиция храма с четырёхлепестковым планом восходит к архитектурным решениям Ренессанса, многие мотивы наружного декора в упрощённой трактовке характерны для русской архитектуры (в справочных изданиях общая совокупность архитектурных приёмов обозначена как неорусский стиль). Он расположен на перекрёстке ул. Московской и пр. Победителей, на территории жилого микрорайона города, входит в состав его общественного центра. Хорошо просматривается как вдоль улицы Московской, так и с дальних точек, в том числе с другого берега Мухавца. В храме, как указывалось выше, осуществляются несколько видов деятельности:

- религиозная: богослужение, совершение таинств Православной Церкви (Крещение, Причащение, Покаяние, Миропомазание, Брак и т.д.), ритуальные процессы (чинопоследования, обряды, шествия, церемонии и т.д.), хранение богослужебных облачений, книг, сосудов, утвари;
- образовательная и миссионерская деятельность: организация катехизаторских курсов, воскресных школ, а также клубов, кружков различного направления и т.п.;
- социально-общественная: работа с молодёжью (например, организация и проведение летних лагерей, праздников), создание и развитие социальных проектов, связанных с посвящением храма, направленных на решение проблем различных групп общества;
- мемориальная: увековечивание памятных дат в истории Церкви и государства;
- производственная: изготовление и продажа свечей, предметов богослужебного назначения, выпуск периодической печати (газет и журналов и т.д.).

Таким образом, для всего периода развития православных духовных центров на территории Прибужья характерно следующее:

- для православного монастыря и резиденции епископа в разных исторических периодах устойчивое сочетание функций. В современный период развитие здесь некоторых видов образовательной и миссионерской, социально-общественной деятельности;
- в епархиальных духовных центрах в историческом контексте преимущественное развитие религиозных и представительских функций, в современный период – расширение и развитие всех видов деятельности, направленных на работу с приходом (образовательная и миссионерская, социально-общественная деятельность);
- для храмов-памятников сочетание религиозной и мемориальной, охранной деятельности, активное развитие миссионерской и социально-общественной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі : энцыкл. даведнік / А.М. Кулагін ; мастак І.І. Бокі. – Мінск : БелЭн, 2001. – 328 с. : ил.
2. Лаврецький, Г.А. Православное зодчество Беларуси = Праваслаўнае дойдства Беларусі / Г.А. Лаврецький. – Минск : Мин. Епарх. упр. Белорус. православ. церкви, 1995. – 99 с. – (Наши духовные ценности : в 12 вып. Вып. 2).

УДК [727.7:72.025.4](476.7)

Давидюк Э. А.

АНАЛИЗ ВОССОЗДАНИЯ ГОРОДСКОГО ДОМА СУВОРОВА В КОБРИНЕ

Городской дом в составе имения Кобринский ключ был подарен в 1795 г. императрицей Екатериной II полководцу А.В. Суворову. Новую территориальную единицу – Кобринский ключ ввёл в 1757 г. державец Ежи Флеминг, упразднив войтовства и волости. Это было сделано ради сокращения управленческого аппарата, путём объединения Кобринской и Брестской экономий. В результате получилось более двадцати ключей. В Кобринский ключ, помимо самого города Кобрина, входили сёла: Патрики, Суховчицы, Дубовое, Плоское, Хидры, Руховичи, Полятичи. Городской дом Суворова располагался на улице Губерниальной. Сейчас улица Суворова. Улица получила своё название, так как в самом конце её располагалась усадьба "Губерния", также подаренная Суворову. Помимо городского дома и усадьбы "Губерния", Суворову принадлежал старый Кобринский замок и экономический амбар на берегу реки Мухавец [1, с.185 – 186].

Суворов приезжает в Кобрин в 1797 г., попав в немилость к императору Павлу I. Второй раз Суворов посещает городской дом в начале 1800-х гг. Здесь он проводит два месяца. После смерти полководца имение "Кобринский ключ", в том числе и городской дом, распродаётся потомками. Так, в начале 1860-х гг. его владельцем становится Р. Траугутт – один из руководителей восстания 1863 – 1864 гг. в Белоруссии, Литве и Польше.

Воссозданный суворовский дом воскрешает образ городской усадьбы конца XVIII в. Именно такие постройки, созданные из дерева, появились на окраинах белорусских городов в начале эпохи классицизма. Для них было характерным обращение к архитектуре Древней Греции и Рима. Исчезли пышные декоративные элементы, присущие архитектуре барокко. Детали архитектурного убранства приобрели утонченность и лёгкость. Появление ордерной системы в оформлении фасадов явилось проявлением рациональности. На смену вычурности пришли изящность и лаконичность [1, с. 107].

Для белорусских домов конца XVIII в. характерно обращение к сельским образцам. Хотя дома отличались большим разнообразием планового и объёмного построения, но общим в них были портик или крыльцо с навесом по главному фасаду. Украшения почти отсутствовали. План зданий становится лаконичным. Фасад имел несложные, но выразительные акценты [2, с. 250]. Здания были симметричными. План городской усадьбы исторически сложился и развивался из крестьянской хаты, за счёт её удвоения. Вход через портик или крыльцо вёл в сени, занимавшие центральное место. По обе стороны от которых, размещали гостиную и столовую. Далее в глубине дома находились спальни, а впереди – каморы или кладовые.

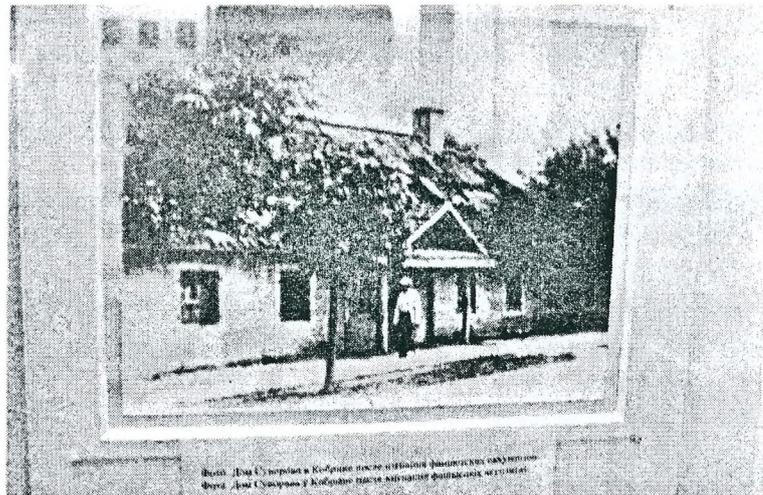

Рисунок 1 – Дом Суворова после Второй мировой войны

Суворовский городской дом, построенный в 1790-х гг. также принадлежал к эпохе классицизма. Одноэтажное деревянное здание было прямоугольным в плане с высокой вальмовой крышей. Симметричные фасады украшали два крыльца с треугольными фронтонами и поддерживающими их колоннами. Наружные стены дома оштукатурены. Окна здания украшали ставни с коваными элементами. При возведении дома использовалась конструктивная схема, где в середине здания располагается несущая, продольная стена, выполненная из кирпича. Стена сохранилась до сегодняшнего времени. В её толще расположены внутренние дымоходы. Этот своего рода прообраз центрального отопления был оправдан, исходя из экономических соображений. В начале XIX в. с владельцев городских домов взимали "подымный" государственный налог, в зависимости от количества труб. Соответственно, если на крыше имелась одна или две трубы, платили меньше. Дома, имевшие анфиладное строение, в итоге получали тёплую стену в каждой из комнат. Для отопления помимо печи иногда дополнительно строили камин. В Суворовском доме его также использовали, отсюда и вторая труба [2, с. 239]. Помимо дома Суворова, кирпичную продольную стену имеет усадьба Радзивиллимонты.

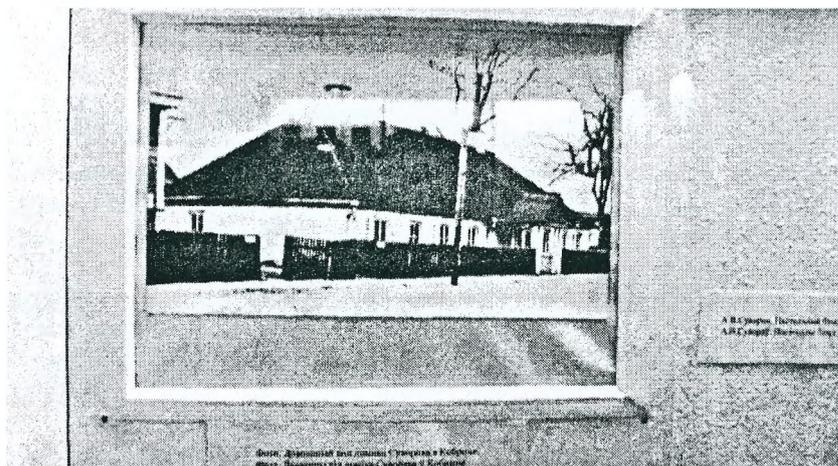

Рисунок 2 – Дом Суворова в 1941 г.

Дом Суворова постройки XVIII в. простоял до Второй мировой войны, за время которой очень сильно обветшал. Здание имело удручающие зрелище. В доме не было внутренних перегородок, окон и дверей. Гонтовая крыша была вся в дырах. После войны покосившиеся стены быстро разбирались на дрова, находившейся поблизости санчастью. В 1946 г. в доме создают музей Суворова. 22 июня 1949 г. здание закрывают на капремонт, во время которого были сорваны и сожжены 200 кв. м. половых досок, повреждённых грибком, выброшены из подполья 100 куб. м. заражённой земли. Причина появления грибка состояла в том, что при восстановительных работах 1946-1947 гг. применялся лесоматериал, не обработанный антисептиком. Всё это и вызвало необходимость капремонта. В ноябре – декабре 1949 настелили полы и оштукатурили стены. В 1978 г. здание было полностью перестроено. Перед разборкой дома произвели точные обмеры здания, составили его план. В ходе восстановления в одной из комнат была обнаружена конструкция фигурной арки. Она разделяла самую большую из комнат, предположительно гостиную, на две части. Арку восстановили, сейчас она расположена в первом зале. В зале № 6 воссоздали камин. Интерьеры дома оформлены в стиле XVIII в. Так называемые «французские шторы» из белого шёлка закрывают окна. Люстры и бра выполнены в виде подсвечников и канделябров. В доме также размещены подлинные предметы эпохи Суворова: стулья, кресла, бюро – секретер, кушетка – рекамье, столик, оружие, мундиры, награды, денежные знаки, документы и т. д.

Рисунок 3 – Дом Суворова 2012 г.

Исходя из имеющихся графических изображений (картин, фотографий), произведённых обмеров, как самого здания, так и отдельных его элементов (дверей, ставен), а также проведённых исследований конструктивных особенностей здания, можно сделать вывод, что работа по воссозданию дома Суворова выполнена удачно. Воссоздан изначальный вид здания: гонтовая крыша с мансардными полукруглыми окнами, деревянные оштукатуренные стены. Здание располагается на том же фундаменте. К сожалению, не удалось полностью воспроизвести прежнюю планировку дома, так как перегородки были утрачены во время войны. В результате восстановления удалось воссоздать не только исторический памятник, но и с помощью размещённой в доме музейной экспозиции и восстановленных интерьеров передать атмосферу ушедшей эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Т. Федорук. – Мн.: БелЭн., 2004. – 576 с.
2. Чантурия, В. А. История архитектуры Белоруссии / В. А. Чантурия. – Мн.: Выш. Шк., 1977. – 320 с.
3. Кулагин, А. Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Беларуси. вт. пол. XVIII – нач. XIX в. / А. Н. Кулагин. – Мн.: Наука и техника, 1981. – 134 с.

УДК 712.3/4 (476.7)

Желудко А.И.

УСАДЕБНО-ПАРКОВЫЙ КОМПЛЕКС В ДЕРЕВНЕ СИГНЕВИЧИ (БЕРЕЗОВСКИЙ РАЙОН)

Взяться за данную тему меня заставила угроза сноса усадьбы. Поскольку, если сам парк находится под охраной государства, то усадьба не взята на учёт. И поэтому, находясь в бесхозном состоянии, приходит в полный упадок. На данный момент в нескольких местах протекает крыша, выбиты окна и двери, сорван пол. В итоге усадьба находится в аварийном состоянии, требует безотлагательных мер по её консервации. В местном сельсовете, в чьём ведении находится данный объект, средств для проведения данных работ не имеется. Уже разобрана на стройматериалы пристройка-новодел для строительства местной церкви. Саму усадьбу данные работы по нашей просьбе ещё не коснулись, но нужно принимать срочные меры по её защите и спасению. Данный объект имеет историко-культурную ценность. Это одна из последних деревянных усадеб в области, которая сохранилась в более достойном виде. История её связана с многими выдающимися личностями нашей страны. О чём и пойдёт речь в моём докладе.

Усадьба Сигневичи упоминается в документах 1519 года. В 1526 году подтверждается право на имение «Старостине ломьзинской пани Павловой Берестейской Томиле». В 1532 году по привилею короля Сигизмунда 1 отошла Флориану Родогоскому. В 1565 году владельцами усадьбы стали Вышенские, позже Станислав Малаховский, Вершготы-Гамшеи.

Но наиболее известные в истории владельцы усадьбы князя Шуйские, происходящие по прямой линии от царя Шуйского. Они владели Ивановом, Хойниками и Теребунью. Возле Теребуни Шуйские возвели церковь, которую мне довелось расписывать. Здесь, возле церкви мною были найдены древнее распятие католического канона, которое было смонтировано на братскую могилу 1863 года повстанцев Р. Траугута при благоустройстве данного захоронения. По материнской линии Р. Траугут происходит из рода Шуйских. Данное захоронение также не взято на учёт, как и усадьба, является историческим памятником. Далее имением владели Прозоры.

Юзеф Прозор (1723-1788) известен по привилеям королей Августа 3 и Станислава Понятовского. Каштелян и воевода Витебский, кавалер орденов св. Станислава и Белого орла с древнего шляхетского рода литовских бояр. Предки его приехали в ВКЛ из Москвы в XVI веке. В 1785 году Прозоры возводят в Сигневичах костёл, при котором открыли школу и госпиталь.

Костёл двухбашенный, состоит из однефного основного объёма со слабо развитым трансептом и полуциркулярной апсидой. Композиция главного фасада двухъярусная, состоит из трёх частей. Центральная часть завер-

шена антиковым фронтоном, боковые – массивными башнями с шатровыми крышами. В советские годы он был отдан под склад и был полуразрушен. Сейчас усилиями прихожан восстановлен. Является памятником архитектуры с элементами барокко. Возле костёла сохранилась могила Игнатия Шемиота, члена общества филаматов.

Позже имение отошло Каролю Прозору (1759-1841). всю свою жизнь он верой и правдой служил своей родине – ВКЛ. Литовский обозный маршалок Литовского трибунала, генерал-майор был одним из главных организаторов восстания 1794 года. Собрал для него около миллиона злотых. Екатерина II отнесла его к числу «злоснейших бунтовщиков».

Уже в 1793 году Прозор приступил к организации восстания против торговчан на Полесье.

И поскольку усадьба Сигневичи была удобно расположена на перекрёстке дорог из Вильно на Волюнь и из Варшавы в Россию, то, очевидно, Сигневичи являлись одним из центров подготовки восстания. После начала восстания Т. Костюшко назначил Прозора командующим войсками на Полесье, Украине, Подолье, а в случае своей смерти или пленения – своим преемником. Берестейщина уже увековечила память Т. Костюшко, заново восстановив его усадьбу. Так же возмущается усадьба Немцевичей, а вот такая выдающаяся личность в истории края, как Прозор, оказалась незаслуженно забытой.

После подавления восстания Сигневичи были конфискованы, но когда Екатерина II узнала, что жена Прозора Людвика по прямой линии происходит от царя Шуйского, земли вернули. Долгое время Прозор был в эмиграции, но в начале царствования Александра I вернулся в страну. Позже, в 1821 году становится членом и руководителем патриотического общества. В 1826 году по делу декабристов посажен в Петропавловскую крепость.

В 1843 году имение от дочери Прозора по купчей перешло Нейгоф Лею, включая фольварки Мошковичи, Моривиль, Малинник, Подьяблонь, Петелево.

Усадьба имела: господский дом из дерева на каменном фундаменте, три амбара, сарай для экипажа, конюшню, ледник, кладовую, домик для копчения, скотный двор, сарай для сена, кузницу, мельницу-ветряк. Дом в 1914 году сгорел, но был восстановлен. Долгое время усадьба использовалась под больницу, поэтому сохранилась.

Дом в плане прямоугольный 17 на 11 метров, по краям фасад имеет розалиты шириной 5 метров. Крыльцо имеет четыре спаренные колонны из кирпича. Крыша над крыльцом односкатная, над домом двухскатная. В продольных стенах по 4 окна. Стены дома оштукатурены по лучинной решетке. Внутри интерьер переделан под больничные палаты с общим коридором. Отопление печное. Обмеры усадьбы проводились студентами кафедры АПиР БрГТУ. Хорошо сохранился парк. Стараниями сельсовета проведена санитарная чистка его территории. Он имеет охранную шильду. Площадь его 6,5 га. в форме прямоугольника. Это большой боксет, образуемый липовыми аллеями. Имеет ряд пейзажных черт: небольшие древесные массивы, поляны, видовой холм, извилистый прогулочный маршрут, водоём. Изучен и описан более подробно А. Т. Федоруком.

Фольварки, относящиеся к имению, уничтожены. Обследовав поверхностно-культурный слой данных территорий, я натолкнулся на более древние артефакты. Для консультаций и изучения мною подключены представители Академии наук : Э. Зайковский, В. Белевец. Костёл и имение зафиксировано мною в картинах, а также снята копия с картины Смуглевича «Семейство Прозоров», оригинал которой находится в РП.

Поднятая мною проблема должна решаться на государственном уровне, иначе мы потеряем ещё один реальный объект культуры и истории. Использовать рассмотренный мною комплекс можно под многоцелевой туристский объект, поскольку он находится в непосредственной близости к трассе М1:

- 1) Музей быта полесской шляхты (Шуйских, Траугутов, Прозоров);
- 2) Гостиница;
- 3) Пленэрная база;
- 4) Мини-галерея.

Усадьба находится в 5 километрах от планируемого мною « Полесского скансена» и при возможности вошла бы в общий музейный комплекс.

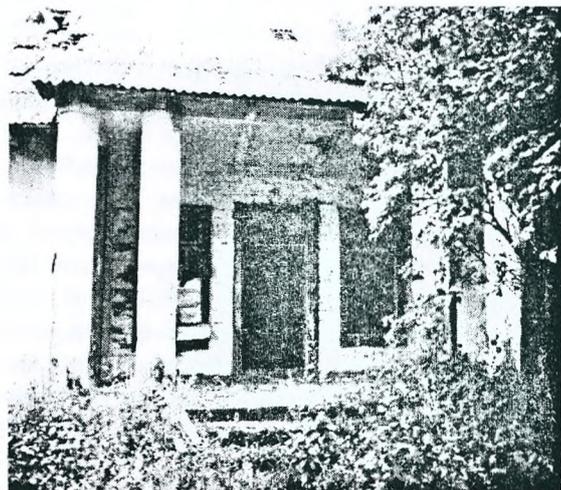

Рисунок 1 – Усадьба Сигневичи

Рисунок 2 – Сигневичский костёл

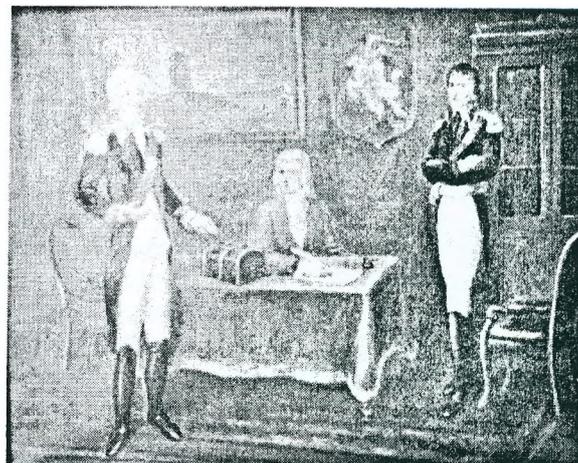

Рисунок 3 – Картина «Прозор, Немцевич, Костюшко в Сигневичах». Художник А. Желудко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диков, П. Список землевладений в Гродненской губернии. – Гродно, 1890. – С. 200.
2. Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины. – Мн., 2006. – С. 201 – 204.
3. Свод памятников культуры Брестской области. – Мн., 1990. – С. 125.
4. Клок, А. Тайна Хойницкого пергамента. – Мн., 1998. – С. 34 – 35.

УДК 728.1(091)(476.7-21)

Асташенок Л.С.

КАПИТАЛЬНАЯ ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА ПИНСКА РУБЕЖА XIX - XX ВЕКОВ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Пинск – исторический и культурный центр Полесья. На протяжении девяти столетий в Пинске возводились гражданские и культовые постройки, в которых сохранялись не только местные традиции и черты полесского зодчества предыдущих эпох, но и использовались достижения европейской архитектуры. Но многочисленные войны и восстания, прошедшие через Пинск, к сожалению, уничтожили большую часть культурного наследия города. В результате войн город неоднократно подвергался пожарам и разорениям, особенно в период национально-освободительной войны 1648—1654 гг., русско-польской 1654—1667 гг., Северной войны 1700—1721 гг. После раздела Речи Посполитой в 1793 г. Пинск отошел к России и стал уездным городом Минской губернии. В первой половине XIX в. Пинск становится значительным торгово-ремесленным центром Полесья [1].

В конце XVIII – первой половине XIX вв. Пинске были осуществлены основные предложения проектных планов 1800-1856 гг. В результате были пробиты радиусы, создана новая центральная площадь, упорядочена уличная сеть. Пинск в своей центральной части получил достаточно ясно выраженную радиальную систему планировки, которая сохранилась и до нашего времени. В конце XVIII в. в городе насчитывалось 500 домов. В начале XIX в. большая часть гражданских построек была деревянной. К 1825 г. количество домов увеличилось до 722, а каменных до 8. По состоянию на 1860 г. домов было 993, в том числе 12 каменных.

В первой половине XIX в. составлен проект регулярной перепланировки Пинска. Его развитие в сравнении с концом XVIII в. хорошо иллюстрирует план, разработанный в 1856 году. План предусматривал создание только одной площади, регулирование рек Пина и Струмень. До 1860-х гг. к северу от центра было построено несколько новых кварталов [2, с.81]. Восточную часть города занимало предместье Каролин, которое застраивалось с конца XVII в. Его кварталы имели прямоугольную конфигурацию (в границах современных улиц Советской, Кирова, Насырова, Днепровской Флотилии). Быстрый рост промышленности с 1880-х гг. наложил отпечаток на архитектурный облик города [3, с.7]. При значительной трансформации уличной сетки сохранилась радиально-полукольцевая схема. Увеличенные кварталы получили правильные абрисы, улицы – равномерную ширину. Целиком осталась трасса главной улицы, что вызвано наличием капитальной застройки (Большая Спасская, в начале XX в. – Большая Киевская, в 1920–1930-я гг. – Костюшки, сегодня – Ленина). Другие радиальные улицы – Брестская, Гончарская (З. Космодемьянской), Петербургская (Первомайская), Поперечная Школьная (Белова) – сменили неправильные, свободно сформированные радиальные направления. Преемственность просматривалась и в реконструкции Каролина, улицы которого только незначительно изменили свою конфигурацию.

В середине XIX века внимание к архитектурному наследию в городах со стороны проектировщиков становится более пристальным. Наблюдается стремление к сохранению очертаний уличной сети и более бережное отношение к историческим зданиям [4 с.61]. Свободно застроенный город перепланировали. Укрупненные кварталы получили правильные очертания, улицы – равномерную величину.

Значительный размах набирает каменное жилищное строительство (в основном в центре). Разрешалось возво-

дить дома по собственному проекту, отходить от типовых схем. Каменные двухэтажные дома имели в плане вытянутую прямоугольную форму, а чаще повторяли неправильную форму отведенного участка, строились плотно один к одному и выходили на площадь торцовыми фасадами. Для внешнего оформления широко использовалась художественная ковка: кронштейны, решетки, различного рода ограждения. В 1860 году население города составляло более 11 000 жителей, в Пинске на 22 улицах стояло около 1000 домов. Город стал крупным торговым центром.

Своеобразным мостиком, перекинутым между Пинском и Каролином, стала улица с первоначальным названием Тюремная, потом Бернардинская, а теперь Советская. Когда-то улица делилась на две части и в середине XIX столетия ее южная часть называлась Королинской. Первые поселения там обозначились в начале XVIII века. Современный вид и масштаб нынешней улицы сложился в результате реконструкции города в первой половине XIX века. И начиналась она с площади Понятовского (ныне площадь Октября), пролегла от конца улицы Ленина и вливалась в улицу Ленинградскую. Ее теперешняя протяженность 791 метр [5].

Система улиц эпохи классицизма явилась основой для дальнейшего развития и до начала XX в. не изменилась. В центре разрешалось только каменное строительство. Территория регламентированной застройки тянулась вдоль современных улиц Брестской, Первомайской, площади Ленина, включала кварталы между набережной и улицами Коржа (Поперечной Школьной), Заслонова (Плевской), Кирова (Купеческой, или Большой Альбрехтауской) и Насырова (переулком Поперечным Замковым). Главные улицы Пинска – Брестская, Петербургская (Первомайская), Францисканская (Ленина) были сориентированы на самое крупное сооружение города – костел иезуитского монастыря (костел святого Станислава), расположенный на торговой площади (пл. Ленина) [6].

В XIX в. в Пинске появляются первые проекты многоквартирных домов. Они делились на три-четыре жилые части (квартиры). Каждая имела отдельный тамбур, крыльцо или веранду, вокруг которой размещались кухня и жилые комнаты. Из-за плотности застройки торцовые стены деревянных домов все чаще заменялись каменными брандмауэрами. Выполнение многочисленных деталей украшения (окна, двери, карнизы, фронтоны) оставляли на вкус хозяина и умение каменщиков и плотников. Такие дома размещались в Пинске по улице Большой Киевской, Бутримовича, Королевы Боны. Доходные дома в конце XIX в. были, как правило, двух-трехэтажные. В некоторых совмещались каменные и деревянные части (верх деревянный, низ каменный, который использовался под склад, краму и др.) [7].

В конце XIX в. в городе появляется небольшое количество особняков, построенных в различной стилистической манере. Некоторые из них тяготеют к модерну, другие – к классицизму в его местном, полесском варианте, в котором хорошо просматриваются черты польской школы. Такие постройки сохранились на бывшей Большой Киевской улице, а также – Советской, Горького, Завальной, Ровецкой, Заслонова, Днепровской флотилии. Примером может служить одноэтажный каменный особняк с мезонином, стоящий в самом начале улицы Комсомольской у реки [8].

В довоенном Пинске процветал гостиничный бизнес. Сохранились здания бывших гостиниц «Париж» (ул. Ленина, 5) (рис. 1), «Варшавская» (ул. Ленина, 31), Басевича (ул. Ленина, 27).

Рисунок 1 - Здание бывшей гостиницы «Париж» по ул. Ленина, 5

В настоящее время исторический центр Пинска представляет собой фрагментарно сохранившуюся капитальную жилую застройку, расположенную в границах Старого города вдоль улиц Ленина, Советской, Брестской, Горького по периметру кварталов. Дома фиксируют историческую планировку, выявляют ее традиционный масштаб. Жилые дома, формирующие каркас улиц, представляют большой интерес для исторической науки как памятники архитектурной практики рассматриваемого периода.

Главная улица Старого города – улица Ленина, благодаря капитальной застройке, полностью сохранила свою трассу и названий за долгий век сменила множество: Большая Спасская, Большая Францисканская, Большая Киевская, Тадеуша Костюшко, Карла Маркса. Сто лет назад в Пинске было только пять мощеных улиц, а Большая Киевская к тому же была единственной улицей с тротуарами. Это была самая красивая улица, где находилось много магазинов, ресторанов и кафе [9, с. 64]. Основу Большой Киевской, как и некоторых других центральных улиц, составляли дома российской эпохи: классические, чем-то похожие на затянутых в строгие мундиры государственных служащих; порожденные стилем эклектики – помпезные и кокетливые, в лепных цветах, гроздьях винограда, новомодные – в стиле модерн, с башенками, аттиками, эркерами [9, с. 67]. По сравнению с главной улицей Старого города пинская набережная застраивалась стихийно, в зависимости от возможностей и вкусов домовладельцев [9, с. 77].

В результате исследования литературных источников и натуральных наблюдений были выявлены жилые дома, имеющие широкий диапазон художественно-декоративного оформления главных фасадов и планировки. Дома представляют собой примеры различного объемного, планировочного и художественного решений.

Основную массу жилых домов Старого города составляют постройки в один этаж. Небольшие здания представляет собой прямоугольные в плане здания, отличаются наличием пластичной мансардной кровли. Имеют довольно сложную планировочную структуру, развитую в глубь двора. Входные группы располагаются со стороны бокового фасада, что видно на планах домов по ул. Советской, 3, 7, 11.

Двухэтажные здания отличаются интересной пластикой фасадов, которая создавалась угловыми лопатками, лучковыми, килеподобными арками оконных проемов, профилированными карнизами с аркатурными фризами. В архитектуре использовались орнаментальные качества каменной кладки. Одним из наиболее интересных приемов в формировании пластики фасадов являлись фигурные аттики, завершавшие центральную ось здания над главным входом. Симметрично – осевая композиция фасадов подчеркивалась в центре входными ризалитами, завершенными фигурными аттиками (дома по ул. Ленина, 14, 38, ул. Советской, 2) (рис.2).

Рисунок 2 - Дом по ул. Советской, 2

Интересными с точки зрения объемного решения являются двухэтажные дома, завершенные фигурными мансардными щитами с балконами в центре (дома по ул. Советской, 5; Ленина, 24). Значительно вытянутые в глубину двора, фасадами выходят на красную линию. Входные группы расположены либо со смещением относительно центральной оси на главном фасаде, либо со стороны дворового фасада. В пластической обработке использованы угловые лопатки, руст, профилированные карнизы (рис.3).

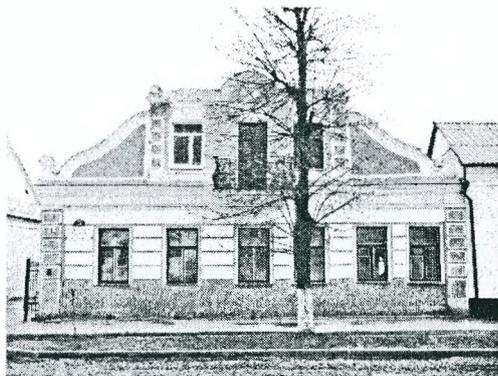

Рисунок 3 - Дом по ул. Советской, 5

Одним из немногих сохранившихся примеров «кирпичной» архитектуры является дом по ул. Ленина, 38 (рис.4). Был построен в начале XX в. Хозяйкой дома была Леонтина Орда (1859-1947). В доме также находились библиотека и книжный магазин. На срезанном углу - граненый эркер, над ним фигурный щит в форме кокошника – дань псевдорусскому стилю, декорированный филенками и орнаментом с каменной кладки. На фасадах – богатый декор.

Рисунок 4 - Дом по ул. Ленина, 38

Улица Ленина на протяжении почти всех своих 800 метров представляет собой пример целостной городской застройки конца XIX-первой четверти XX века.

Жилая застройка рубежа XIX – XX века характеризуется слитной архитектурной массой зданий, обобщенностью в трактовке форм, вниманием к силуэтной разработке фасадов при общей плоскостности их решения и лаконизме элементов декорации. Застройка играет не только значительную роль в формировании силуэта города, но и является носителем исторической информации прошлого. Здания хорошо сохранились, и в настоящее время в них размещаются административные, общественные организации и жилые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беларусь. Пинск // Arheolog.by: Форум археологов и нумизматов об артефактах Беларуси. – Режим доступа: URL: <http://arheolog.by/viewtopic.php?f=45&t=268> – Дата доступа: 02.04.2012.
2. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь /склад. В.Я. Абламскі, І.М. Чарняўскі, Ю.А. Барысюк. – Мінск : БЕЛТА, 2009. – 684 с.: іл.
3. Формирование техногенных ландшафтов в условиях Белорусского Полесья: материалы республиканской научно-практической конференции / Брестский государственный технический университет, 2002.; под ред. А.Д. Кудиненко. – Брест.: БГТУ, 2002. – 107 с.
4. Сохранение архитектурно-исторического наследия – основа устойчивого развития городов: м-лы научно-практ. конф. / Замковый комплекс «Мир» Гродн. обл. РБ. 3-5.ноября 2011 г. // Архитектура и строительные науки. – Мн., 2011. – № 2 (Спецвыпуск).
5. История Пинска // Pinsk-history.ru : Персональная страница Николай Хмелярского (Nikolai Khmeljarski) – Режим доступа: URL: <http://www.pinsk-history.ru/> – Дата доступа: 09.04.2012.
6. Город с историей, город с будущим: Генеральный план Пинска (03.05.2007 Екатерина Шулаева) // www.ais.by: Архитектурно-строительный портал. – Режим доступа: URL: <http://ais.by/story/1109> – Дата доступа: 09.04.2012.
7. История Пинска // Pinsk-history.ru : Персональная страница Николай Хмелярского (Nikolai Khmeljarski) – Режим доступа: URL: <http://www.pinsk-history.ru/> – Дата доступа: 09.04.2012.
8. История Пинска. Улица Советская (Бернардинская) // Pinsk-history.ru : Персональная страница Николай Хмелярского (Nikolai Khmeljarski) – Режим доступа: URL: <http://www.pinsk-history.ru/> – Дата доступа: 09.04.2012.
9. Пінск і яго вакаліцы [Тэкст] = Пинск и его окрестности = Pinsk and its surroundings : научно-популярная литература / Т. А. Хвагіна. - Минск : Вышэйшая школа, 2007. - 176 с.

УДК 711.455(476.7)

Кароза А.И.

ОЦЕНКА ТУРИСТСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Туризм является одной из самых доходных и наиболее интенсивно развивающихся отраслей в мире. В ряде стран он еще и основной источник дохода. Сегодня туризм приобретает все большее значение в международном развитии и взаимопонимании между народами.

Несмотря на развитие различных видов туризма (деловой, развлекательный, спортивный, лечебно-оздоровительный и др.) наибольшую долю на рынке туризма продолжает занимать познавательный туризм, связанный с посещением памятников архитектуры, истории, культуры, мест, связанных с важными историческими событиями и личностями, музеев. В отдельную отрасль выделяется форт-туризм, целью которого является посещение и изучение фортификаций.

На территории Брестской области сохранились фортификационные сооружения, утратившие своё стратегическое значение, но являющиеся памятниками истории и культуры, частью мирового материального культурного наследия. Сохранить эти сооружения для будущих поколений поможет всестороннее включение их в современную жизнь общества. Одним из перспективных видов современного использования историко-культурных ценностей является сфера туризма. Посещение памятников требует затрат времени и средств, поэтому для совершения туристских поездок важно наличие объектов, представляющих интерес для потенциальных туристов. Это и есть туристский потенциал.

На Брестчине сохранились фортификации разных эпох от самых древних на территории Беларуси (Каменецкий донжон – XIII в.) до наиболее современных укреплений 41-го года прошлого века (Брестский и Борановичский укрепрайоны). Это башня-донжон в г. Каменец, остатки бывшего замка Вишневецких в д.Жаббер Дрогиченского р-на, земляные укрепления в д. Лысково Пружанского р-на, руины замка Чарторыйских в д. Кривляны Жабинковского р-на, комплекс фортификационных сооружений Брестской крепости, советские сооружения Брестского УРа, польские и немецкие фортификации начала XIX века. Для развития памятников фортификационного наследия в качестве объектов культурного туризма в первую очередь необходимо оценить их туристский потенциал.

Туристский потенциал исторических фортификаций складывается из их ценности, сохранности, транспортной доступности. Немаловажное значение имеет наличие туристской инфраструктуры в регионе, где расположен посещаемый объект, других объектов историко-культурного наследия и ландшафтно-рекреационных территорий.

Исторические фортификационные сооружения обладают историко-культурной, художественной и природной ценностью. Историко-культурная ценность фортификационных сооружений характеризуется их связью с историческими событиями, происходящими в нашей стране, и известными личностями. Пожалуй, это наиболее решающий

фактор при выборе объектов посещения туристами. Все исторические фортификации обладают историко-культурной ценностью вне зависимости от того, включены ли они в Список историко-культурного наследия Республики Беларусь или нет и какую категорию ценности имеют. Так, Каменецкая башня-донжон связана с именами известного зодчего Олексы и Владимиро-Волынского князя Владимира Васильковича. Немаловажным фактором является её включение в Список всемирного историко-культурного наследия ЮНЕСКО и 0-я категория ценности (памятник культуры международного значения) в Списке историко-культурного наследия Республики Беларусь. Остатки замка в д. Жабер (3-я категория ценности) напоминают об истории известного древнего литовско-русского рода Вишневецких, руины замка в Кривлянах (3-я категория ценности) – об известном на Брестчине роде Чарторыйских. Сооружения Брестской крепости и укрепрайоны по всей территории нашей страны связаны с событиями двух мировых войны. Комплекс фортификационных сооружений Брестской крепости, включающий саму крепость с двумя фортовыми обводами, имеет в целом 0-ю категорию ценности, и от 1-й – до 3-й – отдельные сооружения. Остальные фортификационные сооружения на Брестчине не включены в Список историко-культурного наследия. Восстановление таких сооружений и включение их в сферу туризма является важным фактором для изучения и правильного понимания нашей истории.

Художественная ценность характеризуется эстетикой архитектуры фортификационных сооружений. Так, замки и крепости, несмотря на их утилитарное предназначение, соответствовали определённому архитектурному стилю, часто имели богатый декор. К сожалению, об архитектуре и внешнем облике замков Вишневецких и Чарторыйских и укреплений в Лысково сведений нет. Средствами художественной выразительности сооружений Брестской крепости служили пластика и фактура кирпичных фасадов, арочные окна и своды перекрытий. Кроме того, все оборонительные сооружения являлись вершиной инженерной мысли своего времени.

Природная ценность исторических фортификаций характеризуется их активным ландшафтом. Ландшафты, водные системы и зелёные насаждения сохранившихся сооружений являются звеном в экологическом каркасе населённых пунктов, где они расположены. Многие памятники оборонного зодчества находятся за городской чертой и полностью вписаны в естественный ландшафт. Сохранившиеся ландшафт и насаждения целесообразно использовать в качестве рекреационных объектов, включая их в общую структуру озеленения населённого пункта. Это могут быть мемориальные парки, музеи под открытым небом, площадки для реконструкции исторических событий, проведения массовых мероприятий, амфитеатры, места прогулок и тихого отдыха туристов.

Сохранность исторических фортификационных сооружений является совокупной оценкой технического состояния зданий и сооружений, ландшафта и инженерного оснащения объектов историко-культурного наследия. Сохранность фортификационных сооружений влияет на возможность восстановления, объём инвестиций, затрачиваемых на создаваемый туристский объект, и степень его аутентичности.

Все исторические фортификационные сооружения Брестчины находятся в разной степени сохранности: от практически полностью разрушенных средневековых замков, сохранивших лишь фрагменты земляных укреплений и культурный слой (замок в Кривлянах, Жабер, укрепления Лысково, часть сооружений укрепрайонов), до хорошо сохранившихся или восстановленных (Каменецкая башня, крепость в Бресте, отдельных сооружений времён первой и второй мировых войн).

Наличие объектов туристской инфраструктуры, других объектов историко-культурного наследия и рекреационных территорий оказывает большое влияние на туристскую привлекательность исторических фортификаций.

Туристская инфраструктура включает экскурсионное обслуживание, торговые объекты, объекты питания и развлечения, места для проживания и пр. Собственную инфраструктуру в основном имеют объекты, уже используемые в целях туризма, – это Каменецкая башня и Брестская крепость. При создании туристских объектов на основе фортификаций, расположенных в крупных населённых пунктах, может использоваться инфраструктура всего города или района, где они расположены. Остальные исторические фортификационные сооружения Брестской области не имеют собственной туристской инфраструктуры и расположены в местах, не развитых в этом отношении, что негативно сказывается на их туристской привлекательности.

Транспортная доступность объектов историко-культурного наследия хоть и не является решающим фактором (т.к. ради посещения выдающегося памятника туристы преодолевают сотни километров), однако существенно влияет на посещаемость объекта.

Транспортная доступность – время, которое необходимо затратить для посещения памятника. При анализе транспортной доступности сохранившихся фортификаций рассматривалась их удалённость от мест концентрации потенциальных туристов: городов с населением более 100 тыс. жителей и трасс международного и национального значения. Кроме того, учитывалось наличие благоустроенных подъездных дорог. По условиям транспортной доступности в наиболее выгодном положении находятся Брестская крепость и сооружения Брестского укрепрайона. Также хорошую транспортную доступность имеют Каменецкая башня, расположенная в 40 км. от Бреста и в 10 км от национального заповедника Беловежская пуца; отдельные сооружения Барановичского укрепрайона и немецкие укрепления, находящиеся у трассы Е30 и вблизи г. Барановичи. Остальные памятники фортификации в Брестской области расположены в удалении от основных мест концентрации туристов.

Для оценки комплекса факторов, влияющих на туристский потенциал исторических фортификационных сооружений, информация о них сведём в общую таблицу, где каждый объект фортификационного наследия оцениваем по каждому параметру по трехбалльной шкале, а потом выводим комплексную оценку (Таблица 1).

Оценка степени сохранности:

xxx - хорошо сохранившиеся – степень сохранности зданий, сооружений и ландшафта составляет более 70%;

xx - удовлетворительно сохранившиеся – от 30 до 70% сохранившихся объектов;
 x - плохо сохранившиеся – сохранность которых составляет 10-30%, и дошедшие до нас в виде фрагментов земляных укреплений или культурного слоя.

Оценка транспортной доступности:

xxx - с хорошей транспортной доступностью (до 30 минут) от мест наибольшей концентрации туристов (города с населением более 100 тыс. и транспортно-коммуникационные коридоры международного значения);

xx – с удовлетворительной транспортной доступностью (30-60 минут);

x - с плохой транспортной доступностью (более 60 минут, и объекты, не имеющие благоустроенных подъездов).

Оценка развития туристской инфраструктуры:

xxx - обладающие туристской инфраструктурой;

xx - со слабо развитой туристской инфраструктурой;

x - с неразвитой туристской инфраструктурой.

Таблица 1 – Оценка туристского потенциала исторических фортификационных сооружений Брестской области

Наименование фортификационного сооружения	Транспортная доступность	Степень сохранности	Обеспеченность туристской инфраструктурой	Комплексная оценка
1	2	3	4	5
Камене́цкая башня-донжон	xx	xxx	xx	xxx
Средневековые укрепления д. Лысково	x	x	x	x
Остатки бывшего замка Вишневецких д. Жабер	xx	x	x	x
Руины замка (бывший замок Чарторыйских)	xx	x	x	x
Комплекс фортиф. сооружений Брестской крепости	xxx	различная	xxx	xxx
Польские и немецкие сооружения	различная	различная	x	xx

Следует учитывать, что фортификации первой половины XIX века представляют собой комплекс сооружений с различной степенью сохранности и транспортной доступности. Поэтому, принимая проектные решения о развитии этих объектов как туристских, необходимо детально изучать каждое сооружение.

Наиболее высокий туристский потенциал будут иметь фортификационные сооружения с хорошей сохранностью, транспортной доступностью и развитой туристской инфраструктурой. Они могут стать объектами международного туризма. К памятникам фортификации с высоким туристским потенциалом относятся Камене́цкая башня и Брестская крепость.

Объектами туризма национального значения могут стать сооружения, имеющие удовлетворительную сохранность и транспортную доступность. Туристской инфраструктуры такие объекты на сегодняшний день не имеют. К таким памятникам относятся некоторые фортификационные сооружения XIX века.

Остальные объекты целесообразно развивать для местного, регионального туризма.

Очевидно, что в настоящее время туристский потенциал исторических фортификационных сооружений реализуется не в полной мере. Опираясь на полученную оценку туристского потенциала исторических фортификационных сооружений, необходимо разработать предложения по вовлечению каждого конкретного сооружения в систему туризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Планировка, застройка и благоустройство городов – центров туризма: пособие проектировщику / Г.А. Потаев, Г.Р. Потаева. – Минск : Минсктиппроект, 2011. – 204 с. : ил.
2. Список памятников истории и культуры республиканского значения Белорусской ССР: в 2 кн. – Минск: Белорус. Советская энциклопедия им. П. Бровки, 1990. – Кн. 1,2. – 237 с.
3. Стратегия устойчивого развития туризма в Беларуси / В. Ивличев, Л. Баскакова, С. Сахарова // Архитектура и строительство. - 2003. - №7.
4. Замки Беларуси / М.А. Ткачѳв. – 3-е изд. – Минск: Беларусь, 2007. – 200 с.: ил.
5. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772-1941) : монография / С.А.Пивоварчик. - Гродно : ГрГУ, 2006. - 252 с.
6. Веб-сайт Глобус Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globys.tut.by>. – Дата доступа 17.04.2012.

УДК 728.5-6(476.7)

Киселева М.С.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСАДЕБ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Окружающая среда является одним из основных критериев туристического предложения в Беларуси. Однако без зданий и сооружений, среда не в состоянии обеспечить выполнение всех функций туристской деятельности. Но архитектуре в сельском туризме придается особое значение еще и в связи с тем, что специфика местной архитек-

туры становится неотъемлемой составляющей “туристского продукта”. Особенности архитектуры зданий и сооружений сельских усадеб должны вносить более существенный вклад, чем это имеет место сейчас, в развитие туризма в Республике Беларусь.

В статье обозначена типология сельских усадеб, действующих на территории республики. Главная идея – определить основные подходы к обеспечению типологического разнообразия объектов сельского туризма. Анализ выполнялся на основе выделенных типов зданий действующих агроусадьб /1. с.37; 4. с.6/:

- традиционный сельский жилой дом;
- модернизированный традиционный жилой дом;
- современный коттедж;
- реконструированное здание не жилого назначения;
- специально построенный объект сельского туризма.

Важным является момент расположения сельских туристических усадеб *относительно населенных пунктов*. Здесь можно выделить размещение усадеб:

- в структуре деревенской застройки (в центре деревни или на околице);
- в отдаленной местности (хутор);
- в пригороде крупного населенного пункта;
- вблизи каких-либо достопримечательностей (памятники истории и культуры, архитектуры, природы).

Традиционный сельский жилой дом. Основное здание в агроусадебном комплексе – жилой дом. Большинство действующих объектов сельского туризма имеют все характерные черты народной архитектуры. А народные строители в свое время умели за счет незначительных деталей получать неповторимые дома даже на одной улице. Ведь любой жилой дом – это история, которая складывается от самого намерения его построить.

За много лет сформировавшаяся структура деревянного жилого дома – хаты, с двускатной крышей, объемной печью, простым решением планировки, продемонстрировала свою оптимальность для условий нашего климата и материальных возможностей крестьянина. Была достигнута определенная автономность существования объекта и его независимость от каких-либо сторонних обстоятельств – отопление жилых помещений печью местным топливом (дровами), колодец.

Именно хаты стали основой многих усадеб сельского туризма: («Гречихи» Барановичского р-на (Рис. 1); «Дубое над Пиной» Пинского р-на; «Избушка на берегу Припяти» Пинского р-на; «У царского тракта» Пружанского р-на; «Панские пруды» Барановичского р-на).

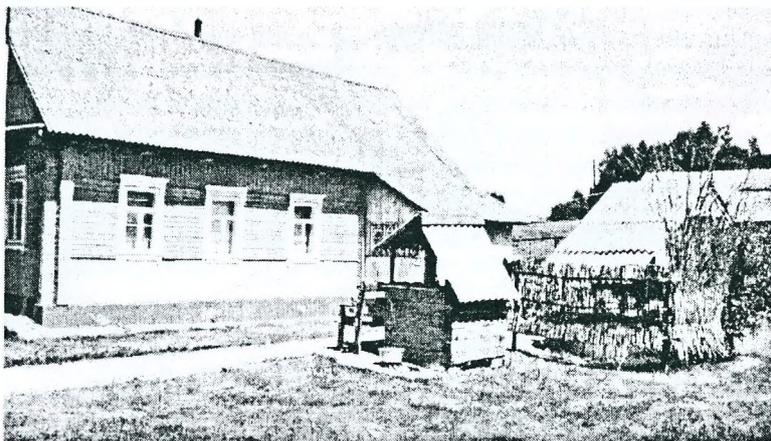

Рисунок 1

Выразительность их форм, лидирование в композиции, мощный информационный потенциал, как правило, не вызывают сомнения. Поэтому особой нужды их перестраивать, придавать им современные черты, дополнительно декорировать, чтобы сделать их более заметными, не имело смысла. Хозяева таких домов почувствовали это обстоятельство и очень ответственно отнеслись к нему. При приспособлении здания для новых туристских функций старались сохранить именно их первозданность, чтобы посетитель ощутил на усадьбе через соприкосновение с этим сооружением и свою связь с природой, и местной культурой.

Модernизированный традиционный жилой дом. Свое желание улучшить жилой дом при адаптации его под агроусадебу хозяева зачастую выражают в модернизации: обновляют фасад (обшивка сайдингом или доской, окраска); перепланируют внутреннее пространство (изменение назначения помещений, например, нежилое в жилое); пристраивают или надстраивают к основному объему здания; изменяют интерьеры (оклеивают обоями бревенчатые стены, подшивают потолок).

Не всегда получается модернизировать жилой дом под агроусадебу без потерь и в эстетическом и в историческом смысле. Конечно, есть примеры когда незначительные переделки улучшают жилой дом («Мазичи» Кобринского р-на, обновили фасад, цоколь и кровлю (Рис. 2)). Но случается, что, например, обшивка наружных бревенчатых стен сайдингом или обкладка каменными блоками, совсем прерывает связь с историей и особенностями традиционной жилой архитектуры («Бобровичи» Ивацевичского р-на; «Озерная жемчужина» Пинского р-на (Рис.3)).

Рисунок 2

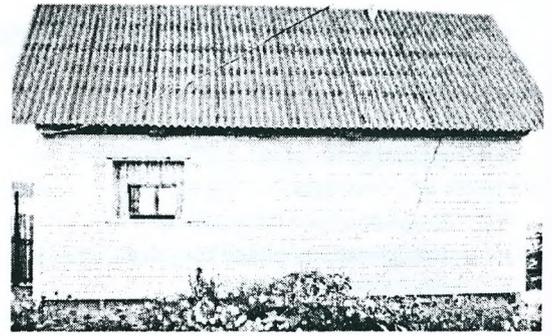

Рисунок 3

Модернизированные жилые дома недавней постройки. Новое строительство всегда делало более простым осуществление любых последующих изменений в случае необходимости. Жилые дома недавней постройки – дома 10–20 летней давности. Такой тип может значительно отличаться от традиционной жилой «хаты», во-первых, не всегда материал стен – дерево, зачастую это и кирпич, и газосиликатные блоки. Размеры оконных блоков и их заполнение значительно отличаются от традиционных. В таких домах важна модернизация «со вкусом», с идеей. Ведь само строение имеет пока непродолжительную историю, а уже претендует на агроусадьбу. Например, в Италии агроусадьбы, построенные из природных строительных материалов (а у них это камень и дерево), с сохранившимися элементами традиционной архитектуры имеют более высокую стоимость аренды. Поэтому хозяевам такого типа усадеб нужно быть более внимательными при модернизации.

Современный коттедж. Большинство городских туристов, отправляясь отдыхать в сельскую местность, с желанием прикоснуться к экзотике деревенской жизни, хотя проводят время в привычной для них среде, обеспеченной комфортом (как с эстетической, так и гигиенической точки зрения). Для кого-то комфорт – современный интерьер, с хорошо оборудованным санитарным узлом, для других – дом современной архитектуры, ландшафтный дизайн, все средства коммуникаций.

Когда тип сельской туристской усадьбы – современный коттедж – новая постройка, новая точка отсчета времени, то есть истории дома и семьи, которая здесь живет, комфортность пребывания будет достигнута, а вот обжитость усадьбы и её историчность, что очень важно для человека, пустившегося в путешествие, еще придется наживать и приобретать годами.

Но всё же такие усадьбы имеют право на существование, и, что ещё более важно, на них есть спрос. Главное, чтобы усадьбы такого типа имели в себе «изюминку»: если это современная архитектура – то интересная, грамотно спроектированная, оснащенная современными инженерными коммуникациями. В такой архитектуре важен и экстерьер и интерьер в целом, можно и в новом сделать интересный этнический уголок.

Существуют хорошие примеры агроусадёб такого типа:

- «Споровская» Березовского р-на;
- «Павлиново» Барановичского р-на, удостоенная гран-при в республиканском конкурсе «Лучшая агроусадьба года 2010 года» (Рис. 4).

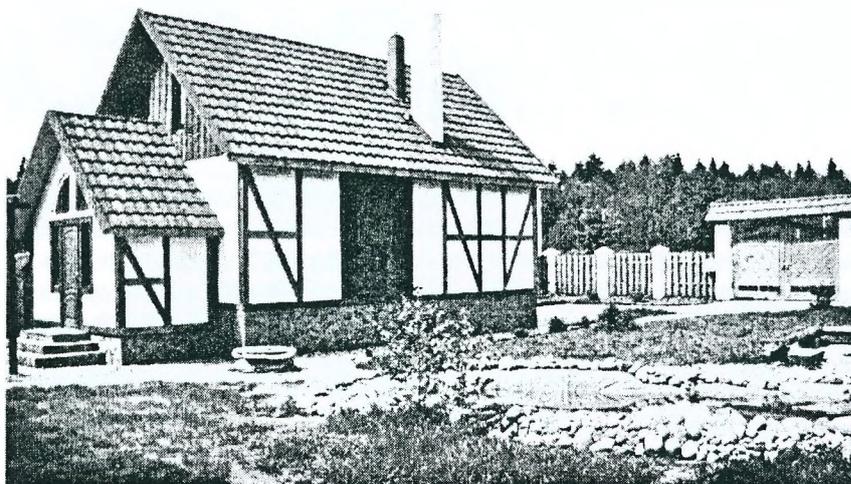

Рисунок 4

Реконструированное здание не жилого назначения. По большей части такого типа сельские усадьбы сразу реконструировались под туристические цели. Хозяева покупали строения с задачей перепланировать их под усадьбу с отдельными комнатами для приезжих. Примеры таких усадеб встречаются, например, в Витебской области («Кролова хата» Россонского района – бывшая сельская больница послевоенной постройки).

Специально построенный объект сельского туризма. Таковыми являются небольшие усадьбы и большие туристические комплексы, которые занимают значительную территорию, включают в себя практически весь спектр туристических услуг. Примером туристских комплексов являются:

- Музей – усадьба «Студинка» Кобринского р-на (Рис. 5).
- База отдыха "Комарово" Кобринского р-на.

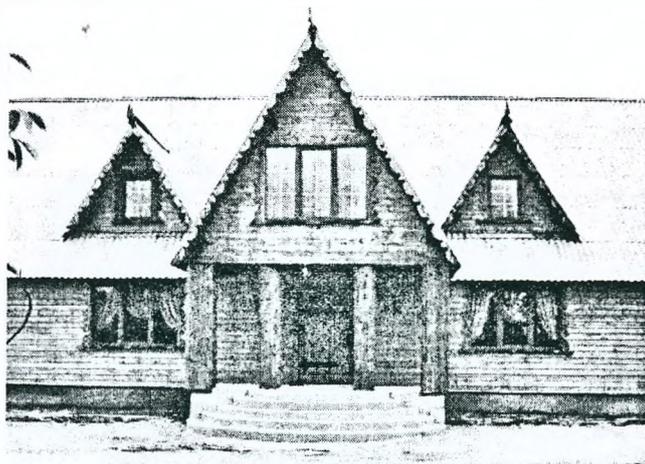

Рисунок 5

Такие объекты очень многогранны, включают в себя различные функции (ресторан, гостиница, зоосад и т.д.), поэтому они выделяются в самостоятельную группу и могут разделяться по своей типологии.

Примером агроусадьбы, специально построенной для туристической деятельности, является «Сядзіба Рынькаўка» Брестского р-на (Рис.6).

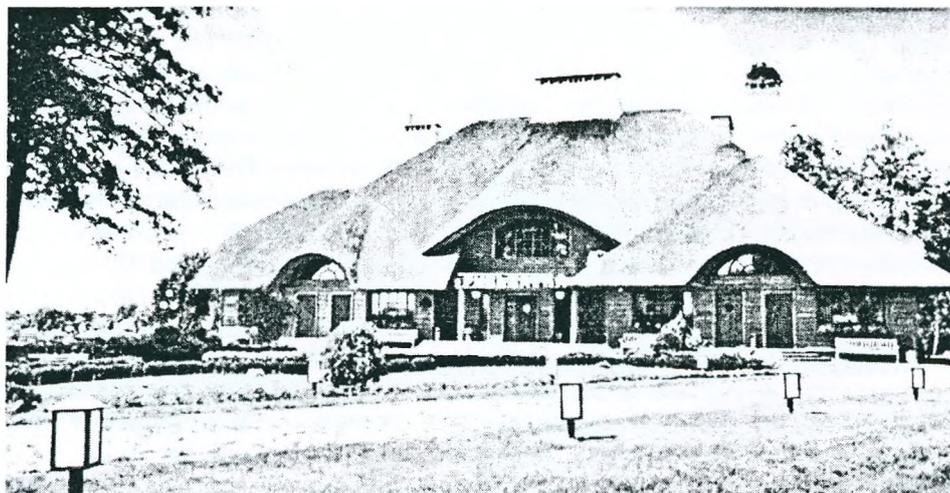

Рисунок 6

Туристический комплекс «Сядзіба Рынькаўка» – так определяют усадьбу хозяева, предлагает размещение в отдельных деревянных домиках на территории агроусадьбы. На территории находятся баня, ресторан, беседки.

Такого типа агроусадьбные комплексы можно рассматривать в большей мере как объекты гостиничного бизнеса, предоставляющие возможность дополнительных развлечений (охота, рыбалка, проведение торжеств, катания на лошадях).

В Брестской области размещается усадьба "У гасцяў у пані" – особый тип агроусадьб, потому что объект располагается в старинной панской усадьбе – памятнике архитектуры XIX века. На территории Беларуси находится довольно много старинных усадьб, требующих реставрации, возможно, приспособление их под объекты сельского туризма – это один из выходов, чтобы спасти памятники от разрушения.

Сформулированные типологические особенности относятся только к архитектурно-планировочным решениям объектов сельского туризма. Данная концепция в сфере туризма пока исследована недостаточно. В основном хозяева усадьб ориентируются на потребителя, которому важен комфорт и маловажны традиции и самобытность места, где находится их усадьба. Но есть туристы, а их становится с каждым годом все больше, которые нацелены на получение информации о жизни людей в белорусской деревне, о культуре и традициях. И это не только иностранные приезжие, но еще и городские жители нашей страны. Сельская туристическая усадьба – информационный носитель культуры белорусского народа, а какую информацию она будет предлагать, в том числе и средствами архитектуры, зависит от её хозяев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергачев, С.А. Архитектурно-типологическая характеристика объектов сельского туризма Беларуси / С.А. Сергачев, М.С. Черкасова // Архитектура и строительные науки. – 2012. - № 1, 2 (12, 13). – С. 36-38.
2. Каталог сельских усадеб / ОАО “Белагропромбанк”, БОО “Отдых в деревне”. – Минск: РИФТУР, 2011. – 225с.
3. Агротуризм: опыт, проблемы, рекомендации / В.И. Бельский [и др.]. – Минск: Ин-т экономики НАН Беларуси. – 124с.
4. Сергачев, С.А. Отдых в деревне: прикосновение к истокам народной культуры / С.А. Сергачев. – Минск : БОО «Отдых в деревне», 2009. – 68 с.
5. Брестская область // Белорусский портал сельского агротуризма - все усадьбы и поместья Беларуси [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.usadba.by/int_page.php?id_oblast=2. – Дата доступа: 16.04.2012.

УДК [719:72]:[004.004.4]

Коняев П.Н.

ПРОГРЕССИВНЫЙ МЕТОД СОХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИ ВАЖНЫХ ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРЫ

Введение. Процесс развертывания человеческих сил и способностей, воплощающихся во всем разнообразии создаваемой людьми предметной деятельности, составляет содержание культуры, а достигнутый ею уровень характеризует эпохи – общества, народности и нации. То и другое с большей наглядностью выражает архитектура – и в процессе развития, и в его результатах. Целостная форма архитектурного объекта выражает способ его организации и способ существования в контекстах среды и культуры. Форма выступает и как материальное воплощение информации, существенной для практической деятельности и духовной жизни людей, и как носитель эстетической ценности и идейно - художественного содержания произведений архитектуры. Но время не щадит наши художественные и культурные ценности, стирая культурные достижения и наследия результатом перемен, смены интересов и притязаний общества, а также войной или природными катаклизмами. А для любого цивилизованного общества, ровно как и для каждого индивида в отдельности, важно знать и чтить свою историю, историю родной земли, которая в свою очередь выражена не только в исторических событиях, но и художественно - культурных достижениях.

Основная часть. Получить доступ к историко-культурным ценностям, особенно если они безвозвратно исчезли, можно лишь обратившись к источникам информации, содержащим в себе описание в той или иной степени достоверности и подробности. Объем достоверности и содержательности информации вытекает из цели ее запечатления, методов и подходов к данному процессу. Исторически известно, что первыми достоверными источниками информации о культуре и событиях на нашей территории являлись летописи. Летопись — погодный, более или менее подробный рассказ о событиях. Русские летописи являются основным письменным источником по истории России допетровского времени. Начало русского летописания относится к XI веку, когда в Киеве начали делать исторические записи. Летописи сохранились в большом количестве так называемых списков XIV—XVIII веков. Под списком подразумевается «переписывание» («списание») с другого источника. Списки эти по месту составления или по месту изображаемых событий исключительно или преимущественно делятся на разряды (первоначальная киевская, новгородские, псковские и т. д.). Списки одного разряда различаются между собой не только в выражениях, но даже в подборе известий, вследствие чего списки делятся на редакции (изводы). Так, можно сказать: Летопись первоначальная южного извода (список Ипатьевский и с ним сходные), Летопись первоначальная суздальского извода (список Лаврентьевский и с ним сходные). Такие различия в списках наводят на мысль, что летописи — это сборники и что их первоначальные источники не дошли до нас. Мысль эта, впервые высказанная П. М. Строевым, ныне составляет общее мнение. Существование в отдельном виде многих подробных летописных сказаний, а также возможность указать на то, что в одном и том же рассказе ясно обозначаются сшивки из разных источников (необъективность преимущественно проявляется в сочувствии то к одной, то к другой из противоборствующих сторон) — ещё более подтверждают это мнение. К примеру, документ, из которого мы доподлинно и в подробностях знаем о Брестском замке, именуется Инвентарем 1566 года.

«Вежь замковихъ пять направних: на одной зекгарь одъ места, которий завжди бьетъ. Другая вежа од Мухавца на всходъ сонца; третая одъ Замуховечя наполь до полудне; четвертая от Буга на полудне летнее; пятая над броною старою зъ кганкомъ на верху, на которой на верху звонъ великий з Волни привезенихъ» - фрагмент текстового описания Брестского Замка. Не так уж много информации, лишь богатство воображения и фантазии, аналоговая сопоставимость эпохи позволяют нам проявить облик исчезнувшего силуэта этого места. Итак, на 1566 год Брестский замок имел пять замковых башен. Одна имела часы (зекгары), бившие каждый час, про вторую известно, что располагалась на восток от Мухавца, третья – на юго-восток от Замухавечья (за рвом), четвертая южнее Буга и, наконец, пятая – над старыми воротами, с ограждением наверху для звонаря и с большим колоколом, привезенным с Волини. Вот пример одного из первых сохранений информации, помогающего нам воссоздать в какойто мере зрительное восприятие архитектурного облика на примере Брестского замка. Как можно заметить, информативность содержания печально мала и воспринимается лишь как художественное произведение посредством воображения и отличная в сознании каждого человека.

Следующим этапом, более информативным, стал период гравюр. Резцовая гравюра на металле появилась в середине XV века. Долгое время считалось, что изобретателем этой техники был флорентийский ювелир Мазо Финигуэрра, первая гравюра которого датируется 1458 годом; но эта теория была опровергнута более ранними экземплярами. Ныне

древнейшей резцовой гравюрой на меди считается “Бичевание Христа”, выполненная неизвестным немецким мастером в 1446 году. А первым, хотя и анонимным, наиболее заметным мастером резцовой гравюры является “Мастер игральных карт”, работавший в Базеле и в верховьях Рейна.

На рисунке 1, представлена гравюра обороны Бреста (Брест-Литовска) от шведов 1657 года.

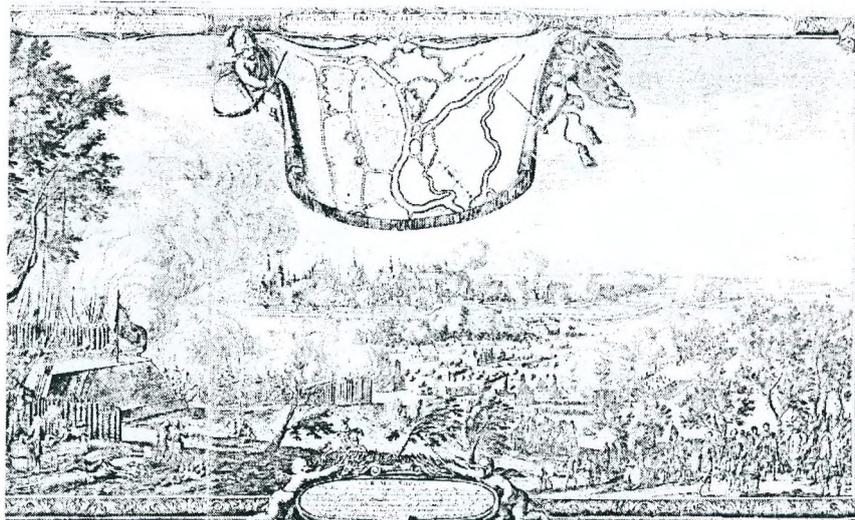

Рисунок 1

Данный период сохранения визуальной информации является более точным и информативным в отличие от летописного описания, но все еще является субъективным и имеющим ряд искажений и неточностей ввиду своей стилизации. Хотя уже здесь можно взять многие детали во внимание. Но для достоверной истории и реставрации, как виртуальной, так и объектной, все еще мало важных деталей. По сути, гравюра – это, возможно, восприятие эфемерной реальности одного художника.

Далее на смену гравюрам приходят более точные исторические архивы культурного фонда, архитектурных произведений. Представляющие собой рисунки более точного содержания нежели гравюры. Речь пойдет о знаменитом представителе данного направления - Наполеоне Орде. Ценность этих работ заключается во времени их создания – 1860-1870-е годы. Тогда фотография еще не превратилась в массовое занятие. Фотографы редко работали под открытым небом. Аппаратура была дорогостоящей, громоздкой и ненадежной, рисковать ею вне стен студии мало кто решался. К этому следует прибавить, что довольно долго фотографы были заняты совершенствованием портретного жанра как наиболее прибыльного. Видовые открытки стали популярны лишь в конце XIX века. Наполеон Орда вовремя заполнил пустующую нишу, иначе сейчас оставалось бы горько сожалеть о потере огромного пласта истории. Например, именно по гравюрам Орды сейчас реставрируются памятники истории (тот же Мирский замок). Автор альбома видов губерний Гродненской, Виленской, Минской, Ковенской, Волынской, Подольской и Киевской, материал для которого собрал во время своих путешествий.

На рисунке 2 представлен пример одной из работ Наполеона Орды - усадьба Т. Косцюшко и Коссовский замок.

Рисунок 2

Можно заметить, что точность работ приближается к фотографической, что дало реставраторам немало информации для воссоздания усадьбы.

Следующим историческим этапом архивирования информации стала возможность делать фото. Прогресс двигался все дальше, все более новые возможности и технологии помогли нам сохранить хотя бы больше информации о тех местах и объектах, которые могут поведать нам о культуре того времени и восхититься достижениями в области искусства. Фотографии уже делались как фотографами любителями, так и оккупантами в годы войн и печатались на открытки. На рисунке 3, представлено фото нынешней улицы Советской.

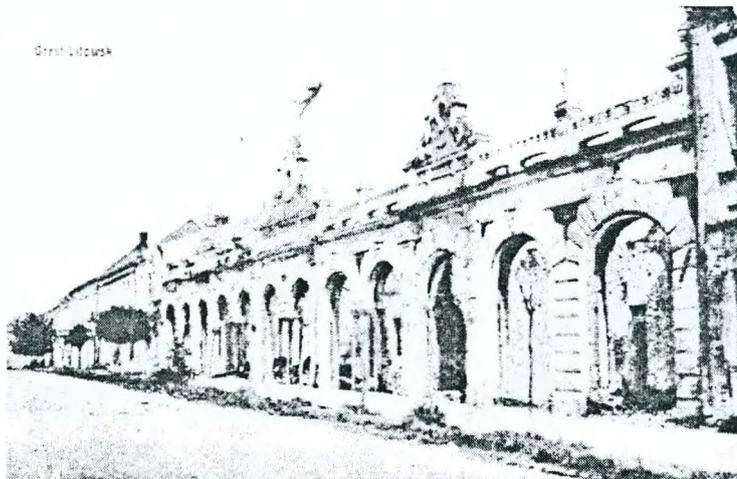

Рисунок 3

Технология фотографирования позволила вести временное сопоставление мест, что позволило делать анализ, изучать закономерности развития и влияния того или иного времени на объекты архитектуры, и насколько сильно они пострадали либо приобрели расцвет своего существования. Пример такого сопоставления представлен на рисунке 4.

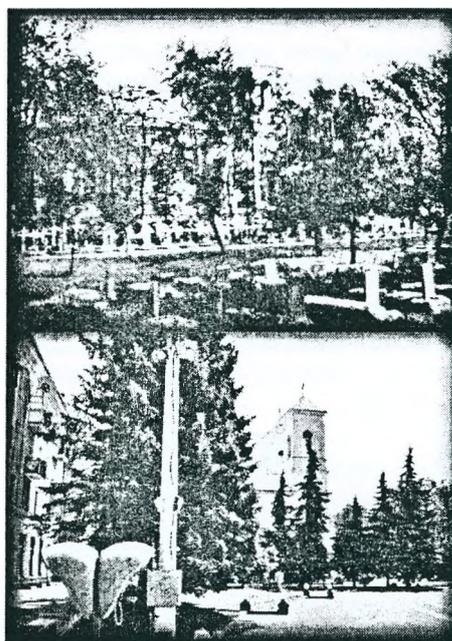

Рисунок 4

Сегодня, в XXI веке, технологии продвинулись настолько вперед, что мы можем позволить себе новый скачок в сохранении информации – это трехмерное сканирование объектов архитектуры, причем, кроме сооружений и зданий существует возможность сканирования парков и ландшафтов территорий. Есть лишь один минус в данной технологии – это цена оборудования. Но компания AUTODESK сегодня занимается бета-тестированием своего нового продукта – 123Dscan, суть которого заключается в трехмерном сканировании, но без помощи дорогостоящего лазерного оборудования. Достаточно лишь иметь фотоаппарат и доступ в сеть интернет, программное обеспечение само поможет обработать поток фотографических снимков и переведет все в трехмерный объект, переслав его обратно по электронной почте. Моим предложением является воспользоваться данной технологией для благих целей, в частности, для оцифровки всех объектов старины, и тем самым мы предоставим ценную информацию нашим потомкам и поможем ученым исследовать более досконально и без причинения ущерба оригиналу культурного фонда. На рисунке 5 представлена уже трехмерная модель, которая в плане информативности превышает объемы полезной информации фотографии.

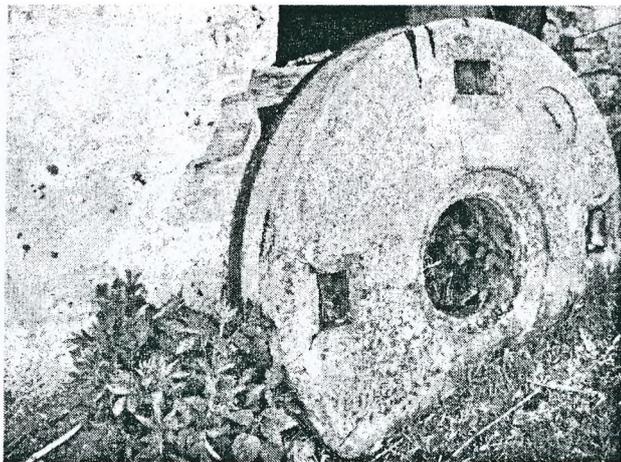

Рисунок 5 – Трехмерная модель жернова водяной мельницы поселка Волчин, сделанная на основе фотографий

Заключение. Проведя анализ истории сохранения данных о культурном наследии наших земель, можно сделать вывод о том, что современные технологии в состоянии нам сильно помочь и нельзя сейчас этого упускать. Так как с каждой минутой мы теряем все больше и больше истории, которая еще ничем не защищена и увядает где-то под силами выветривания, эрозии и вандализма. Есть и еще один положительный аспект: по– средством создания трехмерного архива культурного фонда архитектурного наследия возможно организовать виртуальный туризм как для граждан нашей страны, так и для граждан зарубежья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гравирование // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 томах. — СПб., 1890–1907. – Т.82 и 4 доп.
2. Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр. — М.: Искусство, 1994.
3. Дробов, Л. Н. Наполеон Орда — художник и собиратель // Памятники истории и культуры Белоруссии, 1971. – № 3.
4. Якімовіч, Ю. А. Беларуская архітэктура у малюнках Напалеона Орды. — Мн.: Мастацтва Беларусі, 1983. – № 7.
5. Kaczanowska, M. Napoleon Orda, twórca widoków architektonicznych: Zarys życia i twórczości. — Warszawa, 1968.
6. Интернет-источник <http://www.karty.by>
7. Интернет-источник <http://www.brestobl.com>

УДК 725.1:62(09)(476.7)

Купрейчик Л. В.

ШВЕЙНАЯ ФАБРИКА «НАДЗЕЯ» В БРЕСТЕ – ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Промышленные предприятия являются важным составляющим элементом городской застройки. Они формируют облик не только промышленных районов и узлов, но и центральных, нередко исторических, площадей и улиц городов, гармонично вписываясь в их общий архитектурно-художественный образ, или наоборот являются противоречивым элементом всей композиции застройки.

Исторически сложилось так, что в центральной части города Бреста расположилось немало промышленных предприятий. Интересным с архитектурной точки зрения является комплекс швейной фабрики, который находится в историческом ядре города на пересечении улиц, созданных более 100 лет назад – ул. Пушкинской и ул. Комсомольской (прежние названия – Вознесенская и В. Стецкевича) [1, 2, 3].

Историю формирования застройки швейной фабрики можно разделить на 2 периода:

- 1 декабря 1939 г. – 1957 г. – начальный период формирования застройки;
- 1957 г. – 1990 гг. – период активного расширения фабрики.

Создание фабрики «Ателье-мод» (первое название предприятия) 1 декабря 1939 г. началось со строительства нового производственного здания. Так, в протоколе № 1 Брестской городской партийной конференции от 14 апреля 1940 г. говорится о том, что ведется строительство большой швейной фабрики «Ателье-мод» [4]. Новое здание фабрики было двухэтажное, угловое, «Г»-образное в плане (рис. 1). На первом этаже располагалась администрация, на втором этаже – производственное отделение, состоящее из двух цехов – массового пошива и индивидуального. По состоянию на 31 октября 1947 г. производственная площадь фабрики составляла - 439 м². Несмотря на то, что для фабрики было построено новое здание, на производстве нарушались санитарно-гигиенические нормы: так, площадь на одного рабочего составляла 2,5 м², при норме 4,5 м², отсутствовали душевые, туалеты находились на улице [5].

В архитектуре здания фабрики прослеживаются черты конструктивизма, прочитывающиеся в контрасте прямоугольных и полуцилиндрических объемов. Угол здания фабрики, обращенный к перекрестку, – закруглен, на дворцовом фасаде выступает полуцилиндрический объем лестничной клетки (рис. 2, 3, 4).

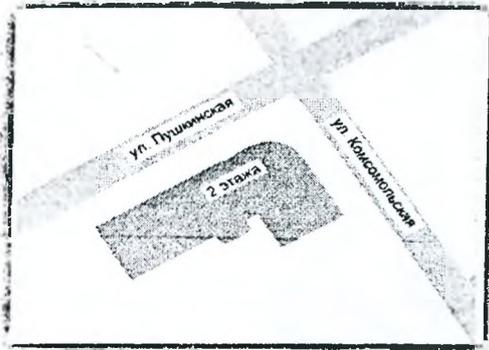

Рисунок 1 – Схема генерального плана швейной фабрики (1947 г.)

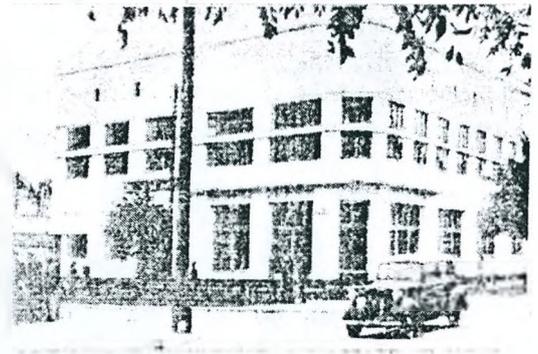

Рисунок 2 – Главный фасад здания швейной фабрики. 1950 г.

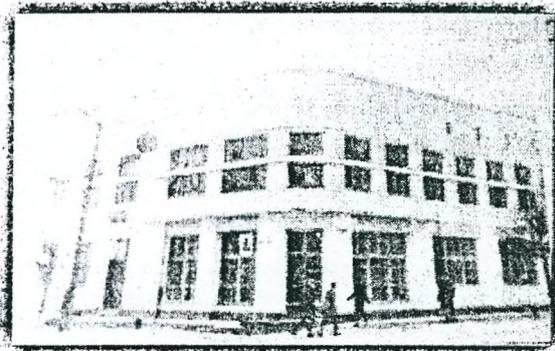

Рисунок 3 – Главный фасад здания швейной фабрики. 1950 г.

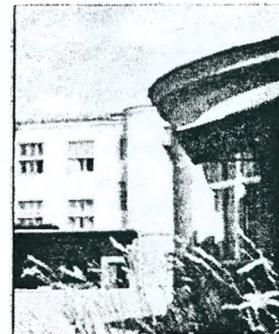

Рисунок 4 – Фрагмент дворового фасада швейной фабрики

Можно выделить ряд характерных приемов для конструктивистской стилистики: акцентирование угловой композиции подчеркнуто заглубленным угловым объемом первого этажа, сочетание плоских стен и больших проемов, использование западающих простенков, имитирующих горизонтальное ленточное остекление, завершение фасада высоким аттиком с проемами. Большие оконные проемы отражают конструктивистскую концепцию слияния внутреннего и внешнего пространства. Однако использование в решении фасада лаконичной пластики (лопаток, горизонтальных поясов, разделяющих по высоте оконные проемы второго этажа, ниш) говорит об использовании конструктивистских приемов в сочетании с неоклассическими.

Во внешнем облике здания швейной фабрики тяжело проследить его производственное назначение, именно поэтому оно так органично вписалось в историческую застройку, не нарушило этажность района (не выше четырех этажей), исторический образ улицы [1].

Период активного расширения фабрики начался в 1957 г. С приростом кадров и расширением выпускаемой продукции встал вопрос об увеличении площади фабрики. Учитывая трудности строительства нового здания, администрация фабрики приняла решение о проведении ее реконструкции, которая предусматривалась в два этапа [5].

Первая очередь реконструкции предусматривала надстройку над существующим зданием одного этажа и строительство трехэтажной пристройки по ул. Комсомольской [4]. Таким образом, была сохранена первоначальная «Г»-образная форма плана здания (рис. 5). В архитектурно-художественном отношении пристроенная часть здания и надстроенный этаж были выполнены в стилистических чертах основного здания (рис. 6, 7).

Рисунок 5 – Схема генерального плана швейной фабрики после проведения первой очереди реконструкции (1960 г.)

Рисунок 6 – Главный фасад здания швейной фабрики после проведения первой очереди реконструкции (1960 г.)

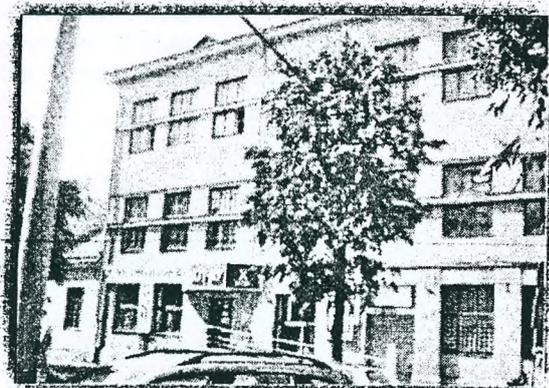

Рисунок 7 – Главный фасад пристроенного трехэтажного корпуса со стороны ул. Комсомольской

Рисунок 8 – Схема генерального плана швейной фабрики после проведения второй очереди реконструкции (1964 г.)

В 1961 г. началась вторая очередь реконструкции фабрики, в ходе которой был пристроен новый трехэтажный корпус со стороны ул. К. Маркса. [5] Таким образом, произошла трансформация «Г»-образной формы плана в «П»-образную, создав закрытый с трех сторон внутренний двор (рис. 8). Внешний облик пристроенного корпуса сохранил конструктивистскую стилистику с неоклассическими приемами, характерными для первоначального здания (рис. 9).

Рисунок 9 – Главный фасад пристроенного трехэтажного корпуса со стороны ул. К. Маркса

Рисунок 10 – Схема генерального плана швейной фабрики (2009 г.)

Рисунок 11 – Швейная фабрика. Современное состояние

Осуществляемые реконструкции проводились с учетом санитарно-гигиенических норм, что существенно улучшило условия труда. Фабрика была оборудована центральным отоплением, внутренними теплыми санитарными узлами, комнатой гигиены для женщин, гардеробными и душевыми, столовой, медпунктом, залом на 160 посадочных мест [5].

В результате реконструкций площадь фабрики к 1971 г увеличилась в 9 раз с 439 м² до 3852 м². Из них 2626,3 м² занимали производственные цеха, 710,1 м² - складские помещения, 149,5 м² бытовые помещения, 176,5 м² – столовая, 52,2 м² – медпункт [5].

В последующие годы к основному «П»-образному зданию были простроены еще два корпуса.

В результате формирования застройки швейной фабрики во второй период, занимаемая площадь фабрики увеличилась до одной четвертой городского квартала (рис. 10, 11).

Таким образом, более 50 лет происходило формирование застройки Брестской швейной фабрики. Несмотря на это, пристраиваемые и надстраиваемые к первоначальному зданию объемы возводились по принципам и формам, характерным для стилистики 1940-х гг. Это позволило создать в историческом ядре Бреста промышленное предприятие, которое стало его частью и которое отображает конкретное время в истории города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костич, Т. Брест – два города и крепость / Т. Костич, О. Кукуня // Архитектура и строительство. – 2008. – сентябрь. – С. 20-26.
2. Купцова, В. Г. Я иду по городу, по знакомой улице...: путешествие по улицам довоенного и современного Бреста / В. Г. Купцова. - Брест: Альтернатива, 2008. – 236 с.
3. Сарычев, В. В поисках утраченного времени: Кн. 2 / Василий Сарычев. - Брест: Брестская типография, 2007. – 312с.
4. Памяць: Гіст. – дакум. хроніка Брэста: у 2 кн. – Мн.: БЕЛТА, 1997. – Кн. 1. – 576 с.
5. Брестская швейная фирма «Надзея». – Музей. Фототека.

УДК 726.71(476) (091)

Лаврецкий Н. Г.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ АРХИТЕКТУРА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Беларусь выделяется уникальным сочетанием христианских деноминаций, причем взаимоотношения между ними отличаются высокой степенью терпимости. Канонически главенствующей себя позиционирует Православная Церковь, но католицизм и протестантизм также являются весьма распространенными в нашей стране. Протестантизм, как ветвь христианства, имеет на территории Беларуси определенные сложившиеся исторически традиции, которые нашли свое воплощение и в литературе, и в изобразительном искусстве, и, в первую очередь, архитектуре, как непосредственной материализации тех образов и идей, которыми исполнена именно протестантская проповедь (в контексте метафоры «архитектура – проповедь в камне»).

Когда ВКЛ подписало унию со Швецией в Кейданах в 1655 г., парламент Литвы состоял из большинства лютеран и лишь двоих православных. Реформаторское движение в Великом княжестве Литовском было тесно связано с гуманистической культурой и реформаторскими событиями на западе Европы. Политическая элита Великого княжества Литовского с целью укрепления политического самосознания нации в XVI веке сделала ставку на Реформацию, пытаясь преодолеть таким образом влияние католической Польши и православного Московского княжества. В 1523-1546 годах лекции Мартина Лютера в Витенбергском университете прослушали 20 студентов-аристократов из ВКЛ.

Значительную роль сыграло Возрождение и Реформация в Польше, а также зависимое от Польши соседнее Прусское княжество, в котором в 1525 г. лютеранство стало государственной религией. В 1544 г. в Кенигсберге был основан лютеранский университет, где получали образование многие литвинские протестанты.

Реформаторское движение в Великом княжестве Литовском было тесно связано с гуманистической культурой и реформаторскими событиями на западе Европы. Политическая элита Великого княжества Литовского с целью укрепления политического самосознания нации в XVI веке сделала ставку на Реформацию, пытаясь преодолеть таким образом влияние католической Польши и православного Московского княжества. В 1523-1546 годах лекции Мартина Лютера в Витенбергском университете прослушали 20 студентов-аристократов из ВКЛ.

Значительную роль сыграло Возрождение и Реформация в Польше, а также зависимое от Польши соседнее Прусское княжество, в котором в 1525 г. лютеранство стало государственной религией. В 1544 г. в Кенигсберге был основан лютеранский университет, где получали образование многие литвинские протестанты [1].

В ситуации войны Речи Посполитой с Московским княжеством Швеция приняла сторону ВКЛ, и в 1655 г. шведские войска вошли на территорию княжества. Жители Вильни, Полоцка и Витебска были заинтересованы в поддержке ВКЛ со стороны Швеции, так как это давало защиту от посягательств Москвы и обеспечивало возможность использовать рижский порт для выхода к морю, что способствовало развитию торговли. Таким образом, в развитие этих действий и была заключена Кейдановская уния 1655 г. Однако часть литовской шляхты не поддержала унию, что привело к гражданской войне на территории ВКЛ. За сотрудничество со Швецией белорусские протестанты были объявлены Варшавой предателями и в 1660 г. они были вынуждены покинуть страну и перебраться в Восточную Пруссию. После этого кальвинистская церковь попала под прессинг католиков [2].

Брестская область отличается чрезвычайно высоким уровнем распространения протестантизма – это наличие свыше 270 разнообразных общин протестантского толка, что выражается в большом количестве действующих протестантских храмов – в Кобрине, Остромичах, Городце и Леликово в Кобринском районе, в Антополе, Дрогичине и Головчицах в Дрогичинском районе, в Березе, Пинске, Стошанах, Лунинце, Барановичах и др.

В соответствии с пактом Молотова-Риббентропа от 22 августа 1939 года значительная западная часть Беларуси и фактически весь Прибужский регион оказался в зоне немецкого влияния, поэтому давление на протестантизм, как приоритетную немецкую конфессию было снижено. Кроме того, на территории Польши, подконтрольной Германии, не проводилась советская политика воинствующего научного атеизма. Результатом этого является уникальный для Беларуси памятник архитектуры – кирха св. Антония Падуанского. Единственный в Беларуси храм, построенный в

стиле конструктивизма, был изначально запроектирован в 1938 году архитектором Бараньским как гарнизонный костел, но в итоге применялся для лютеранских богослужений в 1941-45 гг. XX в. Уникальность храма состоит в том, что памятники со стилиевой принадлежностью к конструктивизму на территории Беларуси относятся к советскому периоду, и, соответственно, за исключением приведенного храма, культовых сооружений среди них нет.

Кирха является прекрасным примером того, как культовая архитектура интегрируется с актуальными архитектурными течениями, что вообще свойственно для польской архитектуры в целом и архитектуры Прибужского региона в частности. В проекте заложен один из характерных для белорусской протестантской архитектуры приемов, где продольный объем имеет вертикальную доминанту-колокольню, которая при этом является одновременно решением входной группы. При этом здание решено с типичными для конструктивизма чертами – вертикальным членением фасадов, что визуально увеличивает высоту здания. Пластика фасадов композиционно решена большими геометрическими плоскостями [2].

В Каменецком районе, дер. Новая Рясна, находилось имение шляхтичей Грабовских, включающее в себя саму усадьбу, хозяйственный двор и храм-усыпальницу первой половины XIX в. Построенный в стиле классицизма, что характерно для европейской и в особенности американской протестантской архитектуры этого времени. Представляет собой небольшой кирпичный оштукатуренный, однефный объем зального типа с полуциркулярной апсидой и на парадном фасаде с мощным четырехколонным портиком дорического ордера. В треугольном фронте есть круглое окно, в котором, возможно, находились часы. Дверной проем обрамлен скромным классицистическим порталом. Сохранившийся протестантский храм, видимо, начали строить еще Матушевичи в первой четверти XIX в. в формах классицизма. Достраивали Грабовские, и он стал их фамильной усыпальницей. В крипте храма покоились Грабовские. На цепях были подвешены четыре саркофага, шесть захоронений имелось в печурах крипты (из них сохранились три). Первый владелец имения, фундатор костела граф Грабовский был захоронен возле храма. Могила и высокая стела на ней не сохранились. Отремонтированное в последнее время здание (выложен заново фронтон) приспособлено под склад. К сожалению, не сохранилось сведений, был ли этот храм лютеранским или кальвинистским [4].

Если говорить о новой архитектуре, то большинство современных храмов на Брестчине в пгт Антополь (Дрогичинский район), д. Телеханы (Ивацевичский район), д. Стошаны (Пинский район) и еще ряде населенных пунктов являют собой строения мало отличимые внешне от индивидуальных жилых домов.

Отдельного внимания заслуживают храмы в Барановичах и Кобрине. Храм в Кобрине является примером эклектического заимствования: его архитектурный облик включает в себя барочные волюты и ордерную систему в колоннах и сдвоенные арки с элементом-«гирькой», характерные скорее, для древнерусского зодчества. Авторы этой церкви идут по проторенному пути, возникшему и подвергнутому активной критике во второй половине XIX в., когда стилизаторство и эклектизм, то есть стилесмешение в пользу композиционной целостности и во вред стилиевой целостности, которое, тем не менее, ведет в тупик развитие архитектуры. И вместо того, чтобы стилистически развиваться, архитектура превращается в вариацию композиций из разностилевых элементов, либо бесконечно обыгрываемые архитектурные облики сложившихся стилиевых совокупностей.

Храм в Барановичах имеет интересную форму, где вертикальная доминанта достигается не точкой-башней, а общим подъемом главного фасада к центру с вертикальным его членением на характерные для белорусской архитектуры красно-белые участки. Входная группа и общая пластика фасадов являются современным прочтением белорусской готической храмовой архитектуры, как в церкви в Сынковичах или Костеле в Ишкольди.

Ввиду определенных исторически сложившихся и географических особенностей Брестская область оказалась особенно предрасположена к развитию протестантизма. Именно там на данный момент наблюдается самое крупное в стране скопление протестантских общин. Поэтому в Брестской области сложились наиболее благоприятные условия для развития современной протестантской архитектуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габрусь, Т. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктурна беларускага барока. – Мінск.: Ураджай, 2001. – С. 84 – 90.
2. Котлярчук, А. Швэды ў гісторыі і культуры беларусаў. – Мн.: Энцыклапедыкс, 2002. – 272 с.
3. Архітэктурна Беларусі / «Беларуская энцыклапедыя», М-во інфармацыі РБ; редкол. А.А. Воинов [и др.] – Мн.: БелЭн, 1977. – 620 с.
4. Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя; 2006. – С. 410 – 411.

УДК 711.581(476-25)

Лукьяненко А.В.

СВЯТО-ПАРАСКЕВО-ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ В Д. БОЛОТА. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Свято-Параскево-Пятницкая церковь в д. Болота Кобринского района по своим пропорциям, завершенности и выразительности композиции является одним из наиболее значимых памятников деревянного культового зодчества Прибужского региона конца XIX столетия. Храм построен в 1882 году по проекту инженера Ф.Афанасьева на месте старой церкви. Строительство храма осуществлял мастер Василий Гарбузов с семьей из Черниговской губернии с участием местных жителей [1].

Церковь расположена на равнинной местности восточнее населенного пункта с уличной объемно-планировочной структурой. Построена она на месте старого кладбищенского храма (за церковью в лесу встречаются остатки старых каменных надгробий), перенесенного севернее на новое кладбище. Выразительное по силуэту здание церкви органично вписывается в окружающую среду. Как и все православные храмы, она ориентирована входом на запад, а апсидой на восток.

Каменный забор, опоясывавший ранее по периметру земельный участок вокруг храма, не сохранился. Представление о нем можно получить по аналогичным ограждениям вокруг церквей в деревне Покры Брестского района, деревне Войская Каменецкого района и др. (по словам старожилов деревни, он был сооружен из бутового камня). Южнее храма сохранилось несколько захоронений начала-середины XX века, хотя возле храмов в вышеназванных деревнях есть и более ранние погребения с коваными ажурными надгробными крестами. Вырублено и большинство вековых деревьев, росших ранее вокруг храма.

Свято-Парасково-Пятницкая церковь составляет развитую объемно-пространственную композицию, органично вписывающуюся в окружающий ландшафт.

Композиционно церковь относится к бескупольным трехсрубным храмам продольно-осевой композиции. Это широко распространенный тип храмов в культовой архитектуре западного Полесья. Храм включает размещенные на продольной оси колокольню, бабинец, неф и алтарь (рис.1). Квадратная двухъярусная колокольня, размещенная над притвором, завершена двухъярусным восьмигранным барабаном с главкой (рис.2). Бабинец церкви представляет собой самостоятельный объем, имеющий ширину корпуса несколько большую чем апсида. Неф храма имеет двухсветное освещение и завершен шатровой кровлей с главкой. К четырехгранной апсиде под вальмовой кровлей пристроены низкие, выступающие за продольную стену нефа, ризница и дьяконник под односкатными кровлями (рис.3).

Художественная выразительность храма достигнута в композиционном построении (симметричная трехсрубная композиция), тектоничности форм, пропорциональности частей и целого, масштабности. Создание архитектурной композиции и художественной выразительности сооружения достигнуто за счет конструктивного решения, а художественный декор только подчеркивает его тектонику. Контраст проявляется в противопоставлении стен и кровли, ритм фасада создан проемами, нащельниками шалевки. Активно использованы светотеневые контрасты, особенно усиленные в местах соединения срубов.

Храм возведен на каменном фундаменте. Они появились в монументальном строительстве XVII в. и были характерны для относительно небольшого количества построек. Высота фундамента составляет 70 см, выполнен он из тесаных валунов.

На фундаменте укладывался нижний венец (выполненный из дуба), а на него остальные венцы сруба. Сруб церкви выполнен горизонтальными венцами из сосновых брусьев. Стены возведены из бруса рубкой без остатка. Эта рубка наиболее распространена в монументальном строительстве на западе Полесья. Рубка бруса произведена способом в замок (известна с XVI в.), ее превосходство в том, что она давала возможность более надежно предохранять углы строения от загнивания (упрощается обшивка углов досками).

Не менее важное значение в развитии рубки в замок имела художественная трактовка стены сруба как гладкой поверхности.

Усилению художественного начала служил конструктивно-декоративный прием вертикальной шалевки досками с нащельниками. После усадки сруб ошалевывался вертикально поставленными досками, щели между ними закрывались нащельниками, и благодаря этому создавалась рельефная поверхность фасадов. Массовое применение шалевки связано в значительной мере с влиянием каменной архитектуры. В XVI веке она была еще мало распространена, однако уже в XVII- XVIII вв. использовалась довольно широко [2]. Шалевка вместе с нащельниками создает свой специфический ритм стены. В зависимости от времени суток солнечное освещение постоянно меняет глубину рельефа фасадов.

Ширина досок шалевки на фасадах храма составляет 200-210 мм, а их толщина 32-35 мм. Необходимо отметить, что нащельники не имеют профильной обработки и их ширина колеблется от 60 до 70 мм. Внизу нащельники примыкают к доске-отливу, завершающей шалевку храма, а сверху – к горизонтально закрепленным доскам, под карнизом церкви. На апсиде, бабинце, притворе с колокольней применено простое примыкание нащельников к горизонтальной доске, а неф имеет своеобразный архитектурный пояс (в горизонтальной доске имеются овальные вырезы). В таком завершении верхнего пояса шалевки всего сооружения просматривается влияние каменной архитектуры (рис.5).

По всему периметру сруб церкви опоясывает карниз, прикрывающий выпуски балок и стропил, смягчающий переход от стены к крыше. Карниз сложной формы с применением профильных элементов. Его вынос составляет 400 мм (рис.5). Карниз ризниц имеет меньший вынос (200 мм) и не соответствует по высоте основному. Дверные и оконные проемы занимают важное место в архитектуре сооружения. Их художественному оформлению придавалось большое значение. Для храма характерна прямоугольная форма и предельно простая конструкция дверных проемов. Обвязка дверных проемов (косяки, притолока) изготовлена из массивного бруса, подчеркивающего и монументальность дверей. Толщина бруса обвязки колеблется от 150 до 180 мм. В дверных проемах имеются пороги, уложенные на венец сруба.

Дверям, как акцентирующему вход элементу, придавалось большое художественное значение. В церкви сохранились старые филленчатые двери, оформленные коваными завесами, замочными накладками, коваными дверными ручками. Двери в храм обрамлены простым наличником. Ширина входного дверного проема имеет отношение к его высоте как один к двум (рис.6).

Особый интерес представляют дверные ручки, замочные накладки, завесы (петли), отличающиеся оригинальностью решения, в котором проявилась связь конструктивной целесообразности и художественной выразительности.

Ручки-клямки прикреплены к дверному полотну декоративными плоскими опорными частями. Нижняя опорная часть ручки загнута вверх. Художественно оформлена верхняя опора, т.к. она является зрительным центром (здесь находится язычок, поднимающий клямку). Верхняя опора имеет богатый декор в виде двойной утончающейся капли (рис.7).

Дверные полотна в храме крепятся декоративно обработанными завесами в виде двух завитков, расположенных симметрично по обе стороны полосы. Симметричные завитки, выкованные вместе с полосой, наряду с декоративностью не лишены были конструктивного смысла. Дверные полотна, скрепленные такой завесой, становились жестче и в последующем меньше провисали. Необходимо отметить, что применяемые в храме кузнечные изделия (ручки-клямки, замочные накладки, завесы) были широко известны в народной архитектуре (рис.8).

Завершают формирование входных групп в храм (главный вход и два боковых) навесы, выполненные в виде портиков. Каждый портик имеет две стилизованные деревянные колоны и треугольный фронтон. Хотя сами портики непропорциональны, но тем не менее они формируют входы в церковь согласно классическим канонам.

Высоко поднятые окна храма конструктивно имеют полноценную коробку (косяки, верхнюю часть – притолоку и нижнюю часть – подоконник). Окна обрамлены наличниками, отличающимися сдержанностью, их ширина колеблется от 140 до 180 мм в зависимости от величины оконного проема. Общая композиция наличников лишена вычурного декора. Здесь преобладает конструктивная логика. Простой прямой карниз с сочной профилировкой служит единственным украшением. Наличники – главные элементы фасада церкви, определяющие всю архитектуру постройки. Чем они сдержаннее и проще – тем больше преобладает конструктивная логика (рис.9).

Выразительным элементов церкви является кровля. Квадратные в плане неф и колокольня имеют шатровую кровлю, бабинiec – двускатную. Алтарная часть храма накрыта трехскатной вальмовой кровлей, а примыкающие к ней низкие ризница и дьяконник – односкатными плоскими кровлями. Данная форма кровли храма создана на основе простой стропильно-балочной системы. Необходимо отметить, что конструктивное изготовление кровли и ее эксплуатация не отличаются большой сложностью.

Большую художественную роль играют декоративные венчания храмов – главки. В XVII- XVIII вв. церковные главки приобрели под влиянием барокко сложный силуэт. Кровлю церкви в д. Болота венчает сложная по конструктивному решению пропорциональная главка. Главка расположена на двух восьмериках, разделённых карнизом с жестяным отливом. Восьмерик, расположенный у основания главки уже восьмерика, сопряженного с кровлей, и это создаёт иллюзию утонченности. Сама главка тоже восьмигранная, но выполнена скорее всего в начале XX века во время одной из реконструкций храма и покрыта чешуйчатыми цинковыми листами. Главки церковей обычно завершали ажурные по рисунку кованые кресты – настоящие произведения кузнечного искусства, но они отсутствуют, а существующие изготовлены в конце прошлого века.

Храм имеет 3-ярусную колокольню, первый ярус которой играет роль притвора. Отличительной чертой колокольни является то, что она имеет не каркасное конструктивное решение, а представляет собой 3-ярусную срубную конструкцию. Первый ярус, прямоугольный в плане, имеет ширину, аналогичную ширине бабинца, второй и третий ярусы, квадратные в плане, один меньше другого абрисом, возведены по балкам перекрытия (второй ярус, кроме того, двумя стенами опирается на поперечные стены притвора). Колокольня завершена шатровой кровлей с восьмигранной главкой на двух восьмериках. Трёхъярусная колокольня имеет динамичный абрис и совместно с высоким нефом и входными портиками создаёт выразительный главный фасад храма.

Интерьер церкви зальный с плоскими потолками. Система раскрытия внутреннего пространства создаётся с помощью проёмов, связывающих неф с апсидой и бабинцем. Проемы в вышеперечисленных помещениях имеют трапезиевидное завершение. Солеи вместе с клиросом приподняты на две ступени над полом нефа и составляют продолжение апсиды. Клирос ограждён балюстрадой.

Трёхъярусный иконостас – главный композиционный элемент интерьера храма, замыкающий пространство нефа. Иконостас представляет собой сложную архитектурную композицию, поднятую на высокий цоколь и оформленную многопрофильными карнизными поясами, нижний из которых поддерживается изящными пилястрами. В центральной части композиции располагаются царские врата, поддерживающие значимость вертикального регистра иконостаса. Поле царских врат занимает резьба, а все детали позолочены и выделяются изяществом и утонченностью. Изысканность царских врат подчёркивается и фланкирующими их белыми пилястрами с позолоченными капителями. При общем значительном акценте на декоративность архитектурная композиция иконостаса является определяющей.

Художественная особенность архитектуры храма определена эстетическими концепциями всего деревянного зодчества. Их главная черта – достижение максимального художественно эффекта при помощи ограниченных средств выразительности – это симметрия и асимметрия, контраст, пропорции. В архитектуре храма прослеживается влияние архитектурного стиля классицизм. Выразительной чертой храма является тектоническое единство объёмов, монументальность композиции кровель и срубов.

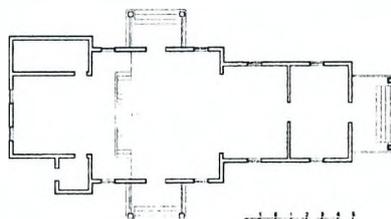

Рисунок 1 – План

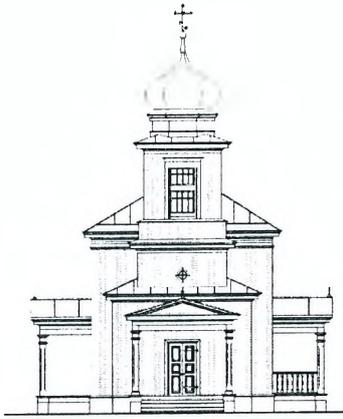

Рисунок 2 – Главный фасад

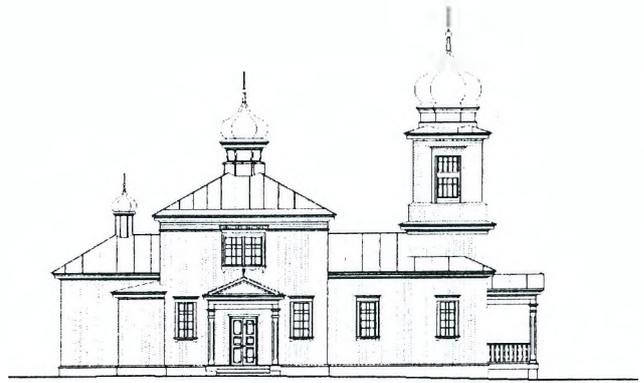

Рисунок 3 – Боковой фасад

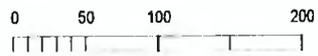
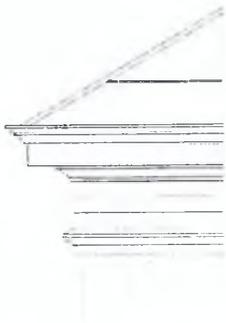

Рисунок 4,5 – Шалевка, карниз

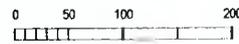
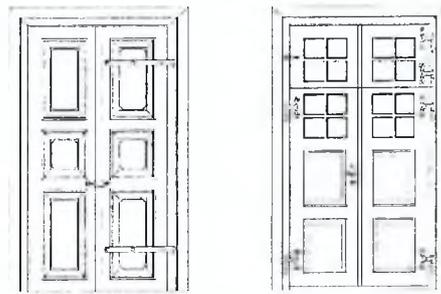

Рисунок 6 – Двери

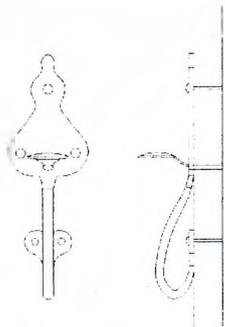

Рисунок 7 – Ручка-клямка

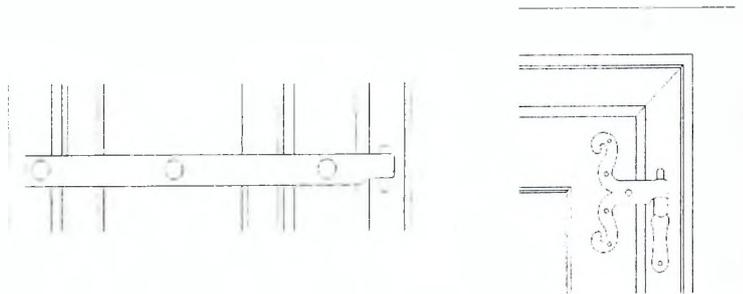

Рисунок 8 – Завесы

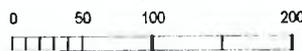
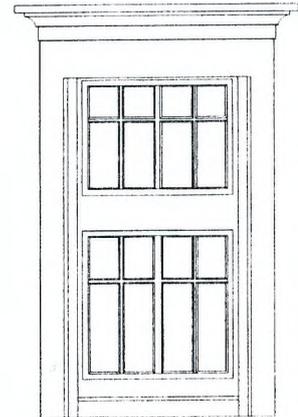
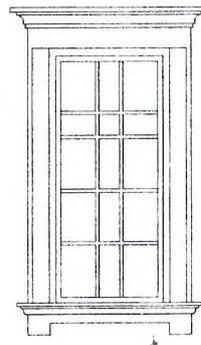
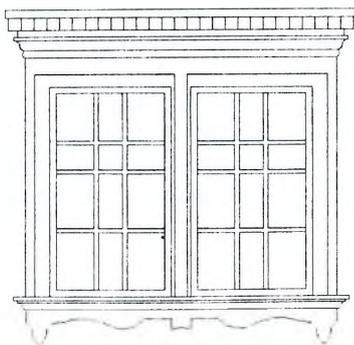

Рисунок 9 – Окна

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі. – Мінск, 2006. – С. 16.
2. Якімовіч, Ю.А. Драўлянае дойдства беларускага Палесся. – Мінск, 1974. – С. 25.

УДК 711.338.

Пацкевич Ю.И., Пацкевич А.В.

ВОЗМОЖНОСТИ КВАНТОВОЙ СИСТЕМЫ В РАЗВИТИИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ (НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Каждой стране, каждому региону присуща своя уникальная система территориальной организации, своя система расселения, основанная на местных особенностях и сложившихся традициях, на своем укладе жизни. Но при всех различиях многих из них роднит то, что хранителями культурного наследия, национальной оригинальности в них являются не крупные урбанизированные центры, а небольшие городки – уютные, колоритные и неповторимые.

Именно малые и средние города играют наиболее заметную и важную роль в общей устойчивости пространственного развития своих регионов. Эти города выступают основным элементом планировочного каркаса любого уровня, выполняя функции центров расселения местного и регионального значения.

В связи с этим становится приоритетной проблема системного развития пространственного уклада городов и изучения их места в структуре региона. Важность разработки новых подходов будет способствовать пониманию законов, определяющих движение людей в пространстве, и поиску механизмов, влияющих на гармоничное сосуществование структурированных систем.

Немаловажное значение для достижения устойчивого статуса городов в системе расселения имеет их привлекательность для туристической индустрии. Каждый город сохранил культурные слои, в которых заключён потенциал своеобразия и уникальности, привлекающий туристов. Как правило, эти культурные слои представлены археологией, сохранившимися объектами архитектуры, обрядами и легендами из прошлого.

Однако музейные экспозиции и отреставрированные объекты сегодня не являются диковинкой. Чтобы убедиться в этом, достаточно пролистать десяток рекламных буклетов разных городов и регионов с крупной туристической выставки. Спрашивается, зачем туристу далеко ехать, если примерно то же самое можно посмотреть в радиусе 300-500 км?

Исследования в этой области показывают, что туристские путешествия для отдыха и развлечений являются наиболее массовыми среди других видов (по данным Александровой А.Ю., 2001). На мировом пространстве внутрирегиональные поездки преобладают над межрегиональными. Их соотношение составляет 82:18. В Европе на внутрирегиональные туристские потоки приходится до 90 % всех отбытий, в Америке и Азиатско-Тихоокеанском макрорегионе – до 75 % [1].

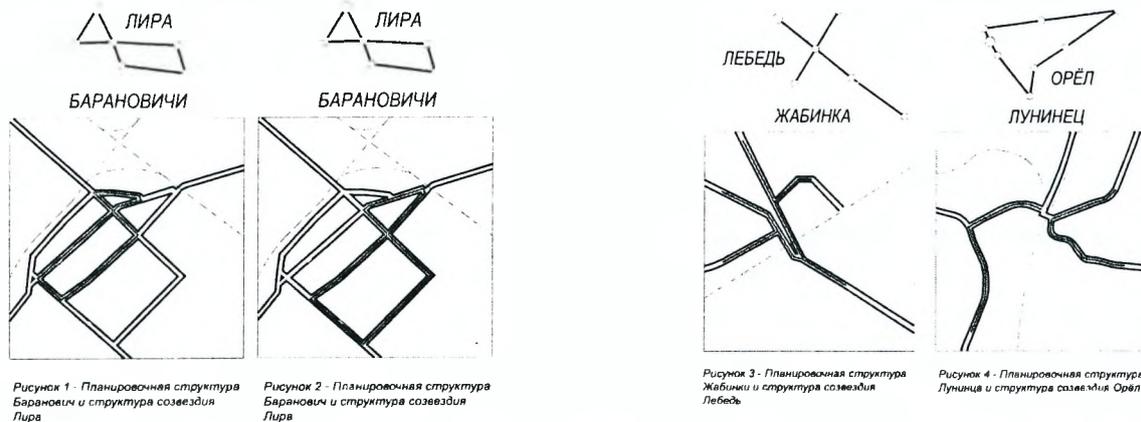
В лучшем положении находятся города и территории, где развитие туризма началось не 3-5 лет назад, а значительно раньше, и куда уже сформировался устойчивый туристический поток. Как вариант, ввиду недостатка форм для привлечения туристов в качестве инструмента используется идея. Оригинальная идея действительно способна привлечь внимание к территории. Примером специализации города может служить Верона в Италии, Великий Устюг в России и т.п.

Зарубежная практика свидетельствует: чем меньше город, и чем скромнее его бюджет, тем более узким должен быть целевой сегмент, особенно для новичков на туристическом рынке. При этом в первую очередь используются имеющиеся ресурсные потоки, которые можно превратить в потоки туристов. К ресурсным потокам в частности относятся командированные, родственники и друзья жителей, участники выставок и деловых мероприятий, туристы, следующие по некоему популярному маршруту, проходящему по соседству, транзитные пассажиры и т.д. Обращение к ресурсному потоку всегда эффективнее, чем создание своего потока «с нуля».

В качестве одного из источников для подобного рода идеи привлечения транзитных потоков в Брестском регионе может служить структура городов в рамках транспортного треугольника Жабинка – Барановичи – Лунинец. При визуальном сопоставлении структура городов соответствует космической структуре «летне-осеннего треугольника» расположенной в северном полушарии. Представлен треугольник тремя яркими звёздами: Вега (α Лирь), Денеб (α Лебедя) и Альтаир (α Орла). В августовские ночи можно наблюдать, что через этот звёздный треугольник проходит Млечный Путь. Для сравнения, транспортный треугольник городов также расположен на транзите.

При внимательном рассмотрении строения структур созвездий можно заметить, что их в точности повторяют планировочные структуры городов Жабинка, Барановичи, Лунинец (рис.1,2,3,4). Это даёт основание выдвинуть гипотезу о наличии взаимной связи космических и земных структур. Исследования имеющихся аналогичных площадок в Гомельском, Витебском и Могилёвском регионе Беларуси, на территории Литвы, Германии, Франции позволяют сделать вывод о возможном влиянии звёздных систем на эволюцию структур систем расселения. Различие лишь в том, что конфигурация расположения городов соответствует конфигурации созвездий в различные периоды времени. И в этом заключается многообразие возможностей.

Вместе с тем, мы все знаем, что уравнение Альберта Эйнштейна $E=mc^2$ может быть переведено как «энергия есть эквивалент материи». Томас Гернитц из Франкфуртского университета расширил это понятие. Эквивалентность в его понимании означает, что каждый из элементов «информация-энергия-материя» может трансформироваться один в другой [2]. Таким образом, если для обоснования гипотезы необходимо какое-то время, то с точки зрения создания нового культурного пласта, как исходной точки для формирования туристической индустрии, эту идею можно использовать уже сегодня.

Всё дело в том, что каждая звезда треугольника и каждое созвездие, в котором они находятся, у древних народов имеют легенды о своём происхождении. И эти древние сюжеты вполне можно интегрировать в городское развитие в виде культурного слоя XXI века. Методика реализации выглядит очень просто: сравнительный анализ структур созвездия и города – сравнительный анализ формирования общественного пространства города в соответствии со структурой созвездия – изучение источников о происхождении звезды (созвездия) для создания туристической специализации города (рис.5).

Космическую тематику и сюжеты легенд вполне можно использовать в проведении городских фестивалей и театрализованных шоу, ландшафтном и предметном дизайне, оформлении фасадов и интерьеров, кулинарии, одежде и аксессуарах. Это позволит создать неповторимый колорит городской среды и привлекательный имидж городов для туристов, так как сюжет каждого мифа содержит огромный художественный материал.

Так, в мифах древних цивилизаций, дошедших до нас, образ Лебедя связан с Афродитой, Аполлоном, Зевсом, Ледой, Орфем, Брахмой, Сарасвати, а также с некоторыми святыми. Согласно одному из вариантов мифа, созвездие Лиры представляет лиру бога Аполлона, которую он оставил на небе. В Японии существует легенда о Волопасе (звезда Альтаир в созвездии Орла) и Ткачихе (звезда Вега в созвездии «Лиры») – двух влюбленных, разделенных Млечным путем, чьи звездные пути пересекаются только раз в году – в седьмой день седьмого месяца по лунному календарю и т.д.

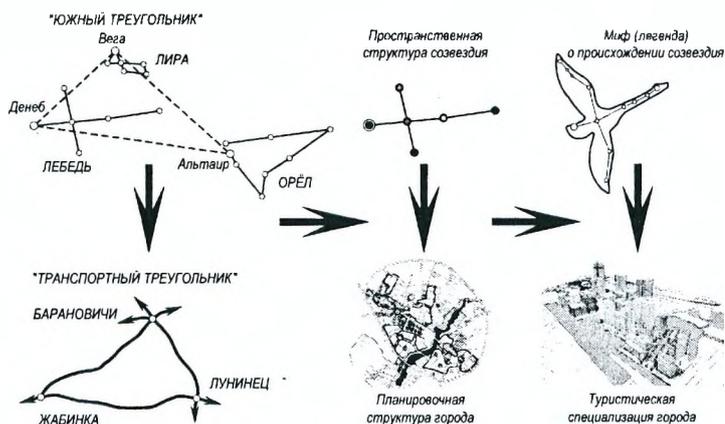

Рисунок 5 – Методика сравнительного анализа структур

К мифологии во все времена было различное отношение. Первые попытки рационального переосмысления мифологического материала предпринимались еще в античности, причем преобладало аллегорическое истолкование мифологии (у софистов, стоиков, пифагорейцев). Платон противопоставил наряду с мифологией философско-символическую её интерпретацию. Эвгемер (IV-III вв. до н.э.) видел в мифических образах обожествление исторических деятелей, положив начало «эвгемерическому» истолкованию мифов, распространенному и позднее. Средневековые христианские теологии дискредитировали античную мифологию, взяв на вооружение библейское толкование околоземного пространства. Интерес к мифологии возродился у гуманистов эпохи Возрождения, которые видели в ней выражение чувств и страстей эмансипирующейся человеческой личности. Подобные подходы легли в основу трактовки построения пространства в разные периоды эволюции [3].

Современные научные парадигмы Крейга Хогана (CraigHogan) и Фрэнка Вилчека (FrankWilczek) находят всё больше сторонников среди учёных-физиков. Гипотеза основана на том, что наше трёхмерное пространство является голографической картиной, генерируемой квантовым компьютером Вселенной. То есть, двумерная плоскость Вселенной является реальностью по отношению к нашему миру [4]. Аналогичная взаимосвязь просматривается и

по отношению многослойной надземной сферической плоскостик нашему трёхмерному миру Земли. Отражением этой плоскости является наблюдаемая нами радуга из семи цветов, следовательно, можно предположить, что реальность находится также и в плоскости околоземного пространства. Этот принцип взаимосвязи мы демонстрировали на примере взаимодействия структуры городов, расположенных в рамках транспортного треугольника в Гомельском регионе. Это города: Гомель, Речица, Василевичи, Калинковичи, Мозырь, Светлогорск, Жлобин, Буда-Кошелёво.

Из вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что связь между человеком и космосом просматривается на всём историческом развитии цивилизаций. И это, видимо, имело огромное значение при формировании мировоззрения как конкретного человека, так и любого сообщества. Такое соответствие находило реальное отражение в повседневной жизни, религии, философии, науке, искусстве, архитектуре и градостроительстве и т.п.

Между тем, интегрирование мифологической культуры в современное городское пространство поможет существенно улучшить качество городской среды и создать привлекательный эстетический облик. Одновременно появится возможность построить образный мост между культурой прошлого и настоящего и сформировать привлекательный имидж территории для туристов. Это в перспективе может положительно отразиться на устойчивом развитии региона в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Самойленко, Анатолий. География туризма. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/asamoilenko/geografi_412/page-3-geografi_412.html. – Дата доступа 19.03.2012г.
- 2.[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fictionbook.ru>. – Дата доступа: 21.03.2012г.
- 3.Игнатова, В.А. Концепции современного естествознания: Учебное пособие. – М., 2002. – 208 с.
- 4.[Электронный ресурс] – Режим доступа <http://earth-chronicles.ru/news/2012-03-07-18504>. Источник: 3dnews.ru. – Дата доступа 28.03.2012г.

УДК 72 (476)

Савельев Д.В.

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ БЕЛАРУСИ

Интерес к фортификационному наследию в последние десятилетия выявляет ограниченный список и даже нехватку таких объектов. Не только государственные учреждения, но и туристические фирмы, общественные структуры и даже частные лица хотят каким-либо образом быть связанными с таким уникальным в пределах Беларуси наследием.

Особенность Беларуси состоит в том, что большинство древних укрепленных поселений и фортификационных сооружений Беларуси, являющихся историко-культурными ценностями, в настоящее время располагаются вне больших или крупных поселений [1]. Они по-прежнему могут продолжаться оставаться в составе природного ландшафта и, таким образом, вопросы их реставрации должны ограничиваться самым простым благоустройством и поддержкой определенного растительного состава. Однако остается вполне серьёзная цифра – 108 единиц, которые так или иначе могли бы быть активно включены в современную сферу жизнедеятельности. В первую очередь, это районные центры, а также крупные сельские поселения или населенные пункты, где имеются объекты исключительной ценности, такие как сохранившиеся реликты оборонительных сооружений, которые проявляются в планировочной структуре поселения. Обойти их стороной, оградившись только лишь стандартным благоустройством, не представляется возможным.

Реставрационная тематика по фортификационным сооружениям, несмотря на активную реставрационную деятельность в Республике Беларусь, чаще представлена лишь в отдельных публикациях в нескольких специализированных журналах и газетах, а также в сборных материалах конференций. Вопрос этот лишь иногда широко освещается общественными масс-медиа, в том числе публикациями в сети Интернет.

Если с типологией фортификационных объектов в последние годы наступил прогресс (среди белорусских исследователей стоит вспомнить работы Ю.Бохана, О. Дерновича, А. Кравцевича, М.Макарова, М.Мореловского, Г.Семенчука, Н.Ткачева, О.Трусова, Ю. Чантурия, Н.Щекотихина и др.), то в области классификации объектов по степени сохранности имеются серьезные пробелы. Значительно шире эту тематику поднимали в зарубежных странах: в России, на Украине, Польше, Литве. В связи с отсутствием разработанной классификации мы предлагаем заполнить существующие пробелы и предлагаем следующее разделение фортификационных объектов по степени сохранности на несколько категорий:

1. Место. Имеется указание на примерное место расположения оборонительных сооружений, но их остатки скрыты под современной застройкой.
2. Замчище. Имеется замчище или его остатки.
3. Археологический артефакт. Данный тип присутствует с том случае, когда под культурным слоем выявлены какие-либо остатки оборонительных сооружений, в т.ч. гражданского или культового назначения.
4. Живая руина – руина законсервирована или мало разрушающаяся.
5. Археологическая руина – руина в процессе дальнейшего разрушения.
6. Аварийное состояние – оборонительный объект в аварийном состоянии с прогнозом перехода в категорию археологической руины.
7. Удовлетворительное – объект находится в удовлетворительном состоянии, но необходимо проведение каких-либо реставрационных работ.
8. Отличное – проведение каких-либо серьезных работ не требуется.

Существует также ряд исторических поселений, на которые указывают только летописные источники, однако о точной их локализации ничего не известно. Это так называемые укрепленные города-легенды. Одним из таких городов по праву может считаться Ворута.

В настоящее время в нашей стране туризм не является основным способом вовлечения фортификационных сооружений в жизнедеятельность современного общества, однако позволяет сделать наследие доступным каждому, но для этого обществу необходимо признать факт существования наследия. Отсутствие у нас развитого и многовекового института собственности препятствует грамотному распоряжению историко-культурными ценностями, а также возможностью делать их доступными только для избранных. Однако, отчасти, это не касается религиозных институтов, где можно приобщиться к наследию только в том случае, когда человек является частью общины [2].

В процессе развития любого поселения, как в прошлом, так и в настоящем, неизбежно появление новых сооружений, коммуникаций. Мы насыщаем среду новыми элементами. При этом важно брать за основу лучшие примеры, которые, безусловно, были в прошлом и есть в настоящем. Вряд ли кто-то оспорит, что сложившаяся историко-культурная среда оказывает значительное влияние на формирование эстетического вкуса людей, которых она окружает. Поэтому, чем больше мы имеем удачных примеров реставрации, чем больше понимаем их сущность не только как чисто инженерную, но и как и духовную, и эстетическую составляющую нашего окружения, тем больше мы сами создаем примеров грамотно организованной среды, способствуя не только преемственности, но и развитию. Особенно это важно в нашу эпоху увлечения наследием, которое перестает быть чем-то стабильным и нерушимым, а превращается в понятие движимое и динамичное. Памятник как историко-культурная ценность – это не только то, что осталось, но и то, что имеет потенциал развития. В том случае, когда мы не готовы интерпретировать образ историко-культурной ценности относительно современности, наша задача сводится к приведению историко-культурной ценности к определенному образу и поддержание его до тех пор, пока существующий образ перестанет отвечать требованиям времени. Такой метод можно определить как метод образной ревалоризации. Его можно применять как к крупным комплексным историческим объектам, так и к менее масштабным памятникам культуры. Метод образной ревалоризации имеет ряд преимуществ: от возобновления визуальных связей и панорамных видов, до возможности приспособления историко-культурной ценности к современным нуждам. С помощью этого достигается способность историко-культурной ценности удерживать разновременное пространство и воплощать в себе образ прошлого и настоящего и поддерживать этот образ.

Одно из направлений образной ревалоризации заключается в надлежном восстановлении с учетом современного понимания значимости объекта. Это подразумевает наличие соответствующей научно-обоснованной программы, с тщательной фиксацией каждого действия, а также возможности «возврата» до точки начала проведения работ в случае неудачи или необходимости смены образа.

В другом случае образная ревалоризация возможна при полном отсутствии объекта, но при наличии реальных данных удачного его существования. Другими словами, возможно воссоздание объекта, что не противоречит Рижской Хартии [3]. В таком случае будет абсолютно справедливо назвать этот объект «образом» того, что некогда существовало, давая возможность времени самому определить, является ли воссозданный памятник таковым или нет.

Представляется необходимым рассмотреть сказанное на конкретных примерах - Городище и Окольный город в Турове и замок в Любче как два примера разной степени сохранности.

Городище и Окольный город древнего Турова

В 2011 году автором в Центре по регенерации историко-культурных ландшафтов и территорий разрабатывался проект охранных зон Городища и Окольного города древнего Турова. Историческая справка к проекту была написана историком Растиславом Боровым.

Территория древнего города, состоящая из Городища (детинца), имеющего общую площадь 0,76 га, и Окольного города площадью 1,61 га, в прошлом были разъединены водяным рвом, и была расположена на мысе при впадении реки Язда в реку Струмень. Эта территория была слегка возвышена над окружающим ландшафтом. Развитие города велось в юго-восточном направлении, где находились посадки, сформировавшие существовавшую до середины XIX в. улично-дорожную сеть и частично сохранившуюся после ее реконструкции до настоящего времени. По мере развития города его древнейшая часть стала также выполнять функции частновладельческого центра. В XIX веке вблизи остатков храма XII в. на территории Окольного города была построена деревянная православная Ильинская церковь с колокольной, имелась школа, земская больница и небольшая усадьба. К северо-западу от Городища в деревне Заятьелье на кладбище также имелась деревянная Преображенская православная церковь, которая визуально была связана с церковью Окольного города. Завершала панораму Турова застройка самого города с юго-востока Окольного города и имевшая также ряд крупных доминант в виде церквей и синагоги. Именно практически такой вид, но слегка приукрашенный, был запечатлен художником Н. Ордой.

На территории Городища в настоящее время какие-либо строения отсутствуют. Отсюда раскрывается панорама на пойму Струмени, имеется визуальная связь с Борисоглебским кладбищем и Кирилловской часовней. Имевшаяся ранее такая же визуальная связь с несуществующей ныне Преображенской церковью в д. Заятьелье отсутствует ввиду наличия плотного массива зарослей растительности.

Окольный город в отличие от Городища имеет частную застройку, занимающую юго-восточный угол территории городища. В северной части располагается возведенное в 2005 году здание под музейную экспозицию над раскопанными и музеефицированными остатками храма XII века, что привело к неоправданному изменению границ историко-культурной ценности. Это же касается и размещения автостоянки в остатках оборонительного рва, разделяющего Окольный город и Городище.

За весь свой период существования накопился культурный пласт мощностью от 1,8 до 2,8 м. Ров, разделяющий Городище и Окольный город, был засыпан в XX веке. На исторических планах 19-20 вв. видно, что река Язда огибает детинец и впадает в Струмень примерно в месте деления Городища и Окольного города. В настоящее время территория поймы рек сильно изменена, с севера от пешеходной дороги, огибающей городище, произведен намыв территории площадью примерно в 2 га. Наиболее сохранившимися являются западные склоны Городища и Окольного города [5].

Выводы

Восстановить точную конфигурацию оборонительных сооружений Городища и Окольного города не представляется возможным, поскольку, согласно проведенному анализу и выполненным графическим реконструкциям, ценностью теперь является сформированный культурный. Однако такой культурный ландшафт не является полноценным ввиду отсутствия формирующих видовое восприятие доминант и связывающих основные визуальные оси. Выходом из такой ситуации должно стать воссоздание высотных доминант на территории Окольного города и в Заятьелье по аналогии с запечатленным культурным ландшафтом на гравюре Н.Орды. Образ, запечатленный художником, никак не может являться точным и подлинным состоянием того, что было в действительности. Но именно так достигается связь с прошлым через образ того, кто этот реальный вид видел и создавал его образ, что в сущности является отражением восприятия о памятнике и неотъемлемой частью памятника. Однако дополнительные поиски графических (фото) и проектных данных, а также вскрытие и точная фиксация фундаментов церквей продолжаются, что позволит максимально воссоздать их объемно-пространственный вид. И вовсе необязательно использовать вновь воссозданные здания по прямому назначению, если того не требует ситуация.

Примеры таких удачных воссозданий в Беларуси хорошо известны, например ратуша в Могилеве (музей) или завершение башни на ратуше в Несвиже (музей), Святодухова униатская церковь в Минске (детская филармония).

Любча. Замок

Замок в г.п. Любча (в прошлом Любеч, Любч) расположен на реке Неман в Новогрудском районе Гродненской области.

Первые сведения о поселении относятся к XIII веку. В 1581 году замок уже существовал, о чем свидетельствует найденный флюгер с гербом владельца Яна Кишки с такой датой. Установлено, что при Яне Кишке была построена Брамная (западная), северная угловая на реке Неман и дворец между двумя башнями. Остальные строения находились в процессе строительства или были выполнены в дереве. При Радзивиллах в XVII были достроены две другие башни, в XVIII на северо-восточной стороне между двумя башнями существовал деревянный дворец. В XIX веке и до 1939 года замком поочередно владеют Витгенштейны, Гогенлоз, Фальц-Фейны, Нобоковы, Пейкеры, монашеский орден Св. Уршулии. В середине XIX в. был построен новый дворец в псевдоготическом стиле, являющийся частью нового дворцово-паркового ансамбля. К этому моменту, кроме южной угловой и Брамной, других башен не сохранилось. В начале XX в. перед самой войной возле Брамной, башни был возведен флигель. В войну дворец сгорел и был реконструирован и приспособлен под школу только в 1947 году [6]. В 1980-х гг. существовала идея реставрации замка и приспособления его под санаторий Лидсельмаша, проведены археологические раскопки, но данный проект не был реализован. В 2003 году по инициативе И.А. Печинского с поддержкой местных жителей и Министерства культуры Республики Беларусь был создан благотворительный фонд «Любчанский замок», взявший на себя реставрацию замка. Была скорректирована проектная документация по завешению Угловой башни. В последние годы работы по реставрации замка ведет Центр по регенерации историко-культурных ландшафтов и территорий (научн. рук. Кропотов А.Н.).

Брамная башня является уникальным объектом для белорусской архитектуры, поскольку на ней сохранились элементы архитектурного декора (пилястры, верхний карниз, руст с кронштейном вокруг арки проезда), а также фрагментарно монументально-декоративная живопись в виде сграффито, располагавшаяся на первом, третьем и четвертом ярусах башни. В 2011 году были обнаружены следы существовавших ранее разделительных карнизов между первым и вторым ярусом.

При изучении исторических данных описания замка были обнаружены сведения об ином, чем сейчас, завершении башни, а именно купольном [7]. Определение, что означает описание завершения башни, привели к определению нескольких типов купольных конструкций. Между тем, анализ графических изображений как самого замка (сер. XVIIв.) [8], так и замков в Гродно, Ляховичах, Несвижа и Клецка, указывают на несколько применявшихся в то время возможных конструкций завершения. Новые данные позволили проф. Трацевскому В.В. сделать реконструкцию первоначального завершения башни.

Выводы

В соответствии направлением образной ревалоризации необходимо придерживаться следующих положений реставрации:

1. Использование сходных составов штукатурных слоев в местах утраты.
2. В местах, где имеется несколько слоев штукатурки, различных по цвету и времени нанесения, сохраняются оба слоя. Поверх вторичной (более поздней) штукатурки наносится новый штукатурный слой, приближенный по составу к первичному и, при необходимости (создания рисунка сграффито), используется вторичный слой. Вторичный слой необходимо сохранять в том случае, если он имеет хорошее сцепление с первичным (ранним) слоем, и при его удалении есть риск серьезного повреждения или утраты первоначальной штукатурки.

3. Уничтоженные карнизы, сандрики и другие элементы фасада имеют право быть реконструированными в качестве конструктивных элементов при доказательстве их существования, однако не приемлемо воссоздание их рисунка по аналогии с другими подобными объектами в связи с преобладанием доли гипотезы в таком воссоздании.

4. Воссоздание завершения Брамной башни. Необходимо в первую очередь как для акцентирования башни в окружающей застройке, так и для возвращения приближенного исторического доминирующего значения для окружающей застройки. Такое воссоздание возможно, поскольку существующее покрытие является диссонирующим и, безусловно, не является оригинальным. В то же время практически отсутствуют исторические графические изображения, а значит, необходимо реконструировать определенный образ завершения, не нарушая восприятия композиции башни в целом.

5. Воссоздание часов на Брамной башне. Звуковая и визуальная составляющая является важной частью фиксации и локализации историко-культурной ценности в окружающей среде.

Таким образом, мы будем на реставрируемой Брамной башне видеть не детали, которые были утрачены, а значит, не могут быть воспроизведены, а воспринимать ее как определенный объем, силуэт, выделяемый физически, визуалью и звуком в окружающем культурном ландшафте.

Рисунок 1

Рисунок 2

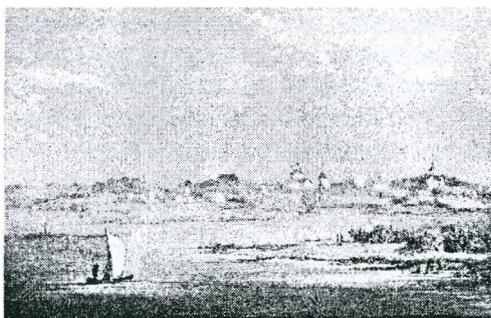

Рисунок 3

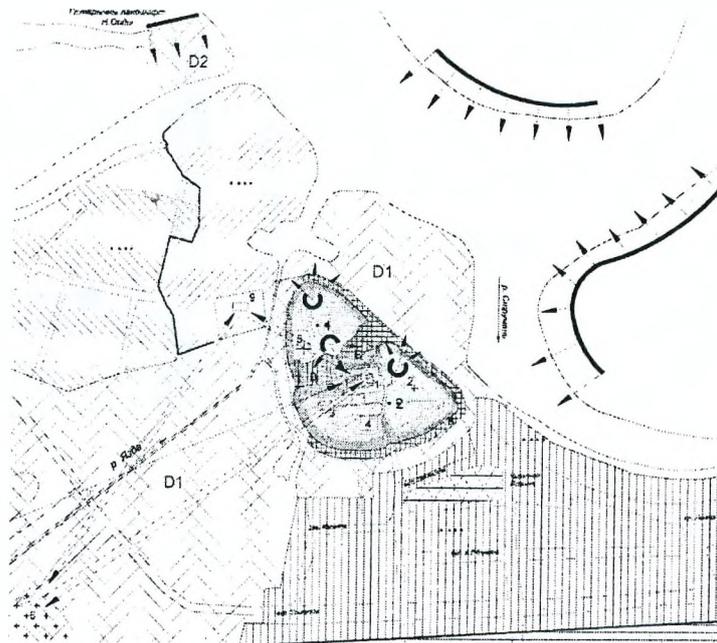

Рисунок 4

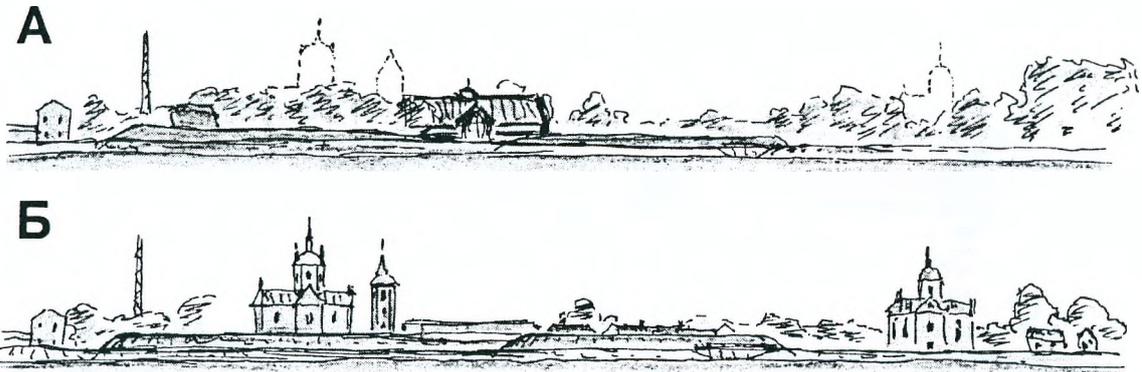

Рисунок 5

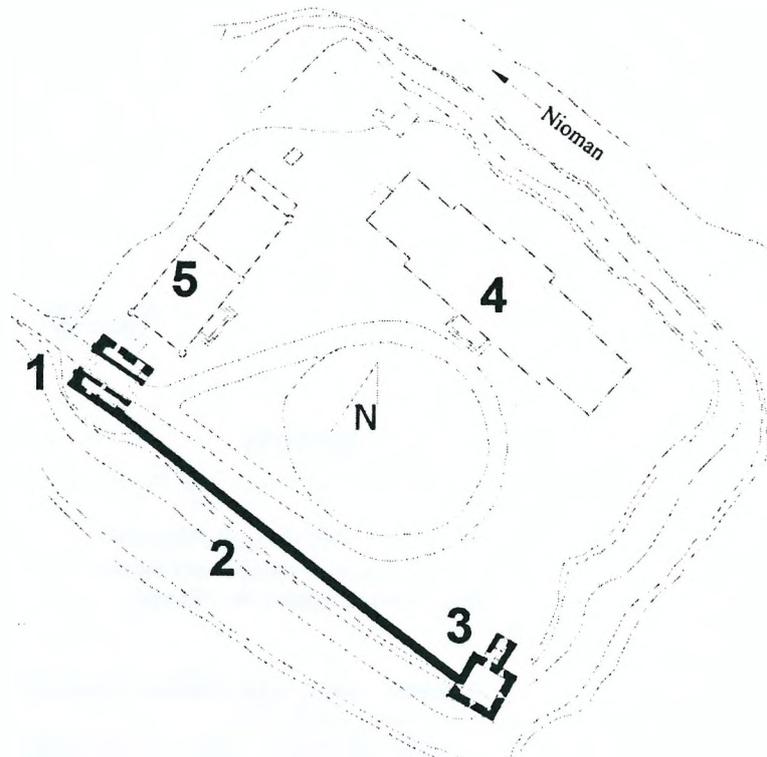

Рисунок 6

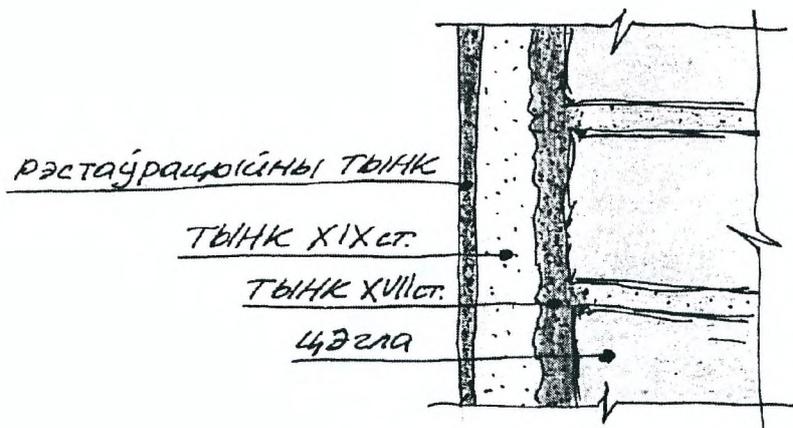

Рисунок 7

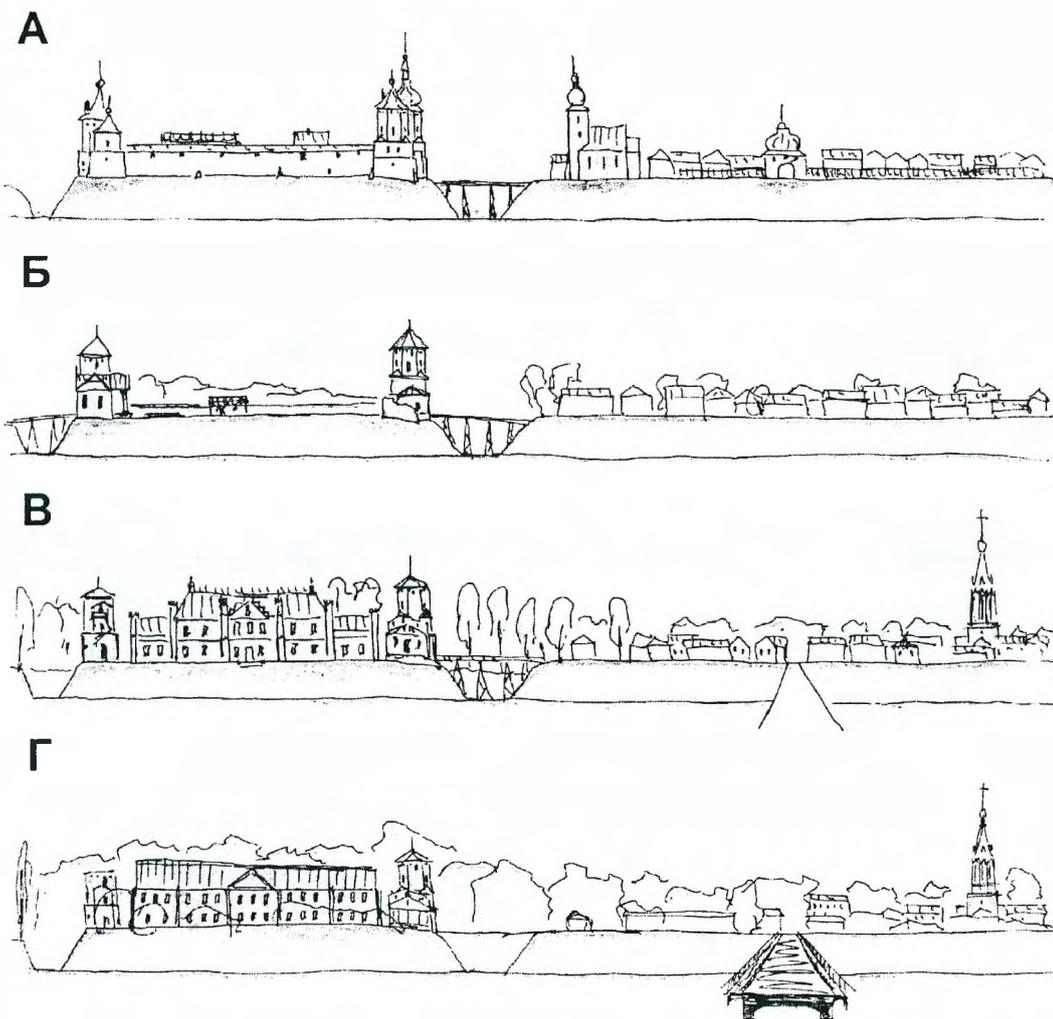

Рисунок 8

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзяржаўны Спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. См. такжэ Археалогія Беларусі, т.2-3; интернет-ресурсы radzima.org, globus.tut.by,
2. Non Solum Villae / pod redakcją Jacka Kosciuka –Wrocław: Oficyna Wydawnicza Politechniki Wrocławskiej, 2010.
3. Рижская Хартия "Об аутентичности и исторической реконструкции в отношении к культурному наследию" от 24.10.2000.
4. Древний Туров / П.Ф.Лысенко; Нац. акад. наук Беларусі, Ин-т истории. - Мн. : Беларус. навука, 2004.
5. Запіскі Аддзела гуманітарных навук . - Мн., 1930.
6. Архив СНРПМ, объект 216-83, №14.
7. Siedziby Kiszków i Radziwiłłów na Białorusi w XVI-XVIII wieku.:Opisy z zasobu Archiwum Głównego Akt Dawnych/ oprac. Jarosław Zawadzki; Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych. – Warszawa, NDAP, 2002.
8. Alexandrowicz, S. Prace kartograficzne Jozefa Naronowicza-Naronskiego na ziemiach Wielkiego księstwa Litewskiego w połowie XVII wieku Zeszyty naukowe, UAM, Historia, z.7. – Poznań, 1967.

БЕРЕСТЕЙСКИЙ СВЯТО-СИМЕОНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

Берестейский монастырь Устава святого Василия Великого при церквях святого Симеона Столпника и Рождества Пресвятой Богородицы располагался на Замухавечье. Современнику эта территория более знакома как Госпитальный остров и район ул. Белорусской. От всех православных сакральных памятников (3 церкви и два монастыря) сейчас не осталось и малейшего следа, что, однако, не мешает работать над воссозданием их архитектурного облика и истории.

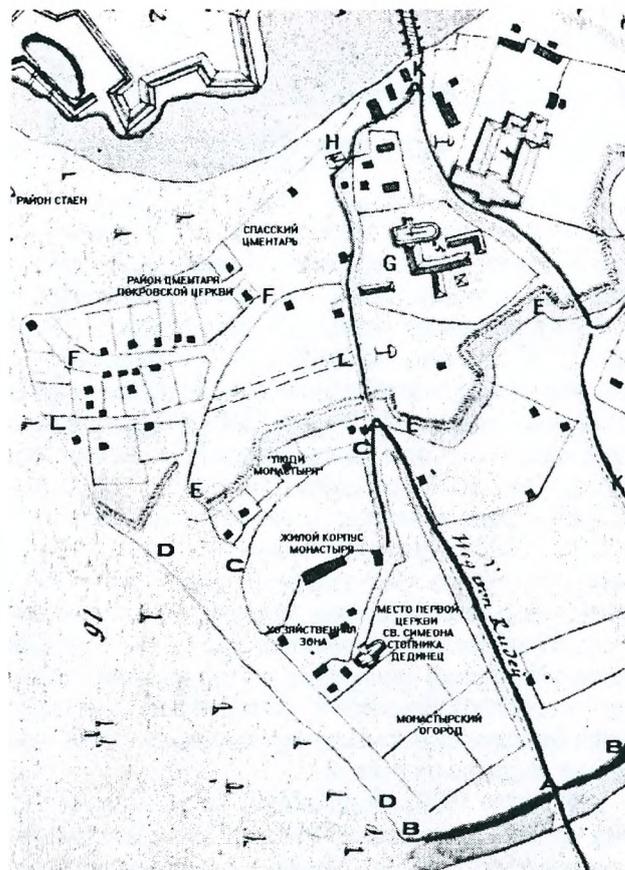
Время основания монастыря точно установить не удалось. Большинство современных изданий указывают на 1499 г., не ссылаясь на какой-либо оригинальный документ или происхождение источника информации. Первое документальное подтверждение о существовании монастыря, находящегося в собственности пана Александра Солтановича, относится к 19 июня 1546 г. [1, С. 4]. Закрытый владыкой Ипатием Потеем в октябре 1596 г., до 1632 г. находился в закрытом состоянии под «послушеньством» у владими́ро-берестейского греко-католического владыки Иосифа Мокосея-Баковецкого (1631-1655 гг.) [2, С. 61]. Монастырь с забужским селом Муравец становился собственностью ряда влиятельных дигнитариев Солтанов: Давида (до 1604 г.), Иеронима (с 1604 г.). Со смертью польского короля Сигизмунда III окончилась полоса жесткой реакции, наступило относительное потепление в отношении власти к греческому обряду. В ноябре 1632 г. на престол восходит новый польский король Владислав IV. Незадолго перед этим событием 15 октября 1632 г. после 36-летнего перерыва, при содействии бельского воеводы «Рафала на Лешне Лешнинского» (Лещинского) в «Святом Симеоне» ненадолго возобновилась служба. 1 ноября инициаторам этого самоуправления уже вручали «позвы» на суд в берестейский замок [2, С. 61-66]. Церковь закрывается воеводой Лещинским, богослужения прекращаются. Среди вдохновителей первым сторонником возобновления богослужения в монастырской церкви был Андрей Данилович Люлька, отец будущего симеоновского игумена Давида Андреевича Люльки.

В феврале 1633 г. Владислав IV при коронации одобряет поданные прошения о возвращении неунитатскому обряду нескольких храмов. 16 марта 1633 г. всего три церкви в городах Берестье, Кобрине, Пинске получили право на возобновление службы. Правда, в Берестье была возвращена церковь Рождества Пресвятой Богородицы Рождественского монастыря. Ввод указа в действие состоялся чуть позже, 7 мая [1, С. 13]. На этот же указ 26 декабря 1637 г. ссылается владелец монастыря, адепт протестантского обряда Владислав Монвид Дорогостайский, когда просит луцкого владыку Афанасия Пузыну прислать «до церкви святого Симеона в монастырю ... какого-нибудь хорошего монаха» [1, С. 16]. С 18 сентября 1638 г. Симеоновский монастырь считается функционирующим [1, С. 16]. 8 января 1641 г. в монастыре из Купятич появляется Афанасий Филиппович, регистрируя в городском суде вышеназванное письмо и другие документы. Пройдя вместе с городом фатальный путь многократных разрушений 1648-1657 гг., с трагической гибелью двух неординарных игуменов – Филипповича и Люльки, берестейские монастыри пришли в состояние полного разорения, вероятно, были сожжены. Более 25 лет (с 1661 по 1686 гг.) монастырями управлял отец Яков Карасинский. При нем, при участии Василия Александровича Красинского, хорунжего смоленского, были восстановлены церковные здания из леса Чахецкого лесничества. С 1690 г. игуменом Свято-Симеоновского монастыря назначается Сильвестр Троцевич, являвшийся одновременно супериором Могилевского братского монастыря, более известный по обнаружению «Толковой псалтыри» с «Диариушем» Афанасия Филипповича. Правление Сильвестра заканчивается около 1709 г. Во время Северной войны, после овладения Брестом шведами летом 1706 г. и до 1719 г. монастырь живет без игумена, при наместнике.

В 1716 г. в монастыре случается пожар, истребивший построенное Василием Красинским и игуменом Яковом. Очередное восстановление монастыря осуществлено при легендарном Свято-Симеоновском иеромонахе Гервасии Рудницком, начавшем управление монастырем с декабря 1719 г. в должности наместника. Пережив невоздержанности нрава и языка Варфоломея Филевского в 1722-1724 гг., очередного кандидата в игумены, присланного Священным Синодом и окончившего свой жизненный путь в ссылке на Камчатке, преподобный Гервасий с 1728 г. пребывает в должности игумена. За время своего игуменства продолжает восстанавливать монастырь. Заслужил небывалое почитание монастырской братии, любовь прихожан, доверие духовного начальства. Гервасия почитали как «маленького Божка», что находим в документах судебных тяжб с противниками монастыря, базилианами. При Гервасии Рудницком в 1747 г. наблюдается относительный расцвет монастыря, что характеризуется наибольшим количеством монашеской братии – 9 иеромонахов и 3 монаха [3, С. 461]. Игуменом Ионой Василевским, утвержденным киевским митрополитом Рафаилом Заборовским, монастырь управляется почти два с половиной года (с 31 мая 1747 г. по 5 сентября 1749 г.). Гервасий умер в монастыре вскоре после 29 сентября 1749 г., перед очередной монастырской трагедией. 5 сентября Иона был избит, поруган, выброшен из кельи разъяренной толпой за то, что наставлял стать на «путь законной повинности». Таковы нравы того времени, даже в монастыре. Здания и все монастырское хозяйство, восстановленное Гервасием, игумен Иона передал в управление следующему наместнику Мануилу (Эммануилу). Мануил родился в Берестье 1722 г. от зажиточных родителей, в 18 лет (1740 г.) пострижен игуменом Гервасием в качестве инок в Симеоновский монастырь. В ноябре 1748 г. Мануил уже прокуратор монастыря, при игумене Ионе Василевском.

Габариты споровшей церкви по карте 8.6 x 22.8 м, ширина по крыльям трансепта 15.2 м. Деревянная монастырская церковь Богоявлений Господних показана совсем иной конфигурацией. Вместо «церкви великой с тремя верхами», следовательно, продольно-осевой пространственной композиции, показано здание центрично-крестовой композиции. Это означает, что карта зафиксировала конфигурацию города значительно раннего времени. Это может относиться к инвазии Меерфельда (1706 г.).

Рисунок 1 – Фрагмент карты И.Г.М. Фюрстенхоффа [4] с планировкой квартала Свято-Симеоновского монастыря. Поз. 16 обозначает территории Замухавечья, затопляемые «высокой» водой.

Спецификация обозначений:

А-А - ул. Прилуцкая. В-В – речка Струга - рукав Старого Буга (Bużyska starego). С-С – ул. за монастырским садом. D-D – ул. Рыбачья (левая сторона улицы затоплена). Е-Е - городской вал со рвом. F-F - ул. Грабарская [1, С. 97]. G - монастырь бернардинок. Н – Свято-Спасская церковь. К-К – ул. Луцкая. L-L - «ул. к церкви Восстановления Честного Креста идущей».

1751 г. начался с судебных процессов монастыря с греко-католическим бискупом Теофилом Годабским. Опять «розуха» и, что еще страшнее, природные катаклизмы. От «продолженной, непрестанной и ежедневной» саранчи пропадает часть пашни, от эпидемии «подох весь монастырский рогатый скот, нашедши вода болшая и пол лета сенокосии монастырские непокошенные потопила, и малое число лошадей чрез зимнее время нечем кормить» [5, С. 656]. С ноября 1751 г. иеромонах Мануил выдвинут братией на должность наместника. Через два месяца, 31 декабря 1751 г. митрополит Тимофей Щербацкий, прибыв из Киева в Симеоновский монастырь, «произвел М. Бялошицкого из наместников в игумены Брестского монастыря» [5, С. 663].

При вхождении в управление монастырем, в качестве игумена, по поручению митрополита Тимофея Щербацкого от 8 января 1752 г. Мануил провел ревизию. Составлены 2 экземпляра «Описи». Первый находился в монастыре, второй отправлен в Киев в архиерейскую консисторию. Материал «Описи» на сегодняшний день есть первый, самый полный объем информации по Симеоновскому монастырю, без преувеличения бесценный документ. Его название «Опись монастыря святого Симеоновского Берестецкого православного, всех движимых и недвижимых вещей, утварей церковных и грунтов и всех угодиев имеющихся, кия по нижеследующем и начертанием явственно» [5, С. 711]. Благодаря ей у нас есть возможность ознакомиться со структурой самого монастыря, его владений, отчасти представить внутреннее устройство.

Спустя всего пять месяцев, ситуация меняется в худшую сторону. Какова настоящая причина смены руководства брестских монастырей, в документе конкретно не указывается. При этом не упустим из вида, что соперничество за влияние над заграничными монастырями между могилевской кафедрой и киевской архиепископией явилось причиной частых обращений к митрополиту Щербацкому. Яблочинский игумен Спиридон Гриневецкий завалил митрополита своими докладами. Заграничными монастырями считались 5 монастырей берестейской группы, а также Кутеенский, Буйницкий, Тупичевский, Пинский и Минский православные монастыри. 27 мая 1752 г. митрополит дает грамоту на инспекцию указанных монастырей игумену Марковскому Иакинфу Пелкинскому (недавнему игумену пинской обители) и капеллану варшавского посольства иеромонаху Антонию Почеке. По его словам: «в монастырях Дрогиченском и Бреском за нерадением игуменов ... великие непорядки происходят, а чрез то и монастыри в разорение приходят и впредь прийти могут, да и братія в тех монастырях в безстрашии и неблагочынни пребывают» [5, С. 680]. Проследив цепочку событий вокруг Симеоновского монастыря и варшавской домової церкви Министерства иностранных дел, служителями которой являлись лучшие непритязательные образованные иеромонахи из Берестья, становится ясно, что российское посольство в Варшаве было в курсе всех дел в монастыре, следило за назначениями, имело свое мнение и согласовывало с митрополитом кандидатуры новых капелланов. После смерти Сильвестра Каховского, капеллана внутренней церкви российского посольства, его преемник А. Почека естественно был в курсе событий, происходящих в Берестье, часто пребывал там по делам службы, останавливался здесь по пути в Киев. Вероятно, между ним и Мануилом отношения сразу не сложились, что явилось причиной появления его в Берестье с таким жестким предписанием. За берестейского игумена заступились: крестоносное братство церкви святого Симеона Столпника (16 сентября 1752 г.), братия Симеоновского монастыря (22 сентября 1752 г.), берестейский воевода Кароль Сапега (25 сентября 1752 г.), наконец, прошение

самого игумена Мануила (29 октября 1752 г.), что, однако, его не спасло. 13 февраля 1753 г. игумена Мануила вызывают в Киев, куда он не поехал, а воеводе сообщается, что Мануил уволен от этой должности. Игуменом в Берестье определен Спиридон Гриневецкий.

С новым назначением на Свято-Симеоновский монастырь надвигалось очередное потрясение. Мануил, привнеся в структуру монастырских владений свою личную недвижимость (млын, участок земли и другое имущество), оставлять в монастыре ее не собирался. Ошельмованный и обиженный на решение митрополита, он всю свою недвижимость отторгает от монастыря, кроме этого забирает и монастырское имущество. Граф Александр Шувалов, камергер двора ЕИВ, начальник Канцелярии розыскных тайных дел, о событиях, инициированных Мануилом Бялошицким в «польском местечке Берестье Бреском» [5, С. 777], доносит в Священный Синод: «ночью нашедши на монастырь, не точию разные документы, монастырю служащие, но и все припасы, такожде книги церковныя, посуду, деньги и прочие вещи монастырские позабирал и в монастырь до базилианов Бреских же отвез, в которых ныне обретаются и непрестанную обиду монастырю делает» [5, С. 779].

«Светлой седмицы, с пятка на субботу зостал унеятюм, а прошедшего мая 1 числа (1753 г.) с монастыря унеятского Базилианского при сентенции всех конвентов и законов Бреских ксендзов, яко то: иезуитов, бернардинов, францишканов, августинов, тринетаров, кармелитов, фаранов и базилианов, так же при собрании всего народа и господ веден был со свещами, пением и великим торжеством до костела иезуитского, где по указам их, с руганием, плеванием отрекся веры православной кафолической» [5, С. 779]. Скрывшийся избитый новый игумен Спиридон возвратился в «Бреский» монастырь, когда узнал о намерении униатов «всенепременно монастырь отобрати и на унию превратити». «Посоветовавши между собою, утвердили стояти и за монастырь и за благочестие до смерти, о чем услышавши унеяти переменили намерение свое и уже не смели нападения учинить на монастырь» [5, С. 779]. Впоследствии, в конце года, Мануил вернул документы, фундуши разные, млын, угодыя, церковные принадлежности и собственные вещи Спиридона в целости. К декабрю 1753 г. противостояние не угасло. Гриневецкий обращается за защитой к городским властям и «писание охранительное от его милости пана Флеминга, подскарбия великого Литовского, старосты судового Бреского испросил, который и монастырь до настоящей судовой расправы сам надеялся защищати» [5, С. 789].

Описанный случай с игуменом Мануилом – единственный прецедент межобрядовых отношений в городе, описывающий переход в другой обряд духовного лица такого уровня. Случаи массового оставления униатского обряда во время А. Филипповича были довольно частыми, но там «виновниками» были простые прихожане. При различных оценках измены игумена Бялошицкого своему обряду, с которым он был связан с детских лет, исключительной важности остается выполненная им «Опись» [5, С. 711-716], составленная в начале (января-февраля) 1752 г. Дальнейшая судьба монастыря не менее насыщена, но интерес к содержанию «Описи», в основном, вынуждает ограничиться событиями 1753 г.

Установить полное название главной церкви монастыря помогает документ о посвящении в чин игумена Мануила митрополитом Тимофеем (Щербацким): «по надлежащему чиноположению православно-восточние церкви, в Братско-училищной обители, в храме Богоявлений Господних, во игумена произвели» [5, С. 663]. Это означает, что главный храм монастыря был освящен в честь Богоявлений Господних (Крещения и Воскресения). А в честь Симона Столпника был освящен один из побочных престолов.

Описание монастыря состоит из 8 разделов: 1 - собственно описание самого монастыря, 2 - «Цени розного соуду», 3 - «Цень», 4 - «Медь», 5 и 8 - «Железо», 6 - «Крита (?)», 7 - «Синожате». К девятому разделу отнесем записи экономического характера: фундуши, завещания, млыны. Для лучшего исследования материала вся «Опись» разделена на 169 пунктов, что позволило установить правильную последовательность в первом разделе.

Учитывая общую малограмотность общества и, как следствие, ее представителей из монашествующих (игумен Мануил), многие пункты «Описи», написанные им (например: товалня, хусти, короги, чеверткова, дастамент, флямка, мощиро свирови стлучками, тринкал), требуют объяснения и подробного исследования.

В первом разделе представлены сведения: о самом церковном здании – «Церковь великая с трома верхами: деревяная, покрытая гонтами». Здание, построенное согласно с местной строительной традицией, представляет трехчастную продольно-осевую пространственную композицию (притвор, наос (баня), алтарь). Алтарем ориентирована на восток. Известные изображения монастырских зданий (Свято-Онуфриевский в Яблэчно и Свято-Николаевский Пустынно-Медведковский около Чигирина) относятся к южно-русскому (галицкому) типу. Какого-либо изображения Свято-Симеоновского монастыря не приводится. Учитывая то обстоятельство, что Берестейский монастырь был старшим над всей группой зарубежных монастырей, в том числе и Яблочинским, его внешний архитектурный облик был не менее выразителен.

В алтарной части трехпрестольной монастырской церкви находились «престол великий, обложений товалнею червленою, на той товалне крест среброзлатный». Покрытие престола состоит из двух частей: сверху красная «товалня» – красный квадратный плат, боковые плоскости великого престола – «побочни» – закрыты белыми платами – «белими кусты». Дополнительно сообщается о кресте. «На великом престоле крест сребный, стоящий 1».

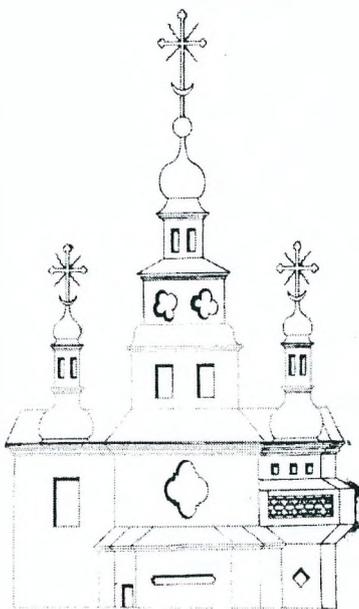

Рисунок 2 – Южный фасад Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря (длина 21.6 м, высота 31.8 м) [6].

К великому престолу относится сообщение о иконе Божией Матери. «На престоле великом матерь Божия черверкова сребром обложена по великороссийску». Расшифровать размер напестольной храмовой иконы можно, узнав, что четверть (в источнике черверть) равна 1/4 части листа 44x35 см, т.е. 22x17,5 см. Указанный размер, по всей видимости, представляет размер самого изображения без оклада.

«У том же олтаре престолов побочных белими кусти покритиі 2». Напестольные кресты, стоящие на боковых престолах обозначены – «кедровых крестов сребром обложенных 2». «Товален» – покрытий боковых престолов (святых Стефана и Симеона) – «вышитых шовком 2». Описание этих боковых престолов, обновленных при игумене Спиридоне 19 июня 1757 г., уже после войны, вызванной переходом к базилианам игумена Мануила в 1752 г., представлены так: «Церкви великой правая сторона, т.е. алтари святых архидиакона Стефана и Симеона Столпника, вновь соответствующим резным иконостасом приукрасил, образ наисвятейшей девы Казанской над царскими воротами в оклад с превосходными резными скульптурами, покрытыми художественной росписью поместил» [5, С. 1004]. Предположение о симметричном расположении побочных престолов Стефана и Симеона опровергается вторым уточнением Спиридона Гриневецкого. Оба престола располагались с правой (южной) стороны от основного «великого престола». Нет ничего удивительного также и в том, что в монастырской церкви так много деталей московской работы. Вся деятельность игумена Спиридона была направлена на сближение с церковными структурами Российской империи, что можно видеть из секретных документов посольства в Варшаве. Помещение над царскими воротами Казанской иконы Божьей Матери, более почитаемой в России, еще более подчеркивает это стремление. Такой символ давал четко понять, под чьей защитой находится православие в Берестье. В южных и юго-западных областях ВКЛ в особом уважении были местночтимые иконы: Почаевская, Жировичская, Купятичская, Холмская, Владимирская и многие другие.

Количество икон в церкви не указано, сообщается лишь, что «на розных образах крестов 23 шт.». Свидетельством приходского характера церкви (других православных храмов в городе не было) и знаком особого почитания чудотворных монастырских образов является фиксация «Описью» различных привесок из жемчуга, навешиваемых на иконы в знак благодарности за излечение: «и шнурков карялов 44». Как видим, это произошло, минимум, в 44 случаях.

Принципиально важным в описании интерьера церкви и даже всей «Описи» является упоминание гробниц. Их упоминание следует за описанием великого престола не просто так, это придает им особую значимость. Их было две: «Гробница сребная позлащена» и «Другая сребна позлащена малая». Есть все основания предположить, что здесь упомянуты не церковные принадлежности, покрываемые плащаницей в Великий пост, также называемые гробницами, тем более, что под плащаницу в храме достаточно иметь только одну гробницу. Это, скорее всего, специально изготовленные раки (то же, что – мощевики, ковчегцы, гробики), представляющие высокохудожественные произведения из серебра, покрытые позолотой для символического акцентирования содержимого, не исключено, гданьской работы. Во всем ВКЛ такие гробницы могли быть только в двух городах – Вильно и Берестье. В Вильно это было сохранение мощей Антония, Иоанна, Евстафия, в Берестье – сохранение останков святого преподобномученика Афанасия Филипповича и его последователя иеромонаха Давида Андреевича Люльки, игумена Свято-Симеоновского монастыря, замученного в июне-июле 1657 г. озверевшими мадьярами армии Ракоци в Мелецком монастыре. Неизвестный мученический подвиг игумена Давида неизвестной истории православия на наших землях, начиная с XVIII в., исчез из всех источников, оставаясь только в памяти Творца. Иного духовного лица из числа берестейских православных священнослужителей, имевшего бы отношение к такому подвигу, чьи останки могли быть сохраняемыми в «малой гробнице», пока не выявлено. Более подробно об игумене Давиде (Люльке) рассказывается в работе о монастырском млыне «Золотое яблоко».

Полный комплекс богослужебных книг представлен в 46 экз., составляющих 24 названия. Богослужебных алтарных принадлежностей и принадлежностей для отправления таинств (дискорсы, звезды, чаши, килихи, котелец медяный, рукомойницы, блюда) всего 14. «Катапетасма материална кветчаста 1». Воздухов малых и великих из разной материи 3. Ручников церковных 5. Хоругвей голубых («корогов блаватних») 2. Предметов священнического и дьяконского облачения 71. Принадлежностей для установки свеч (лямп, лехтажов) из цветных металлов 11. Кадильниц 2. «Хусток» и платов хафтованых (шитых серебром и шелком) 25. Традиция обвязывать и украшать иконы предметами ручной работы сохранилась до наших дней. Домотканые рушники на иконах можно увидеть в любой церкви нынешней Брестской епархии.

«Опись» показывает еще одно церковное здание, находящееся на его территории. Это трапезная церковь. «В церкви трапезной Матерь Божия, аркушовый среброобложений образ». Трапезная церковь находилась на втором этаже жилого монастырского корпуса, являвшегося самостоятельным зданием нескольких уровней (этажей). Жилой корпус располагался к северу от храма Богоявлений Господних, у самого монастырского сада. Он предназначался для монастырской кухни и помещения для игумена – «под трапезною церквою кухня, игуменска келия» – и для монахов «побочных келий 5». Такое количество келий свидетельствует о том, что в каждой проживало по несколько монахов. После пожара 8 ноября 1815 г. в здание трапезной церкви будет перемещен основной храм. Место старой церкви будет упоминаться как церковный «дединец». В трапезной церкви находилась икона Божией Матери «в аркуш» (35x44 см), снабженная богатым серебряным окладом.

Название 2-го раздела «Цени розного сосуду» не совсем соответствует описываемому имуществу. Здесь перечислены 5 строений хозяйственного назначения и брама со звонницей. Брама (въездные ворота) монастыря располагалась в крайней северо-восточной оконечности монастырской территории и была совмещена со звонницей. На звоннице находились 4 колокола.

На хозяйственном подворье, кроме бровара, располагались: шпихлер (склад, хранилище), «клубень 2», одна стойна и шопы на сено. Блок хозяйственного назначения находился к северо-западу от монастырской церкви. В стойне содержались животные: 6 коней, «3 лошади малых», 2 коровы, 2 теленка, 2 пары волов, 6 старых свиней, 8 малых. Наличие коней предусматривает существование неупомянутой возовни, которая обязательно должна быть для хранения, ремонта и обслуживания телег, бричек, инвентаря для вспашки. Кроме этого, из биографии Мануила узнаем, что он в начале монашеской жизни был при монастырской кузнице, которая не упоминается, как и вторая брама (хозяйственный въезд), ведущая на улицу Рыбацкую. Не упоминаются в «Описи» корчма и солодовня. И только упоминание бровара с тремя котлами – «един на горелку», еще один «и на пиво» и «третий малий» – в полной мере соответствует названию раздела. Здесь же упомянута вторая церковь, принадлежащая монастырю – «церковь Рождества Пресвятой Богородицы». Самого Рождественского Богородичного монастыря после череды войн XVII в. более не существовало. Восстановленная церковь принадлежала Свято-Симеоновскому монастырю. При церкви была 1 келия. Территория церкви «парканом огорожена». Локализация ее на сегодняшней карте парадоксальна. В нескольких десятках метров от погоста Рождественского находятся очистные сооружения в районе ул. Белорусской. Как это расценивать, неведение или позиция?

Следующие разделы: 3-й «Цень», 4-й «Медъ», 5-й и 8-й «Железо» представляют кухонные и столовые принадлежности.

Интерес представляет 6-й раздел «Крита (?)». Издатель не мог объяснить это слово, поставив вопрос. Слово крита образовалось от слова *kreda* – мел. Здесь образно выражено намерение строгого учета и означает, что все обозначенные владения строго учтены, точно перечислены, записаны. В этом разделе перечислены земельные владения монастыря, их 7. Все поля измерены сохами. «Поле Осинки 18 сох», «Головское поле 15 сох», «Поле Амполь 1», «Поле коло Рождества 4», «Поле на Побудному 12», «Поле за Горками Ризок 6», «Поле Придатки 4». Всего 60 сох. «Побудное поле» встречается впервые, вероятно здесь описка. Известен микротопоним Поддубное. Нелокализованными на карте Замухавечья являются: Амполь, Горки Ризок, Придатки, остальные участки располагаются в непосредственной близости от Симеоновского монастыря, между Волынским трактом или ул. Луцкой и р. Буг.

Раздел 7 представляет сеножати, их также 7: «На Вариводине», «На Рождественском поле», «На Артемовом», «На Гразком», где упоминалась сеножать «Филипповичовская» [7], «На полю Ризки», «На Котелне», «Там же на Круглой». Всего 50 косцев. Сеножать с названием Круглая принадлежала лично Мануилу. По «Компромиссарскому определению» [8] от 15 сентября 1753 г. он забирает ее с собой к базилианам. Луг «Котельня Великая» присужден монастырю. Не локализованы: «Ризки» и «Гразки». Все остальные сеножати находятся в вышеуказанных границах.

Заключительный 9 раздел образуется перечислением пунктов, составляющих основу финансовой стороны существования монастыря. Упомянутая в материале о каплице святого Стефана юридика Сапег (1667 г.), позже Красинского (1680 г.) и затем Выговского, составляла 10 дворов, здесь преобразовалась в 15 «жителей фундушовой юридики». На этой чиншевой юридике могли проживать крестьяне, не принадлежащие Симеоновскому приходу. В год монастырю они платили 169 злотых, остальным доходом пользовались по своему усмотрению. Кроме этого, во время жнива с каждой хаты обязаны были давать 6 работников в год. Вторым составляющим доходную часть был ежегодный долг по «видир кафу» от евреев местечка Володавы, исчисляющий 80 «золотых полских». Третья часть дохода образована завещанием Андрея Владимировича Дяшковского от 1692 г., просившего похоронить себя на Симеоновском погосте, в связи с чем монастырь получал еще 1000 злотых. Как видим, ежегодный доход монастыря только деньгами составлял 1249 злотых довольно большую сумму для того времени.

В распоряжении монастыря находилась мельница «Золотое яблоко». В «Описи» – «млын на рице Буге, во врочищи Дарках, вечисто наданий от боголюбцов в монастырь совсем». Урочище получило название от имени древней патронки монастыря Авдотьи Павловны Хоминой, во втором браке за Андреем Даниловичем Люлькой [1, С. 24], отцом Симеоновского игумена Давида, замученного мадьярами. Авдотья – по-местному Дарка, от чего произошло название окрестностей. Почти век (99 лет) млын неизменно служил монастырю. Второй млын на Буге, «на слюзе», был внесен Мануилом Бялошицким при его избрании на должность игумена. Кроме помола своего собственного зерна, на нужды монастыря шла часть от помола давальческого зерна, «с того млина, а именно третья мерка всякого збожа. И тринкал» [5, С. 716]. Последнее слово «Описи» тринкал есть не что иное как гибридный особый сорт зернового злака тритикале, полученный скрещиванием пшеницы и ржи. В «Описи» под этим словом обозначен семенной фонд зерна тритикале для посева на монастырских землях весной 1752 г., что Мануил посчитал необходимым отметить, т.к. это зерно имело особенную ценность.

Материал «Описи» исчерпан, оставив много вопросов, которые для исполнителя «Описи» не представляли интерес. Это состояние монастыря. Новый игумен Спиридон Гриневецкий, не имея достаточных средств к его содержанию: то, что осталось от Мануила, постепенно истратил. Через 5 лет, в 1757 г., Спиридон собирается в Сербию за милостью, просит у митрополита паспорт во владения сербского митрополита Павла Ненартовича. Состояние монастырского здания в этот год было следующее. «А так как церковь огромной величины монастыря нашего Бресткого предшественником моим небожником Гервасием Рудницким, не сосчитать какой сверхъестественной ценой (как говорят) на деревянных штандарах, т.е. высоких пнях построена, штандары, уже от давности лет значительно подгнили, поэтому бояться нужно, не дай Боже, падения, для спасения же ее не находится ни какой местный добродетель, а монастырь из-за очень плохих доходов еле может прокормить братьев законников и людей нуждающихся» [5, С. 1002].

Монастырь испытывает большую нужду и требует сил от его управителя. Чувствуя безысходность, 19 июня 1757 г. игумен Спиридон просится на увольнение. «По окончании моих верных дел, прошу письмом вашей архипастырской милости от игуменства здешнего освободить и одарить каким-нибудь маленьким уголком, для спокойного исполнения обязанностей согласно должности до конца моей грешной жизни» [5, С. 1003]. В этом же письме сообщается, что проснулся «старый змей, завидующий нашему спокойному пребыванию, который разбудил ксендзов Бартошков, держащих здешнюю фару», избивших православную похоронную процессию. Пришлось искать защиты у канцлера ВКЛ Чарторыйского.

Кризис в обществе отразился и на монастырской жизни. Изнуряющую физическую монастырскую работу выдерживали не все. Были случаи ухода из обители. Богослужению и образованию уделялось недостаточное внимание. В письме к митрополиту от 9 июля 1757 г., в котором игумен Спиридон сетует, что «обученных латинскому языку в здешних краях и з свечью сискать невозможно, да и кто пожелает з учених людей за плугом ходить, гной в поле возить и з граблями до сена, и протчую черную работу отбивать» [5, С. 1021].

Свою заботу о главной церкви монастыря игумен Спиридон представляет так: «разбитый праздничный колокол, с добавлением материала, в Гданьске перелил и в Берестье привез, бровар и солодовню также заново с мурованными горнами и печью построил. Два великих медных бака с крышками и трубами для изготовления водки привез из Гданьска и в горны вставил, трапезу выровнял и новым деревом отремонтировал, стайни для пользы лошадей, хотя и из старого дерева поставил, огороды по возможности вокруг огородил, колодец отремонтировал, и что только касалось хозяйства силы мои к тому прилагал и прилагаю, однако тяжело мне, привезенную из России сумму, уже растратил до последнего шеляга, а монастырские доходы очень мизерные, поступающие крохотной суммой с одного только лодейного млына, т.к. пан подскарбий великий Литовский (прим. Флеминг) много млынов на Буге настроил, а наш, оттого что находится на отдалении от города, все давние ремесла утратил, только немного поддерживают нас огороды от уплаты чинша и поголовного, а с селекции зерна, кроме как на текущую жизнь, ничего больше не получаем, попридел законников, застав их обносившимися, сейчас уже новых одежд требуют, но от недостатка денег, спасаются латками, так начинаю новый млын строить при Божьей помощи, т.к. старый значительно сгнивший вообще никчемный и опасный, а так, как строительство требует немалого дохода, где взять который не знаю» [5, С. 1005].

К концу 1757 г. положение еще более усугубилось, что проясняется из письма игумена митрополиту. «Церковь наша святого Симеона Столпника великая, на штандарах, или на столбах построенная, все более клонится, оттого, что штандары уже значительно подгнили и если ей не помочь, в скором времени, несомненно упадет. Монастырь не имеет возможности исправлять положение, потому, что местная духовная власть, от которой все зависит, еле позволяет накрывать нам ободранные церковные крыши, а новые делать либо церковь строить ни в коей мере не позволяет и не допускает, оттого что сейчас войска Российские находится у нас в Бресте, без всякой оглядки можно и новые строить и направлять святыни Господские, но из-за крайнего недостатка денег этого производства, невозможно начать» [5, С. 1029].

Анализируя вышесказанное, предполагаем, что деревянная монастырская церковь, простояв около 40 лет, пришла в плачевное состояние. При такой скорости угасания здания существовать ему осталось недолго. Описанная церковь не могла сгореть в 1816 г., до этого времени она бы не просуществовала. Это значит, что к концу 50-60-х гг. можно говорить о строительстве новой деревянной церкви, той, которая погибнет в пожаре 1816 г. Исследованием выявлены несколько очень важных неизвестных деталей, не встречающихся в уже изданных специальных работах. Это касается самого здания церкви, приделов, гробниц игуменов А. Филипповича и Д. Люльки. Детали свайного фундамента «великой церкви», что в полной мере может быть отнесено и к другим строениям монастыря, усложняют археологические поиски, т.к. за 260 лет от деревянных «штандаров», вероятно, ничего не осталось. Достаточно точно описаны земельные владения монастыря, с замечанием о проводимой им селекционной работе.

Полный вариант работы, кроме относительно точной локализации церковных объектов на местности, предполагает заинтересовать и убедить соответствующие городские и епархиальные структуры в необходимости создания и установки памятных знаков именно на тех самых местах, где находились обозначенные православные памятники. Настоящее место служения А. Филипповича и других берестейских игуменов, а также несколько церковных погостов Замухавечья до сих пор пребывают в забвении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АСД. – Вильна, 1890. – Т. 11.
2. ВАК. – Вильна, 1867. – Т. 2.
3. Памятники православия и русской народности в Зап. России в XVII-XVIII вв. / С. Титов. – Киев, 1905. – Т. 1. – Ч. 1.
4. Plan von der Stadt Brzesc in Lithauen. J.G.M.v. Furstenhoff. – 1740. – XX 160.(с позволения Брестской областной библиотеки им. А.М. Горького).
5. Памятники православия и русской народности в Зап. России в XVII-XVIII вв. / С. Титов. – Киев, 1905. – Т. 1. – Ч. 2.
6. Памятники православия и русской народности в Зап. России в XVII-XVIII вв. / С. Титов. – Киев, 1905. – Т. 1. – Ч. 3. – прил. С. СХХV.
7. ВАК. – Вильна, 1872. – Т.6. – С. 285.
8. ВАК. – Вильна, 1870. – Т.3. – С. 223.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОГЛАСОВАННОГО РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ПРИБУЖСКОМ ПОЛЕСЬЕ

Прибужское полесье поистине благодатный край для развития туризма. Выделение экологического туризма как направления туристской деятельности предполагает совокупность природно-ориентированных видов туризма, участники которых, совершая путешествия в природные зоны, должны содействовать сохранению окружающей среды и культурно-исторических ценностей на этих территориях.

Но не стоит рассматривать экологический туризм как путешествие с ответственностью перед окружающей средой по отношению к ненарушенным природным территориям. Экология не ограничивается только проблемами охраны природы*. Природно-культурные комплексы нуждаются в бережном отношении и сохранении. Так, объектами экотуризма могут быть природные и природно-антропогенные ландшафты, включающие культурные достопримечательности, объекты материальной и ассоциированные с многообразными проявлениями духовной культуры. Наследие – это широкое понятие, которое включает не только материальные памятники, исторические места, археологические объекты, коллекции, культурные и исторические традиции, такие как церемонии, ритуалы, фестивали и даже языки, диалекты, народные поверья и опыт, но и естественные природные достопримечательности и ландшафты. Рациональное развитие туризма может стимулировать охрану культурных ландшафтов. Поэтому комплексная разработка программ сохранения и использования в целях туризма природных и культурно-исторических достопримечательностей региона имеет особую актуальность. Специальное проектирование природоохранных территорий с целью их приспособления для целей экологического и культурно-познавательного туризма имеет большое значение, как для развития комплекса туристских услуг, так и для сохранения устойчивости природных и природно-культурных комплексов.

Туризм, основанный на использовании объектов природного и культурного наследия, достаточно сложен с технической точки зрения – необходимо обеспечить ночлег для туристов, распространение информации для посетителей, безопасность, питание, соблюдение санитарно-гигиенических условий. Все охраняемые природные территории (далее - ОПТ) нуждаются в туристской инфраструктуре. Уровень обеспеченности объектами инфраструктуры может варьировать от простого информационного стенда до специально созданного городка или деревни. Все элементы инфраструктуры должны создаваться с особым вниманием, чтобы не быть чуждым данной ОПТ. Туристические объекты также должны проектироваться, учитывая уникальные черты ОПТ. Необходимо сохранить как исходное природное и культурное своеобразие среды, так и устойчивость естественных экологических процессов.

Туристская инфраструктура включает в себя объекты, обеспечивающие полный цикл услуг, связанных с приемом и обслуживанием туристов и отдыхающих. В их число входят кемпинги, гостиницы, информационные центры и транспортная сеть.

Количество объектов, их вместительность, а также уровень предлагаемого ими обслуживания отражают степень развития территориальной системы туризма и характер рекреационного освоения территории.

При создании туристской инфраструктуры на природоохранной территории важно учитывать культурные и экологические особенности. Все объекты туристской инфраструктуры, размещаемые на ОПТ, подлежат обязательной оценке воздействия на окружающую среду. Кроме того, такой оценке могут подвергаться объекты, размещаемые в непосредственной близости от ценных природных комплексов. Разработка предложений по ландшафтной, градостроительной и архитектурной организации природных ландшафтов, включающих историко-культурные достопримечательности, должна основываться на изучении окружающей территории и природных сообществ, которое включает взаимосвязь с прилегающими ОПТ, схему зонирования, путей доступа на территорию.

Важной целью ландшафтной, градостроительной и архитектурной организации должно стать обеспечение устойчивости природных комплексов, минимизации факторов беспокойства. Необходимо сохранение и пересадка существующих насаждений. При озеленении нужно использовать виды местной флоры. Учитывать культурные особенности территории. Создавать удобную сеть путей сообщения, учитывая положительные и отрицательные последствия. Так, сеть путей сообщения пределах ОПТ дает посетителям возможность лучше познать территорию и получить от нее большее удовольствие, часто ведет к фрагментации местообитаний и серьезно воздействует на дикую природу.

Сооружение объектов должно учитывать историю места, культурные особенности, местные народные традиции. По возможности создаваемые объекты должны быть энергоэффективными. Проектирование и эксплуатация объектов должна учитывать вопросы охраны ресурсов и их использования: сброс отходов, сброс и забор воды, шумовое, световое загрязнение.

* «Особо охраняемые природные территории – участки земли (включая атмосферный воздух над ними и недра) с уникальными, эталонными или иными ценными природными комплексами и объектами, имеющими особое экологическое, научное, историко-культурное, эстетическое и иное значение, изъятые полностью или частично из хозяйственного оборота, в отношении которых установлен особый режим охраны и использования. Основной целью объявления территорий особо охраняемыми природными территориями является сохранение биологического и ландшафтного разнообразия.» (статья 1 ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ от 20 октября 1994 г. № 3335-XII «Об особо охраняемых природных территориях».)

Высокий уровень сервиса стимулирует большее использование ОПТ туристами и определяет характер этого использования. Объекты инфраструктуры должны способствовать пониманию посетителями ценностей данной ОПТ. Проектирование и создание инфраструктуры на высоком уровне позволит туристам чувствовать себя более комфортно и ответственно в тех уникальных местах, которые они посещают.

УДК 72.03/.04(476.7)

Муха Е.С.

АЗБУКА АРХИТЕКТУРЫ

Рассматривать архитектуру, один из самых востребованных видов искусства, отдельно от человека невозможно. Законы архитектуры базируются на биологических, философских и психологических основах так же прочно, как на физических и математических. Эмоциональное переживание эстетики окружающей архитектурной среды имеет для человека большое значение. К феномену архитектуры – городу – обращались многие исследователи, пытались открыть его семантическую природу, т. е. природу используемых знаков и символов, образно говоря, «алфавита» архитектурного языка. Известны сравнения города с речью, с каменной летописью, с театром, поэмой, с человеком и человеческим телом. Известно также, что в Древней Греции, Древнем Риме и в архитектуре эпохи Возрождения построение классических ордеров связывали с пропорциями и образами мужского и женского тела. Вся предметно-пространственная среда, созданная и создаваемая людьми, выступает своеобразной материализацией социально-политических, идейных и культурно-эстетических устремлений общества.

В восприятии человека архитектурно-пространственная среда города выступает системой сменяющих друг друга и взаимодействующих эмоционально-эстетических знаков, символов и образов, видимых в архитектурных телах. Эта система обуславливает и определяет восприятие человеком картины мира. Весь предметно-пространственный мир, окружающий человека, прямо или косвенно воздействует на него. При этом от 85 до 90 % информации об окружающем мире человек получает через зрение, а 10-15 % - через слух, обоняние, осязание и кинестетические ощущения.

Линии и эмоции

Известно, что зрительное восприятие человеком форм и пространства базируется на трех основных уровнях: знаковом (коллективное бессознательное), образном (индивидуальное бессознательное) и символическом (коллективное сознательное).

Зная особенности зрительного восприятия человека, еще древние греки в V веке до новой эры использовали приемы, которые учитывали оптические искажения человеческого восприятия для лучшего представления и восприятия архитектурных построек, например, Парфенона в Афинском акрополе.

О психическом влиянии формы на человека и его поведение писали многие исследователи. Выдающийся французский архитектор XX века Ле Корбюзье отмечал особое значение простейших элементов, составляющих архитектурную форму, в эмоциональном воздействии на человека, подчеркивая необходимость исследования их эмоционального воздействия, сознательного отбора и использования: «Вид различных линий, которые я черчу на этой доске, порождает столько же различных чувствований: вид ломаной линии или линии непрерывной оказывает известное влияние на самую нервную систему. Мы испытываем приятные или неприятные впечатления от линий, которые воспринимают наши глаза. Начав исследовать воздействия этих впечатлений на нашу способность чувствования, мы приходим к тому, что начнем делать отбор: вот такая-то ломаная линия нас утомляет, а эта непрерывная линия нам приятна, такая-то система не связанных между собой линий нас волнует, а такая-то ритмическая система нас успокаивает; вы вскоре заметите, что сам собою производится отбор, утверждаются известные предпочтения, и что в них вы неизбежно приходите к тому, что художники отбирают постоянно, те линии и формы, которые удовлетворяют наши чувства. В этой сфере линий и форм, удовлетворяющих наши чувства, мы еще раз убеждаемся во всемогуществе гармонии. Каковы моменты эстетического воздействия в архитектуре? Те, которые воспринимает наш глаз. Что воспринимает наш глаз? Поверхности, формы, линии. Значит, дело заключается в том, чтобы из всех частей архитектурного произведения создать единство, возбуждающее эстетическое волнение, единство форм, которые его составляют, одухотворяют его, внося интересные нас отношения и пропорции частей, дают нашим чувствам впечатление стройности.» (Ле Корбюзье, 1924). Известно, что при восприятии совершенно разных архитектурных объектов и пространств зачастую возникают сходные эмоции и переживания, как ответная реакция человека на объект. То общее, что роднит эти разные объекты, это не столько их формы, пространства, детали и т.п., сколько переживания: Эмоционально-эстетическое – это и начало и конечная цель в цепи архитектор-потребитель.

Эмоциональное воздействие тех или иных линий на человека, как было установлено экспериментальной психологией, с одной стороны, связано с работой глаза человека. Например, горизонтальная линия воспринимается глазом с минимальным напряжением и поэтому вызывает ощущение удовольствия, удовлетворения. Вертикальная линия воспринимается с большим напряжением. Неправильные и ломаные линии вызывают

наибольшее напряжение и болезненные ощущения глаза, так как мышцы глаза вынуждены без подготовки неожиданно менять направление. При восприятии правильных кривых линий глаз подготавливается к предстоящему изменению, и это вызывает чувство удовлетворения.

С другой стороны, кинестетические ощущения (т.е. ощущения, вызванные движением отдельных частей человеческого тела) усиливают и углубляют эмоциональное воздействие линий, поверхностей, форм на человека. Так, горизонтальные линии и плоскости дают возможность двигаться по ним с минимальными усилиями. Вертикаль задает человеку направление, параллельно которому он бессознательно старается держать свое тело, сохраняя равновесие и преодолевая силу тяжести. При этом по сравнению со статичностью горизонталей, вертикаль обладает «зарядом потенциального движения». Наклонные линии и плоскости обладают динамическими свойствами, потому что активизируют необходимость сохранения равновесия.

Символика линий, форм и фигур

Линии, образуемые ими формы и фигуры, имеют не только эмоциональное выражение, но и глубокий символический смысл, связанный с их эмоционально-эстетическим содержанием. Горизонталь – древний знак горизонта, земной поверхности, символ пассивного, женского поведения; вертикаль – простейший мощный символ вознесения и прогресса, активного, действующего, основного элемента сотворения и символ мужской силы, мужского поведения. Крест – один из четырех фундаментальных символов, изображение четырехкратия, означающее материальный мир – вещьность. Это символ земли с четырьмя сторонами, образованной четырьмя стихиями. Это также символ страданий распятого Христа. Это символ мирового древа или древа жизни, синтеза и меры, соединения неба и земли, пространства и времени. Квадрат – один из четырех фундаментальных символов. Это символ земли в противопоставлении небу, а также символ созданной Вселенной – пространства, это фигура антидинамичная, символизирующая остановку, выделенное мгновение, идею стагнации, застывания. Во всех астрологических традициях квадрат представляет землю, материю, ограничение. Центр (точка) – один из четырех фундаментальных символов. Это символ начала, абсолютной реальности, место конденсации и сосуществования противоположных сил, наиболее концентрированной энергии. Через центр проходит мировая ось, соединяющая небо, землю и подземный мир. Это символ творческой силы и конца всех вещей. Круг – один из четырех фундаментальных символов. Это символ движения (колесо), неба, бесконечности, Вселенной, времени, защиты, обеспеченной в своих границах. Это расширившаяся точка (центр) с общими символическими свойствами. Он ассоциируется с культом огня, героев, божества. В христианской мифологии круг символизирует вечность. Треугольник, обращенный вершиной вверх, символизирует гору, огонь и мужскую созидательную силу; треугольник, обращенный вершиной вниз, символизирует пещеру, воду, льющуюся с небес и сбегаящую с гор, плодородное лоно и женское начало. Равносторонний треугольник символизирует божество, гармонию, пропорцию. Ромб – женский символ. Ему присваивают эротический смысл. Трапеция – это призыв к движению. Спираль символизирует происхождение, расширение, развитие, циклическую и прогрессивную продолженность, созидательное вращение. Спираль олицетворяет эволюцию силы и движения, исходящего из первоначального центра и направленного в бесконечность. Спираль связывается с космическим символизмом Луны, с символизмом плодородия, с повторениями ритмов жизни, с циклическим характером эволюции, с постоянством бытия при мимолетности движения и т.д.

Линии формы – это эмоционально-эстетические знаки, олицетворяющие определенные переживания, идеи, явления, человеческие свойства и представления, то есть как бы замещающие определенные явления действительности. Кроме того, они обладают устойчивым значением и выступают «архетипами» – «неразложимыми единицами бессознательного». И в этом – объективная сторона восприятия архитектуры человеком.

Конечно же, семиотика архитектуры не исчерпывается эмоциональным строем, образностью и символикой, поскольку на эстетическую оценку и на сами эмоции и, в конечном итоге, на структуру синтетического художественного образа влияют также свет и цвет, отношения между формами, пространствами и массами, ритм, масштаб, пропорции, контраст и нюанс, симметричность и асимметричность форм, фактура и текстура поверхностей, тектоника и т.д.

Знаковое и образное прочтение города

Визуальное восприятие, то есть чтение архитектурных и градостроительных форм, реализуется не только на символическом и образном уровнях, но в первую очередь на знаковом уровне (коллективное бессознательное). Поскольку человек воспринимает информацию в окружающей среде посредством эмоционально-эстетических знаков, которые являются контурными линиями, составляющими архитектурные формы и пространства, и посредством образов-метафор, один линейно-эмоциональный строй сменяется другим, так же как один образный ряд трансформируется в другой во время последовательного восприятия-чтения городских форм и пространств. Например, во время «чтения» городских пространств Страсбурга, который является исторически сложившимся французским городом, внимание человека привлекается сильными линейными и пластическими акцентами. Линейно-эмоциональный строй застройки улицы Мерсье с кафедральным собором Бо-

гоматери, завершающим ее перспективу, начинается из центра, который представляет собой окно-розу вверх центрального портала, откуда диагонали крыш и карнизов зданий, словно радиальные несущие свет лучи, распространяются к читателю-зрителю и к границам кадра. Стремление вверх, к Богу, демонстрируемое большинством вертикалей собора, поддерживается вертикальными линиями окон зданий, "глядащих" друг на друга с двух сторон улицы Мерсье. Образная структура этого кадра состоит из лиц-фасадов зданий, повернувшихся друг к другу и формирующих в центре кадра сложный иерархически-мифологический комплекс, напоминающий художественно-философский полиптих средних веков. Мы видим в центре этого полиптиха три фундаментальных символа: большой квадрат с вписанным кругом и точкой-центром, откуда радиальные божественные лучи расходятся, как "искры божественного огня, скрытые в материи и оживляющие его огнем жизни". Здесь ясно видимый квадрат является символом Вселенной - созданного пространства, а круг (окружность) - символом бесконечного движения, неба, бесконечности Вселенной, вечности, символом, ассоциирующимся с культом героев и Бога. Под квадратом – готический портал, украшенный стрельчатыми арками, трансформирующимися в треугольные стрелы, указывающие на центр и "освященные" сверкающими вертикалями, которые олицетворяют вход в Небесный Град. Над центром по всему фасаду в вытянутых по вертикали стрельчатых окнах мы читаем образы святых и апостолов, находящихся на Небесах.

Архитектура и поведение людей

Если окружающие человека формы, линии, плоскости, цвета вызывают эмоциональную и эстетическую ответную реакцию, значит, можно использовать архитектурно-художественные качества форм и пространств сознательно, прогнозируя вполне определенную ответную реакцию и соответствующее поведение людей.

Так, в 1994-1999 годах, во Франции, в городе Безансоне, в жилом квартале «Брюлард» был проведен архитектурно-социологический эксперимент по капитальной архитектурной реконструкции и реабилитации целого жилого квартала, включавшего три протяженных высоких жилых дома и школу, построенных на рубеже 1960 годов. Необходимость реабилитации этих жилых домов была вызвана настоятельной необходимостью коренного изменения и ликвидации социальной напряженности, сложившейся уже в конце 80-х годов в этом квартале, где жили, в основном, выходцы из стран Магриба. При достаточно спокойной социальной обстановке в целом в городе Безансоне, насчитывающем около ста сорока тысяч жителей, большая часть нарушений общественного порядка и преступлений происходила именно в этом жилом квартале, расположенном в новой части Безансона за пределами его исторического ядра. Для решения этой проблемы была сформирована группа социологов, которая, при участии социолога господина Додана, разработала и осуществила целый комплекс мероприятий по реконструкции и реабилитации всего квартала, установив, что виной всех социальных бед его были недостатки в архитектуре. В градостроительной мастерской архитектора Филиппа Ламболи был разработан архитектурный проект, значительно изменивший как внешний вид существовавших жилых домов, так и их внутреннее содержание: перепланировка квартир, их модернизация, улучшение вертикальных и горизонтальных связей, подземные паркинги и так далее. Основательно были изменены фасады жилых домов: вместо гладких поверхностей, испещренных окнами, были введены новые, сомасштабные человеку и малым группам людей, членения в виде акцентированных пластически входов в подъезды, навесных проходных галерей, улучшивших внешний вид и горизонтальные коммуникационные связи. Изменилось и завершение их: крыша одного из зданий получила сводчатое покрытие из металла. Другое здание было диагонально срезано и также получило горизонтальные внешние связи в виде галерей. В третьем жилом доме были проделаны прямоугольные арки-проходы значительных размеров, ведущие в дворовые пространства этого квартала. Проведенная реконструкция и реабилитация этого квартала превзошли ожидаемые результаты: отмечено резкое снижение уровня правонарушений, при том, что контингент жителей почти не изменился.

Таким образом, изучение семантики архитектурных форм может открыть перед архитектором новые горизонты и дать новые возможности для создания психологически благоприятной среды обитания, как отдельного человека, так и общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов, А.А. Семиотические проблемы в художественно-композиционной подготовке архитекторов // Художественно-композиционная подготовка архитекторов и дизайнеров. – Свердловск: САИ, 1991.
2. Барабанов, А.А. Семиотические проблемы формообразования в начальном обучении архитектора // Проблемы архитектурного образования (начальный этап обучения). – Ростов-на-Дону: РАИ, 1992.
3. Барабанов, А.А. Чтение города // Семиотика пространства / Под редакцией А.А.Барабанова – Екатеринбург: Архитектон, 1999.
4. Бауер, Вольфранг. Энциклопедия символов / Вольфранг Бауер, Ирмтрауд Дюмоц, Сергиус Головин – Москва: Крон-Пресс, 1995.
5. Беляева, Е.Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия. – Москва: Стройиздат, 1977.
6. Выготский, Л.С. Психология искусства. – Москва, 1986.
7. Иконников, А.В. Художественный язык архитектуры. – Москва: Искусство, 1985.
8. Ле Корбюзье, Новая эпоха в архитектуре (из доклада, прочитанного в Сорбонне 12 июня 1924 г. // Архитектура современного Запада / под ред. Д. Аркина. – Москва: Изогиз, 1932.
9. Успенский, Б.А. Семиотика искусства. – М.: Шк. "Яз. рус. культуры", 1995.

АРХИТЕКТУРА ХРАМА

В своей творческой работе при проектировании церквей православных я строго руководствуюсь каноническими установлениями апостолов и поместных соборов Русской Православной Церкви, а также готовыми образцами уже построенных церквей XII – XIV веков. В Белоруссии это великолепные образцы: Борисо-Глебская церковь в г. Гродно, церкви Туровского княжества, Витебского и Полоцкого княжеств.

В России это в первую очередь Покрова на Нерли, церкви и монастыри Ростова-Великого, Владимировская церковь, Суздальские. Все же постройки относятся к Петровским временам.

Ну и самое главное – это образец для всех – Храм Христа-Спасителя в Москве.

Пётр I, после того как он побывал в Европе, привез новый тип постройки, когда к основному объёму Храма ставили впереди пространств колокольню, закрывая своей вертикалью основной объём здания и в первую очередь центральный купол. Наши церкви стали похожи на католические костелы, особенно в этом преуспели униаты.

Наша языческая Русь, принявшая Христианство при Владимире, приняла образ Храма крестово-купольным.

Молитвенный зал христианской церкви предназначен быть местом общения человека и Бога – начала духовного и телесной оболочки, в отличие от богов языческих, всегда конкретно воплощенных в телесный образ. Бог – дух, Бог вездесущий и незримый – вот суть той идеи, которую архитектура могла соединить с пространством, в котором Бог обитает. И именно эта идея породила крестово-купольный Храм.

Форма креста в плане положена в основу Храма.

Внутреннее пространство зала расчленено в продольном (на нефы) и поперечном (трансепт, травея, нартекс) направлениях и потому обладает глубиной.

Движение зрителя заставляет его меняться, жить, оно приводит взор к центральной части Храма, где перекрещиваются средний неф и поперечный трансепт. Здесь кульминация образа. Сводчатое покрытие определенным положением пространства устремляется вверх навстречу свету, падающему сквозь световое кольцо. Купол, замыкающий открывшуюся взору вертикальную перспективу, не воспринимается опертым на стену, он как бы парит над ней благодаря эффекту высоких узких окон, прорезающих световой барабан. Свет отделяет вогнутую поверхность купола от пространства молитвенного зала, и дематериализуются помещенные в куполе изображения.

Фресковая живопись покрывает столбы, своды и геометрию конструкций, обнимающих пространства, она не материальна и лишена реальности цветовыми контрастами землистых охр и небесной лазури – синими, красными, зелеными и малиновыми тонами и солнечным сверканием смальты, золота.

Интерьер Храма образует слияние света и цвета. И когда это пространство наполняется звучащей на хорах мелодией, становится пространством, реально охватывающим и владеющим людьми, особым состоянием духа, которое верующие называют состоянием благодати.

ДОМИНИКАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ И КОСТЕЛ СВЯТОГО НИКОЛАЯ В ДЕРЕВНЕ КНЯЖИЦЫ МОГИЛЕВСКОГО РАЙОНА

Костел святого Николая в Княжичах вызывает у исследователей архитектуры многочисленные вопросы, касающиеся его внешнего архитектурного облика. На протяжении своего существования объем был несколько раз видоизменен. Обнаруженные архивные обмерные и проектные материалы перестройки, а так же натурные исследования и фотоматериалы позволяют нам с большей достоверностью ответить на вопрос, каким был первоначальный облик костела, и выполнить реконструкцию фасадов.

Фундацию на постройку деревянного костела осуществил 17 февраля 1681г. Константин Пац, хорунжий Великого княжества Литовского. Позже 23 мая 1693 г. Николай Пац, староста ковенский, добавил еще одну фундаментацию. Однако в том же 1693 г. возникли какие-то споры между Кристофером Пацом, писарем ВКЛ, и доминиканским монастырем, разными судебными тяжбами продолжались вплоть до 1783 г. [1, с.177]. Строительство каменного костела началось после 1750 г. [2, с. 232]. Основной объема со всем содержимым внутри был окончен к 1780-му году, так как в этом году была проведена консекрация костела под титулом св. Николая самим Метрополитом С.Богуш-Сестринцевичем [3, с.8]. Внешний облик костела был докончен к 1797 г. [1, с.177]. На основании визита 1818 г. «главный фасад был с двумя башнями, между которыми размещался фронтон с железным крестом. В одной из башен находилась колокольня. Крыша была покрыта гонтом. Внутри костела находилось 5 каменных алтарей, в первом ярусе которых были колонны, а во втором размещались покрашенные гипсовые декоративные элементы с позолотой в верхней части (остов главного и одного из боковых алтарей сохранились до наших дней).

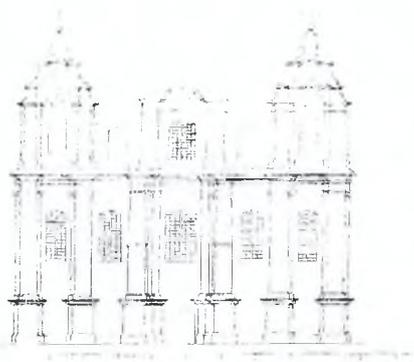

Рисунок 1 – Фасад бывшего костела в существующем виде на 1869 г.
(выполнен по материалам РГИА ф. 1293 оп. 167 д. 50)

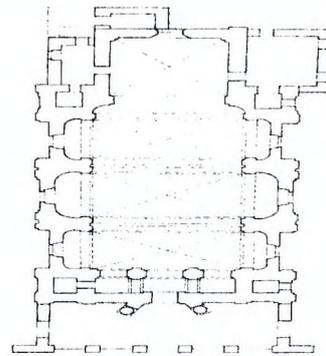

Рисунок 2 – План бывшего костела в существующем виде на 1869 г.
(выполнен по материалам РГИА ф. 1293 оп. 167 д. 50)

Главный алтарь двухъярусный, в первом ярусе которого размещалась картина Пресвятой Девы Марии, написанная на холсте и украшенная серебряными шатами. Над картиной находился гипсовый округлый «pawiment»¹⁴² с позолоченными шведскими веточками. Менса алтаря была каменная и значительно выступала вперед от каменной алтарной наставы. Презбитериум отделен от остальной части костела деревянной решеткой с балясинами и дверками, выкрашенными в красный цвет» [4, с. 21].

По обеим сторонам костела в каплицах у стен находилось по два боковых двухъярусных алтаря с каменными менсами. По правой стороне стоял алтарь св. Доминика с картиной на холсте в первом ярусе, а во втором – картина св. Мученицы Катерины. В следующей травее – алтарь, в первом ярусе которого картина на холсте Ангела Хранителя, а во втором – картина св. Яна Непомука. На другой стороне, напротив, размещался алтарь св. Винсента также на холсте, а сверху – картина св. Антония Падуанского. Следом за ним – алтарь с картиной в первом ярусе Распятого Иисуса Христа, а во втором – картина св. Ядвиги.

По левой стороне от главного алтаря при пилястре располагалась формованная из гипса крестильня под балдахином, а сверху она была украшена гипсовым барельефом, состоящим из двух деревьев и фигурной группы – св. Яна Крестителя, крестящего Иисуса Христа в водах реки Иордана. Внизу крестильницы – каменная менса, стоящая на двойной ступени. Наверху, на менсе, стоял цимбориумом, крашенный под мрамор.

По правой стороне, напротив, так же при пилястре, висел деревянный амбон с балдахином искусной резной работы, крашенный краской и частично позолоченный. Дополнительное оборудование интерьера состояло из 4 конфессионалов с балдахинами столярской работы, два из которых были окрашены в зеленый цвет, а остальные два были практически полностью вызолоченны. В костеле было 2 погребальных склепа. Каменный хор опирался на две колонны, свода каменные, а пол кирпичный [4, с.21]

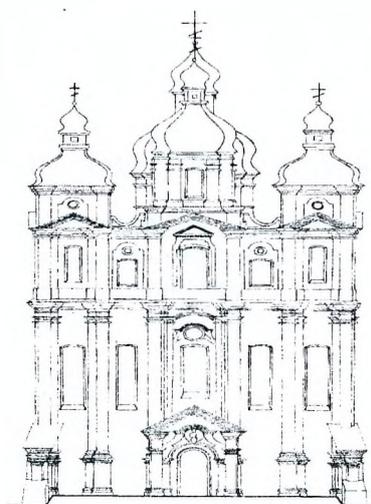

Рисунок 3 – Проект перестройки костела под православную церковь арх. Меркулов 1869 г. (по материалам РГИА ф. 1293 оп. 167 д. 52)

¹⁴² Pawiment (лат. *pavimentum*)-утаптывать, утрамбовывать, чаще всего относится к полу.

Территория монастырского комплекса состояла из земель размером в 81 влоку¹⁴³, согласно фундации Константина Паца 1681 года [4, с.26]. К концу XVIII в. на ней размещался каменный костел и деревянный монастырь, который на 1797 г. описывался как старый и требующий новой постройки [1, с.177]. В 1801 г. новый деревянный монастырь из соснового бруса на каменных фундаментах был построен на деньги Корнелия Вайцевича [4, с. 23]. Корпус монастыря находился от костела на расстоянии 7,5 сажней и представлял собой прямоугольное одноэтажное здание (около 25 сажней в длину), крытое двухскатной вальмовой крышей. На главном фасаде по центру находился вход, а по бокам – по восемь окон. Монастырский комплекс включал в себя также отдельностоящие хозяйственные постройки: кухню, сарай, конюшню и амбар. Все постройки были деревянные, одноэтажные, накрытые 2-скатными вальмовыми крышами. Вся территория была обнесена частично каменным, а частично деревянным забором с четырьмя входами с разных сторон. О местоположении и внешнем виде строений можно судить исходя из генплана, выполненного в 1835 г. (рис. 5) и ошибочно указанного как кармелитский монастырь¹⁴⁴ [5].

В 1832 году монастырь был закрыт, а годом позже (в 1833 г.) все здания монастырского комплекса были обмерены и осмотрены офицерами генерального штаба с целью размещения в нем военных Российской империи [6, с. 226]. Костел оставался парафиальным до 1863 г., после чего был закрыт и передан под ведомство православной церкви.

В 1869 году были выполнены обмеры костела в существующем виде (рис. 1,2), на основании которых в том же году был разработан проект перестройки под православную церковь согласно основным канонам православной архитектуры (рис 3). Исходя из проекта архитектора Меркулова, предлагалось изменить завершения башен, верхний ярус которых должен был быть разобран и накрыт цибулевидными куполами, украшенными кубовыми баньками с луковичами. На главном фасаде появилась новая раскреповка стены в виде треугольных фронтонов и еще одного ряда фигурных карнизов, пересекающих всю плоскость стены, добавляя таким образом еще один ярус. Окна башен второго яруса понижены, а полукруглые ниши заменены на окна с круглыми розетками над ними. Вместо фигурного фронтона по центральной оси был поставлен самый высокий купол. По проекту предлагалось разобрать полнотелые круглые колонны, стоящие на пьедестале под углом 60 градусов к фасаду. Соответственно изменился портал главного входа, вместо изогнутого барочного щипца над ним появился треугольный фронтон, а как следствие, была заложена нижняя часть окна. По центру костела, над третьей травеей, был надстроен псевдокупол, а крыша понижена. Боковые алтари в каплицах должны были быть разобраны, а на их месте пробиты боковые входы с дверями и крыльцами (рис. 4).

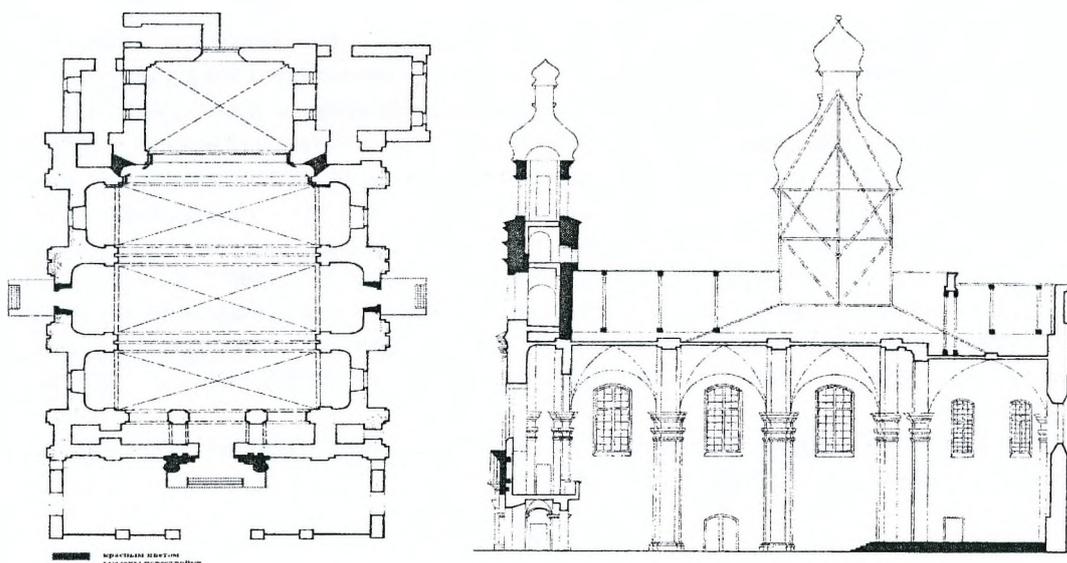

Рисунок 4 – Проект перестройки костела под православную церковь в княжичах, Могилев. губ. 1869 г., арх. Меркулов (по материалам РГИА ф. 1293 оп. 167 д. 52)

К 1872 году проект был осуществлен, о чем мы можем судить по фотографии 1913 года [7, с.80]. Тем не менее, анализируя фотографию, можно заметить некоторые отличия между проектом и его реализацией. Это так же подтверждают и натурные исследования объекта. Окна первого яруса главного фасада заложили, равно как и окна башен первого этажа на боковом фасаде. Изменения в интерьере коснулись и музыкального хора. Оконные проемы между колоннами и пилястрами в нижнем ярусе были заложены, а наверху появилась стена от каменного ограждения хора до самых сводов. Полукруглые ниши так и не были заменены на окна. Верхний ярус башен тоже не был разобран, а лишь был спрятан в полости купола. Благодаря этому сегодня мы с большей достоверностью мо-

¹⁴³ 1 влок равен 21,37 гектара.

¹⁴⁴ В Княжичах действительно находился кармелитский монастырь с деревянными зданиями костела и монастыря (ЦГИА РБ Ф.1781 оп.26 д.1400).

жем восстановить первоначальный вид костела. Войны и период советского атеизма серьезно разрушили памятник архитектуры позднего барокко. Со временем разрушились православные купола и главки, был разобран псевдокупол над третьей травеей, во многих местах обрушилась штукатурка. Практически полностью разрушена правая сакристия. По правой стороне нефа огромная трещина проходит от верха карниза до самых фундаментов. Впрочем, эта трещина еще была задокументирована российскими военными в 1865 г.

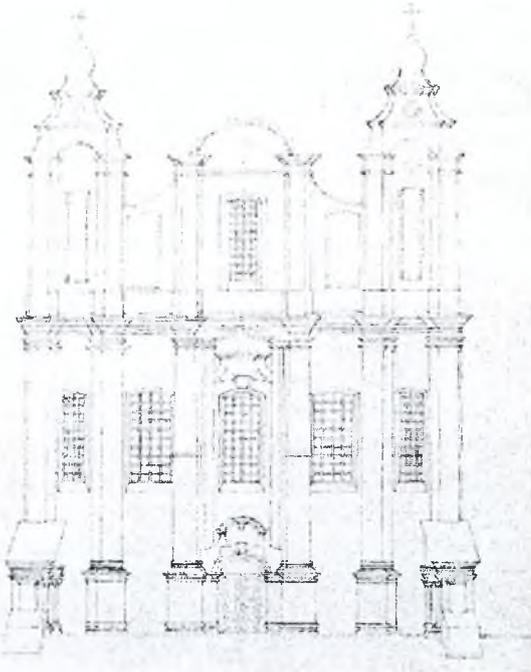

Рисунок 6 – Проект реконструкции костела св. Николая в Княжицах (арх. В.Трацевский, И. Радзевич 2012 г.)

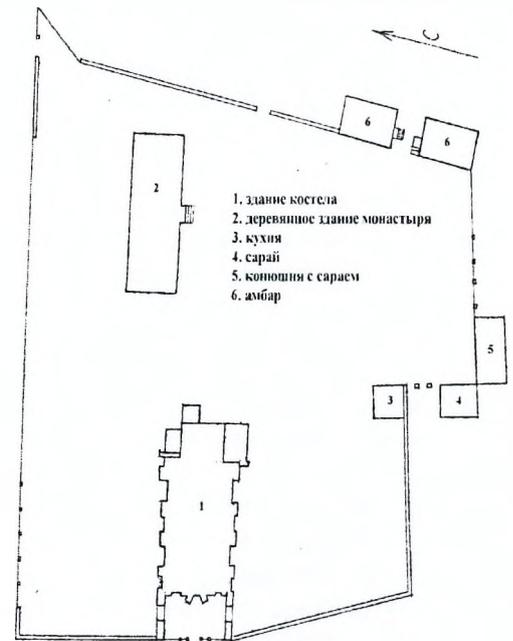

Рисунок 5 – Генплан доминиканского монастыря в Княжицах 1835 г. (по материалам РГВИА ф.348 оп.17 д.3173)

Таким образом, натурные исследования объекта, архивные чертежи и фотоматериалы начала XX - XXI вв. позволяют нам воссоздать первоначальный облик костела бывшего доминиканского монастыря (рис 6). Достаточно схематично выполненные чертежи губернским архитектором Ильей Кидиревым существующего вида фасада на 1869 г. [8], дополненные информацией проекта перестройки 1869 г. [9], с более тщательной детализировкой, позволяют установить, какие элементы главного фасада были в оригинальном его исполнении. Внутри треугольного завершения портала над главным входом сохранилось вмурованное в плоскость стены фигурное завершение с медальоном. Такой же формы круглый медальон находится под карнизом первого яруса. Отвалившаяся штукатурка позволяет нам увидеть ранее существовавший изогнутый карниз, который объединял портал входа, оформленный круглыми колоннами. Аутентичными являются и боковые стены – пропилены, создающие внутренний двор. Наличие их мы можем видеть на генплане 1835 г., они являются, по всей видимости, частью фасада и построены около 1797 г. Эти необычные элементы, вероятнее всего, были построены как своеобразные ворота для прохода на монастырскую территорию.

Костел в Княжицах является уникальной архитектурной ценностью и как памятник Республиканского значения заслуживает восстановления в своем первоначальном облике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Визиты костелов Могилевской епархии 1797,98,99 гг. // РГИА. – Ф. 822. – Оп. 12. – Д. 2589. – С. 177.
2. Габрусь, Т.В. Мураваныя харалы: Сакрал. архітэктурна бел. барока / Т.В.Габрусь. – 2001. - Мн.: Ураджай. – 286 с.
3. Визиты костелов голицкого, витебского, копыского, могилевского, мстиславского, оршанского, рогачевского, сенинского и чаусовского деканата Витебской и Могилевской губернии. 1805г. // ЦГИА РБ – Ф.1781. – Оп.26. – Д.1384. – С. 8.
4. Визиты доминиканских монастырей Витебской и Могилевской губернии 1818 г. // ЦГИА РБ – Ф.1781. – Оп.26. – Д.1396. – С. 21.
5. План и фасад строений упраздненного монастыря кармелитского ордена находящегося в Могилевской губернии в местечке Княжицах // РГВИА – Ф.348. – Оп. 17. – Д. 3173.
6. Дело об осмотре зданий бывших католических монастырей для приспособления их под помещения полковых штабов и др.1832-34 гг. // РГВИА – Ф. 405. – Оп 7. – Д. 2347.
7. Каталіцкія храмы на Беларусі: Энцыкл. давед. / А.М.Кулагін. – Мн. : Бел. энцыкл., 2001. - 215 с.
8. Чертежи бывшего костела в существующем виде, ныне обращенного на православную церковь в местечке Княжицах Могилевской губернии и уезда 1869 г. // РГИА – Ф. 1293. – Оп. 167. – Д. 50.
9. Техническо-строительный комитет МВД. Проект переделки костела в прав. церковь в Княжицах, Могилев. губ. 1869 г. // РГИА – Ф. 1293. – Оп. 167. – Д. 52.

**Список участников
III Международной научно-практической конференции
«Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и
культурно-туристическое использование»**

БНТУ

1. **Морозова Елена Борисовна**
Доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции»
2. **Сергачев Сергей Алексеевич**
Доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой «Архитектура жилых и общественных зданий»
3. **Трацевский Владимир Васильевич**
Кандидат архитектуры, профессор кафедры «Теория и история архитектуры»
4. **Залеская Галина Леонидовна**
Доцент кафедры «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции»
5. **Сысоева Ольга Ивановна**
Доцент кафедры «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции»
6. **Протасова Юлия Александровна**
Кандидат архитектуры, доцент кафедры «Градостроительство»
7. **Колосовская Анастасия Николаевна**
Кандидат архитектуры, доцент кафедры «Теория и история архитектуры»
8. **Лазовская Наталья Александровна**
Кандидат архитектуры, доцент кафедры «Архитектура жилых и общественных зданий»
9. **Нитиевская Елена Евгеньевна**
Кандидат архитектуры, доцент кафедры «Градостроительство»
10. **Мазаник Александра Владимировна**
Кандидат архитектуры, доцент кафедры «Градостроительство»
11. **Лаврецкий Геннадий Александрович**
Кандидат искусствоведения, доцент кафедры «Теория и история архитектуры»
12. **Рачкевич Татьяна Евгеньевна**
Старший преподаватель кафедры «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции»
13. **Белова Ольга Васильевна**
Старший преподаватель кафедры «Дизайн архитектурной среды»
14. **Ожешковская Ирина Николаевна**
Старший преподаватель кафедры «Теория и история архитектуры»
15. **Асташенок Лариса Сергеевна**
Ассистент кафедры «Теория и история архитектуры»
16. **Ивкина Екатерина**
Магистрант кафедры «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции»
17. **Киселева Марина Сергеевна**
Аспирант кафедры «Архитектура жилых и общественных зданий»
18. **Купрейчик Лариса**
Аспирант кафедры «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции»
19. **Савельев Дмитрий Викторович**
Аспирант кафедры «Теория и история архитектуры»
20. **Радзевич Ирэна Романовна**
Ассистент кафедры «Теория и история архитектуры»
21. **Шидловская Любовь Алексеевна**
Соискатель кафедры «Градостроительство»
22. **Лаврецкий Никита Геннадьевич**
Архитектор
23. **Колесников Антон Валерьевич**
Студент 5 курса архитектурного факультета

БелГУТ

24. **Малков Игорь Георгиевич**
Доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой «Архитектура»
25. **Пацкевич Алла Владимировна**
Старший преподаватель кафедры «Архитектура»

26. **Пацкевич Юрий Иосифович**
Соискатель кафедры «Архитектура»
27. **Пузеев Алексей Александрович**
Аспирант кафедры «Архитектура»
МАРХИ
28. **Череди́на Ирина Семеновна**
Кандидат архитектуры, доцент, профессор кафедры «Советская и зарубежная современная архитектура»

РЕСПУБЛИКА ПОЛЬША

29. **Кожар Нина Владимировна**
Доктор архитектуры, профессор, профессор кафедры «Архитектура» Ченстоховской политехники
30. **Устинович Ежи Романович**
Архитектор, доктор наук, профессор, заведующий кафедрой «Архитектура локальных культур» Белостокской политехники, директор Рабочей программы Международного союза архитекторов (МСА)
31. **Райчик Марлена Генриховна**
Доктор технических наук, заведующая кафедрой «Архитектура» Ченстоховской политехники
32. **Морозов Валерий Францевич**
Доктор архитектуры, профессор Белостокской политехники
33. **Piotr Trojnieł**
Asystent, mgr. inż., architekt, wydział architektury Białostockiej politechniki
34. **Adam Musiuk**
Adiunkt, dr. inż., wydział architektury Białostockiej politechniki

БГУ

35. **Клицунова Валерия Анатольевна**
Председатель Правления Белорусского общественного объединения «Отдых в деревне», кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры «Международный туризм» факультета международных отношений БГУ
36. **Морозов Евгений Валерьевич**
Кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусств

ОО «БЕЛНИИГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА»

37. **Власюк Николай Николаевич**
Кандидат архитектуры, доцент, заместитель директора по науке УП «БелНИИГрадостроительства», заместитель председателя ОО БСА

БрГТУ

38. **Басов Сергей Владимирович**
Кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой «Инженерная экология и химия»
39. **Босак Виктор Николаевич**
Кандидат биологических наук, доцент кафедры «Инженерная экология и химия»
40. **Тур Эллина Аркадьевна**
Кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Инженерная экология и химия»
41. **Гладыщук Анатолий Антонович**
Кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой «Физики»
42. **Мощук Анатолий Васильевич**
Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Социально-политические науки»
43. **Ковальчук Валерий Евгеньевич**
Доцент кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»
44. **Ширяева Лариса Алексеевна**
Доцент кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»
45. **Воробей Владимир Александрович**
Доцент кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»
46. **Фоменкова Светлана Федоровна**
Доцент кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»
47. **Панченко Татьяна Александровна**
И.о. зав. кафедрой «Архитектурное проектирование и рисунок»
48. **Коняев Николай Викторович**
Доцент кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»

49. **Ондра Тамара Викторовна**
Старший преподаватель кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»
50. **Мисиюк Виктор Сергеевич**
Старший преподаватель кафедры «Философия»
51. **Кароза Анна Игоревна**
Ассистент кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»
52. **Коняев Павел Николаевич**
Ассистент кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»
53. **Давидюк Элла Александровна**
Ассистент кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»
54. **Лукьяненко Алеся Викторовна**
Ассистент кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»
55. **Желудко Анатолий Иванович**
Ассистент кафедры «Архитектурное проектирование и рисунок»
56. **Никитчик Анатолий Данилович**
Инженер редакционно-издательского отдела
57. **Никитчик Татьяна Анатольевна**
Студентка 3-го курса строительного факультета

Иные организации

58. **Муха Екатерина**
Архитектор
59. **Макаревич Леонид Васильевич**
Заслуженный архитектор Республики Беларусь